

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 Том 28 № 1

doi: 10.22363/2313-2337-2024-28-1

http://journals.rudn.ru/law

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,

доктор юридических наук, профессор,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Руководство производством журнала,

техническое и организационное

обеспечение, формирование редакционной

политики, взаимодействие и контакты

с партнерами и официальными структурами.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,

доктор юридических наук,

профессор, РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Научная политика, организация

отбора статей, качество

публикуемых материалов,

формирование выпусков.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Андреева Полина Николаевна,

кандидат юридических наук,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Переписка с авторами,

документооборот журнала,

информационная инфраструктура

журнала, организация

рецензирования материалов.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зеинуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансарова Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагोटупулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почакаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пьетробон Александра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2313-2337 (print), ISSN 2408-9001 (online)

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)*, *ПИИЦ*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *East View*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учёными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы: *И.А. Гроник, К.В. Зенкин*

Редактор-переводчик *В.В. Степанова*

Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16;

e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 15.01.2024. Выход в свет 15.03.2024.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,4. Тираж 500 экз. Заказ 12. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2024

RUDN JOURNAL OF LAW

2024 VOLUME 28 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Polina N. Andreeva,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhansarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobbon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (print), ISSN 2408-9001 (online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors: *I.A. Gronic, K.V. Zenkin*

Editor-translator: *V.V. Stepanova*

Computer design: *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Малько А.В., Липинский Д.А., Иванов А.А., Маркунин Р.С. Юридическая аномия как фактор снижения эффективности правотворческой деятельности	7
Ярошук И.А. Метафорическая модель семантизации идей права	29
Рааб Р.С. Два типа юриспруденции с точки зрения критического рационализма	44
Али Джихад А.Р. Парламентский контроль в Ираке: история и современность	63

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дюсюпова А.Д. Правовое регулирование общинного землевладения в Российской империи второй половины XIX – начала XX века	80
---	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Beliakovich E.V. Units of time used in calculating administrative and procedural time limits. Trans. into Engl. by A.D. Shapovalova (Белякович Е.В. Единицы времени в исчислении административно-процессуальных сроков / пер. на англ. А.Д. Шаповаловой)	95
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Михалева Т.Н., Фролова Е.Е. Об односторонних принудительных мерах в отношении Кубы, вторичных санкциях и «ползущей» экстерриториальной юрисдикции	119
Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенной супругами в период брака, при жизни супругов и после смерти одного из супругов	145
Лаптев В.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества	163

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Шерстобоев О.Н., Михеева И.В. Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания	178
Скрипченко Н.Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения	196

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

Черных И.А., Гугунский Д.А., Солнцев А.М. Влияние эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового регулирования деятельности на Луне	215
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Михеева Ц.Ц. Обзор научно-методологического семинара «Публичная власть и право кочевых цивилизаций»	231
Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Обзор Международного научного юридического форума памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» 13 октября 2023 года	242
Комлев Е.Ю. Актуальные вопросы правового регулирования в энергетической сфере в условиях секторальных санкций: обзор Всероссийской научно-практической конференции	250
Андреева П.Н. Рейтинги ученых-правоведов и журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки».	255

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

Aleksander V. Malko, Dmitry A. Lipinsky, Aleksandr A. Ivanov, Roman S. Markunin. Legal anomie as a factor in reducing effectiveness of law-making activities	7
Inna A. Yaroshchuk. Metaphorical model of semantization of ideas of law	29
Ruslan S. Raab. Two types of jurisprudence from a perspective of critical rationalism	44
Ali Jihad A.R. History and current state of parliamentary oversight in Iraq	63

HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

Almagul D. Dyusyupova. Legal regulation of communal land ownership in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries	80
---	----

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

Beliakovich E.V. Units of time used in calculating administrative and procedural time limits. Transl. into Eng. by A.D. Shapovalova	95
--	----

CIVIL LAW

Tatsiana N. Mikhaliova, Evgenia E. Frolova. Unilateral coercive measures against Cuba, secondary sanctions and “crawling” extraterritorial jurisdiction	119
Natalia V. Kozlova, Sophia Yu. Filippova. The legal regime of the share in the authorized capital of a limited liability company acquired by spouses during marriage, during the life of the spouses and after the death of one of the spouses	145
Vasiliy A. Laptev. Subsidiary liability of controlling persons for obligations of a company excluded from the Unified State Register of Legal Entities	163

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

Oleg N. Sherstoboev, Irina V. Mikheeva. Information technologies in judicial process: opportunities of artificial intelligence in evidence system	178
Nina Yu. Skripchenko. The use of information and telecommunication networks for criminal purposes: regulatory accounting and prospects for expanding criminal law authority	196

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

Irina A. Chernykh, Denis A. Gugunskiy, and Alexander M. Solntsev. The Impact of Epistemic Communities on the Development of Future International Legal Regulation of Lunar Activities	215
--	-----

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Tsybik Ts. Mikheeva. Review of the scientific and methodological seminar Public Authority and the Law of Nomadic Peoples	231
Ekaterina P. Rusakova, Evgenia E. Frolova. Review of the International Scientific Legal Forum in memory of V.K. Puchinsky “Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world”, 13th October 2023	242
Evgeny Y. Komlev. Current issues of legal regulation in the energy sector under the conditions of sectoral sanctions: review of the All-Russian Scientific and Practical Conference	250
Polina N. Andreeva. Ratings of legal scholars and RUDN Journal of Law	255

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-7-28>
EDN: PMLSLC

Научная статья / Research Article

Юридическая анония как фактор снижения эффективности правотворческой деятельности

А.В. Малько , Д.А. Липинский ✉, А.А. Иванов , Р.С. Маркунин

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
✉ dmitri8@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема юридической анонии через призму внесения изменений в действующее российское законодательство. Отмечено, что в кризисных ситуациях развития общества подобного рода изменения могут быть объяснены как потребностью урегулировать новые общественные отношения, так и развитием анонии, проникающей в структуру государственного управления. Анализируется характеристика субъекта законодательной инициативы через проявление правового идеализма. Используется метод сопоставления количества изменений, вносимых в различные нормативные акты, что позволяет прийти к выводу о частом отсутствии системности в действиях законодателя. Отмечено, что законодательство, касающееся различных сфер правового регулирования, изменяется различным образом. В качестве примера рационального внесения изменений приводится конституционное законодательство, делается вывод, что от периодических внесений поправок в закон необходимо перейти к научно-обоснованному проведению правовых реформ, в рамках осуществления которых вносимые в закон дополнения должны характеризоваться системностью. Одна из ведущих ролей в преодолении деструктивных процессов в развитии отечественного законодательства отводится Конституционному Суду РФ. Делается вывод, что процесс внесения изменений в законодательство и его динамика имеет определенную историческую связь с развитием состояния юридической анонии в обществе. Различная активность в сфере разработки новых законопроектов, свойственная различным участникам законотворческого процесса, может свидетельствовать о том, что уровень анонии является неодинаковым в различных органах власти и на разных уровнях государственного управления. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей реализации права законодательной инициативы представительными органами субъектов Российской Федерации. Распространение юридической анонии в законотворческом процессе Российской Федерации представляет собой одно из наиболее опасных явлений, оно самым деструктивным образом влияет на эффективность правоприменения и правосудия.

© Малько А.В., Липинский Д.А., Иванов А.А., Маркунин Р.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: изменения в законодательстве, качество законотворчества, реформирование права

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Липинский Д.А.* – идея, формулирование основных направлений исследования, написание статьи, формулирование итоговых выводов, научное редактирование текста; *Малько А.В.* – разработка теоретических предпосылок, написание статьи, формулирование общих выводов; *Иванов А.А.* – сбор и обработка материала, написание статьи, формулирование общих выводов; *Маркунин Р.С.* – сбор и обработка материала, анализ научной литературы по теме исследования, доработка текста статьи.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Поступила в редакцию: 03 июля 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Малько А.В., Липинский Д.А., Иванов А.А., Маркунин Р.С. Юридическая аномия как фактор снижения эффективности правотворческой деятельности // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 7–28. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-7-28>

Legal anomie as a factor in reducing effectiveness of law-making activities

Aleksander V. Malko , **Dmitry A. Lipinsky** ,
Aleksandr A. Ivanov , **Roman S. Markunin**

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation

 dmitri8@yandex.ru

Abstract. The article investigates the issue of legal anomie through the prism of amendments to the current Russian legislation. It is noted that in critical situations of society development, such changes can be explained both by the need to regulate new social relations and by the development of anomie penetrating into the structure of public administration. The article analyzes characteristic of the subject of legislative initiative through manifestation of legal idealism. The method of comparing the number of amendments introduced to various regulations is applied, which allows to conclude that there is a frequent lack of consistency in legislator's actions. It is noted that legislation concerning various spheres of legal regulation changes in different ways. Constitutional legislation is given as an example of rational amendments. It is concluded essential to move from periodic changes in the law to scientifically based legal reforms, within the framework of which the amendments to the law should be characterized by consistency and systematicity. The leading role in overcoming destructive processes in the development of domestic legislation is assigned to the Constitutional Court of the Russian Federation. It is concluded that the process of amending legislation and its dynamics has a certain historical connection with the development of legal anomie in society. The different activity in the development of new bills, which is characteristic of different participants in the legislative process, may indicate that the level of anomie is not the same in different authorities and at different levels of public administration. Particular attention is paid to consideration of the specifics of implementing the right of legislative initiative by the representative bodies of the constituents of the Russian Federation. The spread of legal anomie in the legislative process is one of the most dangerous phenomena in the legal system; it has the most destructive impact on the effectiveness of law enforcement and justice.

Key words: amendments to legislation, quality of lawmaking, law reform

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Lipinsky D.A.* – idea, formulation of the main directions of research, drafting an article, formulation of final conclusions, scientific editing of the text; *Malko A.V.* – development of theoretical prerequisites, drafting an article, formulation of general conclusions; *Ivanov A.A.* – collecting and processing of material, drafting an article, formulation of general conclusions; *Markunin R.S.* – collecting and processing material, analysis of scientific literature on the research topic, revision of the text of the article.

Funding. The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Received: 03rd July 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Malko, A.V., Lipinsky, D.A., Ivanov, A.A., Markunin, R.S. (2024) Legal anomie as a factor in reducing effectiveness of law-making activities. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 7–28. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-7-28>

Введение

Прежде всего необходимо определиться с терминологией, которую мы в ней будем употреблять, чтобы у читателей не возникало вопросов. Так, общеизвестно, что аномия в буквальном значении означает безнормие, но подобное ее понимание носит самый упрощенный характер. Формально правовые нормы могут быть закреплены в нормативном правовом акте, но быть противоречивыми или может отсутствовать сам механизм их реализации. Современная практика правового регулирования свидетельствует и о том, что многие общественные отношения чрезмерно зарегламентированы при помощи правовых норм, что в свою очередь порождает отсутствие восприятия правовых предписаний и их выполнение. Во многом этому способствуют бесконечные поправки, дополнения и изменения, которые вносятся в существующую систему законодательства. При этом многие из них не являются социально обусловленными, противоречат целям нормативного правового акта, а в итоге искажают его первоначальный смысл. Поэтому безнормие – это только одна сторона медали, означающая отсутствие правовых норм, направленных на урегулирование общественных отношений, нуждающихся в таком регулировании. Существует и другая сторона «медали» – противоречивость правовых норм, их избыточность, закрепление в последних требований, которые практически невыполнимы. Все это приводит к «хаосу» в правовом регулировании, отсутствию восприятия правовых норм, а в итоге к безнормию при формальном наличии норм права. Поэтому мы и вводим понятие аномичного закона и аномичной деятельности как правоприменителя, так и законодателя.

Во вводной части статьи также необходимо указать, что повышение качества законотворческой деятельности является проблемой, которая всегда интересовала правоведов, что нашло свое выражение в формулировании теоретических моделей механизмов правотворчества. В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации¹ была поставлена задача построения в России социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.

жизнь и свободное развитие человека. Именно в этом можно видеть общую цель социального развития, которая поставлена, в том числе и перед законодателями, разрабатывающими проекты улучшения отечественной правовой системы. Например, по состоянию на середину июня 2023 года в первом или втором чтении на рассмотрении Государственной Думы находится 110 законопроектов², которые могут содержать нормы, предусматривающие основания, порядок или условия предоставления отдельным категориям граждан мер социальной поддержки (все данные, касающиеся количества законопроектов, приведенные в настоящем исследовании, будут приводиться в соответствии с сайтом «Система обеспечения законодательной деятельности»³ по состоянию на 15 июня 2023 года).

Столь большое количество изменений, единовременно вносимых в одну из отраслей отечественного законодательства (в данном случае в право социального обеспечения), призванное повысить степень обеспечения прав человека и упорядоченности регулирования соответствующих общественных отношений часто может иметь обратный эффект, что обусловлено как изначальным несовершенством принимаемых нормативных актов, так и их излишним количеством, затрудняющим реализацию соответствующих положений в практической деятельности органов государственной власти.

Как это было отмечено одним из основоположников теории аномии Р.К. Мертоном: «недостаточность координации ведет к аномии. Поскольку одной из наиболее общих функций социальной организации является создание основы для прогнозируемого и регулируемого поведения людей, эффективность этой функции все более ограничивается по мере того, как разъединяются указанные элементы социальной структуры. В крайних случаях прогнозируемость полностью исчезает и наступает то, что с полным основанием можно назвать культурным хаосом или аномией» (Merton, 1938).

Как отмечает А.Б. Гофман, аномия – это «состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились (Hoffman, 2008:205). Как указывает She B., аномическое поведение относится к неупорядоченному социальному явлению, вызванному аномическим состоянием действующего законодательства в процессе трансформации новой и старой системы страны (She, 2022). Его исследование позволяет понять нарушения закона и психосоциальное несоответствие его требованиям (Zanatta et al., 2019). Аномия также может быть определена как нестабильность, возникающая в результате нарушения порядка, обеспеченного нормами (Braithwaite, Braithwaite, Cookson & Dunn, 2010).

С точки зрения Дюркгейма, аномия является качеством, которое свойственно исключительно кризисным периодам в развитии общества. Сколько-нибудь длительный период стабильности естественным образом приводит к формированию свода правил между взаимодействующими субъектами и последующему урегулированию

² Законопроекты, которые могут содержать нормы, предусматривающие основания, и (или) порядок, и (или) условия предоставления отдельным категориям граждан мер социальной поддержки, для реализации которых необходимо принятие нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/stat/socBlock> (дата обращения: 15.06.2023).

³ Система обеспечения законодательной деятельности. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 15.06.2023).

отношений между ними (Durkheim, 1996). Таким образом, аномия может рассматриваться как явление, непрерывно в обществе возникающее, но также и непрерывно обществом преодолеваемое за счет естественной самоорганизации лиц, вынужденных устанавливать социальные связи между собой и урегулировать отношения посредством соответствующих правовых механизмов, понимаемых Э. Дюркгеймом именно в качестве писанных юридических норм.

Изменения как показатель аномичности российского права

Исследование отечественного права в историческом разрезе позволяет заметить, что активизация правотворческой деятельности всегда была связана с определенным рода кризисными явлениями в общественно-политической жизни. Так, в несколько раз возросло принимаемое количество нормативных актов в эпоху преобразований Петра I, были сформированы новые отрасли отечественного законодательства по итогам как первой (1905–1907 гг.), так и февральской и октябрьской революций 1917 года, похожие процессы наблюдались в момент распада СССР и становления новой российской государственности в 1990–1993 годах.

Например, как пишет А.Б. Каменский, то, что позднее стали называть «петровскими преобразованиями», начиналось как поток многочисленных указов царя, касавшихся самых различных сфер жизни страны (Kamenskii (ed.), 2010:16). Одна из гипотез относительно феномена петровских реформ связана с представлениями о предшествующим им кризисе традиционализма, позволившим осуществить столь масштабные преобразования практически без борьбы с существующей политической элитой (Kamenskii, 2016:26); говоря другими словами, к этому времени в обществе была сформирована ситуация юридической аномии, установившееся в обществе безнормие могло быть без особых препятствий заполнено посредством активной правотворческой деятельности царя-реформатора.

Подобным образом развивались события и в иные кризисные периоды в истории России, хотя формы проявления юридической аномии каждый раз были различны. В качестве выражения данного явления можно рассматривать, например, использование «революционного правосознания» при вынесении решений в первые годы советской власти или «войну законов», возникшую в период после распада СССР. Аномия подрывала общее правовое пространство страны, парадоксальным образом большое количество принимаемых в это время нормативных актов породило беззаконие в жизни общества. Таким образом, можно считать установленным, что увеличение количества принимаемых государством нормативно-правовых актов выступает следствием кризиса, который переживает соответствующее общество. Однако подобного рода кризис обуславливает также и состояние аномии, что позволяет соотнести данное понятие с ускорением правотворческой деятельности. В связи с чем возникает вопрос: является ли подобного рода правотворческая деятельность следствием аномии либо же напротив множество принимаемых и изменяемых нормативно правовых актов обуславливают ее рост? В данном случае считаем, что здесь можно говорить о взаимозависимости названных явлений.

В этом аспекте заслуживает поддержки точка зрения Г.Н. Аксеновой, в соответствии с которой «правовой идеализм представляет собой гипертрофированное понимание роли юридических средств, он проявляется в конвейерном печатании законодательных актов без учета реалий общественных отношений» (Aksenova, 2020:8). Проблема здесь заключается в том, что стремление к стабильности закона не может

служить оправданием для того, чтобы сохранять в законодательстве несовершенные или устаревшие нормы, с другой стороны, неоправданно частые изменения, отсутствие постоянства в правовом регулировании наносят ущерб стройности и стабильности системы законодательства (Petrov & Kokhan, 2014), приводят к расширению или сужению нормативного содержания, его нейтрализации или замещению.

Предостерегая от необоснованных нормативных изменений в данном случае, необходимо подчеркнуть, что закон не должен быть неизменным, нужно находить «золотую середину». Так, анализ зарубежной научной литературы показывает, что, в соответствии с решениями, например, итальянских судов, регулирующие полномочия государств не являются абсолютными, а радикальные законодательные изменения могут нарушить обязательства по защите инвестиций (Fernando Dias Simões, 2017), стабильные «правила игры» являются ключом к надлежащему функционированию внутренних рынков (Voute, 2012). Одновременно при этом, критикуется стабильность закона КНР, что объясняется вторичной ролью права в решении многих наиболее сложных проблем, возникающих в результате быстрой социальной трансформации Китая и рассматривается как отход от права в целом (Liebman, 2014).

Некоторыми учеными высказываются даже мысли о том, что в современных условиях невозможно достичь сочетания принципов стабильности и динамичности законодательства, но подобные воззрения представляются излишне пессимистичными. Так, гарантией стабильности в сфере нормативного регулирования выступает сам Основной закон, а что касается количества и качества вносимых в правовую систему изменений, целесообразным было бы сформировать механизмы их научной экспертизы на предмет обоснованности, системности и согласованности друг с другом (Zhuravlev, 2008).

Российскую правовую систему критикуют именно за частые изменения ключевых сфер нормативного регулирования. В некоторых случаях это действительно так. Например, Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ⁴ и часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ⁵) менялся 322 раза, а в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁶ изменения вносились 139 раз. Отметим также, что перечень федеральных законов, подписанных Президентом Российской Федерации в текущем созыве Государственной Думы, включает в свой состав 1058 наименований (первое заседание нового созыва состоялось 12 октября 2021 года)⁷. В основном, речь в данном случае идет не о принципиально новых законах, а о внесении изменений в законы уже существующие.

При этом необходимо учитывать и то обстоятельство, что в ряде случаев изменения, вносимые в закон в рамках принятия одного акта, носят масштабный характер

⁴ Часть первая Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3824.

⁵ Часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 августа 2000 г. № 32 ст. 3340.

⁶ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40 ст. 3822.

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности. Объекты законотворчества. Законопроекты. Режим доступа: [https://sozd.duma.gov.ru/oz?b\[IsArchive\]\[\]=cnv-8&b\[ExistsDecisions\]\[\]=8.1.1&b\[ClassOfTheObjectLawmakingId\]=1&#data_source_tab_b](https://sozd.duma.gov.ru/oz?b[IsArchive][]=cnv-8&b[ExistsDecisions][]=8.1.1&b[ClassOfTheObjectLawmakingId]=1&#data_source_tab_b) (дата обращения 23.06.2023).

(в частности, поправки, внесенные в Уголовный кодекс РФ⁸ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ⁹ предполагали изменение или дополнение 226 его статей, что соизмеримо с общим количеством статей в данном нормативном акте). Столь кардинальное реформирование нормативного регулирования какой бы то не было сферы общественных отношений можно приравнять к замене существующего новым нормативным правовым актом, на которую законодатель не пошел по каким-то причинам. Вместе с тем внесение столь большого количества дополнений и поправок в текст закона разрушает присущее ему качество системности, ведет к деградации первоначальных идей, которыми руководствовались авторы соответствующего проекта. В связи с этим предполагается различать собственно изменения законодательства, направленные на решение какого бы то не было частного вопроса и «правовые реформы», которые могут быть рассмотрены как «процесс преобразования правовой системы страны, затрагивающий правотворчество, правовой массив, правопонимание, правоприменение, которые предшествуют или следуют за реформированием социальной сферы и должно иметь цель качественное улучшение жизни большинства членов общества» (Dorskaya, 2014:10).

Большинством исследователей анализируется только сам характер производимых поправок (рассматривается старая и новая версия соответствующей правовой нормы). Реже делается попытка дать оценку подобного рода дополнениям с точки зрения интересов соответствующей правоприменительной практики. В рамках данного исследования будет сделана попытка оценить саму сущность юридического факта изменения законодательства, значения их частоты для процессов формирования правовой культуры и ситуации юридической аномии в обществе.

Как пишет О.А. Лупандина, избыточность нормативно-правовой деятельности – понятие относительное и многогранное, раскрыть его можно только через сопоставление с соотносительными ему понятиями (содержательность и т.д.). Здесь возникает вопрос о субъекте регулирования, точнее о его возможностях восприятия правовой информации. Далеко не всегда избыточность соответствует потребительской нагрузке документа и не всегда является синонимом полезной информации (Lupandina, 1998:115). К.С. Щелоков в отношении избыточности правового регулирования предложил использование термина «бюрократизация права» (Shchelokov, 2010:23).

В данном случае мы сталкиваемся в определенном смысле этого слова с замкнутым кругом: чем больше нормативных актов разрабатывает законодатель, пытаясь улучшить правовое регулирование, тем более сложной становится данная сфера для непосредственного правоприменителя. Даже в том случае, если изменения нормативных правовых актов носят «удачный» или «нейтральный» характер, само по себе большое количество вносимых в них поправок в значительной степени осложняет работу специализированных структур, поскольку им требуется выработать новые методические рекомендации, регламентирующие порядок их деятельности в изменившихся условиях; очень часто корректировка законодательства требует также наработки новой судебной практики, таким образом, а подобного рода процессы обычно характеризуются большой инерцией.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

⁹ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 декабря 2003 г. № 50 ст. 4848.

В качестве хрестоматийного примера парадоксального и бессистемного характера некоторых поправок, свидетельствующего о состоянии юридической аномии законодателя, можно указать на некоторые аспекты правовой реформы отечественного гражданского права, осуществленной Федеральным законом от 30.12.2012 №302-ФЗ¹⁰, который повлиял на нормативное регулирование практически всей частноправовой сферы. Данный акт, в частности, отменил правило о регистрации договора аренды недвижимости с 01.03.2013. Вскоре, однако, был принят Федеральный закон от 04.03.2013 № 21-ФЗ¹¹, отменивший ранее введенную норму; с даты принятия этого Закона регистрация договора недвижимости в России возобновились. Оригинальность соответствующей поправки проявляется в том, что не требуется регистрация договоров недвижимости, если в них проставлена дата заключения 2 или 3 марта 2013 года – в данные два дня правило о регистрации договора в России не действовало. Понятно, что подобного рода поправки не могут повысить уважение и доверие граждан к правовой системе государства.

Логичным будет предположить, что до некоторой степени на частоту вносимых дополнений в тот или иной нормативный правовой акт может влиять его объем и наличие различных сфер регулирования. Например, так это произошло в отношении Гражданского кодекса Российской Федерации, регламентирующего очень различные общественные отношения. Специфическим является сам процесс принятия данного нормативного правового акта. Так, четыре его части принимались отдельными федеральными законами. Ожидать частое внесение дополнений в данный нормативный акт будет естественным. В значительной степени подобного рода поправки обусловлены изменением социально-экономических процессов, которые данный закон призван урегулировать. В структуре российского законодательства, однако существует и большое количество иных нормативных правовых актов, которые посвящены регулированию узкой группы общественных отношений, а количество вносимых в них поправок будет не меньшим, чем изменений в более масштабные нормативные правовые акты. Прямая зависимость здесь, таким образом, отсутствует.

Например, в довольно незначительный по объему Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹², содержащий пять статей, изменения вносились законодателем пять раз (изменены и дополнены статьи 2–5). Сравнимое с указанным законом по объему и относимое к числу наиболее старых действующих нормативных актов Российской Федерации Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 «О введении в действие положения о переводном и простом векселе»¹³ не менялось ни разу. Ни разу не менялся и

¹⁰ Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I) ст. 7627.

¹¹ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 4 марта 2013 г. № 9 ст. 873.

¹² Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 20 июля 2009 г. № 29 ст. 3609.

¹³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 «О введении в действие положения о переводном и простом векселе» // *Свод Законов СССР, том 5, стр. 586, СЗ СССР, 1937 г., № 52, отдел первый, ст. 221.*

Федеральный закон от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе»¹⁴. Это позволяет прийти к выводу, что количество поправок, вносимых в нормативные правовые акты, зависит, скорее, не от их объема, а от соответствующей сферы правового регулирования.

Воспользуемся методом парных сравнений для обнаружения сфер законодательной деятельности, в наибольшей степени подверженных внесению изменений и дополнений в действующие нормативные акты.

Так, в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ¹⁵ за все время его существования законодателем изменения вносились 195 раз (то есть в среднем каждый пятьдесят первый день). В значительно больший по объему Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ¹⁶, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ¹⁷, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ¹⁸ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ¹⁹) – 161 раз (то есть в среднем раз в шестьдесят пять дней).

В связи с проведением процессуальной реформы в начале нулевых годов почти одновременно был разработан ряд процессуальных законов. В Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ²⁰ изменения вносились 100 раз (в среднем одна поправка раз в 77 дней), тогда как в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ²¹ было внесено 187 изменений (то есть средняя частота внесения изменений составляет 42 дня).

Еще более часто менялся Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ²², который содержит в себе нормы как материального, так и процессуального права. В частности, различного рода дополнения и поправки в него вносились 328 раз (то есть средняя продолжительность времени составила 23,8 дня). Например, в декабре 2017 года изменения в данный Кодекс были внесены пять раз (5, 20, 28, 29, 31 числа). О какой бы то не было системности в рамках подобного рода подхода к законотворческой деятельности говорить, конечно, не приходится.

Отметим, что в данном случае можно обнаружить определенного рода тенденцию: в регулировании публичной сферы изменения вносятся чаще, чем в регулирование взаимоотношений частных субъектов. Например, ФЗ от 31 мая 2002 г.

¹⁴ Федеральный закон от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе» // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 марта 1997 г. № 11, ст. 1238.

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

¹⁶ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

¹⁷ Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410.

¹⁸ Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2001 г. № 49 ст. 4552.

¹⁹ Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. № 52 (часть I) ст. 5496.

²⁰ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.

²¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

²² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.

№ 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»²³ менялся 14 раз (в среднем один раз в 549 дней), а ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»²⁴ менялся 72 раза (в среднем один раз в 149 дней).

Наиболее редко изменяются акты, составляющие конституционное законодательство. Так, не имеет к настоящему времени поправок ФЗ от 6 ноября 2020 г. № 4-ФЗ «О Правительстве Российской Федерации»²⁵, лишь восемнадцать раз за почти тридцать лет менялся ФЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»²⁶ и т.д.

Как отмечается по данному поводу в литературе, «естественное право куда намного стабильнее позитивного, что обусловлено такими факторами, как его историчность и общий характер – предельная степень обобщения» (Usenkov, 2022:19–20), выделяется также большая стабильность международного права по сравнению с правом внутригосударственным (Anggadi, 2022).

Это позволяет сделать вывод о том, что чем более общий характер имеет нормативный акт, тем реже он будет меняться. На примере отечественного законодательства о государственной службе можно отметить, что, например, ФЗ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»²⁷ изменялся законодателем только 11 раз, тогда как ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»²⁸ – 77 раз, а ФЗ от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»²⁹ – 130 раз.

Относительно нормативных актов иного характера, то рассматривая акты в сфере государственного управления можно привести такие примеры, как:

– Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»³⁰ – 38 изменений (в среднем одно изменение в 122,7 дней);

– Указ Президента РФ от 23 декабря 2019 г. № 615 «О соотношении специальных званий сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации, классных чинов федеральной государственной гражданской службы, воинских

²³ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 2002 г. № 23 ст. 2102.

²⁴ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., № 8, ст. 366.

²⁵ Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 ноября 2020 г. № 45 ст. 7061.

²⁶ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 июля 1994 г. № 13 ст. 1447.

²⁷ Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 июня 2003 г. № 22 ст. 2063.

²⁸ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2004 г. № 31 ст. 3215.

²⁹ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 марта 1998 г. № 13 ст. 1475.

³⁰ Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 сентября 2010 г. № 37 ст. 4643.

и специальных званий, классных чинов юстиции, классных чинов прокурорских работников»³¹ – 1 изменение (в среднем одно изменение в 902 дня);

– Указ Президента РФ от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»³² – 5 изменений (в среднем одно изменение за 655,6 дней) и др.

Можно прийти к выводу, что количество вносимых в них изменений также значительно, но все же является относительно меньшим, чем количество поправок, вносимых в федеральные законы соотносимой отраслевой принадлежности. Например, если рассмотреть наиболее значимые постановления Правительства Российской Федерации, принимаемые в сфере государственного управления, частота изменений здесь будет следующая:

– Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»³³ – 8 изменений (в среднем одно изменение за 57 дней);

– Постановление Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»³⁴ – 18 изменений (в среднем одно изменение в 328 дней);

– Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти»³⁵ – 32 изменения (в среднем одно изменение за 203 дней) и т.д.

Отметим, что для понимания уровня юридической аномии у законодателя значение может иметь как средний срок между внесением изменений в той или иной нормативный акт, так и срок, прошедший после принятия закона и до внесения в него первого изменения. Представляется, что сравнение соответствующих сроков может позволить сделать определенные выводы о большем или меньшем состоянии юридической аномии в рамках различных сфер правового регулирования.

Самый простой ответ на вопрос о частоте изменений, вносимых в отечественное законодательство, посвященное тому или иному вопросу, может заключаться в изначальном несовершенстве принимаемых законов, которые в последующем законодатель вынужден дорабатывать. Представляется, однако, что подобного рода ответ не полностью раскрывает существо проблемы. Подобным образом невозможно

³¹ Указ Президента РФ от 23 декабря 2019 г. № 615 «О соотношении специальных званий сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации, классных чинов федеральной государственной гражданской службы, воинских и специальных званий, классных чинов юстиции, классных чинов прокурорских работников» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 30 декабря 2019 г. № 52 (часть I) ст. 7931.

³² Указ Президента РФ от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 30 июня 2014 г. № 26 (часть II) ст. 3520.

³³ Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 14 марта 2022 г. № 11 ст. 1715.

³⁴ Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 29 января 2007 г. № 5 ст. 653.

³⁵ Постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 1 августа 2005 г. № 31 ст. 3233.

объяснить, например, почему раз принятые законы, в последующем меняются вновь и вновь – в том случае, если со временем в том или ином акте будут обнаружены определенные противоречия или даже опечатки, что встречается на практике, их все было бы целесообразно исправить в рамках одной поправки. Между тем существуют ситуации, когда отдельные нормативные правовые акты вступают в целые «периоды изменений», в рамках которых в них вносятся поправки несколько раз в месяц на протяжении длительного времени. Кроме повышенной нагрузки на депутатский корпус, подобного рода частота свидетельствует также и о том, что у законодателя отсутствует системное представление о несовершенстве действующего нормативного акта, а вносимые в него поправки имеют ситуативный характер. Кроме того, дополнения во многие нормативные акты начинаются вноситься практически сразу после их принятия, что может свидетельствовать о том, что само принятие соответствующего закона в его конкретной редакции не было должным образом обосновано.

Проанализировав некоторые законы, принимаемые в настоящее время, следует признать, что в ряде случаев срок внесения в них первой поправки представляется оправданным, в частности, в ФЗ от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³⁶ и от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»³⁷ первое изменение было внесено почти через год – 11 июня 2021 г., в ФЗ от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁸ первая поправка была внесена ровно через год после его принятия – 27 декабря 2019 г., а в ФЗ от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»³⁹ на территории Российской Федерации» изменения пока не вносились. Не менее чем годичный срок, прошедший после принятия закона, после истечения которого в него начинают вноситься первые изменения, представляется минимально необходимым для того, чтобы выявить содержащиеся в принятом акте недостатки правового регулирования.

Примером включения в текст закона обоснованных поправок, дополнений и т.п. выступает Конституция Российской Федерации. В связи с тем, что процесс внесения поправок в текст этого нормативного акта максимально затруднен и в любом случае вызывает значительный общественный резонанс, можно с должной долей уверенности отметить, что в текст Основного закона вносятся только те изменения, которых требует сама жизнь. Дополнительным следствием подобных особенностей Конституции РФ является то, что назревшие изменения обычно группируются, приобретая тем самым системный характер. Речь таким образом идет либо об изменениях

³⁶ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5007.

³⁷ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5006.

³⁸ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2018 г. № 53 (часть I) ст. 8424.

³⁹ Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть I) ст. 5064.

«технического характера», либо о проведении правовой (в данном случае конституционной) реформы. «Рядовые» поправки текста закона, так распространенные в отношении иных нормативно правовых актов, в тексте Конституции РФ практически отсутствуют.

В Конституцию Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) изменения технического свойства, связанные с фиксацией в составе Российской Федерации нового субъекта, вносились федеральными конституционными законами десять раз, а связанные с изменением наименования субъекта вносились указами Президента РФ пять раз. Пять раз принимались законы РФ о поправке к Конституции РФ (от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ⁴⁰, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ⁴¹, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ⁴², от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ⁴³, от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ⁴⁴). Таким образом, в среднем законы о поправке к Конституции РФ принимаются примерно раз в шесть лет – период, который, возможно, следует считать оптимальным с точки зрения учета в Основном законе тех социальных преобразований, которые происходят в обществе.

В силу изложенного считаем, что для снижения правотворческой составляющей юридической аномии было бы целесообразно в определенной степени ограничить и усложнить порядок внесения законодательной инициативы, это позволило бы снизить частоту внесения различного рода дополнений в текст действующих нормативных правовых актов, а сами законодательные поправки приобрели бы более системный и проработанный характер.

При этом необходимо иметь в виду также выделяемое на практике различие между изменением и уточнением нормативного правового акта, что нашло свое проявление, например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2022 № 305-ЭС22-11287 по делу № А40-82898/2021⁴⁵, в котором на основании рассмотренного дела высшей судебной инстанцией было отмечено, что «в результате принятия Федерального закона № 137-ФЗ произошло не изменение правового регулирования, а его уточнение». В данном случае представляется, что проблема уточнения нормативного правового

⁴⁰ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 11 ст. 1416.

⁴¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июля 2014 г. № 30 (часть I) ст. 4202.

⁴² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 6 ст. 548.

⁴³ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 января 2009 г. № 1 ст. 2.

⁴⁴ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 января 2009 г. № 1 ст. 1.

⁴⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2022 № 305-ЭС22-11287 по делу № А40-82898/2021. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07102022-n-305-es22-11287-po-delu-n-a40-828982021/?ysclid=lj8iwfxuq044117365> (дата обращения: 23.06.2023).

акта выступает сферой юридической техники, тогда как частые его изменения – это уже в определенной степени аспект, характеризующий юридическую аномию. Несмотря на то, что в своем практическом выражении данные проблемы могут быть похожи, происхождение их носит различный характер. Востребованность уточнения нормативного правового акта в последующем может быть вызвана недостаточной подготовкой правотворца, его неумением в ясных и четких выражениях включить в текст законоположений нужную информацию. Необходимость дополнений нормативного акта часто бывает обусловлена не только потребностью повысить его соответствие изменившимся общественным отношениям, но также и аномичностью сознания законодателя, безнормием, под которым в данном случае может подразумеваться отсутствие учета существующих норм, обладающих большей юридической силой.

О путях преодоления юридической аномии в правотворческой деятельности

Начнем с того, что субъекты, обладающие правом законодательной инициативы, перечислены в статье 104 Конституции Российской Федерации и включают в свой состав Президента РФ, представителей всех трех ветвей власти на федеральном уровне, а также законодательные органы субъектов РФ. Цели соответствующих органов и юридическая компетентность их сотрудников в значительной степени различаются.

Так, в зависимости от субъекта права законодательной инициативы внесение законопроектов в рамках текущего созыва Государственной Думы Федерального Собрания РФ и рассмотрение ей законопроектов из предыдущих созывов можно отобразить следующим образом⁴⁶:

- Президент Российской Федерации – 62 законопроекта (или 1,7 % от общего количества);
- Сенаторы Российской Федерации – 549 законопроектов (или 15 % от общего количества);
- Депутаты Государственной Думы – 1681 законопроектов (или 46,7 % от общего количества);
- Правительство Российской Федерации – 914 законопроектов (или 25,1 % от общего количества);
- Законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации – 408 законопроектов (или 11,2 % от общего количества);
- Конституционный Суд Российской Федерации – 0 законопроектов;
- Верховный Суд Российской Федерации – 27 законопроекта (или 0,7 % от общего количества).

Для того чтобы процесс законотворческой деятельности не характеризовался своей аномичностью, субъекты, разрабатывающие проекты внесения изменений в действующие законодательные акты Российской Федерации, во-первых, должны воспринимать отечественную правовую систему во всей совокупности составляющих ее элементов, а, во-вторых, быть детально осведомлены о нормативных положениях высшей юридической силы, которым подобного рода законопроекты должны соответствовать. Конечно, в отношении большинства субъектов

⁴⁶ Информация по субъектам права законодательной инициативы о прохождении законопроектов и законов в Государственной Думе текущего созыва. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list (дата обращения: 23.06.2023).

законотворческого процесса осуществление подобного рода требований будет обеспечить достаточно сложно.

В качестве механизмов преодоления юридической аномии может рассматриваться, в частности, деятельность прокуратуры в рамках вынесения предписаний об изменении нормативного правового акта. Однако в официальной статистике Генпрокуратуры России количество внесенных таких актов не отражается, судебная практика по делам, связанным с ними, фактически отсутствует (Praskova, 2022:378). В связи с этим более действенным механизмом выступает деятельность Конституционного Суда РФ, который часто ссылается на неопределенность нормативного правового акта в своих постановлениях как на основание его отмены или изменения. Но подобного рода неопределенность в данном случае выступает и в качестве доказательств аномичного характера соответствующего закона⁴⁷.

Весьма многочисленны постановления Конституционного Суда РФ, принимаемые по следующему алгоритму: вышеназванный суд признает положение нормативного правового акта не соответствующим Конституции РФ в силу неопределенности его содержания, предусматривает особый порядок исполнения данного постановления вплоть до момента, когда будут внесены соответствующие изменения. Таким образом, сам факт подобных последующих изменений и в некоторой степени их направленность определяются соответствующим решением Конституционного Суда РФ. В качестве примера указанных актов можно назвать:

- Постановление от 23 декабря 2021 года № 54-П (в отношении неопределенности мер социальной защиты граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС)⁴⁸;
- Постановление от 13 января 2020 года № 1-П (в отношении неопределенности нормативного содержания, не позволяющего определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента)⁴⁹;
- Постановление от 23 июня 2020 года № 28-П (в отношении неопределенности срока, в течении которого лицо считается подвергнутым административному наказанию)⁵⁰;
- Постановление от 5 марта 2020 года № 11-П (в отношении неопределенности условий возмещения убытков, возникших в связи с ограничением прав на землю органами государственной власти)⁵¹;

⁴⁷ О правовой неопределенности подробнее см.: (Vlasenko, 2015).

⁴⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 54-П по делу о проверке конституционности пункта 9 части первой статьи 27-1 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки А.Н. Меджидовой. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112270002?ysclid=lj8jkam45j69374659> (дата обращения: 23.06.2023).

⁴⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 № 1-П по делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001140003?ysclid=lj8jmvazju46003001> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2020 № 28-П по делу о проверке конституционности положений статьи 4.6 и части 1–3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006260017?ysclid=lj8jox574q537284433> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2020 № 11-П по делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса

– Постановление от 19 декабря 2019 года № 41-П (неопределенность нормативного содержания не обеспечивает единообразного понимания налогового законодательства)⁵² и т.д.

В ряде случаев нормативный правовой акт признается неконституционным в связи с тем, что в нем отсутствуют те или иные элементы нормы права. В качестве примера можно указать на Постановление от 23 ноября 2021 года № 50-П⁵³ (не определено лицо, осуществляющее полномочия главы муниципального образования при невозможности избрать главу муниципального образования в разумный срок) или Постановление от 9 июля 2020 года № 34-П⁵⁴ (не закреплены конкретные меры по охране жилого помещения осужденного).

Признанные неконституционными нормативные правовые акты могут также не предусматривать механизмы своей реализации. Так, в Постановлении от 17 ноября 2020 года № 47-П⁵⁵ – это механизм защиты законных интересов религиозной организации после изъятия у нее имущества, в Постановлении от 10 декабря 2019 года № 39-П⁵⁶ – механизм принятия на учет детей репрессированных граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Как считает В.Б. Сычев, к видам осуществляемого Конституционным Судом РФ правотворчества, относится «позитивное» (принятие акта, регулирующего его собственную деятельность), «негативное» (лишение нормы юридической силы в связи

Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003060002?ysclid=lj8jrQqzip445123972> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2019 № 41-П по делу о проверке конституционности подпункта 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Центрального округа. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912240039?ysclid=lj8jshkz7r781973810> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.11.2021 № 50-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А.А. Афиногенова, В.А. Вольского и других. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202111260001?ysclid=lj8ju2ouor304828388> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 34-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007130029?ysclid=lj8jva56dh153243837> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2020 № 47-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011190001?ysclid=lj8jwicig9639892285> (дата обращения 23.06.2023).

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 39-П по делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912120001?ysclid=lj8jxwmwz1690239660> (дата обращения 23.06.2023).

с ее неконституционностью), «корректирующее» (истолкование нормы определенным образом), «интерпретационное» (уточнение нормы), а также дача рекомендаций органам законодательной власти (Sychev, 2021:223). В последнем случае считаем возможным выделить еще один вид правотворчества высшей судебной инстанции, которое может быть обозначено как «делегированное».

Приведем в качестве примера указанного подхода Постановление от 20 декабря 2018 года № 46-П⁵⁷, связанное с признанием неконституционными пункта 40 Правил предоставления коммунальных услуг. Конституционный Суд установил, что до внесения Правительством Российской Федерации надлежащих изменений в правовое регулирование, исчисление подлежащей внесению такими лицами платы за коммунальную услугу по отоплению должно производиться на основе методических рекомендаций по определению объема потребляемой на общедомовые нужды тепловой энергии, которые должны быть утверждены в кратчайшие сроки Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

Решение суда носит характер нормы права, ограниченной временем, необходимым для принятия нормативного акта, регулирующего данный вопрос. Вместе с тем Конституционный Суд РФ также в сущности определяет и существо решения, которое в будущем должно быть принято законодательным органом власти, что проистекает из статьи 80 «Обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решением Конституционного Суда Российской Федерации» ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵⁸.

О зависимости между видами субъектов права законодательной инициативы и уровнем юридической аномии – к постановке проблемы

Участниками законотворческого процесса, имеющими право выступать с законодательной инициативой, выступают отдельные депутаты, сенаторы, а также субъекты Российской Федерации. Наблюдение за законотворческой активностью одних подобного рода субъектов и соответствующей пассивностью других может позволить прийти к определенным выводам относительно феномена юридической аномии в ее приложении к законотворчеству.

Конституционный смысл предоставленного субъектам права законодательной инициативы заключается в необходимости обеспечить совершенствование нормативного материала на федеральном уровне, в связи с чем его реализация представляет собой одну из функций данных органов и должностных лиц. Неосуществление данной функции либо излишнее «увлечение» ее реализацией свидетельствует о дисфункциональности в деятельности соответствующего субъекта, что может быть рассмотрено как одно из проявлений юридической аномии.

⁵⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.12.2018 № 46-П по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобами граждан В.И. Леоновой и Н.Я. Тимофеева. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812250035?ysclid=lj8k08n92531612202> (дата обращения 23.06.2023).

⁵⁸ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 июля 1994 г. № 13 ст. 1447.

Материалы сайта «Система обеспечения законодательной деятельности» позволяют привести следующую статистику по законодательской активности представительных органов власти субъектов Российской Федерации⁵⁹.

Десять представительных органов субъектов РФ, наиболее часто использующих свое право законодательной инициативы на федеральном уровне, включают в свой состав органы законодательной ветви власти Самарской области (319 законодательных инициатив, или 12,4% от общего количества законопроектов, внесенных субъектами РФ); Санкт-Петербурга (200 инициатив, или 7,8% от их общего количества), Республики Башкортостан (175 инициатив, или 6,8% от их общего количества), Вологодской области (100), Оренбургской области (96), Республики Татарстан (85), Московской области (79), Ставропольского края (76), Краснодарского края (70), Саратовской области (69).

В целом, данные регионы можно определить как имеющие развитую индустриальную экономику и столь же развитое сельскохозяйственное производство, а следовательно, и определенные экономические интересы, а также развитый образовательный и научный, а следовательно, и экспертный потенциал, позволяющий им активно реализовывать соответствующую законопроектную деятельность.

С другой стороны, ни разу не выступали с законодательной инициативой на федеральном уровне законодательные органы таких субъектов Российской Федерации, как республики Крым и Тыва, Калининградская, Магаданская и Тюменская области, город Севастополь, по одному разу реализовали право законодательной инициативы представительные органы республик Алтай, Чечня, Псковской области, по два раза парламенты республик Дагестан, Калмыкия, Марий Эл и т.д. Отметим, что многие (но не все) перечисленные представительные органы субъектов РФ относятся к регионам с низкой степенью экономической активности, возможно, что это имеет определенное значение для их желания и возможности участвовать в правотворческой деятельности на федеральном уровне. Фиксация соответствующих особенностей данных регионов может позволить выделить факторы, способствующие как повышенному, так и пониженному участию тех или иных субъектов в законодательской деятельности.

Представляет интерес в данном отношении также и информация о рассмотренных проектах законодательных инициатив отдельными комиссиями Совета законодателей⁶⁰. Наибольшее количество инициатив вносится в комиссию по координации законодательской деятельности и мониторингу законодательства (706), к числу иных относятся комиссии по вопросам социальной политики (397), по аграрно-продовольственной политике, природопользованию и экологии (345), по вопросам экономической и промышленной политики (338), по вопросам межбюджетных отношений и налоговому законодательству (262), по делам Федерации, региональной политике и местному самоуправлению (218), по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству (181), по вопросам законодательного обеспечения

⁵⁹ Информация о проектах законодательных инициатив, внесенных в Совет законодателей законодательными (представительными) органами субъектов РФ по комиссиям. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/szstatistic/allocation> (дата обращения: 23.06.2023).

⁶⁰ Информация о проектах законодательных инициатив, внесенных в Совет законодателей законодательными (представительными) органами субъектов РФ по комиссиям. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/szstatistic/allocation> (дата обращения 23.06.2023).

национальной безопасности и противодействия коррупции (107), по информационной политике, информационным технологиям и инвестициям (34), по образованию и науке (31), по вопросам интеграции Республики Крым и города федерального значения Севастополя в правовую систему Российской Федерации (0), по вопросам международного сотрудничества (0). Следовательно, можно прийти к выводу, что субъекты РФ в плане проявления законодательной активности склонны проявлять более активное участие в правотворческих процессах в тех случаях, когда это обусловлено заинтересованностью в развитии промышленного, аграрного и социального законодательства. Наличие личной заинтересованности и участия в правотворческой деятельности может в данном случае рассматриваться в качестве важнейшего фактора, снижающего уровень юридической аномии в отношении конкретного участника правотворческого процесса.

Считаем, что подобный эффект в данном случае справедливо было бы отнести и к институтам непосредственной демократии, например, к референдуму. В тех случаях, если отдельные нормативные положения будут создаваться непосредственно самими гражданами, то повысится как степень их осведомленности о происходящих в государстве юридических процессах, так и степень вовлеченности в соответствующие процессы, что окажет благотворное влияние в плане снижения уровня юридической аномии.

Заключение

Можно прийти к выводу, что состояние юридической аномии, присутствующее в обществе, в качестве своего непосредственного проявления может в зависимости от ситуации привести как к пассивному бездействию законодателя, в рамках которого не будут приниматься нормативные акты, необходимые для регулирования развивающихся общественных отношений, а регуляция в данном случае будет осуществляться посредством неправовых методов руководства общественной жизнью. С другой стороны, возможна и чрезмерно активная законодательная деятельность, в рамках которой принимаемые нормативные правовые акты не будут соответствовать актам высшей юридической силы либо в них будут содержаться неопределенные положения или в целом будут отсутствовать необходимые для их реализации механизмы. В свою очередь, это негативным образом скажется на системности и согласованности системы права.

Изменения, вносимые в законодательство, тем самым могут быть оправданы необходимостью введения большей упорядоченности в регулирование соответствующих общественных отношений. Важно, однако, избегать необоснованных и слишком частых изменений закона, которые не имеют практического смысла, а лишь приводят к увеличению уровня юридической аномии в обществе.

Не приводят к росту уровня юридической аномии технические изменения нормативного акта, например, указание в нем нового наименования того или иного субъекта РФ, в случае его изменения. Относительно изменений иного рода, то, представляется, что их количество, затрагивающих лишь небольшую часть нормативного акта, должно быть сведено к минимуму. Если социальные отношения изменились таким образом, что внесение соответствующих поправок в нормативный акт является необходимым, то они должны быть проведены по типу правовой реформы. Это вновь поднимает вопрос о научном и экспертном сопровождении процессов разработки новых законопроектов.

Следовательно, юридическая аномия в сфере правотворчества может быть раскрыта посредством таких критериев, как:

- формальный, подразумевающий соответствие принимаемых нормативных актов актам большей юридической силы;
- содержательный, предполагающий отсутствие в нормативном материале неопределенных положений, соблюдение требований его системности.

Следует различать избыточность нормативного материала, которая выступает проявлением правового идеализма, стремления законодателя урегулировать посредством правовых норм отношения, этого не требующие, и избыточность количества изменений в действующем законодательстве, поскольку она, будучи проявлением юридической аномии на стадии правотворчества, провоцирует возникновение юридической аномии уже на стадии правоприменения. Процесс внесения изменений в действующее законодательство должен быть обусловлен объективными факторами (развитием соответствующих общественных отношений), тогда как субъективные факторы (личные взгляды правотворца относительно желательной модели нормативного регулирования) требуется сводить к минимуму.

Определенный уровень юридической аномии – неурегулированности вновь возникающих в обществе общественных отношений – присутствует практически всегда и выступает стимулом для законодательной деятельности. Сама эта деятельность, однако, должна быть свободна от проявлений аномии, характеризоваться конституционностью, определенностью и системностью.

Понятие правовой аномии в сфере законодательной деятельности можно определить как такое ее состояние, которое характеризуется рассогласованностью и неопределенностью издаваемых правовых норм, их несоответствием актам большей юридической силы. Данная разновидность юридической аномии снижает степень доверия населения к издаваемому нормативному материалу, обуславливает пониженную эффективность правового регулирования, в рамках которого отсутствие определенности, несогласованность, частые изменения и неконституционный характер правовых предписаний вносит элемент аномичности уже в правоприменительную практику.

References / Список литературы

- Aksenova, G.N. (2020) The nature of the correlation between legal nihilism and legal idealism. *Russian-Asian Legal Journal*. (2), 3–9. [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.1) (in Russian).
Аксенова Г. Н. Характер соотношения правового нигилизма и правового идеализма // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 3–9. [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.1)
- Anggadi, F. (2022) What states say and do about legal stability and maritime zones, and why it matters. *International and Comparative Law Quarterly*, 71(4), 767–798. <https://doi.org/10.1017/S002058932200032X>
- Boute, A. (2012) The quest for regulatory stability in the EU energy market: An analysis through the prism of legal certainty. *European Law Review*. 37(6), 675–692. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2193904>
- Dorskaya, A.A. (2014) Discussion on the content of the concept of “legal reform”. *Justicia*. (4), 10–17. (in Russian).
Дорская А.А. Дискуссия о содержании понятия «правовая реформа» // Юстиция. 2014. № 4. С. 10–17.
- Durkheim, E. (1996) *On the division of social labor*: translation from French by Hoffman A.B. Moscow, Kanon Publ. (in Russian).
Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: перевод с французского А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 430 с.

- Fernando Dias Simões (2017) Blusun S.A. and others v. Italy: Legal (In)stability and Renewable Energy Investments. *Review of European Community and International Environmental Law*. 26(3), 298–314. <https://doi.org/10.1111/reel.12218>
- Hoffman, A.B. (2008) *Seven lectures on the history of sociology*. Moscow, KDU Publ. (in Russian). Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. 9-е изд. М.: Изд-во КДУ, 2008. 240 с.
- Braithwaite, J, Braithwaite, V, Cookson, M. & Dunn, L. (2010) *Anomie and Violence: Non-truth and reconciliation in Indonesian peacebuilding*. Canberra, The Australian National University E Press. <https://doi.org/10.22459/AV.03.2010>
- Kamenskii, A.B. (ed.). (2010) *Peter the Great. Favorites*. Moscow, Rosspen Publ. (in Russian). Петр Великий. Избранное / под ред. Каменского А.Б. М.: Изд-во Росспэн, 2010. 485 с.
- Kamenskii, A.B. et al. (2016) *Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century: in 4 vols. Vol. 2*. Moscow, Political Encyclopedia Publ. (in Russian). Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. и др. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в: в 4 томах. Т. 2. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 429 с.
- Liebman, B.L. (2014) Legal Reform: China's Law-Stability Paradox. *Daedalus*. 143(2), 96–109. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00275.
- Lupandina, O.A. (1998) On redundancy in regulatory activities. *Izvestia TRTU*. 3(9), 115. (in Russian). Лупандина О.А. Об избыточности в нормативно-правовой деятельности // Известия ТРТУ. 1998. № 3(9). С. 115.
- Merton, R.K. (1938) Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. (3)5, 672–682.
- Petrov, A.A. & Kokhan, M.V. (2014) On the issue of notion and structure of textual modifications of normative legal acts. *Monitoring of law enforcement*. 3(12), 54–60. (in Russian). Петров А.А., Кохан М.В. К вопросу о понятии и структуре текстуальных изменений нормативных правовых актов // Мониторинг правоприменения. 2014. № 3(12). С. 54–60.
- Praskova, S.V. (2022) The prosecutor's requirement to change the regulatory legal act: existing practice and application prospects. *Academic Law Journal*. 23(4), 378–388. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2022.23\(4\).378-388](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2022.23(4).378-388) (in Russian). Праскова С.В. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта: существующая практика и перспективы использования // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 4. С. 378–388. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2022.23\(4\).378-388](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2022.23(4).378-388)
- Shchelokov, K.S. (2010) Bureaucratization of law. *History of the state and law*. (13), 23–25. (in Russian). Щелоков К.С. Бюрократизация права // История государства и права. 2010. № 13. С. 23–25.
- She, B. (2022) Deep Learning-Based Text Emotion Analysis for Legal Anomie. *Front. Psychol*. 13:909157. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.909157>.
- Sychev, V.B. (2021) Content and forms of participation of the Constitutional Court of the Russian Federation in lawmaking. *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right*. 21(2), 223–231. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-2-223-231> (in Russian). Сычев В.Б. Содержание и формы участия Конституционного Суда РФ в правотворчестве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 2. С. 223–231. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-2-223-231>
- Usenkov, I.A. (2022) *Stability of the legislation of the Russian Federation: theoretical and legal research*. Moscow, Rusains Publ. (in Russian). Усенков И.А. Стабильность законодательства Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. М.: Изд-во Русайнс, 2022. 192 с.
- Vlasenko, N.A. (2015) *Problems of legal uncertainty: Course of lectures*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian). Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: ИНФРА-М, 2015. 176 с.
- Zanatta, C., Campos, L.A.M., Moreira, C.B., da Silva, J.C.T., & Souza, M.A. (2020) As leis, o trânsito e o comportamento social dos motoristas. *Lex Humana*. 11(2), 24–36.

Zhuravlev, M.P. (2008) Stability and dynamism of legislation as a condition for ensuring legality in a legal state. *Leningrad Law Journal*. 1(11), 50–59. (in Russian).

Журавлев М.П. Стабильность и динамизм законодательства как условие обеспечения законности в правовом государстве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1(11). С. 50–59.

Сведения об авторах:

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры Конституционное и административное право, главный научный сотрудник, Тольяттинский государственный университет; 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID ID: 0000-0003-3204-9696; ResearcherID: P-4826-2017; SPIN-code: 5306-7069
e-mail: alex25-58@mail.ru

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Конституционное и административное право, главный научный сотрудник, Тольяттинский государственный университет; 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID ID: 0000-0003-1870-069X; ResearcherID: P-3192-2017; SPIN-code: 4145-7652
e-mail: dmitri8@yandex.ru

Иванов Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционное и административное право, старший научный сотрудник, Тольяттинский государственный университет; 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID ID: 0000-0001-6171-7214; ResearcherID: N-8489-2016; SPIN-code: 9535-2068
e-mail: ale_iv@mail.ru

Маркунин Роман Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет; 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID ID: 0000-0001-7308-4848; ResearcherID: M-7788-2016; SPIN-code: 5041-4265
e-mail: markunin88@yahoo.com

About the authors:

Aleksander V. Malko – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Chief Researcher, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., Togliatti, 445020, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0003-3204-9696; ResearcherID: P-4826-2017; SPIN-code: 5306-7069
e-mail: alex25-58@mail.ru

Dmitry A. Lipinsky – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Chief Researcher, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., Togliatti, 445020, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0003-1870-069X; ResearcherID: P-3192-2017; SPIN-code: 4145-7652
e-mail: dmitri8@yandex.ru

Aleksandr A. Ivanov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Senior Researcher, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., Togliatti, 445020, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0001-6171-7214; ResearcherID: N-8489-2016; SPIN-code: 9535-2068
e-mail: ale_iv@mail.ru

Roman S. Markunin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., Togliatti, 445020, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0001-7308-4848; ResearcherID: M-7788-2016; SPIN-code: 5041-4265
e-mail: markunin88@yahoo.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-29-43>
EDN: QLLCIK

Научная статья / Research Article

Метафорическая модель семантизации идей права

И.А. Ярошук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация
[✉ yaroshchuk@bsu.edu.ru](mailto:yaroshchuk@bsu.edu.ru)

Аннотация. Право, как особый род идеального бытия, порождает свою систему идей и смыслов, в вербальной репрезентации которых задействованы не только прямономинативные языковые единицы, но и семантические тропы, а именно, метафора, являющаяся малоизученным лингвистическим феноменом в правовой науке, функционирование которого в языке права многими исследователями отрицается. Однако метафора представляет собой неотъемлемую составляющую природы права, реализованную в его различных источниках. Закрепляясь на глубинных структурах языка, метафора позволяет апеллировать априорными идеями права метафизического уровня, неподвластными рациональной аргументации, которые становятся неотъемлемой частью правовой системы, делая правовой текст понятным и доступным для реципиента. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью исследования метафорических значений правового языка на этапе создания права и интерпретации правовых реалий с применением методов семантического анализа, и в целом – усилением интереса к метафоре, метафорической модели в современной науке, а также недостаточной разработанностью вопросов, связанных с функционированием метафоры в правовом пространстве. Новизна идеи, положенной в основу работы, заключается в применении метафорических моделей для интерпретации правовых текстов. В связи с чем цель настоящей работы – доказать, что метафорические механизмы не чужды языку права, метафорическая модель является одной из самых продуктивных в процессе семантизации идей права. Актуальным оказывается применение лингвистического инструментария, прежде всего методов семантического анализа, в отношении изучения правового языка и языка права в частности. Современный методологический инструментарий лингвистики способен дополнить традиционные методы правовой аргументации и интерпретации, актуализировав их форму и содержание. Основными методами исследования явились лингво-юридический, логико-языковой, методы исторического анализа, контекстуального и мотивационного анализа. Частотность и универсальность механизма метафорического моделирования для языка права, актуализирующего новые функции метафоры.

Ключевые слова: язык права, нормативно-правовой акт, семантика, семантический троп, метафора, мотивационный анализ, символ, метонимия, метафорическое моделирование

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ярошук И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 31 июля 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Ярошук И.А. Метафорическая модель семантизации идей права // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-29-43>

Metaphorical model of semantization of ideas of law

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University, *Belgorod, Russian Federation*

 yaroshchuk@bsu.edu.ru

Abstract. Law as a special kind of ideal being, generates its own system of ideas and meanings, the verbal representation of which involves not only directly nominative linguistic units, but also semantic tropes, namely, metaphor. Metaphor is a little-studied linguistic phenomenon in legal science, whose functioning in the language of law is denied by many researchers. However, metaphor is an integral component of the nature of law, realized in its various sources. Stemmed from the deep structures of language, metaphor allows appealing to a priori ideas of law of metaphysical level, not subject to rational argumentation, which becomes an integral part of the legal system, making the legal text understandable and accessible to the recipient. The relevance of the chosen topic is conditioned by the necessity to study the metaphorical meanings of legal language at the stage of creating law and interpreting legal realities. For this end the author uses the methods of semantic analysis, and, in general, raises interest in metaphor and metaphorical model in modern science, as well as functioning of metaphor in the legal space. The novelty of the idea underlying the paper lies in applying metaphorical models for legal texts interpretation. Therefore, the aim of this paper is to prove that metaphorical mechanisms are not alien to the language of law; metaphorical model is one of the most productive in the process of semantization of ideas of law. In the light of the above, application of linguistic tools, primarily, the methods of semantic analysis, to the study of legal language and the language of law, in particular, is relevant. Modern methodological tools of linguistics are able to supplement the traditional methods of legal argumentation and interpretation, actualizing their form and content. The main methods of the research are the linguistic-legal method, logical-linguistic method, methods of historical, contextual and motivational analysis. Frequency and universality of the mechanism of metaphorical modelling for the language of law, actualize new functions of metaphor.

Key words: language of law, legal act, semantics, semantic trope, metaphor, motivational analysis, symbol, metonymy, metaphorical modelling

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 31st July 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Yaroshchuk, I.A. (2024) Metaphorical model of semantization of ideas of law. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 29–43. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-29-43>

Введение

Проблема формирования и функционирования правового языка, становление и развитие которого обусловлено рамками корреляции формы и содержания норм права, определяет строго избирательный характер системы понятий, лексических

единиц, лежащих в их основе. Язык права как особый лингвистический феномен является актуальным объектом изучения, в современный период приобретающим черты междисциплинарности, исследовательский интерес к которому как со стороны правоведов, так и лингвистов возрастает в геометрической прогрессии. Несмотря на то, что среди ученых нет единого подхода относительно определения данного понятия, язык права был и остается одним из ведущих предметов исследования в трудах А.Ф. Черданцева (Cherdantsev, 2012), А.С. Пиголкина (Pigolkin, 1990), Н.А. Власенко (Vlasenko, 2022), А.Н. Шепелева (Shepelev, 2002), Г.Т. Чернобель (Chernobel, 2017), Е.А. Крюковой (Kryukova, 2003), В. Ю. Туранина (Turanin, 2017), Т.В. Губаевой (Gubaeva, 1996) и др., рассматривающих язык права как с позиции логико-языковой, общелексической организации, терминологической оформленности, так и со стороны особенностей стилевой и синтаксической реализации.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет проблема формирования семантического уровня языка права, что оказывается актуальным как на этапе создания права, так на этапе функционирования и интерпретации понятий, репрезентирующих правовые реалии. Семантизация идей права осуществляется не только посредством прямономинативных языковых единиц, но и слов, конструкций, обладающих метафорической синергетикой, позволяющей воспринимать и понимать сложнейшие, нестандартные неопредмеченные правовые реалии, запуская механизм их функционирования в правовом пространстве.

Исследование семантики языка права производилось в аспекте метафорического моделирования как процесса представления информации о правовых реалиях языковой структурой вторичного лингвосемиозиса – метафорой, которая рассматривается как одна из базовых моделей мышления, обеспечивающих обработку и хранение информации об объектах правового пространства в сознании реципиента (Maslova, 2005:45). При этом под метафорической моделью в данной работе мы понимаем первичную синтезирующую модель мыслительного процесса, выполняющую ведущую роль в переносе знаний из одной понятийной сферы в другую (Mishankina, 2010:44).

В силу относительной новизны термина «метафорическая модель» в науке не сложился еще единый подход к его определению. Истоки данного термина коренятся в русле лингвистической теории, представленной в работе М. Джонсона и Дж. Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем» (Lakoff & Johnson, 2004), авторству которых принадлежит понятие концептуальной метафоры.

Наметившийся в наше время полномасштабный возврат к аристотелевской концепции метафоры как средству мировосприятия и миропонимания (Alefigenko, 2009:168) во многом определяет научный интерес к данному языковому феномену со стороны таких исследователей, как Г.Н. Скляревская (Sklyarevskaya, 1993), О.А. Чулков (Chulkov, 2001), И.В. Сибиряков (Sibiryakov, 2006) Н.А. Мишанкина (Mishankina, 2010), Е.В. Решетникова (Reshetnikova, 2010) и др.

Семантика и право

Первоосновой нормативно-правовых актов, их «лексическим организмом» является язык, посредством синкретических вербальных элементов однозначно и ясно кодирующий волю законодателя. Отсюда следует необходимость семантического анализа языка права, который скрывает знания, представленные в нем в нативном

виде. Это знания, часто определяемые как «очевидные», дескрипция которых осуществляется посредством циркулярно работающих методов семантики, когда отдельные признаки определяют в целом понятие, а понятия, в свою очередь, конструируются из признаков. Очевидными оказываются недостатки традиционной семантики, заключающиеся в отсутствии объяснительного инструментария относительно путей понимания текста права и систематизации тех знаний, которые для этого необходимы реципиенту. Другими словами, исследование языка права, производимое посредством рациональных методов науки, ограничивается лексическим и синтаксическим уровнями.

Рубеж XVIII–XIX вв. был ознаменован ассимиляцией рациональности мышления с правовой наукой, следствием чего явилось константное правило юридической доктрины конструировать правовые реалии посредством понятий и, как и любой другой наукой, приобретение способности к манипуляции вещами, о которой Морис Мерло-Понти писал следующее: «Наука манипулирует вещами <...>. Она создает для себя их внутренние модели и, осуществляя над этими своими условными обозначениями, или переменными, те преобразования, которые с ними разрешено совершать по исходному определению, лишь изредка, от случая к случаю соотносится с действительным миром. Она всегда была и остается мышлением, вызывающим восхищение своей активностью, изобретательностью и раскрепощенностью, изначально принятой установкой трактовать всякое сущее в смысле «объекта как такового», то есть сразу и как ни в чем от нас не зависимое, и вместе с тем предназначенное для нашей обработки» (Merleau-Ponty, 1985:9–10). Подобными «переменными», или «условными обозначениями», в праве являются понятия и категории, выступающие в качестве фундамента теории современной науки.

В русле философии И. Канта понимание определялось в качестве процесса, редуцируемого умственными усилиями, когда понятие формировалось посредством общих представлений о предмете (Kant, 2014:124–127). В связи с чем научный инструментарий понятий стал коррелировать с отдельными признаками предметов. Однако такой путь формирования понятия оказывается недостаточным, и в XIX в. эпоха становления классической теории права была тому подтверждением, когда среди ученых-правоведов высказывались мнения, критикующие данное положение. Так, согласно Р. Штаммлеру, «мы придерживаемся требования дефиниции лишь в смысле того, что содержание понятия права дается и упорядочивается внутри его границ» (Stammler, 1911:319). Немецкий правовед указывал, что форма и материя права представляют собой лишь составляющие единого правового сознания, а специфической моделью, структурирующей содержание нашего сознания, является воля субъекта, отражающая его осознанное переживание. То есть право, согласно Р. Штаммлеру, определяется сознанием, и в данном случае – это не столько рациональный подход, сколько психологический. В рамках данного подхода у ученого было много оппонентов, среди которых И. Биндер, указывающий, что «содержание сознания мы обозначаем как представление о цели, что не состоит ни в каких отношениях с тем, что обозначается Штаммлером в качестве таковой» (Binder, 1915:29). Другими словами, в свете рационального смысла права непременно коррелирует с целью, научный интерес к которой не угасает и в современный период. Воля нормодателя, зафиксированная языковыми единицами, реализуется в правовом тексте посредством понятий, репрезентирующих правовые реалии, значения которых

представляются в качестве синтеза внешнего уровня понимания в фокусе категорий «цель» и «средство».

Учение о цели являлось одним из ведущих направлений рационалистической метафизики XVII века, в рамках которого цель определялась в качестве продукта работы человеческого разума, поддающегося интерпретации посредством таких понятий, как «материя, форма, содержание, движение, причина» (Bayteeva, 2013:53).

Отождествление цели с причиной было характерно для схоластического направления. Такое понимание являлось достаточно неоднозначным, поскольку, с одной стороны, данная интерпретация цели обуславливала доступность бытия вещей, а с другой стороны, – определило ограниченность исследования физических причин с фокусировкой внимания лишь не внешней оболочке исследуемых явлений.

В русле правовой науки рассмотрение данного вопроса оказывается актуальным в свете онтологического учения, объясняющего развитие посредством конечных, целевых причин и, в частности, системы аргументов, предложенных Рене Декартом, в отношении которых М. Ридель дал определение «циркулярных» (Riedel, 1972), цепочка круговых доказательств которой, с позиций современной семантической науки, оказывается замкнутой.

Представляется возможным констатировать, что в современных реалиях семантика как наука оперирует обширным интерпретационным методическим инструментарием, позволяющим трактовать право, несмотря на отдельные лакуны данного подхода, которые возможно нивелировать посредством лингвистического анализа.

При исследовании языка права и, в частности, механизма вторичного семиозиса (метафоры) семантизации идей и концепций права актуальными оказываются положения семантики, согласно которым язык обладает поверхностной и глубинными структурами, конструируемыми посредством экзогенных и эндогенных факторов, обнаруживая как линейную, так и нелинейную текстуальность, обуславливающую его многомерность. Основываясь на данных положениях, представляется возможным в структуре языка права выделить семантический уровень, организованный не только посредством значений прямономинативных лексических единиц, но и посредством метафоры как продуктивного механизма семантизации идей права.

Современное понимание метафоры

Согласно узкому пониманию, метафора (от др.-греч. *μεταφορά* — «перенос», «переносное значение») – это троп или стилистическая фигура речи, заключающаяся в употреблении слова или словосочетания, которое номинирует определенный класс объектов, предметов, явлений, отношений и т.д., в целях обозначения иного объекта или класса объектов, сходных с данным по определенным признакам. С позиций широкого подхода к понятию метафоры относят и другие виды переносных значений лексем, когда метафора интерпретируется в качестве уникального когнитивно-лингвального инструмента постижения объектов и явлений действительности, познания сложнейших, нестандартных связей и отношений между ними. Метафора порождается не столько сходством двух объектов, возникающим в процессе речемышления, сколько их соответствием нашему предметно-чувственному, историческому опыту в силу того, что соотносимые явления или объекты являются разнопорядковыми сущностями. Метафора используется для их номинации, создает образы и генерирует новые значения.

Механизм образования метафоры представлен четырьмя составляющими – две категории объектов и две системы свойств каждого из них. Как правило, характеристика того класса объектов, явлений, отношений, который подвергается метафорическому переосмыслению, обладает национальной спецификой и относится к общему фонду знаний представителей данной лингвокультуры. Объекты разных классов сближаются благодаря метафоре, сущность которой и определяет их категориальный сдвиг. Согласование двух классов объектов и их свойств проецирует доминирующий для метафоры признак двойственности, контаминирующий в рамках ее семантической организации две составляющие – свойство актуального субъекта метафоры и образ вспомогательного субъекта.

На функциональный потенциал метафоры в своих трудах обращал внимание еще Аристотель, подчеркивая главную цель метафорического преобразования, заключающуюся в конструировании таких характеристик вербализуемых явлений и объектов, как их очевидность, убедительность и наглядность (Aristotle, 1983). Силы рационализма, определяя метафору как фигуру речи, способную породить неоднозначность и двусмысленность высказывания, стремились исключить метафору из строго научных теорий. Однако парадоксальность данной ситуации заключалась в том, что языковая реализация данной критической теории в праве Нового времени изобиловала семантическими тропами, организующими прочные связи идей права с их метафорической репрезентацией.

Со временем интерес к метафоре со стороны научного сообщества возрастал. Однако вопросы о ее гносеологической функции, а также о ее роли в научном контексте стали привлекать внимание исследователей совсем недавно. И в этом отношении особо значимыми оказались научные изыскания Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Дэвидсона, А. Ричардса, М. Блэка, Ф. Уилрайта.

Метафора, функционируя в рамках языкового пространства, не ограничивается его внутренними структурами, выходя на экстралингвистический уровень ментальной реальности.

Необходимо разграничение таких понятий, как метафора и символ. В отличие от метафоры, для символа характерна двойная референция – первая проецирует фрагмент реальной действительности, а посредством второй символ представляет себя как таковой. Также в отличие от символа, семантическая организация метафоры не формируется различными смысловыми уровнями, метафорический механизм активизирует процесс преобразования одного смысла в другой, способствуя тому, чтобы символ нашел свое выражение в языковой материи. Поэтому метафора выступает продуктивной языковой структурой, содействующей символическому уровню права, который вуалируется семантизацией идей. Сознание редуцирует образы, которые, в свою очередь, объективизируются наукой и впоследствии посредством слов имплантируются в реальность (Luckmann, 1992). Процесс объективизации образов оказывается одной из сложных стадий, когда стираются границы между объяснением слова и объяснением явления, объекта как такового в действительности. Ярким репрезентантом данного процесса и является семантизация идей права, реализующаяся за счет проективного переноса на чужой, известный референт, продуктивной моделью которого оказывается метафорическая модель, когда «одни идеи связывают с другими, под которые «зарезервированы» определенные значения языка» (Bayteeva, 2013:168).

Метафорический уровень права

Бурное развитие когнитивной лингвистики во многом определило рост научного интереса к троповой семантике. В этом отношении язык права не является исключением, в отношении которого, по нашему мнению, вполне применимы методы указанной науки в целях выявления связей между идеей и ее вербальной репрезентацией в правовом тексте, в организации которого участвует семантический троп, несмотря на многочисленные дискуссии и скептические настроения большинства ученых-правоведов. В частности, это имеет прямое отношение к такому тропу, как метафора, функционирование которой в языке права исследователями очень часто отрицается. Однако согласно справедливому замечанию Н. А. Власенко, с такой позицией «вряд ли можно согласиться» (Vlasenko, 2022:51).

Текст нормативно-правового документа представляет собой органичное единство терминологической и символично-метафорической систем, контаминирующее фундаментальные правовые понятия и метафизические идеи априорного характера. Данный аспект современной теории права остается малоизученным и вызывает многочисленные научные дискуссии среди исследователей-правоведов. Содержательная сторона такого фундаментального понятия, как «норма права», инкорпорирует множество «микротекстов», организационные особенности которых проецируют понимание текста права. Уже внешняя сторона нормы права, получая логико-языковую, словесную реализацию в тексте нормативно-правового акта, характеризуется наличием гетерогенных языковых единиц в ее содержании, связь которых обнаруживается на уровне глубинных структур языка, где и происходит декодирование смысла, заложенного в данном тексте.

Право, как особый род идеального бытия, формирует свою систему смыслов, семантизирующихся с помощью языковых средств в целом, а отдельные фрагменты правовой реальности отражаются в знаково-символической вербальной форме и метафоре. Действительно, ведущая роль в формировании языка права принадлежит слову. Структурно-семантические единицы языкового кода, организуя нормативно-правовой акт, в целом формируют значения правового языка как на уровне создания понятий, фиксирующих правовые реалии, так и на уровне их интерпретации, реализуясь не только в прямономинативном значении, но и раскрывая свой полисемантический потенциал. Понятийное содержание лексических единиц вторичного семиозиса определяется процессом семантизации идей в праве, производимым без опоры на конкретный референт, в основе которого оказываются свойства и признаки, проецирующие введение коррелятивной пары. Данное положение имеет прямое отношение к абстрактным понятиям, не имеющим собственных коррелятов и реализующихся посредством сторонних референтов. Поэтому абстрактные понятия, как правило, воспринимаются с помощью воплощенных концептуальных метафор (Mammadli, 2022:65). Так, многие правовые реалии в силу своей абстрактности создают интерпретационный барьер их понимания реципиентом. Поэтому продуктивной моделью семантизации идей права оказывается метафорическая модель, реализующая проективный перенос на известный референт, когда новая понятийная сфера конструируется посредством известного языковому сознанию значения, которое связывается со значением понятия права.

В основе языка права и права в целом лежат символично-метафорические языковые структуры, которые участвуют в организации правового пространства.

Юридическое мышление есть призма, отражающая правовую действительность, которую Г. А. Гаджиев определяет в качестве искаженной репрезентации, поскольку право оперирует различного рода «фикциями и символами» (Gadzhiiev, 2013:13).

Вслед за М. В. Байтеевой отметим, что среди идей классических правовых теорий, оперирующих троповой семантикой, в частности метафорической, оказываются следующие:

- «– идея универсализма как выражение объединения частей в целое;
- идея суверенитета как выражение обладания правом на особую власть;
- идея представительства как выражение особых полномочий быть посредником между частью и целым; дихотомии «публичное – частное» как выражение деления реального и ирреального» (Bayteeva, 2013:169).

Метафорический образ, обладающий чертами наглядности, выполняет функцию контаминации процессов символизации идей права и их вербальной реализации. В данном случае цель метафоры как изофункционального явления заключается не в том, чтобы посредством семантической субституции репрезентировать то значение, которое может быть представлено прямономинативной языковой единицей, а в том, чтобы выразить такую информацию, для передачи которой иных способов не существует. Для метафоры, как правило, характерны отношения семантической осцилляции между прямым и переносным значением, в метафорическом образе концентрируется лишь их ориентировочная эквивалентность. Для метафоры в языке права в силу ее систематического употребления («источник власти», «подрыв безопасности общества», «смягчение наказания», «политическое убежище») могут складываться отношения взаимооднозначного соответствия между прямым и переносным значением, когда метафора воспринимается как «стертая», признак образности которой зиждется лишь на генетическом уровне языковой структуры, и метафора приобретает статус фразеологизированной. С другой стороны, признак образности органично инкорпорирует содержание правового явления.

Продемонстрируем сказанное на примере образования и функционирования метафоры «политическое убежище». Российское законодательство включает нормы, регулирующие основания и порядок предоставления убежища, определяет полномочия государственных органов в данной области, в том числе систематизирует требования, предъявляемые к лицам, нуждающимся в убежище. Так, в частности, в ч. 1 ст. 63 Конституции РФ указывается, что «Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права»¹. Однако в Конституции РФ, равно как и в нормативно-правовых актах отраслевого законодательства, не содержится дефиниции самого понятия «убежище». Данное обстоятельство имеет существенные последствия не только относительно точного понимания лексемы, но и относительно содержания самого правового института. Подобная ситуация складывается и в научно-правовой сфере, когда внимание исследователей-правоведов концентрируется не на раскрытии сути самого понятия, а на анализе и систематизации отдельных форм убежища.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2022. N 31. ст. 4398.

В большом толковом словаре русского языка под редакцией А.С. Кузнецова под «убежищем» понимается «1. Место, где можно укрыться, скрыться от кого-, чего-либо. 2. Специально оборудованное сооружение, укрытие для защиты личного состава войск и гражданского населения от воздействия оружия массового поражения»². Политический – «связанный с политикой, то есть с государственно-правовыми сторонами жизни общества»³. Юридические словари и энциклопедии не дают дефиницию слову «убежище». В большом юридическом словаре под редакцией А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских раскрываются такие понятия, как «дипломатическое убежище», «территориальное убежище» и «право политического убежища»⁴. В юридической энциклопедии под редакцией Л. В. Тихомировой, М. Ю. Тихомирова представлено следующее толкование политического убежища: «предоставляемое государством право въезда и пребывания на своей территории иностранным гражданам и лицам без гражданства (право убежища). РФ предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права, Конституцией РФ (ст. 63) и Положением о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации. РФ предоставляет политическое убежище лицам, ищущим убежище и защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или в стране своего обычного места жительства за общественно-политическую деятельность и убеждения, отвечающие принципам, признанным мировым сообществом» (Tihomirova & Tihomirov, 2001).

Анализ литературы позволяет заключить, что, несмотря на то, что в правовых источниках и исследованиях ученых-правоведов прямо не называется институт убежища, однако имеется в виду убежище именно по политическим мотивам. Так, в частности, Г. В. Игнатенко констатирует общепризнанность термина «политическое убежище» на государственном уровне большинства стран, поскольку, согласно ученому, «основанием для обращения лица и предоставления ему убежища считается преследование за деятельность политического или подобного характера» (Ignatenko, 2010:387).

Исследование истории становления и развития института убежища позволяет сконструировать эволюцию семантического уровня самого рассматриваемого понятия, организующегося на базе метафорического моделирования. Изначально убежище понималось в качестве того места, где можно было получить защиту от преследований. Такими местами были храмы, часовни. Далее в силу укрепления и развития государств и правовых институтов, возрастающих межгосударственных территориальных конфликтов развивались и правоотношения убежища, перейдя с уровня религиозного на территориальный. После Французской революции, как отмечает О. И. Тиунов, убежище приобретает определение политического (Tiunov, 2015:125). В современных реалиях среди оснований предоставления убежища оказываются не только политические мотивы, но и национальные, расовые, религиозные и иные. Понятие «политическое убежище», расширив семантический план

² Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1534 с.

³ Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1534 с.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2. изд., перераб. идоп. Москва: ИНФРА-М., 2003. 703 с.

содержания, в настоящий период употребляется по той причине, что оно является суверенным правом каждого государства, которое представляет собой политическую организацию, а все действия, исходящие от него, априори обладают политическим характером.

Семантическое пространство понятия «политическое убежище» на современном этапе определяется как интеграция эмпирического и теоретического, основанная на историко-правовом опыте. Метафора номинирует правовое явление, понимание которого сознанием реципиента без ее помощи сопровождалось бы сложностью восприятия выражаемой семантики. В таком метафорическом образовании конгломерат связей между известным референтом (убежище) и новой понятийной сферой (политическое) нивелирует уровень смысловой самостоятельности лексических единиц.

При изучении содержательной стороны рассматриваемого метафорического наименования, редуцируемого посредством лексико-семантического способа словообразования, продуктивным оказывается мотивационный анализ, предполагающий на первом этапе конструирование мотивационной пары. Так, объектом анализа является словосочетание «политическое убежище» в значении «возможность предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища на территории нашего государства как по политическим, так и по национальным, расовым, религиозным и иным причинам» (Novikova & Zhornik, 2012:165). Конструирование словообразовательной пары включает связанные одним деривационным шагом лексико-семантические варианты: «убежище (политическое)» – «место, укрытие» > «убежище (политическое)» – «право въезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранным гражданам и лицам без гражданства (право убежища)».

Следующий этап – выявление аспекта сравнения, основного и вспомогательного субъектов:

слово – *убежище*;

вспомогательный субъект – «*место укрытия*»;

основной субъект – «*право, возможность*»;

аспект сравнения – «*защита, безопасность*».

Основной абстрактный субъект «право, возможность» и метафорическое наименование «убежище» образуют гипонимическую пару, что является закономерным следствием метафорической номинации.

Как видим, значение правового понятия «политическое убежище», порожденное метафорическим механизмом, обуславливается признаками вспомогательного субъекта, а коммуникативно-когнитивным назначением и итоговой целью самой метафоры является эксплицирование семантических элементов из значения основного субъекта.

Особенности взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии в языке права

Концептуальное пространство права как теоретическая система основывается на метафорико-символических конструкциях, понятиях, которые выступают в качестве объективно необходимых категорий правового мышления, направленных на упорядочение социальных отношений, разрешение кризисных ситуаций и конфликтов. Априорно одним из ведущих понятий является понятие субъекта права

(Biktagirov, 2018). Генезис данного метафорико-символического концепта правовой реальности коренится в римском праве (*persona*). Изначально данный знаковый символ понимался достаточно узко как «лицо, обладавшее правоспособностью» (*caput*) (Bortenev, Sergacheva & Kovalenko, 2017). Последнее признавалось возникшей в момент рождения человека и прекращалась с его смертью. Согласно установленному римскими юристами правилу, не родившийся ребенок также считался субъектом права, если затрагивались «выгоды зачатого» (Medvedev, 2009:64). С течением времени общественные отношения изменялись, усложнялись, в связи с чем и рассматриваемая категория модифицировалась, ее семантическая организация расширялась за счет метонимического переноса как когнитивного механизма, лежащего в основе смены ракурса концептуализации денотативной ситуации, что обусловило расширенную интерпретацию понятия «субъект права» за счет метонимической перестройки внутри семантической организации словосочетания: государство, физическое лицо – гражданин как носитель прав и обязанностей, юридическое лицо – соответствующим образом зарегистрированная организация, субъект международного права – участник международных отношений, субъект международного частного права. Однако в современный период для отдельных отраслей и подотраслей права характерна индивидуальная, разветвленная система субъектов, но в то же время отдельный субъект определенной отрасли права может входить в структуру субъектов другой отрасли, что может быть обусловлено как волей самого субъекта, так и позицией законодателя. Явление концептуальной метонимии в данном случае осуществляется на основе связи по смежности не столько на смысловом уровне, сколько в действительности, которая, в свою очередь, прокладывает путь к концепту, когда очевидными оказываются связи между составляющими компонентами правовой реальности, вербализованной посредством рассматриваемого понятия (Raducheva, 2000:242).

В данном случае метонимия является средством репрезентации значения и когнитивным механизмом концептуализации, который, в свою очередь, приращивает новые смыслы, что ведет к образованию метафоры. В рассматриваемом примере метафора ассимилируется с метонимическим переносом, а естественным для метафоры является ее дальнейшая модификация в символ. Следовательно, метонимия сыграла роль пускового семантического механизма метафоризации и символизации исходного понятия «субъект права».

Одной из центральных категорий, без которых не представляется возможным бытие права, является категория «обязанность», имеющая общенаучное значение. Она составляет содержание таких понятий, как «социальные обязанности», «моральные обязанности», «политические обязанности», «религиозные обязанности», «юридические обязанности». «Обязанность» – это понятие, указывающее на наличие правил поведения в определенной общественной сфере, безусловность которых определяется нормативными предписаниями в целях поддержания стабильности и обеспечения правопорядка. Интегративным признаком данной правовой категории является вектор поведения, признаваемый в данной системе общественных координат как должный. Результаты историко-семантического анализа понятия «обязанность» репрезентируют, что его генезис в качестве состояния долженствования строится согласно имплицативной модели модификации метафоры «долг», определяемой рядом ученых как процесс «терминологизации концептуальной метафоры»,

редуцирующей реконструируемое значение соответствующего, должного поведения. Изначальное обобщенное понятие «долг» оказывается координируемым метафорой, формирующей корреляцию предписания и принуждения, безусловного требования, вводимого метонимическим механизмом посредством концептуальной идеи «государство». Метонимический механизм построения императива «обязанность» реализуется за счет субституции знака в заданном контексте, репрезентирующем априорное правило, на знак из контекста, выражающего имплицитную идею о праве государства обязывать и принуждать. Следовательно, ситуация безусловно-сти нормативных предписаний представлена метонимически.

Заключение

Таким образом, метафорическая модель, являющаяся наиболее гибким и активно задействованным механизмом в процессе познания, представляет собой когнитивный инструмент специфического оперирования правовыми реалиями. Метафорическая модель позволяет интегрировать образы посредством проецирования представлений об одном объекте действительности на объекты, отношения правового пространства.

Из вышеизложенного следует, что метафора в праве играет ключевую роль в формировании и понимании правовых реалий, выступая продуктивной, синтезирующей моделью семантизации идей права. Благодаря метафоре в язык права органически вплетаются символические идеи. Метафорические конструкции языка права, формируясь на основе однотипных моделей подсознательного мышления и историко-правового, физического опыта, вуалируют различного объема и содержания информацию, диагностируемую посредством интерпретации. Абстрактные понятия правового пространства воспринимаются во многом с помощью метафор.

Метафора, закрепляясь в глубинных структурах языка, позволяет апеллировать априорными началами права, объединяя, на первый взгляд, противоположные и противоречивые понятия, которые становятся неотъемлемой частью правовой системы, делая правовой текст понятным и доступным для широкой аудитории. А с учетом того, что идеи метафизического уровня были не всегда подвластны рациональной аргументации, метафорическая семантика в этом отношении оказывается незаменимой.

References / Список литературы

- Alefirenko, N.F. (2009) *«Living» word: Problems of functioning lexicology: Monograph*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. (in Russian).
Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функционирования лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
- Aristotle. (1983) Poetics. In: *Aristotle. Collected Works in four volumes*. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 645–686. Available at: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf> (in Russian).
Аристотель. Поэтика // Аристотель: собр. соч. в 4 томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645–686. Режим доступа: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf>
- Bayteeva, M.V. (2013) *Language and law*. Kazan', Otechestvo Publ. (in Russian).
Байтеева М.В. Язык и право. Казань: Отечество, 2013. 252 с.
- Biktagirov, R.T. (2018) The subject of law as a reference category of jurisprudence. *Citizen. Elections. Power*. (2), 46–63. (in Russian).

- Биктагиров П.Т.* Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 46–63.
- Binder, J. (1915) *Rechtsbegriff und Rechtsidee. Bemerkung zur Rechtsphilosophie Rudolf Stammler*. Leipzig, A. Deichert.
- Bortenev, A.I., Sergacheva, O.A. & Kovalenko E.N. (2017) *Roman law: textbook*. Volgograd, Publishing house of the Volgograd Institute of Management. (in Russian).
- Римское право / А.И. Бортенев, О.А. Сергачева, Е.Н. Коваленко. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления, 2017. 136 с.
- Cherdantsev, A.F. (2012) *Logico-linguistic phenomena in jurisprudence: Monograph*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
- Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: ИНФРА-М. 2012. 320 с.
- Chernobel, G.T. (2017) *Ideology. Law. Law: Monograph*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
- Чернобель Г.Т.* Идеология. Право. Закон: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 248 с.
- Chulkov, O.A. (2001) *Metaphorical concepts of mirror reflection: Abstract of Diss. of Candidate of philos. Sciences*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University. (in Russian).
- Чулков О.А.* Метафорические концепции зеркального отражения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2001. 19 с.
- Gadzhiyev, G.A. (2013) *Ontology of Law: (a critical study of the legal concept of reality): Monograph*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
- Gubaeva, T.V. (1996) *Word of mouth in jurisprudence*. Diss. of Doctor of Legal Sciences. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
- Губаева Т.В.* Словесность в юриспруденции: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, Казан. гос. ун-т, 1996. 340 с.
- Ignatenko, G. V. (2010) *International law*. Moscow, Norma: Infra-M Publ. (in Russian).
- Игнатенко Г.В.* Международное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 783 с.
- Kant, I. (2014) *The Critique of Pure Reason*. Trans. from German by Lossky N. Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
- Кант Иммануил.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2014. 734 с.
- Kryukova, E.A. (2003) *Language and style of legislative acts*. Abstract of Diss. of candidate of Legal Sciences. Moscow, Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation. (in Russian).
- Крюкова Е.А.* Язык и стиль законодательных актов: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2003. 139 с.
- Maslova, V.A. (2005) *Cognitive linguistics*. Minsk, TetraSystems Publ. (in Russian).
- Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
- Mishankina, N. A. (2010) *Metaphor in science: paradox or norm?* Tomsk, Tomsk University Press. (in Russian).
- Мишанкина Н.А.* Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та. 2010. 282 с.
- Lakoff, J. & Johnson, M. (2004) *Metaphors by which we live*; Translated from Engl. by Baranov A.N. & Morozova A.V. Moscow, URSS. (in Russian).
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. М.: УРСС, 2004. 252 с.
- Mammadli, G.R. (2022) The problem of understanding metaphors. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 5(860), 61–67. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_61 (in Russian).

- Мамедли Г.Р. Проблема понимания метафор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 5(860). С. 61–67. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_61
- Medvedev, V.G. (2009) Subjects of law in ancient Rome. *Science vector of Togliatti State University*. 5(8), 64–69. (in Russian).
- Медведев В.Г. Субъекты права в Древнем Риме // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5(8). С. 64–69.
- Luckmann, T. (1992) *Theorie des sozialen Handelns*. Berlin, Boston, De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110848922>
- Merleau-Ponty, M. (1985) *L'oeil et l'esprit*. Paris, Gallimard.
- Merleau-Ponty, M. (1992) *Eye and Mind*. L'Œil et l'esprit, Paris, Gallimard. Trans. by Carleton Dallery in *The Primacy of Perception*, ed. by James Edie (Evanston: Northwestern University Press), pp. 159–190.
- Novikova, A.E. & Zhornik, A.M. (2012) *Genesis and content of the institution of political asylum in the Russian Federation*. *Scientific Vedomosti BelSU. Series Philosophy. Sociology. Law*. 20(139), 163–169. (in Russian).
- Новикова А.Е., Жорник А.М. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации // Научные Ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). С. 163–169.
- Paducheva, E.V. (2000) Space in the guise of time and vice versa (to typology of metonymic transfers). In: *Logical analysis of language. Languages of spaces*. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., pp. 239–255. (in Russian).
- Падучева Е.В. Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространства. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 239–255.
- Pigolkin, A.S. (ed.). (1990) *Language of law*. Moscow, Juridical Literature Publ. (in Russian).
Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. 192 с.
- Reshetnikova, E.V. (2010) *Metaphor in postneoclassical cognition*: Diss. of Candidate of Philosophical Sciences. Omsk, Omsk State Pedagogical University. (in Russian).
- Решетникова Е.В. Метафора в постнеклассическом познании: дис. ... канд. философ. наук. Омск, Ом. гос. пед. ун-т. 2010. 176 с.
- Riedel, M. (1972) *Rehabilitierung der praktischen Philosophie*. Freiburg, Rombach.
- Shepelev, A.N. (2002) *The language of law as an independent functional style*: Abstract of Diss. of Candidate of Legal Sciences. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
- Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, Нижегород. акад. МВД России. 2002. 23 с.
- Sibiryakov, I.V. (2006) *Metaphor: epistemological status, mechanisms of realization and role in cognition*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. (in Russian).
- Сибиряков И.В. Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2006. 129 с.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metaphors in the language system*. Shmelev D.N. (ed.). Saint Peterburg, Nauka Publ. (in Russian).
- Скляревская Г.Н. Метафоры в системе языка / отв. ред. Д.Н. Шмелев. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
- Stammler, R. (1911) *Theorie der Rechtswissenschaft*. Halle.
- Tihomirova, L.V. & Tihomirov, M.Yu. (2001) *Legal Encyclopaedia*. 5-e ed., rev. and ext. Moscow, Yurinformcentr Publ. (in Russian).
- Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юринформцентр, 2001. 971 с.
- Tiunov, O.I. (2015) *International humanitarian law*. 3rd ed., rev. and ext. Moscow, Norma Publ. (in Russian).

Туунов О.И. Международное гуманитарное право. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Норма, 2015. 319 с.

Turanin, V.Yu. (2017) *Legal terminology in the modern Russian legislation (theoretical and legal research)*: Diss. of Doctor of Legal Sciences. Belgorod, Belgorod State National Research University. (in Russian).

Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2017. 437 с.

Vlasenko, N.A. (2022) *Language of law: Monograph*. Rev. ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Язык права: монография. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 176 с.

Сведения об авторе:

Ярошук Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»); 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-код: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru

About the author:

Inna A. Yaroshchuk – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminalistics of the Law Institute of the Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»); 85 Victory str., Belgorod, 308015, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-code: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-44-62>
EDN: QTQKSA

Научная статья / Research Article

Два типа юриспруденции с точки зрения критического рационализма

Р.С. Рааб

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
 belchikroma@gmail.com

Аннотация. Наше понимание юридических идей обретает свое наиболее концентрированное выражение в способности к их как можно более однозначной типологизации. Вместе с тем именно в вопросе типологизации правовых идей современная наука сталкивается с целым рядом трудностей. Проблемы, связанные с типологизацией таких сложных фигур юридической мысли как Ф.К. фон Савиньи или Л.Л. Фуллер, являются лишь одним из примеров подобных затруднений. В свете данных затруднений особую актуальность приобретают подходы к типологизации правовых идей, которые преодолевают рамки традиционных воззрений. Одним из таких подходов является взгляд на типологию правовых идей, основанный на эпистемологии критического рационализма. Комплексная реконструкция этой критико-рационалистической типологии является целью настоящей статьи. Ключевую роль в достижении этой цели играет интеллектуальное наследие Фридриха Хайека как представителя эпистемологии критического рационализма, сумевшего адаптировать ее для осмысления юриспруденции. По итогу комплексной реконструкции имплицитно заложенной в работах Хайека критико-рационалистической типологии юридических идей мы можем сделать вывод, что с точки зрения критического рационализма все правовые идеи подразделяются на два типа: «критические» и «картезианские». Различие между ними состоит в том, насколько сильно та или иная правовая идея определяется верой в интеллектуальные способности человека. Убежденность в том, что люди обладают достаточными интеллектуальными способностями для централизованного управления правовой системой общества, порождает «картезианское» восприятие права как системы сознательно сконструированных предписаний конкретного характера. Несводимость права к таким сознательно сконструированным предписаниям по причине неспособности человеческого разума централизованно управлять сложной социальной системой будет отражать другой, «критический» взгляд на право. Этот взгляд будет включать не только запрет на централизованное управление правовой системой общества, но и описывать особые «информационные» свойства данной системы, многократно превосходящие возможности человеческого ума.

© Рааб Р.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: эпистемология, картезианский рационализм, критическая парадигма правопонимания, картезианская парадигма правопонимания, эволюция права, структура права, функция права

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 18 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Раб Р.С. Два типа юриспруденции с точки зрения критического рационализма // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 44–62. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-44-62>

Two types of jurisprudence from a perspective of critical rationalism

Ruslan S. Raab

Higher School of Economics (HSE University), *Moscow, Russian Federation*

 belchikroma@gmail.com

Abstract. Our understanding of legal ideas is most reflected in the ability to categorize them unambiguously. At the same time, modern science faces many difficulties in categorizing legal ideas. Problems associated with categorizing complex authors such as F.C. von Savigny or L.L. Fuller are just one example. In the light of these challenges approaches that go beyond traditional views are becoming increasingly relevant. An example of such an approach is the critical-rationalist perspective on the categorization of legal ideas. This article aims to comprehensively reconstruct this critical-rationalist typology. The key role in achieving this goal is played by the intellectual legacy of Friedrich Hayek as a representative of the epistemology of critical rationalism who managed to adapt it for understanding jurisprudence. As a result of a comprehensive reconstruction of the critical-rationalist typology of legal ideas implicit in Hayek’s works we can conclude that, from the perspective of critical rationalism, all legal ideas can be divided into two categories: “critical” and “Cartesian”. The difference between these two categories lies in how much a given legal idea is based on the belief in the intellectual capabilities of human mind. The belief that human mind can effectively govern legal system of the whole society in a centralized manner generates a Cartesian view of law as a set of consciously created rules of a specific kind. The irreducibility of law to consciously constructed prescriptions due to the human mind’s inability to manage a complex social system will reflect a different, «critical-rationalist» perspective on law. This perspective will include a ban on centralized management of legal system of the whole society, as well as an explanation of such “informational” properties of that system, which exceed the capabilities of any human mind.

Key words: epistemology, Cartesian rationalism, critical paradigm of legal theory, Cartesian paradigm of legal theory, evolution of law, structure of law, function of law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 18th March 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Raab, R.S. (2024) Two types of jurisprudence from a perspective of critical rationalism. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 44–62. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-44-62>

Введение

Разделение правовых учений на естественно-правовые («должное») и позитивистские («сущее») не всегда можно признать удачным. Если учесть, что многие теории в принципе трудно отнести к тому или иному типу, дело становится еще более запутанным. Следствием этой неоднозначности является развитие таких подходов к типологизации правовых учений, которые выходят за пределы дихотомии естественного права и позитивизма.

Одним из таких подходов является типологизация правовых учений, основанная на эпистемологии критического рационализма¹. Данная эпистемология (теория познания) подчеркивает ограниченность субъективной рациональности человека при анализе сложных систем и уделяет значительное внимание социокультурным основаниям познания как объективного эволюционного процесса. Важными с точки зрения этой теории являются такие мыслители как Карл Поппер, Майкл Полани, Стивен Тулмин и др. В их рассуждениях о познании мы находим немало интересных идей, связанных с политико-правовыми вопросами (Popper, 1992:9; Polanyi, 1985:313; Toulmin, 1984:99).

Подробный анализ этих политико-правовых следствий эпистемологии критического рационализма осуществил экономист и социальный теоретик Фридрих Хайек (Hayek, 2014:74). Он не только выделил и обобщил ключевые идеи критического рационализма как теории социального познания, но и применил их для всестороннего анализа юриспруденции. На примере Хайека и его теории права мы попытаемся рассмотреть два типа юриспруденции, возникающих в ходе осмысления правовых вопросов с точки зрения эпистемологии критического рационализма. Но перед этим раскроем основные идеи, составляющие данную эпистемологию.

Эпистемология и социология критического рационализма

Эпистемология. В основе эпистемологии критического рационализма как теории социального познания лежит идея о невозможности предсказания конкретных результатов целенаправленного воздействия человека на сложную социальную систему (Hayek, 2014:269). Чтобы точно предсказать, как именно сложная социальная система отреагирует на то или иное целенаправленное воздействие, необходимо собрать о фактах и процессах, определяющих данную систему, достаточное количество информации. Будь это возможным, конкретные последствия нашего воздействия на социальную систему были бы предсказуемы. Однако это не так, поскольку подобного рода сбор информации, даже с учетом современных технологий, представляется невыполнимой задачей.

¹ В настоящей работе термин «критический рационализм» понимается в расширенном смысле, характерном для работ Фридриха Хайека.

Невозможность сбора достаточного количества информации о сложной социальной системе в едином центре принятия решений обусловлена тремя базовыми факторами: 1) ум отдельного человека способен охватить своим пониманием лишь *маленькую крупицу* тех конкретных процессов и событий, которые составляют целостную картину общества (Наyek, 2014:73); 2) имеющиеся у отдельных людей и взаимно дополняющие друг друга фрагменты этой общей картины мало того, что весьма незначительны сами по себе, так еще и *дисперсно рассредоточены* между миллионами непосредственно не связанных друг с другом людей (Наyek, 2014:93–94); 3) помимо того, что дополняющие друг друга фрагменты и без того ограниченного знания дисперсно рассредоточены между миллионами непосредственно не связанных друг с другом индивидов, зачастую эти знания представляют собой *не вполне осознанную информацию* наподобие предпринимательской интуиции или профессиональных навыков, ввиду чего данная информация не может быть эффективно передана от одного индивида к другому при помощи однозначно сформулированных сообщений (Наyek, 1990:39).

Все эти факторы и прочие подобные им обстоятельства делают любую попытку централизации социальной информации о сложном порядке технически невозможной. Невозможность собрать и осмыслить информацию о фактах и процессах сложной социальной системы делает невозможным сколько-нибудь точное предсказание последствий целенаправленного воздействия человека на такую систему. Таков ключевой *эпистемологический тезис* критического рационализма.

Социология. Из этого эпистемологического тезиса рождается второй тезис критического рационализма – *социологический*. Цель социологического тезиса состоит в объяснении того, каким образом индивиды, не способные предсказать последствия своего воздействия на сложную социальную систему, тем не менее как-то умудряются совершать именно такие индивидуальные действия, которые с точки зрения этой системы являются наиболее рациональными (Gissurarson, 1987:11). Строго говоря, только благодаря таким рациональным действиям сложный порядок может существовать и развиваться. Объяснить природу сложного порядка означает объяснить, каким образом индивиды совершают в рамках такого порядка рациональные действия даже несмотря на свою неспособность познать факты, от которых эта рациональность напрямую зависит (Наyek, 2014:76). Таковое объяснение составляет содержание социологического тезиса критического рационализма.

Согласно данному тезису индивиды, не способные познать всех необходимых фактов сложного порядка и предвидеть последствия своего воздействия на сложную социальную систему, тем не менее, могут совершать в рамках такого порядка рациональные действия, если согласуют свое поведение с *коммуникативными институтами* (Наyek, 2014:371). Данные институты способны аккумулировать нецентрализованную информацию о сложном порядке и воплощать ее в виде относительно простых сигналов (Наyek, 1941:581). Учет этих сигналов позволяет индивидам использовать ту непознаваемую для них информацию, которая получила в данных сигналах свое воплощение. Благодаря использованию этой информации индивиды могут совершать рациональные действия даже в таком социальном порядке, фактов которого они не в силах познать. Хорошим примером того, как в непознаваемом социальном порядке индивид совершает рациональное действие благодаря сигналам коммуникативных институтов, является механизм рыночных цен (Наyek, 2014:99–100). Рассмотрим действие этого механизма на упрощенном примере.

Допустим, *гражданин S*, занятый добычей *металла № 1*, понял, что запасы этого металла иссякают и его стало труднее добывать. Этот фрагмент знания, имеющийся лишь у него, мы обозначим *знанием B1*. Соотнеся это знание с текущими рыночными ценами и поняв, что они не покрывают затрат на добычу, он повысил свою цену на данный металл. Пусть эта новая цена, учитывающая новое знание B1, будет *ценой A1*.

Увидев цену A1 на металл № 1, *гражданин P*, использующий этот подорожавший металл при производстве автомобилей, решил заменить его более распространенным и дешевым – *металлом № 2*. Знание гражданина P, состоящее в том, что при производстве автомобилей металл № 1 можно заменить металлом № 2, будет его личным фрагментом знания – *знанием B2*. Используя это знание, гражданин P осуществляет закупку металла № 2. Чтобы выкупить этот металл в нужном количестве, он вынужден предложить за него чуть более высокую цену, чем другие покупатели – *цену A2*.

Увидев повышенную цену A2, *гражданин Q*, занятый добычей металла № 2, приходит к выводу, что те способы добычи данного металла, которые при его прежней цене были нерентабельны, при новой цене A2 вполне смогут окупиться. Этот фрагмент знания мы можем обозначить как *знание B3*. Используя это знание, гражданин Q решает купить больше оборудования для добычи металла. Чтобы выкупить оборудование, он предлагает повышенную цену – *цену A3*. Видя эту повышенную цену, поставщик оборудования – *гражданин M* – продает это оборудование гражданину Q, занятому добычей металла № 2, а не гражданину S, который также занят добычей металла, однако добывает металл № 1, от которого производитель автомобилей гражданин P ранее отказался, и упавшие продажи которого не позволяют гражданину S предложить за оборудование более высокую цену, чем ту, которую предлагает гражданин Q.

С одной стороны, решение гражданина M продать оборудование производителю металла № 2, гражданину Q, а не производителю металла № 1, гражданину S, является *рациональным* в свете имеющихся в обществе фрагментов знания B1, B2 и B3. Эти фрагменты знания, будучи соединены вместе, позволяют судить о том, что металл № 2 является более универсальным и полезным, нежели редкий и труднодоступный металл № 1. Если металл № 1 получится заменить более распространенным металлом № 2 и в других сферах производства, то при тех же трудозатратах мы сможем удовлетворить большее количество различных человеческих потребностей. Это является рациональным и отвечает соображениям всеобщего блага. Чтобы способствовать такой рационализации социального порядка, гражданин M как один из участников этого порядка должен учесть рассредоточенные фрагменты знания – B1, B2, B3 – и передать оборудование не гражданину S, занятому производством менее полезного металла № 1, а гражданину Q, занятому производством более полезного металла № 2. В общем-то именно ему гражданин M и передал оборудование.

С другой стороны, нельзя сказать, что гражданин M принял это рациональное решение исходя из *непосредственного* знания всех конкретных фактов B1, B2 и B3, благодаря которым данное решение, собственно, и является рациональным в данном порядке. Он лишь увидел, что цена A3, предложенная гражданином Q, выше, чем цена, предложенная гражданином S. Ничего кроме цены гражданин M не учитывал. Как так получилось, что решение, принятое на основе учета одних лишь цен и ничего более, оказалось столь же рациональным, как если бы оно было решением, принятым

на основе непосредственного обладания знаниями B1, B2 и B3? Ответ следующий: такое стало возможным потому, что дисперсно рассредоточенные фрагменты знания B1, B2 и B3 были *воплощены* (Найек, 2014:100) в цене A3, на которую ориентировался гражданин M.

Цена A3 никогда бы не была озвучена гражданином Q, если бы он, с одной стороны, не владел знанием B3, а другой – не увидел бы цену A2. Цена A2 заставила гражданина Q «вложить» свое знание B3 в новое ценовое суждение – A3. В свою очередь, цена A2, ставшая одной из причин появления цены A3, никогда бы не возникла, если бы гражданин P, с одной стороны, не владел знанием B2, а с другой – не увидел цену A1. Цена A1 заставила его вложить свое знание B2 в названную им новую цену A2. И наконец, цена A1 никогда бы не возникла, если бы гражданин S не обладал знанием B1, вынудившем его повысить цену на свой металл № 1. Такова цепочка гипотетических событий, благодаря которой возникла нужная нам «рациональная» цена A3.

Глядя на эту цепочку, трудно не заметить, что на каждом ее этапе различные фрагменты знания, рассредоточенные между различными людьми, автоматически влияли на последующую цену и в известном смысле аккумулировались в ней. Пусть цена A2 и возникла благодаря знанию B2, она не возникла бы без цены A1, в которой было воплощено знание B1. Пусть цена A3 и возникла благодаря знанию B3, она бы не возникла, если бы не цена A2, в которой было воплощено как знание B2, *так и знание B1*. Как результат, к тому моменту, когда цена A2 соединилась в голове гражданина Q с его знанием B3 и привела к цене A3, в цене A3 воплотилось не только знание B3, но и знание B2 и B1.

Воплотившись в цене A3, рассредоточенные фрагменты знания B1, B2 и B3 были *учтены* гражданином M (рационально передавшим оборудование гражданину Q, а не гражданину S), даже несмотря на то, что он не имел о них *никакого осознанного понимания*. Гражданину M нет нужды непосредственно знать факты B1, B2 и B3, чтобы рационально учесть их в своей деятельности. Достаточно знать воплощающую знание этих фактов цену A3 (Найек, 2014:98–99).

Что еще важнее, в этой цене A3 может воплощаться не только знание B1, B2 и B3, но и потенциально *неограниченное* количество фрагментов рассредоточенного знания. Механизм ценовой коммуникации *автоматически* (Найек, 2007:95) передает фрагменты рассредоточенного знания и при переходе ценового сигнала от одного человека к другому не требует непосредственного учета всех передаваемых фактов человеческим сознанием. Ограничения на количество обрабатываемой информации, характерные для человеческого сознания, на процесс автоматического ценового вычисления *не влияют*.

Автоматическое ценовое вычисление может охватывать не ограниченный, но *любой* объем рассредоточенной социальной информации. Вследствие этого социальные порядки, возникающие на основе автоматического ценового вычисления, могут достигать не ограниченной, но *любой* степени сложности и эффективности (Найек, 2014:160). Потенциальная способность достигать любой степени сложности и эффективности составляет главное функциональное отличие порожденных ценовым механизмом спонтанных порядков от целенаправленно созданных организаций наподобие коммерческих фирм, воинских подразделений и даже целых государств, в формировании которых решающую роль играет осознанное человеческое планирование, и сложность/эффективность которых ограничена тем относительно

небольшим количеством информации, которая может быть обработана человеческим сознанием в непосредственном виде (Науек, 2014:94-95).

Преодолеть эти естественные ограничения осознанного планирования и произвести наиболее эффективный порядок из тех, что возможен среди людей, можно лишь путем перехода от психологии планирования к социологии автоматического ценового вычисления. Теория коммуникативного механизма, осуществляющего подобного рода вычисление, составляет второй тезис эпистемологии критического рационализма – социологический.

Юриспруденция. Из социологического понимания того, как коммуникативный институт рыночных цен позволяет сформировать сложный порядок современной цивилизации, вытекает третий тезис критического рационализма – *юридический*. Согласно данному тезису коммуникативный механизм рыночных цен может функционировать лишь тогда, когда все члены общества признают *верховенство института частной собственности над всеми остальными правилами и распоряжениями кого бы то ни было* (Науек, 2014:161–163).

Только тогда, когда каждый член общества в равной степени подчинен правилам о неприкосновенности собственности, исполнении добровольно взятых на себя обязательств и справедливой компенсации причиненного вреда, единственным возможным способом получить желаемое становится *добровольный обмен*. Когда ни у одного члена общества нет иного способа получить желаемое, кроме как через добровольный обмен, люди отказываются от получения желаемого через насилие и прибегают к торговле. Длительная практика торговли порождает феномен денег и свободных ценовых суждений, через которые, как мы показали выше, отдельные фрагменты рассредоточенной социальной информации могут получить свое автоматическое воплощение в ценах. Благодаря «ценовому» воплощению рассредоточенная информация учитывается акторами сложного порядка и позволяет им поддерживать этот порядок собственными рациональными действиями. Такова неразрывная связь сложного порядка, рациональности и частной собственности.

Стоит нам отказаться от верховенства института собственности, как вся картина сложного порядка будет нарушена. Даже небольшое отклонение от принципа верховенства частной собственности может привести к тому, что в некоторых ситуациях принцип добровольного обмена окажется заменен принципом силового изъятия имущества против воли собственника. Такое силовое изъятие не будет сопровождаться равноправным соглашением о цене, вследствие чего многочисленные фрагменты рассредоточенного знания, привносимого через индивидуальные ценовые суждения, не будут привнесены во всеобщий процесс ценообразования. Информационно «обедненные» силовым вмешательством ценовые сигналы станут воплощать меньшее количество рассредоточенного знания, а следовательно, начнут хуже координировать человеческие взаимодействия в свете значимых фактов. Результатом этого станет разрушение сложных форм координации и постепенная деградация социального порядка. Возрождение сложного порядка потребует вернуть ценовой механизм, для чего, в свою очередь, потребуется возродить верховенство принципа частной собственности. Таков, в самом общем виде, юридический тезис критического рационализма.

Не трудно заметить, что этот юридический тезис является в полной мере состоятельным лишь до тех пор, пока мы придерживаемся эпистемологического тезиса о невозможности централизованного использования рассредоточенной социальной

информации. Как только мы отказываемся от этого тезиса критического рационализма в пользу главного тезиса другого вида рационализма – *рационализма «картезианского» типа* – о том, что дисперсно рассредоточенную социальную информацию *все же можно* каким-то образом собрать в едином центре принятия решений для целей рационального планирования (Наук, 2014:43), то идея необходимой взаимосвязи между сложным порядком, рациональностью и частной собственностью перестает быть очевидной. На ее место приходит совершенно другая юридическая идея – идея отказа от частной собственности в пользу целенаправленно сконструированных публично-правовых институтов государственного контроля над материальными и человеческими ресурсами (Наук, 2014:179).

Обоснованность такого контроля связана с эпистемологическим тезисом картезианского рационализма относительно возможности централизованного использования рассредоточенной социальной информации. Возможность собрать и проанализировать всю существенную социальную информацию в едином центре принятия решений позволяет предвидеть последствия человеческого воздействия на сложную социальную систему. Такое предвидение открывает возможность рационального переустройства общества в сторону его большей эффективности при помощи конкретизированных указаний. Реализация этих властных указаний, рациональность которых определяется в «более информированном» центре, потребует ограничить свободу «менее информированных» частных лиц, чьи инициативные действия могут ненароком не вписаться в общую картину рационального планирования. Такое ограничение свободы означает отказ от верховенства частной собственности и личной неприкосновенности граждан в пользу верховенства сознательно сконструированных институтов публичного права, определяющих властные полномочия агентов государства по части распоряжения людьми и их имуществом. Таков вкратце юридический тезис не критического, но картезианского рационализма.

Независимо от того, какой из двух юридических тезисов – «критический» или «картезианский» – кажется нам более привлекательным, трудно отрицать, что предельным эпистемологическим основанием каждого из них является вопрос относительно *возможности централизованного использования рассредоточенного знания*. Отмеченная критическим рационализмом *невозможность* централизации рассредоточенного знания необходимо приводит к «критической» идее права как эволюционно сформировавшегося института частной собственности, способного через посредство порождаемого им механизма автоматического ценового вычисления *производить* информацию о сложном порядке и тем самым способствовать его рациональной самоорганизации «снизу». Допускаемая картезианским рационализмом *возможность* централизации рассредоточенного знания столь же необходимо приводит к «картезианской» идее права как рационально сконструированного института управления, не порождающего, но лишь *потребляющего* информацию, собранную правительством для цели рациональной организации общественных процессов «сверху».

В различном отношении к процессу производства/потребления информации стоит фундаментальное *эпистемологическое* различие между «критическим» взглядом на право, с одной стороны, и «картезианским» – с другой. Это эпистемологическое различие не просто приводит к двум противоположным взглядам на право в контексте проблем рациональности и информации, но, как кажется, служит источником двух противостоящих друг другу типов юриспруденции, по-разному

отвечающих на принципиальные вопросы о происхождении права, его структуре и функции. Ввиду того, что наиболее популярным является «картезианский» тип юриспруденции (Caldwell, 2014:27), мы начнем наш анализ двух типов юриспруденции именно с него.

Картезианская юриспруденция

Картезианский взгляд на право и его разновидности. Если верить Хайеку, картезианская социальная теория, впервые заявившая о себе еще в работах Платона и Аристотеля, начала существенно влиять на юриспруденцию в рациональную эпоху Нового Времени. Источниками юридического картезианства были названы такие мыслители, как Ф. Бэкон (Науек, 1982с:34), Т. Гоббс (Науек, 2014:42), И. Бентам (Науек, 1982а:74). Последующее развитие этого образа мысли ассоциировалось с Дж. Остином (Науек, 1982а:74) и Г. Кельзенем (Науек, 1982b:48–51). Несмотря на доминирование в этом списке позитивистов, к картезианским теориям Хайек относил целый ряд социологических и даже естественно-правовых концепций (Науек, 1973:21). Объединяющим их картезианским мотивом является идея права как чего-то такого, что возникает из целенаправленных усилий человеческого разума.

По мере снижения степени своей радикальности, это картезианское представление о праве как продукте рационального конструирования можно подразделить на три условных подтипа: 1) *социалистический*; 2) *позитивистский*; 3) *естественно-правовой*.

Социализм. В отличие от других подтипов картезианского правопонимания социалистический взгляд на право затронут картезианским рационализмом в наиболее важном вопросе – вопросе понимания *функции права*. С точки зрения социалистического правопонимания функция права состоит в реализации той или иной *рационально осознанной цели*. Правила, способствующие достижению такой цели (например, переустройства общества), считаются «правом». Остальные же правила «подлинным правом» не считаются. Такова логика социалистического подхода.

Наиболее радикальная версия этой логики может привести к тому, что мы не просто отринем любые правила поведения, не способные служить некой цели, но в принципе откажемся от *самой идеи правил* (Науек, 2014: 46). Известно, что ни одно общее правило не способно учесть всех целесообразных нюансов конкретной ситуации. В любой ситуации будут такие нюансы, ради целесообразного учета которых нам нужно будет хоть немного, но отклониться от общего правила, либо как-то его дополнить. Проще говоря, заменить общее правило *конкретным решением*. Такое конкретное решение всегда будет более целесообразным, чем неизбежно упускающее нюансы общее правило. Из чего следует, что в социалистическом мышлении, для которого достижение цели выступает главным критерием права, наиболее «правовым» характером всегда будут обладать целесообразные решения, а не общие правила.

Нет такого общего правила, от которого нельзя было бы в любой момент отказаться ради более целесообразного решения. Пока это решение еще не выработано, мы можем опереться на правило как его временную замену. Никакой самостоятельной сущностью, отличной от сущности временной замены целесообразного решения, правило не обладает. Как только появятся технологические возможности,

позволяющие заменить менее целесообразные общие правила на более целесообразные решения не в некоторых, но во *всех* случаях, логика целесообразности приведет к полному отказу от общих правил в пользу конкретных решений (Найек, 1982b:8). Идея правил перестанет существовать.

Стоит ли говорить, что исчезновение идеи правил приведет к исчезновению *идеи права как таковой*. Право имеет смысл до тех пор, пока мы оцениваем конкретные ситуации на соответствие системе абстрактных правил (Найек, 2014:49). На основе этой интеллектуальной операции строится вся юриспруденция. Целесообразность, конечно, не может не влиять на юридическое мышление. Однако до тех пор, пока не появятся взаимосвязанные правила, ради соблюдения которых, пусть и в разумных пределах, целесообразность приносится в жертву, ни о какой юриспруденции не может быть и речи (Найек, 1982a:121).

Социалистический образ мысли, требующий реализовать целесообразность жертвуя при этом любыми правилами, является не юридическим, но управленческим (Найек, 2014:182). При всей важности управления, такое не способно заменить коммуникативных социальных механизмов, основанных на всеобщей приверженности формальным правилам.

Формальные юридические правила, как мы установили выше, являются условием существования коммуникативных институтов и основанного на этих институтах сложного порядка. Его сохранение предполагает сохранение функциональной автономии юриспруденции от политики и управления. Неспособность социалистического правопонимания обеспечить функциональную автономию частного права, в отсутствие которого сложный порядок приходит к упадку, составляет главную претензию Хайека к данному подтипу картезианской юриспруденции.

Позитивизм. В отличие от социалистов, позитивисты не склонны делать вопрос о функции правил критерием их правовой природы (Antonov, 2021:132). Впрочем, если абстрагироваться от вопроса о функции права и обратиться к вопросу о *структуре права*, то здесь социалистический и позитивистский подтипы правопонимания обнаружат немалое сходство. Подобно социалистам, сторонники позитивистского взгляда на право склонны принижать значение не вполне осознанных принципов поведения и представлять структуру права как состоящую лишь из таких правил поведения, которые были *рационально сконструированы и выражены в виде достаточно четких предписаний* (Найек, 2014:349).

Важности рационально сконструированных правил Хайек не отрицает. В то же время, по его мнению, рационально сконструированные правила составляют лишь малую часть той системы правил, которая необходима для функционирования сложного социального порядка. Данный порядок состоит из столь великого множества различных фактов, что ни одному человеку не под силу учесть все обстоятельства, значимые при создании всеобъемлющей системы правил для такого порядка (Найек, 2014:345–346). Ученый убежден, что такая система правил возникает не в силу рационального конструирования человеческим умом, но в силу объективного эволюционного отбора принципов поведения, случайно оказавшихся эффективными в тех или иных исторических условиях (Найек, 1958:231).

Данные принципы, представленные институтами собственности и договора, не только не были рационально сконструированы исходя из некоего анализа конкретных фактов, но и, как таковые, не могут быть полностью отрефлексированы в виде системы ясно осознанных и словесно выраженных предписаний. Можно ли

исчерпывающе передать словами смысл таких принципов поведения, как, например, «добросовестность» или «честная игра»? Вопрос риторический, сделать это невозможно (Найек, 1982а:76).

Поведенческие ожидания, порождаемые этими не вполне осознанными принципами, не менее, а возможно даже более значимы, чем поведенческие ожидания, формируемые на основе эксплицитного знания сформулированных норм. В ряде ситуаций строгое применение сформулированных норм без учета разделяемых сообществом невербальных принципов способно разрушить нормальные поведенческие ожидания в гораздо большей степени, чем небольшое отклонение от формулировок официального текста. Стремление позитивизма опираться на ясно сформулированные правила даже ценой разрушения пока еще не вполне отрефлексированных ожиданий, играющих важную роль в поддержании социального порядка, заставило Хайека усомниться в том, что сложный спонтанный порядок может быть сохранен с опорой на одну лишь позитивистскую методологию (Найек, 1990:98; Найек, 2014:155).

Юснатурализм. В отличие от позитивизма третий подтип картезианского понимания, обозначенный нами как «естественно-правовой», далеко не всегда игнорирует абстрактные принципы правового поведения ради более глубокого анализа словесно выраженных предписаний. В целом ряде случаев Хайек дает доктринам естественного права высокую оценку. Впрочем, есть и аспект, на который эта высокая оценка не распространяется. Он заключается в вопросе *происхождения права*.

Такое происхождение многие представители естественного права приписывали некоему *сверхчеловеческому разуму* вроде метафизического Абсолюта или иного рода Высшего Существа, сознательно конструирующего рациональную систему правил для упорядочения человеческих дел. Пусть этот ум и не является человеческим, приписываемая ему способность создавать правила поведения сильно напоминает процесс формулирования правил поведения в сознании человека.

Подобный взгляд на происхождение правил Хайек именовал «антропоморфизмом» (Найек, 2010:82) и считал его одним из проявлений картезианского рационализма. Как и другие картезианские идеи, этот антропоморфизм мешает увидеть механизм формирования правил, который в принципе не связан ни с чьим сознательно действующим разумом – ни человеческим, ни сверхчеловеческим. Чтобы увидеть этот механизм, необходимо отказаться от картезианского взгляда на рациональное сотворение права неким разумным существом, столь характерного для представителей естественного права.

От картезианской юриспруденции – к критической. Подчеркнем еще раз: речь идет не о забвении трудов представителей естественного права как таковых. Эти труды, подобно трудам некоторых представителей юридического позитивизма и социализма, признавались Хайеком в качестве значимых (Найек, 2014:182, 299; Найек, 2011:260). Речь идет лишь о таких аспектах этих трудов, которые связаны с эпистемологическими идеями картезианского рационализма, склонного преувеличивать познавательные возможности человеческого ума в отношении рассредоточенной социальной информации и ведущего к непониманию механизмов спонтанной самоорганизации социально-правового порядка. Преодоление этих картезианских искажений как в социальной теории, так и в юриспруденции, составляет задачу эпистемологии критического рационализма. Далее мы попытаемся рассмотреть, каким образом сам критический рационализм мог бы ответить на вопросы происхождения, структуры и функции права.

Критическая юриспруденция

Критико-рациональный взгляд на право. Как и картезианская юриспруденция, критическая юриспруденция охватывает самые различные теории права. К критической парадигме в той или иной степени можно отнести как теорию естественного права Джамбаттиста Вико, творчество которого Хайек крайне высоко оценивал (Найек, 2011:91–92), так и противостоящую юснатурализму историческую школу Савиньи (Найек, 2014:301). Как экономико-правовую теорию Бруно Леони (Найек, 1973: 168), так и морально-правовую теорию Лона Фуллера (Найек, 1982а: 164). Все эти теории выдвигают немало юридических идей, созвучных критической эпистемологии. Примером наиболее комплексного применения этой эпистемологии к сфере права является теория самого Хайека. Присущие этой теории взгляды на функцию права, его структуру и происхождение мы рассмотрим подробнее.

Происхождение права. В отличие от картезианских теорий критический рационализм связывает первоначальное происхождение права не с деятельностью некоего сознательного разума, но с объективными процессами «культурной эволюции».

Как и любая эволюция, культурная эволюция основана на факторах изменчивости и отбора. Институциональная изменчивость, с которой начинается культурная эволюция, подчас мало чем отличается от случайных биологических мутаций. Существует тысяча причин, по которым те или иные правила поведения возникают в некотором человеческом коллективе и получают в нем стихийное распространение. Нередко новое правило возникает и распространяется в силу случайности или недопонимания, а люди, следующие данным правилам, не в состоянии понять их координационного эффекта. Все это с точки зрения эволюционного процесса не имеет никакого значения. Важно лишь то, могут ли эти случайно возникшие правила, некритически воспринятые некоторой группой, повысить эффективность взаимодействий внутри данной группы.

Человеческие коллективы, случайно натолкнувшись на эффективные правила, неизвестным для своих представителей образом выживают и расширяются. Человеческие коллективы, случайно натолкнувшись на не вполне эффективные правила, столь же неизвестным для своих представителей образом постепенно уменьшаются и в конце концов вымирают. Вместе с вымиранием неэффективных коллективов автоматически вымирают и неэффективные правила. И наоборот: эффективные правила *автоматически* выживают вместе с выжившим благодаря им коллективом. Процесс, при котором через выживание эффективных коллективов постепенно формируется и совершенствуется система эффективных правил поведения, передаваемых от одного индивида к другому посредством обучения культуре, составляет суть процесса культурной эволюции.

Именно этот процесс является ключом к пониманию происхождения эффективных правил, сознательно изобрести которые ни одному человеку не под силу. Когда мы задаемся вопросом в духе «кто изобрел столь разумные правила?» нам вовсе не обязательно искать некоего мудрого законодателя, создавшего их целенаправленно. Достаточно обратить внимание на процессы культурной эволюции, при которых эффективные системы правил поведения автоматически сохраняются и совершенствуются в ходе эволюционного отбора наиболее преуспевающих групп. Такое объяснение первоначального возникновения эффективных правил собственности, не требующее того, чтобы они были сознательно изобретены неким разумным

существом, составляет отправную точку теории происхождения права с точки зрения критического рационализма.

Структура права. Изначально возникшее без участия сознающего ума, право как культурная структура не может состоять лишь из правил поведения, рационально сконструированных для определенной цели и выраженных в виде четких предписаний. Рационально сконструированные правила представляют собой относительно позднее изобретение и образуют лишь один из элементов психической структуры права. Сама эта психическая структура, в свою очередь, является лишь одним из двух уровней структурирования права: 1) социального; 2) психического. Начнем рассмотрение *двухуровневой структуризации права* с ее наиболее важного, социального уровня.

Социальная структура. Даже если два правила поведения плохо совместимы друг с другом с точки зрения логики, т.е. не имеют общей логической структуры, данные правила все равно могут иметь общую *социальную* структуру, если индивиды, приверженные этим правилам, следуют данным правилам *таким* образом и в *таких* ситуациях, при которых *непреднамеренные* последствия их действий оказываются *объективно* скоординированными независимо от их *субъективных* ожиданий относительно эффекта своих действий (Наук, 1967:168).

Пусть для субъективного восприятия самих действующих индивидов принцип этой объективной координации может остаться неизвестным, как и сам ее факт, до тех пор, пока индивиды следуют правилам, обладающим общей социальной структурой, они могут ощутимо выиграть от координации, о существовании которой даже не подозревают и результаты которой воспринимают как нечто само собой разумеющееся.

Если учесть, что причина скоординированности действий, порожденных никак не связанными друг с другом правилами поведения, может заключаться в соотношении множества различных фактов и событий (Наук, 1982a:105), полностью осмыслить которые не под силу ни одному человеку или правительству, то не стоит удивляться, что и некоторые социально скоординированные правила поведения оказываются, тем не менее, плохо скоординированы друг с другом с точки зрения психологии и даже логики. Логический ум не в силах постичь всех конкретных фактов, определяющих удачную взаимодополнительность отдельных действий в сложной социальной системе, ввиду чего правила поведения, требующие совершения этих взаимодополняющих действий, и сами могут показаться «нелогичными»².

Подобно тому, как «нелогичный» спонтанный порядок, возникший без непосредственного планирования человеческим разумом и неподвластный для этого разума во всех своих деталях, может серьезно пострадать от попыток эпистемически необоснованного директивного вмешательства в свои стихийные процессы, отобранные эволюцией «нелогичные» правила поведения, связанные непреднамеренно возникшей социальной координацией, могут пострадать от попыток собрать их в едином центре кодификации и выстроить в логически упорядоченную систему норм. Неосторожное использование логики способно навредить логически непостижимой социальной структуре права, поэтому очень важно четко отделить социальную структуризацию права от логической и психической.

² Как писал один из любимых авторов Хайека, Алексис де Токвиль: «если вы видите, что какой-то народ логичен в своем законотворчестве, не спешите делать заключение о его мудрости, исходите лучше из того факта, что он просто еще очень молод» (Tocqueville, 1992:106).

Психическая структура. Психическая структура права представляет собой устойчивую связь правовых норм как элементов психики отдельного индивида. Если социальный уровень структурирования права описывает право как дисперсно рассредоточенную социальную структуру, взаимодополняющие фрагменты которой, представленные отдельными правилами поведения, как бы рассредоточены между «головами» различных индивидов, то психический уровень структурирования права описывает соотношение различных правил и принципов поведения друг с другом внутри каждой отдельно взятой «головы» (Найек, 2014:288).

Хайек признает, что познать все нейронные связи, определяющие соотношение тех или иных правил на уровне психики того или иного индивида, представляется невыполнимой задачей. Для объяснения этих связей, составляющих неотъемлемую часть психики индивида в целом, необходима объяснительная структура, по степени своей сложности значительно превосходящая человеческий разум. Только более сложная структура способна игрой своих элементов изобразить более простую. Но если этой более простой структурой оказывается сам человеческий разум, то как мыслящий индивид может выйти *за пределы своего же разума* и посмотреть на самого себя сквозь призму элементов более сложной системы, *не являющейся его разумом*? Представляется, что сделать это невозможно, а значит и человек никогда не сможет исчерпывающе объяснить механизм функционирования своего собственного ума (Найек, 1952:185).

Одно из следствий данной эпистемической невозможности состоит в том, что человек, помимо прочего, никогда не сможет осознать всех взаимосвязей между различными принципами поведения, определяющими его юридическое мышление и поведение (Найек, 2014:252–253). В юридическом мышлении всегда будут присутствовать принципы поведения, которые бессознательно «активируются» (Найек, 2014:247) в той или иной ситуации даже несмотря на то, что сознательная часть человеческого разума не в состоянии детально обосновать, почему именно эти принципы кажутся ему применимыми в данной ситуации и в данном соотношении друг с другом (Найек, 2014:234).

Определяясь такими взаимосвязями на уровне человеческой психики, которые сам человек не в силах рефлексивно ухватить, данные паттерны совместной когнитивной активации тех или иных правовых принципов в той или иной пропорции составляют своеобразное «чувство права» (Найек, 2014:325), которое образует наиболее абстрактный уровень правосознания. Данный уровень правосознания отвечает за наиболее тонкие нюансы юридической классификации социальных фактов, а сами бессознательные паттерны такой классификации, критерии которых едва ли можно исчерпывающе сформулировать при помощи слов, определялись Хайеком как «правила первого типа» (Найек, 2014:344). По соображениям удобства мы будем именовать их «*имплицитными правилами*».

В той мере, в которой развитие человеческого языка позволяет все более четко описывать содержание этих правил при помощи слов, многие из имплицитных правил, которые ранее практиковались не вполне осознанно, начинают приобретать словесную форму. Такая словесная форма крайне полезна в тех ситуациях, когда, в силу усложнения общества и роста индивидуальных различий между его представителями, люди уже не могут согласовать свои действия на основе одних лишь имплицитных ожиданий. Разрешение конфликтов, возникающих из несовпадения привычных ожиданий, требует эксплицитного согласования ожиданий с помощью языковой

коммуникации, направленной на прояснение смысла общепризнанных правил. Из практики такого прояснения, составляющей важную часть судебной процедуры, формируется язык права, позволяющий согласовать значение правил при помощи слов (Науек, 1982а:77). Правила поведения, постепенно получившие достаточно исчерпывающее выражение при помощи слов, Хайек именовал «правилами второго типа» (Науек, 2014:344). Мы будем называть их «*эксплицитными правилами*».

Опыт экспликации и систематизации правил, ранее существовавших лишь в неосознанной форме, и только со временем получивших однозначную словесную формулу, позволил человеку выйти из-под безусловной власти неосознанных принципов и овладеть ими на уровне сознания, представить их как частное предписание, которому можно как следовать, так и не следовать в зависимости от собственных желаний и воли. Осознанная воля, вышедшая из-под власти правил поведения, следование которым ранее было бессознательным, не просто эмансипировалась от унаследованных правил, но овладела методами сознательного конструирования новых правил при помощи средств языка для достижения тех или иных конкретных целей. Так появилось законодательство.

Эти законодательные правила во многом похожи на эксплицитные правила «второго типа», однако, в отличие от последних, не воплощают в себе эволюционного опыта проб и ошибок, плодом которого эксплицитные правила были еще до их языковой экспликации. Вместо практического опыта проб и ошибок, который с необходимостью содержится в культурно унаследованных правилах (Науек, 2014:46; 292), правила поведения, которые с самого начала были сознательно сконструированы индивидуальным человеческим умом для определенной цели, содержат лишь те весьма ограниченные знания, которые содержатся в этом отдельно взятом человеческом уме. Фундаментальное *информационное* отличие такого рода правил о тех, что были сформулированы в ходе языкового прояснения бессознательно унаследованных принципов, заставляет Хайека выделить законодательные правила, сознательно созданные человеческим умом для определенной цели, в отдельную группу правил, именуемых «правилами третьего типа» (Науек, 2014:344). Обозначим их как «*сконструированные правила*».

Подобно имплицитным и эксплицитным правилам, сконструированные правила представляют собой один из трех уровней психической структуры права. Каждый из этих уровней играет свою важную роль. Имплицитные правила бессознательно регулируют наше поведение в большей части случаев; там, где у нас возникают сомнения или конфликты, мы сверяемся с эксплицитными правилами; там, где унаследованные эксплицитные правила становятся явно дисфункциональными, мы стараемся дополнить их рационально сконструированными. Сознание через посредство сконструированных правил корректирует бессознательное, представленное имплицитными правилами. И наоборот: нерефлексивные поведенческие навыки действуют там, где сознательный контроль над каждым элементом действия не способствует эффективности поведения (Науек, 2014:60–61). Такова диалектика абстрактных когнитивных паттернов и конкретных языковых структур. Продуктивность этой диалектики определяется правильным соотношением всех трех уровней психической структуры права друг с другом. Пытаться сознательно отрефлексировать каждый момент следования правилу столь же непродуктивно, как и полагаться на одно лишь неартикулированное «чувство права». Полностью отказываться от рационального законодательства столь же неразумно, как и делать его единственным

источником юридических правил для рядовых граждан. В этом смысле оптимальное соотношение различных источников права может проистекать из правильного понимания психической структуры права, образующей второй уровень его структуризации.

Функция права. Обладая не только психической, но и социальной структурой, представленной множеством дисперсно рассредоточенных фрагментов, право, как и децентрализованный ценовой механизм, может выполнять *функцию автоматического социального вычисления*.

Подобно децентрализованным ценовым сигналам, передающим рассредоточенную информацию из самых разных уголков социального порядка за счет того, что каждый индивид в цепочке транзакций, с одной стороны, передает последующему контрагенту информацию, полученную от предыдущего, а с другой – несколько модифицирует эту информацию исходя из своего локального знания, как бы «обогащая» проходящий через него ценовой сигнал и передавая его далее для еще более точного корректирования со стороны контрагентов из других сфер социальной координации, определенные правила взаимодействия между контрагентами также могут проходить через самые разные социальные контексты и «обогащаться» новыми уточнениями по мере своего хождения в обществе.

Взаимно модифицируя нюансы своего поведения таким образом, чтобы, с одной стороны, учесть интересы ближайших контрагентов, а с другой – учесть при этой модификации свои локальные обстоятельства, участники социальных отношений способствуют постепенному формированию такой системы правил поведения, которая, с одной стороны, имеет широкое распространение в обществе, а с другой – опосредованно воплощает в себе дисперсно рассредоточенное знание о локальных обстоятельствах, известных лишь определенным акторам и привнесенных этими акторами в те моменты, когда у них была возможность несколько модифицировать общеизвестные правила при их применении в определенных ситуациях.

Пусть система правил, возникающая в результате стихийных микроадаптаций социальных акторов к условиям деятельности своих ближайших контрагентов, и не столь динамична, как система ценовых сигналов, она, тем не менее, вполне может рассматриваться как своеобразный коммуникативный институт, выполняющий функцию аккумуляции и передачи дисперсно рассредоточенной информации (Наyek, 1991:76). Возможно, не все правила поведения, участвующие в такой коммуникации, можно именовать «правом». Это не так важно. Важно то, что многие правовые обычаи и прецеденты действительно могут формироваться под воздействием множества стихийных микроадаптаций и за счет этого приобретать информационную функцию наподобие той, что характерна для ценовых сигналов (Наyek, 2014:161–163).

Таковы некоторые общие рассуждения о функции права с точки зрения критического рационализма, представляющего правовую систему не потребителем информации, предварительно собранной в уме законодателя, но децентрализованным институтом, способным эту информацию самостоятельно производить и тем самым быть *механизмом когнитивной адаптации* как отдельного индивида, так и целого правительства к сложному социальному порядку, о котором никто и никогда не будет обладать достаточно полной управленческой информацией (Наyek, 1982a:13).

Заключение

С точки зрения эпистемологии критического рационализма все правовые учения можно разделить на два типа: критические и картезианские. Картезианские правовые учения рассматривают право как целенаправленно сконструированную систему правил, выраженных в четких формулировках законодательных текстов и подкрепленных угрозой государственного принуждения. Предполагается, что с помощью такого целенаправленно созданного права агенты государства могут сделать общественные отношения более рациональными и эффективными. Вера в то, что социальные взаимодействия могут быть усовершенствованы подобным образом, проистекает из картезианской эпистемологии, допускающей, что агенты государства могут собрать всю необходимую для управления обществом информацию в едином центре принятия решений и использовать ее для принятия рациональных законов. Сомнение в том, что рациональная система норм, охватывающая ключевые сферы социальной жизни, может быть рационально сконструирована подобным образом, характерно для эпистемологии, противоположной картезианству – эпистемологии критического рационализма. С точки зрения критического рационализма, система норм, призванная усовершенствовать социальный порядок, не может быть сконструирована централизованным путем по причине нецентрализованного характера необходимой для этого социальной информации. Информация, которую нужно учесть при таком конструировании, является крайне фрагментарной, дисперсно рассредоточенной и в большинстве своем не вполне осознаваемой. Собрать всю эту информацию в едином центре планирования для создания рациональной правовой системы технически невозможно. Поэтому правовая система, эффективно регулирующая взаимодействия людей в сложном порядке, возникает не через осознанное конструирование, а через спонтанную эволюцию добровольно воспринятых частнопровых обычаев. Подобная эволюция характеризуется множеством взаимно учитывающих друг друга цепочек локальных адаптаций, результирующих в формирование системы правил, учитывающей множество дисперсно рассредоточенных локальных фактов. Косвенно отражая эти рассредоточенные факты в специфике стихийно сложившихся правил, такая система частнопровых обычаев, образно говоря, «производит» информацию о состоянии социального порядка. Этой способностью к производству информации о сложном порядке спонтанно эволюционирующие обычаи принципиально отличаются от целенаправленно сконструированного законодательства, не производящего, но лишь «потребляющего» информацию, собранную агентами государства в едином центре принятия решений. Информация, которая может быть централизованно собрана подобным образом, существенно ограничена психическими способностями отдельных людей и не идет ни в какое сравнение с тем практически неограниченным количеством социальной информации, которое «автоматически» воплощается в спонтанно сложившейся системе обычаев. Информационное превосходство системы спонтанно эволюционирующих обычаев над целенаправленно созданным законодательством приводит критических рационалистов к выводу, что именно система добровольно воспринятых частнопровых обычаев может служить основой наиболее эффективного и рационального социального порядка. Имея в виду формирование такого порядка, они отказываются от видения права как рационально сконструированного законодательства и представляют право системой спонтанно эволюционирующих обычаев и прецедентов частного права.

Таков взгляд на право, вытекающий из эпистемологии критического рационализма. Как показывает наш анализ, эти различия достаточно значительны, чтобы говорить не просто о двух взглядах на право, но, возможно, о двух типах юриспруденции, по-разному отвечающих на ключевые вопросы о происхождении права, его структуре и функции. Если учесть, что один из этих типов юриспруденции принуждает как отдельного индивида, так и целое правительство адаптироваться к объективным фактам общества, в то время как другой тип юриспруденции принуждает целое общество адаптироваться к ограниченным субъективным представлениям отдельных акторов, различие двух типов юриспруденции с точки зрения критического рационализма может оказаться не менее значимым, чем классическое различие естественного права и юридического позитивизма.

References / Список литературы

- Antonov, M. (2021) Legal positivism and problems of development of Russian law. *Ideology and Politics Journal*. 2(18), 120–151. <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.02.00006> (in Russian).
- Антонов М.В. Юридический позитивизм и проблемы развития российского права // *Ideology and Politics Journal*. 2021. № 2(18). С. 120–151. <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.02.00006>
- Caldwell, B. (2014) *Introduction*. In: Hayek F.A. *The Market and Other Orders*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Gissurarson, H. (1987) *Hayek's Conservative Liberalism*. New York, Garland Publishing.
- Hayek, F.A. (1941) Planning, Science and Freedom. *Nature*. 148(3759), 580–584.
- Hayek, F.A. (1952) *The Sensory Order. An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology*. Chicago, University of Chicago Press.
- Hayek, F.A. (1958) Freedom, Reason and Tradition. *Ethics*. 68(4), 229–245.
- Hayek, F.A. (1967) *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Hayek, F.A. (1982a) *Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Rules and Order*. London, Routledge.
- Hayek, F.A. (1982b) *Law, Legislation and Liberty. Vol. 2. The Mirage of Social Justice*. London, Routledge.
- Hayek, F.A. (1982c) *Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. The Political Order of a Free People*. London, Routledge.
- Hayek, F.A. (1990) *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. London, Routledge.
- Hayek, F.A. (1991) *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Hayek, F.A. (2007) *The Road to Serfdom*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Hayek, F.A. (2010) *Studies on the Abuse and Decline of Reason: Texts and Documents*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Hayek, F.A. (2011) *The Constitution of Liberty*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Hayek, F.A. (2014) *The Market and Other Orders*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Polanyi, M. (1985) *Personal Knowledge*. Moscow, Progress Publ. (in Russian).
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 334 с.
- Popper, K. (1992) *The Open Society and Its Enemies. Vol.1. The Spell of Plato*. Moscow, Phoenix Publ. (in Russian).
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. Чары Платона. М.: Феникс. 448.

Tocqueville, A. de (1992) *Democracy in America*. Moscow, Progress Publ. (in Russian).

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

Toulmin, S. (1984) *Human Understanding*. Moscow, Progress Publ. (in Russian).

Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328.

Сведения об авторе:

Рааб Руслан Султанович – аспирант, департамент теории права и сравнительного правоведения факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID ID: 0000-0001-5506-152X; SPIN-код: 2346-2702; ResearcherID: AAG-4745-2019
e-mail: belchikroma@gmail.com

About the author:

Ruslan S. Raab – Postgraduate student, Department of Legal Theory and Comparative Jurisprudence, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; 3 Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-5506-152X; SPIN-code: 2346-2702; ResearcherID: AAG-4745-2019
e-mail: belchikroma@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-63-79>
EDN: PYDCOF

Научная статья / Research Article

Парламентский контроль в Ираке: история и современность

А.Р. Али Джихад

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Университет Аль-Нахрейн, Джадрия, г. Багдад, Республика Ирак
 ammarraad277@gmail.com

Аннотация. Феномен иракского конституционализма традиционно вызывает скептическое отношение исследователей. Это обусловлено не только историческими трудностями, с которыми столкнулся иракский конституционализм, но и отсутствием, по мнению исследователей, действенных механизмов правовой охраны конституции. К числу таких механизмов относится институт парламентского контроля, состояние которого в Ираке и его исторических предшественниках практически не получило освещения среди российских ученых-конституционалистов, чем и обусловливается актуальность исследования. Объектом исследования стали история и современное состояние парламентского контроля в Ираке. Предложив собственную периодизацию истории иракской государственности, автор анализирует основные источники правового регулирования парламентского контроля в каждый из выделенных исторических периодов, обращая также к оценкам практики применения конституционных положений и оценкам современников. Методом исследования стал анализ релевантного нормативного регулирования и анализ практической реализации конституционных норм о парламентском контроле на основе оценок ученых-конституционалистов. Автор приходит к выводу, что институт парламентского контроля в Ираке возникает в эпоху позднего османского владычества и укрепляется в первой половине XX века, после чего фактически демонтируется по политическим и идеолого-правовым соображениям. Автор анализирует современное состояние института парламентского контроля в Ираке, в том числе и нетипичные контрольные полномочия. По мнению автора, их возникновение является реакцией конституционного законодателя на последовательное угнетение механизмов народного представительства, которая, однако, привела к радикализации роли парламента в системе разделения властей Ирака.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, разделение властей, представительный орган, конституция, конституционализм

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 21 декабря 2022 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Али Джихад А.Р. Парламентский контроль в Ираке: история и современность // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 63–79. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-63-79>

History and current state of parliamentary oversight in Iraq

A.R. Ali Jihad

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
Al-Nahrain University, *Jadriya, Baghdad, Iraq*
 ammarraad277@gmail.com

Abstract. The phenomenon of Iraqi constitutionalism traditionally arouse skepticism among researchers. This is due not only to the historical difficulties faced by Iraqi constitutionalism, but also to the lack, according to researchers, of effective mechanisms for legal protection of the constitution. Among such mechanisms is the institution of parliamentary control in Iraq and its historical predecessors that has received virtually no coverage among Russian constitutional scholars, which determines the relevance of the study. The object of the study is the history and current state of parliamentary control in Iraq. Having proposed his own periodization of the history of Iraqi statehood, the author analyzes the main sources of legal regulation of parliamentary control in each of the identified historical periods, also referring to the assessments of applying constitutional provisions practice and assessments of contemporaries. The research method is the analysis of relevant normative regulation and practical implementation of constitutional norms on parliamentary control based on the assessments of constitutional scholars. The author concludes that the institution of parliamentary control in Iraq emerged in the late Ottoman era and strengthened in the first half of the XX century, after which it was dismantled for political, ideological and legal reasons. The author analyzes the current state of the institution of parliamentary control in Iraq, including atypical control powers of modern parliament. According to the author, their emergence is a reaction of the constitutional legislator to consistent oppression of mechanisms of popular representation, which, however, led to radicalization of the role of parliament in the system of separation of powers in Iraq.

Key words: parliament, parliamentarism, separation of powers, assembly, constitution, constitutionalism

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21st December 2022

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Ali Jihad A.R. (2024) History and current state of parliamentary oversight in Iraq. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 63–79. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-63-79>

Введение

Феномен иракского конституционализма вызывает, по самым скромным оценкам, скептическое отношение исследователей. Представляется, что это обусловлено особым историческим контекстом. Не секрет, что становление современного конституционного права Ирака обязано весьма драматическим событиям, связанным с иностранной интервенцией, последующей гражданской войной и по-прежнему

длящейся эскалацией социальной напряженности. В свою очередь, конституционно-правовые институты, действующие в современном Ираке, во многом являются продуктом этих исторических потрясений, что негативно сказалось на их эффективности. Иными словами, генезис этих институтов предсказуемо определил их функционирование, которое подвергается достаточно бескомпромиссной критике в литературе. Неудивительно, что наиболее эмоциональные оценки получают события 2003 г., которые хотя и предопределили архитектуру современного иракского конституционализма, однако в результате которых, по мнению исследователей, конституционализм как таковой «оставил» иракские земли (Morrow, 2006), а само понятие конституционализма полностью исчезло (Jensen, 2013).

Подтвердить либо опровергнуть эти тезисы возможно посредством оценки состояния конкретных правовых доктрин и институтов, функционирующих в современном Ираке, и которые, как считается, являются характерными атрибутами правового государства и гарантиями реального, а не иллюзорного (фиктивного) конституционализма (Sajó & Uitz, 2017). Однако эта задача не столь тривиальна, как может показаться. Например, известно, что в механизме правовой охраны Конституции Нидерландов не представлен конституционный контроль, который к тому же возбраняется самим конституционным текстом (Korstens, 2021). В то же время практике Конституционного совета Франции, судя по всему, неизвестна концепция правового государства (*état de droit*) (Duevre, 2017).

Существование подобных парадоксов едва ли может подвергнуть сомнению тот факт, что Нидерланды и Франция являются конституционными и правовыми государствами. В то же время современному Ираку известны и конституционная юстиция¹, и концепция правового государства², что, однако, не позволяет безапелляционно утверждать об успехе иракского конституционного строительства. Так, высказываются суждения, что Федеральный Верховный суд Ирака, который осуществляет централизованный конституционный контроль в стране, даже при рассмотрении ординарных дел испытывает нехватку базового конституционно-контрольного инструментария; это трансформировало суд в «символический институт», куда обращаются заинтересованные лица по политическим мотивам (Ray, 2019).

В связи с этим представляется, что оценка реального состояния конституционного порядка в Ираке требует первоочередного обращения к другим, более консенсусным институтам, непременно наличествующим в конституционных правовых системах, – институтам народного представительства. Помимо того, что парламент (какой-либо иной представительный орган) олицетворяет собою законодательную власть, он играет ключевую роль в системе разделения властей, в связи с чем нередко наделяется, помимо законотворческих, бюджетными, кадровыми, квазисудебными (объявление амнистии) или даже подлинно судебными функциями (экстраординарный пересмотр судебных актов). Кроме того, примечательно, что вне зависимости от избранной парламентской модели представительный орган, как правило, обладает и существенными контрольно-надзорными полномочиями, которые могут заключаться в контроле за деятельностью назначаемых ими должностных лиц посредством их опросов или выдвижения против них обвинений, обусловленных ненадлежащим

¹ В Ираке полномочиями по конституционному контролю наделяется Федеральный Верховный суд в соответствии со статьей 93 ныне действующей Конституции.

² Цель построения правового государства (в смысле «*a nation of law*») провозглашена в преамбуле ныне действующей Конституции Ирака.

исполнением их обязанностей. Соответственно, анализ исторического развития и современного состояния механизмов парламентского контроля в Ираке может стать довольно красноречивым индикатором существующих конституционно-правовых проблем в стране.

История иракского парламентского контроля и парламентаризма как такового довольно редко и фрагментарно попадает в поле зрения исследователей, а в российской литературе и вовсе практически не освещается (Sapronova, 2006). Это объясняется чрезвычайной сложностью объекта исследования. Сложность эта обуславливается тем, что на территории современного Ирака попеременно реализовались как минимум три различные модели правовой организации государства: традиционалистская, социалистическая и конституционно-правовая в ее классическом «западном» понимании³. Более того, начиная с VII века, каждая из них была в известной степени осложнена религиозным элементом, что также в известной степени оказывает «охлаждающий эффект» на исследователей. Этим и обуславливается актуальность настоящей работы, поскольку в российской конституционно-правовой науке вопросы эволюции парламентского контроля в Ираке и положения парламента в системе государственной власти практически не получали широкого освещения.

Настоящее исследование использует в качестве своего основного метода анализ исторических документов, а также свидетельств об их практической реализации в конституционно-правовой практике Ирака и его исторических предшественников, что сопровождается релевантными экспертными оценками.

Парламентский контроль в эпоху османского владычества: terra incognita

Парламентская традиция Ирака восходит еще к периоду османского владычества. В этом контексте следует констатировать упущение историко-правовой науки, не уделившей должного внимания изучению конституционализма поздней Османской империи. Между тем в 1876 г. была принята первая Конституция Османской империи, которая по предмету регулирования и логике своей конструкции была крайне похожа на конституции США и Франции, являвшиеся колыбелью классического «западного» конституционализма. При этом Конституция 1876 года предполагала учреждение двухпалатного парламента – Национального Собрания (статья 42) (Ubichini & Kurteyl', 1877), который обладал кругом контрольных полномочий, пусть и довольно скудным.

Прежде всего Национальное Собрание включалось в систему рассмотрения обращений от частных лиц. Как показывает анализ статей 14, 52 и 64 Конституции 1876 г., петиция могла стать предметом рассмотрения верхней палаты парламента – Сената в том случае, если заявителем были исчерпаны возможности по подаче петиции ответственным должностным лицам либо государственным органам. При этом парламента не являлся последней инстанцией в процедуре рассмотрения петиций: он

³ Это суждение основано на авторской периодизации истории иракской государственности. Так, автор предлагает выделять период так называемого «традиционалистского уклада» (Вавилонское, Ассирийское государства и т. д.) (до 636 (650) г. н.э.), периоды арабского (636 (650)–1534 гг.), османского (1534–1920 гг.) и британского (1920–1932 гг.) владычества, период республиканского социалистического Ирака (1958–2003 г.) и современного иракского конституционализма (с 2003 г.). Следует подчеркнуть условный характер данной периодизации, поскольку с исторической точки зрения данные периоды являются весьма неоднородными.

имел право принять решение о коммунцировании петиции великому визирю (председательствующему в Совете министров), если она, по мнению палаты, заслуживала особого внимания. При этом Сенат не был лишен возможности сопроводить эту петицию собственными замечаниями. Таким образом, Национальное Собрание имело возможность достаточно ограниченно, но реагировать на отдельные факты нарушения правопорядка.

Кроме того, Конституция 1876 г. отводила парламенту функцию апостериорного санкционирования чрезвычайных полномочий министра. Как следует из ее статьи 36, в экстраординарных ситуациях, имеющих место в перерывах между парламентскими сессиями, министр посредством указа султана (ираде) наделялся правом принятия срочных мер для защиты государственной и общественной безопасности. Эти меры, однако, в дальнейшем должны были стать предметом рассмотрения Национального Собрания, в том числе на предмет соответствия их Конституции. Такое полномочие также не стало эксклюзивным и, судя по всему, берет свои исторические корни из древнеримской эпохи, где *populus Romanus* в лице Сената мог наделить диктатора строго темпорально очерченными чрезвычайными полномочиями. Тем не менее, подобное полномочие служило примером своеобразного парламентского контроля *ex post facto* – констатацией того, что исполнительная власть придерживается курса, соответствующего с интересами народа, выраженными через его представителей.

Наконец, особенно примечательным является то, что Конституция 1876 г. предусматривала положения о политическом конституционном контроле. Эти функции, насколько следует из ее статьи 64, были сосредоточены в руках Сената, который обязан был мотивированно отклонить законопроект, предложенный нижней палатой парламента – Палатой депутатов, и противоречащий конституции и иным охраняемым ею ценностям (государственная безопасность, территориальная целостность, добрые нравы и т. д.). Тем не менее, институционализированной конституционной юстиции на территории современного Ирака тогда не существовало.

Если ограничиваться лишь буквальным толкованием конституционного текста, может сложиться превратное впечатление о том, что культура парламентского контроля и традиция парламентаризма как такового на территории современного Ирака начала формироваться еще в последней трети XIX в. Такое предположение является ошибочным по той причине, что в период с 1878 по 1908 г. анализируемая конституция фактически не действовала (Brown, 2004). Одним из проявлений этого, в частности, является роспуск Национального Собрания в 1878 г. султаном Абдулом Хамидом II. Парламент возобновил свою работу только в 1908 г., при этом весьма любопытно, что немалую роль в его формировании на выборах сыграло население территории современного Ирака. В литературе отмечается, что за считанные годы до распада Османской империи иракцы активно принимали участие в первых парламентских выборах 1908 г., и именно тогда они впервые столкнулись с явлением межпартийной конкуренции (Dawisha, 2005), которая сегодня является одним из признаков не только реального парламентаризма, но и «здорового» конституционализма в целом. Вместе с тем стоит отметить, что сколько-либо достоверных исторических свидетельств о задействовании Национальным Собранием своих контрольных полномочий не сохранилось. Тем не менее, наличие их *de jure* уже свидетельствует о начале формирования контрольной традиции в числе полномочий Иракского парламента, которые, как будет показано далее, в последующие годы получают существенное развитие.

С точки зрения конституционно-правовой эволюции исторических предшественников Ирака принятие Конституции 1876 г., которая содержала достаточно прогрессивные для своего времени положения о парламентском контроле, является довольно закономерным. Представляется, что заслуга периода османского владычества перед будущим иракского конституционализма состоит в сохранении доисламской традиции правления, которое ограничено высшими идеями справедливости и соображениями защиты прав личности (Arjomand, 2007), что весьма созвучно конституционно-правовым постулатам. Более того, если присутствие этого принципа в период до XIX в. на землях Ирака было скорее незримым, чем реально ощутимым, то к концу османского владычества, в том числе благодаря большей открытости османского государства и его ориентации на западный конституционно-правовой опыт, этот принцип воплотился в реальных демократических институтах, действовавших на территории Ирака в конце XIX – начале XX в. (Jihad, 2023).

Укрепление традиций парламентского контроля в первой половине XX века

Исторически первая попытка построения подлинного конституционного государства на иракских землях ознаменовалась принятием монархической Конституции 1925 г., которая составляла правовую основу иракской государственности не только в период британского владычества, но и в период его независимости (с 1932 г. – снятия британского мандата по 1958 г.). Поскольку данный документ разрабатывался с опорой на классические на тот момент воззрения на конституционное право, он продолжил и, как представляется, укрепил институт парламентского контроля в Ираке.

В этом контексте исходной посылкой является конституционное положение о том, что носителем государственного суверенитета признается иракская нация в целом (статья 19). Логическим следствием данного положения является учреждение двухпалатного парламента Ирака – Национального собрания, которое на дуалистических началах осуществляло государственную власть наряду с Королем (статья 28). При этом Конституция 1925 г. впервые *expressis verbis* предусмотрела элементы сдержек и противовесов в соответствии с американской конституционно-правовой традицией, в которой парламенту отводилась не последняя роль. Например, Национальное собрание имело возможность выразить недоверие правительству – Совету министров, что влекло за собой отставку последнего (статья 66).

Применительно к контрольным полномочиям парламента Конституция 1925 г. впервые в истории Ирака предусмотрела институт парламентского опроса. Статьи 54 и 58 наделяли каждого парламентария правом задавать вопросы министрам, вызываемых на заседания Национального собрания. Судя по всему, опрос могла проводить каждая из палат Собрания в соответствии с собственными применимыми процедурными правилами, однако у министров была возможность заранее ознакомиться с кругом вопросов, адресованных им, и подготовить на них ответы. Кроме того, предполагалось, что коллективная ответственность министров перед парламентом будет усиливаться за счет прямого указания статьи 66 на возможность объявления Палатой депутатов (нижней палатой парламента) вотума недоверия Кабинету министров либо отдельным министрам, после чего те должны были уйти в отставку.

Далее, именно Конституция 1925 г. впервые предусмотрела процедуру импичмента в отношении должностных лиц, подотчетных Национальному собранию.

Согласно статьям 82 и 85 конституции полномочиями по выдвижению соответствующего обвинения обладала Палата депутатов, при том что обвиняемые лица должны были немедленно сложить с себя полномочия. Таким образом, по смыслу Конституции 1925 года представительный орган обладал не только контрольными полномочиями в отношении министров, но и прерогативой по инициированию процедуры привлечения их к ответственности за нарушение конституционных положений.

Наконец, примечательно, что, в отличие от Конституции 1876 г., рассматриваемый конституционный правовой порядок отказался от политического конституционного контроля как основной формой контроля за конституционностью принимаемых нормативных актов. Теперь конституционность актов парламента оценивает Верховный суд Ирака, который для этих целей созывается Королем с согласия Совета министров (статья 83). Предметом нормоконтроля могли быть как законы, издаваемые парламентом, так и акты делегированного нормотворчества (статья 84). Более того, статьей 86 предусматривалась возможность применения компенсаторных механизмов в случае, если действие неконституционного акта парламента причинило какие-либо убытки. Эта деталь представляется крайне любопытной на том фоне, что, например, в Российской Федерации – в государстве с куда более прочными традициями конституционного контроля – возможность применения компенсаторных механизмов в конституционном судопроизводстве была предусмотрена только в конце 2020 г.⁴

Трудно спорить с тем, что положения Конституции 1925 г. стали поистине прорывными в истории конституционного права Ирака, в том числе по той причине, что сфера парламентского контроля была значительно расширена, при этом будучи довольно органично встроенной в систему разделения властей. В этом контексте легко объяснить тот факт, что в ходе разрешения конституционного кризиса 2003–2005 гг. в Ираке при обсуждении вопроса о новой иракской конституции выдвигались предложения об использовании Конституции 1925 г. в качестве основы, с дисквалификацией, однако, всех упоминаний о монархической форме правления⁵. Положения Конституции 1925 г. получают позитивные оценки и среди исследователей. В частности, российскими авторами отмечается, что эта конституция одна из первых на Ближнем Востоке обозначила курс на построение современного правового общества (Нажруллин & Коротаев, 2017), а также стала одной из наиболее прогрессивных на ближневосточном пространстве (Сапронова, 2006).

Сказанное, однако, едва ли применимо к практике функционирования контрольных механизмов Национального собрания, которые в действительности не были эффективны. Одна из главных тому причин состоит в том, что Конституция 1925 г., несмотря на закрепленную ей парламентскую монархию, предоставляла монарху ряд дискреционных полномочий, в том числе право роспуска парламента, прерогативу согласования принятия любых законодательных актов посредством абсолютного вето (статьи 62, 65) и т. д. Таким образом, монарх фактически единолично контролировал отправление государственной власти (Jensen, 2013).

⁴ Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», подпункт «е» пункта 56 статьи 1 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Democratic Principles and Procedures Working Group. The Future of Iraq Project. Final Report on the Transition to Democracy in Iraq. Режим доступа: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB198/FOI%20Democratic%20Principles.pdf> (дата обращения: 28.11.2023). P. 8-10

Далее, нельзя не учитывать исторический контекст, в котором принималась Конституция 1925 г. Уместно вспомнить, что падение османского владычества само по себе не положило начало независимости Ирака, а ознаменовало начало периода британского владычества, которое с правовой точки зрения выразилось в том, что Ирак приобрел статус подмандатной территории, управляемой своим мандатарием – Великобританией в порядке статьи 22 Устава Лиги Наций. Так, согласно итоговой резолюции Конференции в Сан-Ремо 1920 г. Месопотамия наряду с Сирией стала той территорией, которая должна быть «временно признан[а] в качестве независим[ого] государств[а]» при условии предоставления административной консультационной помощи до тех пор, пока данная территория не сможет существовать независимо и самостоятельно (Quigley, 2010). И даже несмотря на то, что по условиям англо-иракского договора 1922 г., оформившего учреждение британского мандата над Ираком, Великобритания обязалась оказывать Ираку поддержку без вмешательства в иракский суверенитет (статья 1)⁶, британское присутствие оказывало непосредственное и нередко деструктивное влияние на полномочия парламента. Так, еще современниками Конституции 1925 г. отмечалось, что абсолютного вето монарха, возможность передачи части бюджетных полномочий от парламента Кабинету министров и фактическое обширное влияние Великобритании на политику Ирака существенно подорвали возможности парламента контроля за деятельностью министров (Wright, 1926). Другим красноречивым историческим фактом является то, что за весь период действия Конституции 1925 г. ни один министр, не говоря уже о корпусах Кабинета министров в целом, не были отправлены в отставку в результате объявления парламентом вотума недоверия (Brown, 2004).

Таким образом, к началу периода республиканского Ирака (с 1958 г.) на данной территории так и не упрочились традиции парламента контроля, даже несмотря на то, что нормативные предпосылки к его развитию и эффективному функционированию являлись вполне солидными.

«Право на забвение»: существовал ли парламента контроль в социалистическом Ираке?

Период республиканского, а затем и социалистического Ирака (1958–2003 гг.) – будет характеризоваться лишь временным и крайне скудным конституционно-правовым регулированием. Даже Конституция Ирака 1970 г., которая *de facto* действовала до событий 2003 г. (то есть ровно столько же, сколько и Конституция Ирака 1925 г. – на протяжении 33 лет), являлась в объективном смысле временным документом. Кроме того, одной из существенных причин снижения интереса к конституционно-правовым институтам в Ираке, как представляется, стало принятие социалистического вектора развития государства, который впервые на конституционном уровне обнаружил себя в статье 1 Конституции 1964 г., конституировавшей Ирак в качестве социалистического государства⁷. Аналогичные, по существу дефинитивные

⁶ Treaty of Alliance between Great Britain and Irak, signed in Bagdad, October 10, 1922 // Treaty Series No. 17 (1925). London: printed and published by his Majesty's Stationery Office, 1925. P. 3–4.

⁷ В этом контексте следует рассмотреть более фундаментальный вопрос о возможности гармоничного сосуществования конституционного и социалистического. Дело в том, что социалистическое правопонимание зачастую становится в оппозицию правопониманию «буржуазному», в плоскости которого и протекали глобальные конституционно-правовые тенденции. Г.И. Тункин наглядно показывает это противопоставление, указывая, что «не существует нормативных принципов, которые были бы

нормы, встречаются в Конституции 1968 года (статья 1) и в Конституции 1970 г. (статья 12).

В настоящем параграфе предлагается консолидировано рассматривать механизмы парламентского контроля, которые были предусмотрены конституциями Ирака 1958, 1964, 1968 и 1970 гг. Тому благоприятствует генетическая связанность данных конституций, которые, как справедливо указывается в литературе, сменяли друг друга в сугубо прагматичных целях закрепления результатов очередного государственного переворота (Jawad, 2013).

Парадоксально, но Конституция 1958 г., провозглашая народ источником и носителем власти (статья 7), подобно предшествующей конституции Ирака, тем не менее предполагала полный и категоричный демонтаж механизма репрезентативного народного представительства. Это выражается в том, что Конституция 1958 г. не предполагала существования парламента как такового, а наделяла государственно-властными полномочиями чрезвычайный коллегиальный орган – «Совет руководства» (Sapronova, 2006), состоявший из трех членов (статья 20). Чтобы описать полноту переданной ему власти, достаточно обратиться к следующей статье Конституции 1958 г., согласно которой законотворческие функции с одобрения Совета руководства осуществляет Совет министров (статья 21), который состоял из 13 человек.

Таким образом, Конституция 1958 г., полностью демонтировав парламент и механизмы народного представительства как таковые, стала препятствием для формирования традиции парламентского контроля. Представляется, что такое решение является не пробелом в конституционно-правовом регулировании, как указывается исследователями (Dubessan, 2014), а квалифицированным умолчанием конституционного законодателя, который преследовал цель сосредоточения революционной и отсюда турбулентной власти в руках крайне узкого круга лиц.

Попытка упрочения парламентской институции предпринята Конституцией 1964 г., которая, однако, посвящает законодательной власти в лице Национального собрания всего лишь три статьи (статьи 61–63). Стоит отметить, что статья 102 Конституции 1964 г. заключала в себе техническую норму, которая устанавливала переходный период длиной в три года с момента вступления в силу конституции. Как предполагалось авторами конституционного текста, имея в виду содержание статьи 62, принятие акта, которым определялись бы порядок выборов в парламент и основные принципы отправления законодательной власти, должно было состояться не

общими для двух противоположных систем права: социалистического и буржуазного. Принципы этих правовых систем... в корне отличны по своей классовой природе, роли в обществе и целям» (Tunkin, 2006). Непримируемый антагонизм социалистического и буржуазного обнаруживает себя в конституционно-правовом дискурсе, например, в той части, что социалистическая система отказывается воспринимать целый ряд значимых для конституционализма как такового правовых конструктов, наподобие разделения властей или идеи правового государства. См., например, (Vyshinskiy, 1934). В результате они либо вовсе отвергались социалистическим строем, либо заменялись на правовые суррогаты (коим, например, является концепция социалистической законности). Нужно заметить, что это обстоятельство увеличило количество противников социалистического правового уклада в последние годы и сформировало у них довольно нетерпимые позиции по рассматриваемому вопросу, особенно в российском юридическом сообществе. К этому выводу можно прийти, наблюдая, например, за недавней дискуссией А.В. Должикова и судьи Конституционного Суда России Н.С. Бондаря о том, существовало ли в СССР понятие конституционализма, как в теории, так и на практике (Dolzhiikov, 2022). Действительно, данный вопрос является весьма болезненным для всех государств с социалистическим прошлым, включая Ирак, и пылкость научных дебатов подчеркивает эту болезненность.

менее чем за шесть месяцев до окончания переходного периода. Тем не менее, события последующих лет показали, что данная норма так и не будет приведена в жизнь.

В любом случае представляется, что даже если бы положения Конституции 1964 г. о Национальном собрании в том или ином виде были реализованы, они едва ли поспособствовали бы возрождению институтов парламентского контроля, заложенных в предыдущих учредительных актах (в частности, Конституции 1925 г.). В этом контексте стоит обратить внимание на статью 69, которая закрепляла существенные контрольные полномочия не за Национальным собранием, а за Правительством – органом исполнительной власти, фактически устраняя необходимость в каком-либо контроле со стороны представительного органа. В частности, именно исполнительная власть должна была осуществлять контроль за деятельностью министров и анализировать результаты их работы, назначать на должности и отрешать от таковых подавляющее большинство должностных лиц, осуществлять контроль за исполнением практически всех нормативных актов в правовой системе Ирака и т. д.

Любопытно, что Конституция 1968 г. не стала развивать положения предыдущей конституции о Национальном собрании. Напротив, ее принятие символизировало своеобразную «ретроспективную эволюцию» к первой республиканской конституции Ирака, принятой десятью годами ранее, вновь исключив парламент из пула органов государственной власти, что, однако, не помешало ей вновь транслировать классическую клаузулу о народе как источнике власти (статья 3). Законотворческие прерогативы получал Совет революционного командования – высший орган власти Ирака, который в соответствии со статьей 43 осуществлял классические парламентские функции (осуществлял выборы Президента Ирака, принимал законы и ратифицировал международные договоры), в том числе и контрольные («надзор за делами Республики с целью обеспечения защиты революции и достижения ее целей», см. пункт 6 статьи 43).

Наконец, Конституция 1970 г., окончание действия которой откроет современную конституционно-правовую эпоху Ирака, хотя и не занимала ортодоксально нигилистических позиций по отношению к парламентским структурам (ее статья 46 учреждала Национальное собрание), однако во многом ограничивала его контрольные полномочия – статья 54(b) Конституции предусматривала возможность «вызвать» профильных министров для получения разъяснений, а статья 55 Конституции учреждала институт парламентских слушаний, в рамках которых рассматривались предполагаемые нарушения положений основного закона государства, проводился опрос лиц, участвующих в слушаниях, под присягой. Тем не менее, представляется, что указанные положения конфликтуют с нормой статьи 58 Конституции, в рамках которой министры несут ответственность за свои действия не перед парламентом, а перед единолично Президентом, который наделялся правом инициировать в отношении подотчетных министров судебное разбирательство за допущенные ими «функциональные» ошибки и за злоупотребление должностными полномочиями (статья 58). Отсюда, возможность опроса министров под присягой, а равно реализация иных полномочий без возможности применения мер ответственности, которые делегированы иным органам государственной власти (в частности Президенту), превращала парламентский контроль в своеобразное подобие парламентского надзора – деятельности, в рамках которой нарушения положений учредительных документов или «функциональных обязанностей» могли быть выявлены, но не пресечены – для завершения процедуры требовалось вмешательство сторонних лиц.

В продолжение высказанной идеи о несамостоятельности парламента в рассматриваемый период, положения Конституции 1970 г. и практика ее применения заставляют пойти дальше и констатировать, что Национальное собрание парадоксальным образом само стало подконтрольным субъектом.

Дело в том, что Конституция 1970 г. устанавливала «двуединую» систему законодательной власти, в которую, помимо Национального собрания, входил Совет революционного командования, который являлся высшим органом власти Ирака (статья 37). Совет не только обладал обширным законотворческим функционалом (статья 42), но и имел право самостоятельно контролировать деятельность своих членов и выдвигать против них обвинения (статья 38), утверждать бюджет государства, как это подобает парламентам большинства государств, ратифицировать международные договоры (статья 43). При этом в призме законодательного процесса Совет революционного командования выступал «верхней палатой» по отношению к Национальному собранию, среди прочего получив право на повторное внесение законопроекта, ранее отклоненного парламентом, на его рассмотрение (статья 51).

Рассуждая о парламентском контроле в период социалистического Ирака, необходимо четко разделять парламент, хотя существовавший в этот период, но не всегда способный претендовать на эффективность и независимость из-за серьезного политического давления со стороны второго элемента политической системы страны – органов революционного командования. А потому, несмотря на то что большинство контрольных полномочий, обычно присущих парламентам, в республиканском Ираке сохранились и были переданы Совету революционного командования, вывода о сохранении института парламентского контроля в социалистическом Ираке сделать нельзя. Это объясняется категорической недопустимостью проведения сколько-либо прямых аналогий между классической парламентской институцией и коллегиальным органом революционного командования, поскольку:

во-первых, социалистические конституции Ирака последовательно закрепляли правила о закрытом и конфиденциальном характере деятельности и процедур высших революционных органов, в то время как парламентский процесс характеризуется повышенной степенью транспарентности в целях поддержания доверия граждан к действиям государства;

во-вторых, органы революционного командования хотя и позиционировались конституциями в качестве институтов, призванных представлять интересы народа, они формировались не на основе свободного волеизъявления и в строгом смысле не получали легитимации от народа посредством реализации гражданами своего активного избирательного права;

в-третьих, способность революционных органов эффективно представлять интересы народа ставится под сомнение и по той причине, что состав этих органов не был достаточно репрезентативным как по своей численности, так и по своей структуре;

в-четвертых, революционные органы в своей деятельности не руководствовались принципом разделения властей. Это объясняется тем, что они обладали не только законотворческими полномочиями (в том числе полномочиями по экстраординарному нормотворчеству, например, восполняющему законодательные пробелы), но и исполнительными полномочиями, что расширяло их контрольные возможности. В свою очередь, это обусловлено социалистическим оттенком правовой системы Ирака рассматриваемого периода, которая в своей классической

интерпретации не принимает концепцию разделения властей и отвергает ее как буржуазную.

С учетом приведенных конституционно-значимых полномочий и практики их реализации представляется, что в описанный период парламентский контроль скорее деградировал, чем получил развитие. Парламент утратил свое право самостоятельно объявлять вотум недоверия – соответствующее полномочие передано Президенту страны, что привело к фактической трансформации парламентского контроля в парламентский надзор.

Реинкарнация парламентского контроля в XXI веке

Социалистический опыт иракского государства впоследствии послужил плодотворной почвой для рефлексии над историей иракского конституционализма в целом, поскольку к началу XXI в. в иракском правовом дискурсе практически единодушно высказывались скептические оценки относительно конституционного будущего страны. Утвердиться в этих оценках позволило вторжение Коалиции согласных во главе с США в Ирак в 2003 г., на фоне которого юридические процедуры транзита власти – буквально сакральный аспект современного конституционализма – были существенно попораны. Между тем это не умаляет большого значения Переходного административного закона 2004 г. для конституционно-правовой эволюции Ирака, которым на переходный период до принятия постоянной конституции независимого иракского государства (таковой станет ныне действующая Конституция Ирака 2005 года) заполнялся «вакуум» государственности на иракской земле.

Одним из главных органов переходной власти стала Национальная Ассамблея, которая в силу статьи 25 Закона выполняла роль парламента. Примечательно, что впервые за всю историю иракского парламентаризма институт парламентского контроля нашел свое отражение в конституционном тексте не иносказательно, на непосредственно: согласно статье 30 Закона основной задачей Национальной Ассамблеи было не только принятие законов, но и осуществление надзора за деятельностью исполнительной власти. Среди прочего статья 33(G) Закона прямо упоминает контрольную функцию (*oversight function*) парламента, включая в нее следующие полномочия Ассамблеи:

а) право делать запросы (*the right of interpellation*) подконтрольным должностным лицам, перечень которых, судя по всему, являлся открытым, однако более-менее однозначно включал в себя широкий спектр должностных лиц исполнительной власти, в том числе членов Президентского совета, Совета министров вместе с Премьер-министром. Посредством такого механизма парламента имел право запрашивать у должностных лиц исполнительной власти любую информацию;

б) право проводить парламентские расследования, что также стало новеллой в конституционном праве Ирака;

в) право на проведение парламентского опроса, которое, очевидно, было перенято у положений Конституции 1925 г., а в Законе нашло свое отражение в формулировке о том, что Национальная Ассамблея не лишена возможности выдавать повестки тем должностным лицам, которые должны предстать перед нею.

Исследователями отмечается достаточно бескомпромиссная строгость системы разделения властей, построение которой предполагал Закон (Feisal, 2005), что усиливает роль парламентского контроля. В частности, следует заметить, что

Национальная Ассамблея обладала существенными полномочиями в отношении исполнительной власти: она имела право на субсидиарных началах назначать Премьер-министра в случаях, когда в специально отведенный двухнедельный срок этого не делает Президентский совет. Более того, деятельность органов исполнительной власти могла осуществляться только при наличии доверия к ним со стороны Национальной Ассамблеи, которое не могло презюмироваться: согласно статьям 38 и 40 перед началом работы и Президентский совет, и Премьер-министр лично обязаны получить «вотум доверия» парламента. Наконец, Ассамблея не лишалась возможности отозвать свое доверие как отдельным министрам, так и министерскому корпусу в целом.

Таким образом, уже буквальный анализ положений Закона показывает, насколько большим контрольным потенциалом будет обладать парламент независимого Ирака и насколько серьезно конституционный законодатель отнесется к вопросу о сохранении и совершенствовании института парламентского контроля, позиционируя его в качестве одного из основополагающих элементов в механизме правовой защиты конституции Ирака. Несмотря на неприкрытую инородность Закона и его введение в действие посредством иностранного военного вмешательства, ему удалось попасть в лоно конституционно-правовой эволюции иракской государственности (по крайней мере в период до 1958 г.), к числу которых относятся и децентрализация власти. Анализ ныне действующей Конституции Ирака, принятой в 2005 г., подтверждает, что иракское государство сделало довольно высокую ставку на контрольные функции парламента, усматривая в них, судя по всему, ключ к повышению эффективности реализации конституционных положений.

Поскольку сегодня Ирак является федеративным государством, статьей 48 Конституции предусмотрена двухпалатная структура парламента: нижней палатой выступает Палата Представителей, а верхней – Совет Федерации. Между тем фактически в настоящее время в Ираке действует только нижняя палата – Палата Представителей, поскольку закон о Совете Федерации в соответствии со статьями 65 и 137 Конституции до сих пор не принят, в результате чего в Ираке утвердился конституционно-правовой обычай функционирования однопалатного парламента (McDonough, 2020). Именно Палате Представителей отводится основная контрольная функция, при этом то, как она описывается в Конституции, обнаруживает явную генетическую связь Конституции с Переходным административным законом 2004 года.

Во-первых, парламента Ирака по своему контрольному потенциалу ничуть не уступает Национальной Ассамблее, предусмотренной Переходным законом. Так, Палата Представителей наделяет полномочиями высших должностных лиц исполнительной власти Ирака; контролирует деятельность исполнительной власти в лице Президента и Кабинета Министров, в том числе посредством требования представления внеочередных докладов о реализуемой ими политике, объявления недоверия министрам и импичмента при наличии к тому оснований (статья 61). Строгость контроля парламента за исполнительной властью, в частности за Премьер-министром, обуславливается также таким нетипичным правилом, согласно которому Премьер-министр не вправе освобождать министров от должности без согласия Палаты Представителей (статья 78).

При этом контрольные процедуры Палаты получают детальную регламентацию не в регламенте Палаты, а напрямую в конституционном тексте. Так, Конституция

определяет такие процедурные детали, как количество депутатов, необходимое для инициирования обращения к Кабинету министров либо к отдельным министрам с запросом информации об их деятельности (часть 7(В) статьи 61), сроки, в которые объявляется вотум недоверия отдельным премьер-министрам или Кабинету министров в целом (часть 8(В) статьи 61), детали порядка обращения депутатов с вопросами к опрашиваемому министру (часть 7(А) статьи 61) и т. д.

Во-вторых, Конституция Ирака 2005 г. предусмотрела дополнительные контрольные полномочия парламента, которые доселе правовой системе государства известны не были. К таковым относится возможность допроса Президента по подозрению его в любом нарушении Конституции (часть 6(В) статьи 61), законодательный надзор в отношении Иракской национальной разведывательной службы (часть 1(Д) статьи 9), назначение дипломатических агентов (часть 5(В) статьи 61), военных должностных лиц (часть 5(С) статьи 61), и т. д. К слову, последнее полномочие иракского парламента вызывает критику исследователей, поскольку, по их мнению, способствует чрезмерной политизации кадровой политики в вооруженных силах страны и приводит к тому, что главным критерием назначения военных должностных лиц становится не их эффективность и профессионализм, а политический консенсус⁸.

Изложенное позволяет согласиться с достаточно смелыми оценками исследователей, согласно которым среди всех других исламских государств парламента Ирака наделен наибольшим объемом полномочий (McDonough, 2020). При этом нетрудно заметить, что эволюция парламентарского контроля в Ираке, венцом которой в настоящее время является ныне действующая Палата Представителей, существенно сместила баланс власти в сторону парламента. В частности, любопытно, что средства воздействия на парламента как минимум редуцированы: по смыслу части 1 статьи 64 Конституции Ирака 2005 г. вопрос о роспуске парламента вправе поставить лишь сам парламента либо абсолютным большинством голосов, либо при содействии Премьер-министра и Президента, в результате чего парламента Ирака в большинстве случаев оказывается «судьей в собственном деле». В свою очередь, доминирование парламента в любой системе государственной власти чревато излишней политизацией конституционно-правовых институтов, с чем столкнулась среди прочего и Российская Федерация на заре своего становления в 1990-х гг.

На этой почве вполне предсказуемо осложнились отношения законодательной и исполнительной власти, что порой приводило к казусным ситуациям. Дело в том, что Федеральный Верховный суд Ирака, осуществляя конституционный контроль, в одном из своих решений истолковал статью 58 Конституции Ирака *contra legem*. Суд постановил, что по смыслу названной нормы парламента не вправе голосовать по какому-либо законопроекту, если он предварительно не был одобрен Кабинетом министров; более того, парламента не может вносить какие-либо существенные изменения в законопроект после того, как он был одобрен Кабинетом министров. Ученые считают, что такое толкование свело на нет значение парламента как законодательного органа и дискуссионной площадки и предоставило исполнительной власти полный контроль над законодательным процессом (Zaid & Yussef, 2020). Однако правотворческая практика в Ираке все же пошла по другому пути, и Палата

⁸ Alzuhairy T.H. Iraqi constitutional system: concentrated parliamentarianism or separation of powers? // ResearchGate. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340953823_Iraqi_constitutional_system_concentrated_parliamentarianism_or_separation_of_powers/link/5ea7688045851553fab5dbb2/download (accessed: 17.12.2023). P. 8–9.

Представителей в отсутствие инициативы со стороны Кабинета министров проявляет в вопросах, не терпящих отлагательства, должный активизм. Это в некоторой степени реабилитирует Палату Представителей в глазах конституционалистов, которые с позиций сравнительного правоведения даже характеризуют современную организацию законодательной власти в Ираке в качестве одной из передовых (Zaid & Yussef, 2020).

Конституция Ирака 2005 г. прямо характеризуется некоторыми исследователями в качестве фиктивной (*sham constitution*) (Ray, 2019). С другой стороны, развитие института парламентского контроля в Ираке на фоне последовательной рецепции западного конституционно-правового опыта в последние десятилетия привело к тому, что в Ираке на сегодняшний день сложилась система органов государственной власти *sui generis*, тяготеющая скорее к смешанной президентско-парламентской модели (McGarry & O'Leary, 2007), пускай и со значительным перевесом властных полномочий в пользу парламента.

Заключение

В ходе настоящего исследования был произведен последовательный анализ основных источников правового регулирования механизмов парламентского контроля в различные исторические периоды развития иракской государственности, выделенные автором.

В результате обобщения и критики различных мнений, высказанных в релевантных заявленной проблематике работах, были выявлены основные тенденции в развитии института парламентского контроля в Ираке, а также констатированы его успехи и проблемы на современном этапе (в период действия Конституции 2005 г.). Центральными из этих тенденций выделены (1) противоречивость и непоследовательность развития как конституционно-правового регулирования государственности Ирака в целом, так и института парламентского контроля в частности, что связывается с непростым историческим путем страны в разрезе новой и новейшей истории; (2) на современном этапе неуклонное стремление к демократизации и расширению подотчетности исполнительной власти законодательной через различные механизмы парламентского контроля; и (3) наличие препятствий со стороны иных ветвей государственной власти, стремящихся восстановить прежнее распределение властных полномочий при минимальной имплементации системы сдержек и противовесов (антидемократические тенденции).

При этом внимание было уделено не только нормативному анализу, но и анализу правоприменительной и политической практики реализации конституционных положений, в разное время предусматривавших парламентский контроль в Ираке. Институт иракского парламентского контроля уходит своими корнями в период позднего османского владычества и укрепляется в период британского владычества, а также в первые десятилетия независимого Ирака. Затем данный институт фактически предается забвению, поскольку идеи парламентаризма противоречили не только интересам революционных реакционных властей, но и социалистическим воззрениям на государственное устройство, которые господствовали в Ираке вплоть до начала XXI в. Несмотря на то, что высшие органы революционного командования взяли на себя большинство контрольных полномочий, присущих парламенту, они не являлись механизмами народного представительства и с правовой точки зрения не имели ничего общего с парламентскими структурами. Драматические события

2003–2005 годов возродили институт парламентского контроля, чему поспособствовала интенсифицировавшаяся рецепция западного конституционно-правового опыта, однако в настоящее время контрольные полномочия парламента приобрели чрезмерно ортодоксальный характер и способствуют излишней политизации правового дискурса в Ираке. Такой результат может объясняться реакционностью современного конституционного законодателя Ирака, рефлексировавшего над социалистическим опытом, оказавшимся губительным для иракского парламентаризма.

Следует вновь подчеркнуть важность института парламентского контроля в деле обеспечения верховенства конституции и его «оздоровляющего» эффекта на правовую систему в целом. Поскольку, как было показано в настоящем исследовании, идеи парламентского контроля были присущи иракской государственности еще задолго до становления независимого государства и перехода его к классической парламентской модели, трудно согласиться с авторами, которые чрезмерно скептически относятся к феномену иракского конституционализма в связи с многочисленными историческими эксцессами. Даже столь мрачный исторический контекст не может умалять достижений конституционного строительства Ирака, например, в деле организации законодательной власти или ограничения полномочий главы государства в целях недопущения реинкарнации персоналистских диктаторских политических режимов, столь противоестественных конституционализму, и уж точно не должен лишать иракское государство шансов на построение подлинно конституционного общества и государства в обозримой исторической перспективе.

References / Список литературы

- Arjomand, S.A. (2007) *Constitutional Politics in the Middle East. With special reference to Turkey, Iraq, Iran and Afghanistan*. Portland, Hart Publishing.
- Brown, N. (2004) Constitutionalism, Authoritarianism, and Imperialism in Iraq. *Drake Law Review*. (53), 923-941.
- Dawisha, A. (2005) Democratic Attitudes and Practices in Iraq, 1921–1958. *Middle East Journal*. (1), 11–30.
- Dolzhiikov, A.V. (2022) *Proportionality as a general principle of law in Russian constitutional justice (with emphasis on social rights)*. Abstract of Diss. ... of Doctor of Legal Sciences. St Petersburg University. (in Russian).
- Должииков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. 150 с.
- Duevre, A. (2017) *The Israeli Supreme Court. Comparative Constitutional Reasoning*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Dubessan, D.R.H. (2014) *Iraqi Reform of territorial organization of XXI century: practical and theoretical issues*. Diss. of Doctor of Legal Sciences. Kutafin Moscow State Law University. (in Russian).
- Дубессан Д.Р.Х. Реформа государственно-территориального устройства Республики Ирак в XXI веке: проблемы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2014. 176 с.
- Feisal, A.I. (2005) Reviving Constitutionalism in Iraq: Key Provisions of the Transitional Administrative Law. *Maurer School of Law*. (23), 269–302.
- Jawad, S. (2013) The Iraqi constitution: structural flaws and political implications. *LSE Middle East Centre Paper Series*. (1), 3–24.
- Jensen, E.G. (2013) *Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq*. Stanford, Stanford Law School.

- Jihad, A. (2023) Constitutional and Human Rights Issues and Trends in The Republic of Iraq: Struggling on the Way. *Estudios Constitucionales*. (1), 93–110.
- Hajrullin, T. R. & Korotaev, A.V. (2017) Iraqi 2005 Constitution and Islam Principles. *Islam in Modern World*. (13), 139–152. (in Russian).
Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 2. С. 139–152.
- McDonough, P. (2020) *Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus*. New York, Hart Publishing Bloomsbury Publishing Plc.
- McGarry, J. & O’Leary, B. (2007) Iraq’s Constitution of 2005: Liberal Consociation as Political Prescription. *International Journal of Constitutional Law*. (5), 670–698.
- Morrow, J. (2006) *Weak Viability. The Iraqi Federal State and the Constitutional Amendment Process. Special Report, No. 168*. Washington, D.C., United States Institute of Peace.
- Quigley, J. (2010) *The Statehood of Palestine: International Law in the Middle East Conflict*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Pay, V.N. (2019) Comparative Constitutionalism: Challenges of Constitutional Sovereignty in Iran and Iraq. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. (13), 123–141.
- Sajó, A. & Uitz, R. (2017) *The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford, Oxford University Press.
- Sapronova, M.A. (2006) *Iraqi constitution in past and present (from the Iraqi development history)*. Moscow, Middle East Institute. (in Russian).
Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт ближнего востока, 2006. 196 с.
- Tunkin, G. I. (2006) *Theory of International Law*. Moscow (In Russian)
Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2006. 416 с.
- Ubichini, A. & Kurteyl’, P. (1877) *Modern State of the Ottoman Empire*. Saint Petersburg, O.I Bakst Publishing House. (in Russian).
Убичини А., Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи. СПб.: Типография О.И. Бакста, Екатеринбургский канал, 1877. 240 с.
- Vyshinskiy, A.Y. (1934) *Revolutional Legality and the Goals of Soviet Defense*. Moscow, Mosoblispolkom Publishing sector. (in Russian).
Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М.: Ред.-изд. сектор Мособлисполкома, 1934. 44 с.
- Wright, Q. (1926) The Government of Iraq. *The American Political Science Review*. (4), 743–769.
- Zaid, Al-Ali & Yussef, Aur. (2020) *The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations*. Jordan & Iraq, Friedrich-Ebert-Stiftung.

Сведения об авторе:

Али Джихад Аммар Раад – аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; Преподаватель, факультет экономики бизнеса, Университет Аль-Нахрейн; Джадрия, 10072, г. Багдад, Республика Ирак

ORCID ID: 0000-0002-4222-3048

e-mail: ammarraad277@gmail.com

About the author:

Ammar Raad Ali Jihada – PhD Student, Department of Constitutional Law and Constitutional Court Proceedings, Law Institute, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; College of Business Economics, Al-Nahrain University, Jadriya, 10072, Baghdad, Iraq

ORCID ID: 0000-0002-4222-3048

e-mail: ammarraad277@gmail.com

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-80-94>
EDN: OTSXAV

Научная статья / Research Article

Правовое регулирование общинного землевладения в Российской империи второй половины XIX – начала XX века

А.Д. Дюсюпова

Московский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
 adusupova@mosgu.ru, alma_23@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено особенностям правового регулирования общинного землевладения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. и раскрывается как комплексное, многоплановое явление, требующее нового теоретического осмысления. В данный период времени русская крестьянская земельная община явилась предметом бурных обсуждений и дискуссий среди представителей различных течений общественно-политической мысли дореволюционной России. Представлено изучение правового регулирования общинного землевладения и законодательства указанного периода (Полного собрания законов Российской империи), имеются промежуточные и завершающие выводы. Делается вывод о том, что сложность правового регулирования общинного землевладения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. была связана с отсутствием подлинной экономической свободы крестьян в отношении земли: владения, пользования и распоряжения. Спецификой правового регулирования общинного землевладения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. стало совмещение обычного права, нормы которого действовали в рамках крестьянской общины, и официального нормативного регулирования. Показаны хронологические рамки и периодизация правового регулирования общинного землевладения, примеры из практики – архивные и из дореволюционной литературы.

Ключевые слова: крестьянская община, аграрные отношения, Российская империя, теории происхождения русской общины, аграрная реформа, аграрное законодательство, надельное землевладение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 17 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

© Дюсюпова А.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Дюсюпова А.Д. Правовое регулирование общинного землевладения в Российской империи второй половины XIX – начала XX века // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 80–94. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-80-94>

Legal regulation of communal land ownership in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries

Almagul D. Dyusyupova

Moscow University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

 adusupova@mosgu.ru, alma_23@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the peculiarities of legal regulation of communal land ownership in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries; it is a complex, multifaceted phenomenon that requires new theoretical understanding. At that period, the Russian peasant land community was the subject of heated discussions and debates among representatives of various layers of socio-political thought in pre-revolutionary Russia. The article investigates legal regulation of communal land ownership and legislation of the specified period (Complete Collection of Laws of the Russian Empire) and is resulted in findings and conclusions. It is concluded that the complexity of legal regulation of communal land ownership in the Russian Empire in the period under study was associated with the lack of genuine economic freedom of peasants in relation to land, its ownership, use and disposal. The specifics of legal regulation of communal land ownership in the Russian Empire in that period represented the combination of customary law, whose norms governed the peasant community, and official statutory regulation. The study features chronological framework and periodization of legal regulation of communal land ownership. The examples stem from practice and pre-revolutionary literature based on the archival documents.

Key words: peasant community, agrarian relations, Russian empire, theories of the origin of the Russian community, agrarian reform, agrarian legislation, allotment land tenure

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 17th March 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Dyusyupova, A.D. (2024) Legal regulation of communal land ownership in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 80–94. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-80-94>

Введение

Построение справедливой государственности, отвечающей интересам основного большинства, – один из ключевых моментов в продвижении общественного развития. Философы и юристы еще с далекого прошлого задумывались над тем, какое государство более эффективно, справедливо, надежно с точки зрения незыблемости его территориальных границ и внутреннего порядка.

Одним идеям и теориям, появившимся в разное время, суждено было умереть, не получив практического подтверждения, другие – более жизненные, соответствующие реальным потребностям общественного развития – превращались

в опыт, в реальность. Это содействовало их обогащению и углубленному развитию (Vlasenko, 2015:433).

Многовековая история крестьянства в России начинается с древнейших времен, законодательного оформления крепостнических отношений, его кризиса и до разрушения общинного землевладения. В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. крестьянская земельная община явилась предметом бурных обсуждений и дискуссий среди представителей различных слоев общественно-политической мысли.

Дискуссии о возникновении русской крестьянской общины привели к созданию двух диаметрально противоположных научных школ. К первому направлению относились приверженцы идеи исконной древности, последовательно доказывающие, что такая форма землевладения существовала издавна и связана с патриархальными устоями славянских народов (Naxthausen von August, 1847; Tengoborsky, 1852).

Под другим углом зрения видел возникновение общины философ, профессор, правовед Б.Н. Чичерин, представитель либерально-буржуазного направления. Б.Н. Чичерин отмечал, что крестьянская община возникла сравнительно недавно. Автор допускал возможность проживания славянских народов в древности родами, но патриархальная община со временем эволюционировала (Chicherin, 1858).

Профессор И.Д. Беляев, историк права, не поддерживал взгляды Б.Н. Чичерина. Ученый последовательно доказывал возникновение общины еще с глубокой древности, однако опровергал закрепощение крестьян уже до середины XVIII в. Вместе с тем, И.Д. Беляев отмечал, что «прикрепление крестьян к земле привело к власти землевладельца в ущерб крестьянской самостоятельности и к ослаблению прав общины». Опираясь на актовые материалы XVIII в., отражавших жизнь оброчной вотчины князей Долгоруких (с. Мыт), И.Д. Беляев утверждал о сосуществовании в вотчине двух полномочий – общины и власти землевладельца (Belyaev, 1860).

Известный историк, профессор С.М. Соловьев пытался примирить две разные теории происхождения крестьянской общины. В своем фундаментальном исследовании о происхождении общины ученый выразил свое не согласие с точкой зрения Б.Н. Чичерина о том, что община возникла благодаря правительственному властному влиянию: наоборот, С.М. Соловьев видит в ней наследие древней общины и общие признаки с ней (Soloviev, 1866).

Таким образом, целью данной статьи является историко-правовой анализ эволюции общинного землевладения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. и ее влияния на аграрные преобразования данного периода.

Проблемы эволюции общинного землевладения и аграрного хозяйства исследовались в работах дореволюционных отечественных ученых – И.Д. Беляева (Belyaev, 1860), К.Р. Качоровского (Kachorovsky, 1906), А.А. Кауфмана (Kaufman, 1908), В.И. Ленина (Lenin, 1976), К.П. Победоносцева (Pobedonostsev, 1884), Б.Н. Чичерина (Chicherin, 1858) и др.

В зарубежной историографии немало ценных результатов в изучении общих проблем сельского хозяйства России во второй половине XIX – начале XX в. содержится в трудах Августа фон Гакстгаузена (Naxthausen, 1847), П. Порбахха (Rohrbach, 1904), М.Л. Шлезингера (Sclesinger, 1908), К. Виденфельда (Wiedenfeld, 1913) и др.

Взгляд российских ученых на общинное землевладение

Накануне реформы 1861 г. будущее положение российского крепостного крестьянства дебатировалось во всех основных социальных кругах российского общества. Полного единства не было нигде. Но, в целом, сформированное в течение нескольких лет общественное мнение сыграло немалую роль в разрушении крепостнических устоев и проведении самой крупной реформы XIX в. в России. Последствия ее, однако, до сих пор не нашли однозначной оценки и будут неоднократно обсуждаться и в дальнейшем.

Для А.И. Герцена (Herzen, 1855) и Н.Г. Чернышевского (Chernyshevsky, 1950) общинное землевладение было предметом надежд, обращенных к будущему. Решительную критику с их стороны вызывали взгляды славянофилов и либерально-буржуазного направления. На общинное владение Н.Г. Чернышевский смотрел «как на общечеловеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа» (Chernyshevsky, 1950:696). Мыслители рассматривали общину как одно из звеньев трансформации к социализму и полагали, что крестьянская община способна преобразоваться в сельскохозяйственное товарищество, в коммуну с коллективным трудом¹.

По вопросу о крестьянской общине в 40–70 гг. XIX в. столкнулись два противоположные социально-политические мировоззрения: феодально-реакционное А. Гакстгаузена и теория общинного социализма А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, считал Н.М. Дружинин (Druzhinin, 1963:80).

Теоретик-марксист Г.В. Плеханов отмечал, что основной причиной разорения крестьянства в России является политика царствующей монархии. По мнению Г.В. Плеханова пружиной разрушения крестьянской общины является капитализм. Капитализм препятствует проявлению хозяйственной предприимчивости крестьян, осложняет мобилизацию земель, задерживает освобождение сельскохозяйственного пролетариата от надела (Plekhanov, 1956).

В трудах российских ученых-экономистов пореформенного периода нет единого мнения относительно принципов и сущности общинного землевладения. В.П. Воронцов характеризовал крестьянскую общину как «тяглую»², а не хозяйственную единицу. Ее задачей было уравнивание платежей с размерами участков ее членов – участков, «оставшихся неизменными» и находившихся в свободном наследственном владении отдельных семей. Ограничение права собственности на эти

¹ Одной из фундаментальных ценностей, присущих российской цивилизации, нужно признать коллективизм, долгое время выступавший в форме общинности. «Общинный архетип» во многом предопределил особенности российского национального сознания. Коллективистское начало сохраняло устойчивость на протяжении всей российской истории. До периода коллективизации (конец 20-х – начало 30-х гг. XX в.) его основным носителем оставалась крестьянская община. После того как она была уничтожена, коллективизм не сошел на нет – он сохранялся в иных формах (советские колхозы). И лишь в ходе преобразований 90-х гг. прошлого века коллективистские ценности и связанная с ними этика солидарности ушли в историческую тень. См.: Раков В.М. История мировых цивилизаций. Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Электрон. дан. Пермь, 2018. 0,5 Мб; 105 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/rakov-istoriya-mirovyh-civilizaciy.pdf>. С.89. (дата обращения 12.12.2023).

² Система денежных и натуральных повинностей крестьян на Руси в XV – начале XVIII в. (см.: Толковый словарь живого русского языка: в 4 томах / авт.-сост. В.И. Даль. 2-е изд. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1880–1882).

участки, распоряжение ими третьих лиц впервые встречается «на землях частных владельцев» (Vorontsov, 1902).

Наиболее ранние известные факты уравнительного пользования землей относятся к владельческим крестьянам (в том числе монастырским и дворцовым), и, хотя переделы были обычным явлением в течение всего XVIII и даже XVII в., среди казенных (государственных) крестьян уравнительное пользование землей утвердилось лишь в конце XVIII в. (и преимущественно лишь в течение XIX в.) (Vorontsov, 1902).

К.Р. Качоровский классифицирует все общинные формы как обычно-правовые, поскольку они определяются естественными и экономическими факторами, то есть этапами развития, а через некоторое время – регрессом общинного землевладения (Kachorovsky, 1906:360). По мнению А.И. Васильчикова, природа мирского общинного быта заключается в равном праве на земли всех членов общества, но земля, однажды выделенная возделывается отдельно каждым владельцем (Vasilchikov, 1881:152).

В.И. Семевский придерживался мысли о естественном происхождении крестьянской общины, которая, по его мнению, уберегла крестьянство от губительных последствий крепостного гнета и после провозглашения Манифеста 1861 г. должна была обеспечить общественный прогресс. В.И. Семевский не замечал явлений, свидетельствовавших о формировании капиталистического уклада в сельском хозяйстве (Semevsky, 1870:94).

Большой фактический материал, собранный и обработанный в трудах известного русского экономиста конца XIX – начала XX в. А.А. Кауфмана, привлекает современных исследователей и в настоящее время. В.И. Ленин, называя А.А. Кауфмана «осторожным статистом», тем не менее признавал несомненные заслуги ученого в деле собирания «точных, новых и массовых» статистических данных (Lenin, 1979:101). А.А. Кауфман справедливо отмечал, что успехи российской науки и накопленные новые факты о природе общины не привели к окончательным выводам, и вопрос остается открытым (Kaufman, 1908:408).

О.А. Хауке в своих работах отмечает, что текущее положение сельского хозяйства, эффективность возделывания земли зависят от соответствующих знаний, навыков и бережного отношения к земле. Наглядным доказательством вредного влияния общинного землевладения на хозяйственное благосостояние крестьян служат данные по продовольственному делу. Например, в 1891–1909 гг. ссудных займов по случаю неурожая и иных бедствий выдано: крестьянам с общинной формой землевладения – по 61 руб. на двор; крестьянам с подворным (участковым) владением – по 1 руб. 33 коп. на двор. При сравнении казенных ссуд и собственных средств в виде продовольственных запасов и капиталов, использованных за указанные 18 лет, наблюдается подобная картина: у крестьян с общинным владением на долю местных запасов приходится всего 31 %, а на долю казенных пособий – 69 %, тогда как крестьяне-подворники, наоборот, 83 % средств почерпнули из собственных запасов и лишь 16 % получили из казны (Hauke, 1914:80).

Таким образом, при крестьянском общинном владении правоотношения сформировались в форме коллективного владения. Общее владение крестьян землей оставалось неизменно долевым – не равномерным, а крестьянское общинное владение землей являлось подвижным и пропорционально-уравнительным. Общинное землевладение отличала неполнота и неустойчивость права распоряжения, то есть ограничение этого права для всех членов общины (в частности, права собственности).

Если предположить, что законодатель признал общину собственником, то следующим существенным юридическим шагом могла быть отмена всех прежних законоположений, так или иначе ограничивающих общину в праве собственности, которое после отмены крепостного права должно было быть у крестьян так же неприкосновенно, как и у других сословий.

Воззрения общественно-политических течений на общину и общинное землевладение

На рубеже XIX – начале XX в. в российском обществе оформились три общественно-политических течения: консервативно-монархическая, либерально-оппозиционная и революционно-демократическая. Каждая из них по своему призывала решить аграрный вопрос.

Представляли консерваторов две основные организации: Союз русского народа и Организация «объединенного дворянства». Первая – отражала интересы консервативной мелкой буржуазии, вторая — консервативной части поместного дворянства. В этой связи, несмотря на определенное родство, между ними были значительные расхождения, которые наиболее отчетливо проявлялись в аграрном вопросе.

Союз русского народа считал необходимым расширение крестьянского землевладения. Лидеры готовы были ограничиться переселением избыточного населения за Урал. Аграрная программа «объединенного дворянства» была иной. Принятая на его первом съезде резолюция по аграрному вопросу подчеркивала неприкосновенность частной собственности и разрушение общины – как главный способ решения аграрного вопроса.

Либеральная оппозиция ведет свой отсчет с совещания земского представительства в 1898 г. в Нижнем Новгороде. Две либеральные организации «Союз земцев-конституционалистов» и «Союз освобождения» стали ядром кадетской партии или партии народной свободы. Основными положениями партийной программы, установленные учредительным I съездом ее представителей в октябре 1905 г. были следующие: «проведение широкой аграрной реформы, имеющей целью увеличение площади землепользования трудового земледельческого населения за счет земель как казенных, удельных и т.п., так и частновладельческих, подлежащих в необходимых для того размерах принудительному выкупу за счет государства, искоренение полуфеодалных пережитков в деревне, частичная конфискация помещичьих земель и увеличение размеров крестьянских наделов; адаптация к условиям капиталистической эволюции страны.

В связи с этой задачей, II партийным съездом, состоявшимся в начале января 1906 г., была образована при центральном комитете партии особая аграрная комиссия, имевшая целью выработку, на почве основной программы, более детальных и конкретных предложений о практической постановке аграрной реформы³. Лидером партии являлся известный историк П.Н. Милюков.

Другим крылом либерального направления были октябристы. Их организационное оформление началось после октябрьского царского Манифеста 1905 г.⁴

³ См.: Аграрный вопрос. Издание аграрной комиссии партии народной свободы. С-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1907. С. 3.

⁴ Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) – законодательный акт Императора Всероссийского, обнародованный 17 октября 1905 года. См.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание третье. Т. XXV. № 26803.

Первый съезд «Союза 17 октября» состоялся в феврале 1906 г. Партия представляла интересы торгово-промышленной буржуазии, крупных землевладельцев, а также части земских деятелей, несогласных с кадетскими позициями. Их программные требования были более умеренными и консервативными в рамках либеральной идеологии, чем у кадетов.

Революционно-демократический лагерь не был един. Главную роль в нем играли три типа партий: народнические, социал-демократические (партия народных социалистов (энесы) и партия социалистов-революционеров (эсеры). и национальные, которые тяготели к народникам и к социал-демократам.

Первая революционная организация социалистического характера, возникшая после отмены крепостного права под названием «Земля и Воля» находилась под идейным влиянием Н.Г. Чернышевского. Организация опиралась на ожидание крестьянского восстания от разочарования Манифеста 1861 г. об отмене крепостного права, который вызвал множество крестьянских волнений.

Из более крупных беспорядков, вызванных объявлением воли, следует упомянуть о крестьянском волнении в селе Бездна Казанской губернии, в апреле 1861. Среди крестьян прошел слух о том, что объявление воли задерживалось помещиками. Вся местность находилась более месяца в напряженном состоянии, барщинные повинности не исполнялись, во многих имениях началась вырубка леса. Когда, наконец, во второй половине марта было получено «Положение», ему никто не поверил.

На этой почве получило решающее значение мистическое толкование местным начетчиком Антоном Петровым некоторых слов «Положения», в пользу «истинной воли». К нему стали стекаться со всех местностей крестьянские ходоки. Когда приехали арестовать Антона Петрова, вначале исправник, затем представитель дворянства и, наконец, присланный из Петербурга генерал – адъютант Апраксин, защищать его собралось в селе Бездна более 10.000 крестьян⁵.

«Земля и Воля» сохранялась до 1864 г. и в 1876 г. восстанавливается как народническая организация. Все, что делали народники – от хождения в народ до террористических актов против царя, сановников и политических чинов, – преследовало одну цель: посеять семена революции, поднять крестьян на уничтожение царского и помещичьего гнета и установление в стране демократических порядков. Желание слиться с народом и работать для народа, непримиримая вражда к крепостничеству и самодержавию определяют историческое место революционных народников. Они стремились выразить интересы и надежды крестьян. Но идеи революционных народников не были поняты и восприняты народными массами, не пробудили их к революционной деятельности.⁶

К противникам реформ принадлежали большевики, после разделения в 1903 г. (созданной в 1898 г.) Российской социал-демократической партии (РСДРП), образовалось два течения: большевиков во главе с В.И. Лениным и меньшевиков во главе с Ю.О. Мартовым и Г.В. Плехановым. В отличие от социалистов-революционеров аграрная программа социал-демократов первоначально отличалась исключительной скромностью. Важное место в ней занимали два положения: 1) отмена выкупных платежей и 2) возвращение крестьянам земель, отрезанных у них в результате

⁵ См.: Игнатович И.П. Волнения помещичьих крестьян от 1856 по 1863 гг. // Минувшие годы. 5 августа 1908 г. № 8. С. 3–11.

⁶ См.: Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М.: Сов. Энциклопедия. 1989. С. 7.

реформы 1861 г. Две ветви русской социал-демократии не придавали большого значения крестьянству.

Накануне буржуазно-демократической революции крестьянство в России представляло великую революционную силу. Перед партией встал вопрос о гегемонии пролетариата и о его союзнике. Для того чтобы завоевать крестьянство как союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции, большевистская партия должна была поддерживать все революционные требования крестьянства, вести его вперед, придавая ему организационный, сознательный характер. Так, в марте 1905 г. в письме к III съезду партии В.И. Ленин ставит вопрос о необходимости пересмотра аграрной программы, т.е. предложил заменить требование о возвращении «отрезков» требованием полной экспроприации помещичьих земель (Lenin, 1976:101).

Также, в подполье существовали национальные партии: еврейский Бунд, две польские социалистические партии, армянская революционная партия, финские рабочая и социал-демократическая партия и др. Их главной целью было национальное самоопределение, чему препятствовал самодержавный строй (Yakovlev, 2020:242).

Проблема заключалась в том, что власть оставалась неоднородной: самодержавная монархия не до конца осознавало сути происходящего процесса модернизации общинного землевладения. По существу, у самодержавия была объективная возможность провести аграрные преобразования прогрессивно, но, опасаясь смены политического строя, не проявляла готовности к диалогу с неуклонно возрастающей оппозицией. Бюрократия, как орудие реформ, также, оказалась расколота на группировки, ориентированной на иностранный капитал, крупных отечественных землевладельцев, на национальный финансовый и промышленный капитал. Нараставшие в ходе модернизации противоречия можно было разрешить сверху, волею власти, но их разрешила революция 1917 г.

Правовое регулирование отношений, связанных с крестьянской общиной и выходом из нее

В научных правовых исследованиях рассматривались взаимоисключающие позиции. Например, двусмысленность в объяснении сути общинного землевладения относится к работам профессора С.В. Пахман. Ученый допускает, что община может являться субъектом права собственности. Вместе с тем члены общины имеют лишь право пользования. Кроме того, все члены общины располагают теми же правами, какие есть у общины (Pakhman, 1877:13).

Правовед К.Д. Кавелин отмечал, что общинное землевладение – это самобытный гражданский институт, не похожий на все известные ранее, и относил общинное землевладение к понятию юридического лица (Kavelin, 1859:32). Российский доктор права Д.И. Майер придерживался таких же взглядов (Mayer, 1902).

Крестьянская община была основана на надельном землевладении. Манифест 19 февраля 1861 г.⁷ открыл возможность досрочного выкупа наделов, то есть передачи их из собственности помещиков в собственность крестьян на основании статьи 165 Положения о выкупе.

⁷ Крестьянская реформа – важнейшая реформа середины XIX в. в России. Когда перед государством встала проблема крепостного права, разработка документов реформы даже с технической точки зрения была очень сложной. Именно поэтому Крестьянская реформа – единственная реформа, которая была проведена в жизнь столь большим числом нормативных актов. Центральный документ реформы –

Статья провозглашала, что до уплаты выкупной ссуды выдел участков отдельным домохозяевам из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесет в уездное казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный участок – по возможности к одному месту⁸.

Так, в девяти западных губерниях (Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской) крестьяне были переведены на обязательный выкуп в 1863 г.⁹

Выкуп совершался при финансовом содействии казны, которая выдавала выкупную ссуду помещику, а крестьяне обязаны были погасить ссуду казне ежегодными платежами, рассроченными до 49 лет. До выкупа крестьяне оставались временно-обязанными, после выкупа они становились собственниками, но наделы их были обременены выкупным долгом, и поэтому в обеспечение исправной уплаты право крестьян по надельным землям было «обставлено» различными ограничениями (статьи 113–125)¹⁰.

Акт, по которому определялся первоначальный отвод надела, его размеры, состав, местоположение, а также повинности по наделу в пользу помещика, именовался Уставной грамотой (статьи 1–20 Общих положений)¹¹. Уставные грамоты заключались с общиной «миром» – сельским обществом крестьян, принадлежащих помещику. Общество распределяло землю «по душам» с правом периодических переделов.

Таким образом, предстояла длительная, сложная задача осуществления реформы: составления уставных грамот, выкупных актов, определения размера отходящих крестьянам надельных земель. Например, в прошении крестьян помещика графа Орлова-Давыдова села Семеновского Серпуховского уезда Московской губернии с жалобой на Уставную грамоту, от 15 апреля 1863 г., говорится, что она была составлена без их участия и надел стал меньше:

«Границы нашего надела по неясному определению в Уставной грамоте и без признаков в натуре положительно признать не имеем возможности и нет свободного прогона на отдаленный участок. По приложению к Уставной грамоте разрешается отпуск топлива с помещичьего леса дровами за 9 рублей, кроме оброка за надел; мы же до Положения пользовались топливом бесплатно за вносимый нами оброк и сверх того пользовались отпуском леса на постройки и лучиною для освещения; теперь это не предусмотрено; следовательно, состояние наше ухудшилось оброк, по недоброкачественности подмосковных земель, становится обременительным»¹².

«О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»: Высочайше утвержденное Общее положение от 19 февраля 1861 г. (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Ч. 1. № 36657).

⁸ См.: Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXVIII. № 39337, 39928, 40172.

⁹ См.: Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. № 375.

¹⁰ См.: Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXVIII. № 39337, 39928, 40172.

¹¹ См.: «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»: Высочайше утвержденное Общее положение от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. № 36657.

¹² См.: Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). ЦГА Москвы. Ф. 66. Оп. 1 т 1. Д. 2762. Л. 3, 4.

Главным мотивом при досрочном выкупе было стремление крестьянина освободиться от тяжелого налога и губительных правил круговой поруки. Такое значение за надельными землями сохранилось почти до самой отмены выкупных платежей. Указом 3 ноября 1905 г.¹³ были отменены платежи по выкупному долгу, остаток которого, по официальным данным, определялся в 1.048.112.692 руб.¹⁴

При выходе из общины отдельных крестьян повинности, лежавшие на них, должны были распределяться между остающимися членами, поэтому выход из общества осложнялся достаточно стесненными условиями.

Крестьянское землевладение расширялось в результате приобретения земли в частную собственность. «Быстро росли площади купленных крестьянами земель. В 1880 году они составили 6818 тысяч десятин, а в 1900 г. – 19 895 тысяч десятин. Крестьяне чаще всего покупали пашню: ее площадь за указанный период возросла с 3 784 до 14 088 тысяч десятин, т.е. в 3,7 раза. К 1905 г. площадь купленных земель еще более выросла и составила 24 591,5 тысяч десятин»¹⁵.

14 декабря 1893 г. был принят Закон «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель», отменивший статью 165¹⁶. Поводом к принятию закона послужили обнаружившиеся в конце 70–80-х гг. XIX в. случаи отчуждения надельных земельных участков в посторонние руки, а также продажи земель целыми крестьянскими обществами, повлекшие за собой разорение крестьян. С целью предупреждения таких ситуаций указанным законом было отменено право отдельных домохозяев на досрочный выкуп надельных земель без согласия общины.

«Полные права общинного землевладения в 1893 г. были ограничены согласием общины в лице 2/3 ее членов, выражающиеся не в праве непосредственного распоряжения, а в контроле и ограничении права распоряжения отдельных членов общины.

Так, например, земским начальникам по закону 1893 г. о переделах общинных земель дается право отменять не только формально-незаконные приговоры о переделе, но также и те, которые они сочтут нерациональными; именно таким путем верховное право распоряжения передоверено правительством местной администрации. Не вызывает сомнения тот факт, что самодержавная власть продолжает считать себя верховным распорядителем крестьянских земель, хотя сосредоточила крестьянские наделы на выкуп» (Kachorovsky, 1906:70).

В период 1881–1899 гг. Правительство принимает законы «Об обязательном выкупе»¹⁷, «О рассрочке выкупного долга»¹⁸. Указом от 3 ноября 1905 г. были отменены платежи по выкупному долгу. С 1 января 1907 г. выкупные платежи отменяются окончательно¹⁹.

¹³ См: Манифест «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» (3 ноября 1905 г.). // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание третье. Т. XXV. № 26871, 26872.

¹⁴ См.: Кофод А.А. Русское землеустройство. С-Петербург. 1914. Типография «Сельский вестник», Мойка 32. С. 27.

¹⁵ См: Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1907.

¹⁶ См: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIII. № 10151.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. № 576.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См: Манифест от 3 ноября 1905 г. «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. № 26871, 26872.

«После 19 февраля 1861 г. общинная модель крестьянской свободы впервые подверглась серьезной трансформации лишь в аграрных законах 1906–1911 гг., благодаря которым, с отсрочкой на полвека, общество получило импульс к созданию новых для него институтов, давно известных многим государствам Западной Европы. 9 ноября 1906 г., не дожидаясь созыва II Думы, П.А. Столыпин царским указом провел отмену закона 1893 г. о неприкосновенности общины» (Dyusyupova, 2022:23).

По мнению профессора М.В. Немытиной, в начале XX в. при обострившихся в обществе и государстве противоречиях самодержавие, чтобы сохранить свою жизнестойкость, берет курс на преобразования. Курс на трансформацию общества, государства и права был взят потому и настолько, почему и насколько это было необходимо для сохранения самого существующего режима. Уступки, на которые шло правительство, затрагивали противоречия в обществе и государстве, но не разрешали их до конца (Nemytina, 1999: 350).

В Указе от 9 ноября 1906 г. статья 1 регламентировала право отчуждения в частную собственность земельного участка надельной земли каждому домохозяину – земли, состоящей ко времени заявления в фактическом пользовании²⁰. В связи с этим бесспорна точка зрения К.П. Победоносцева о том, что собственность имеет не вполне одинаковое значение с правом собственности. Собственность означает всякое право на имущество, принадлежащее человеку. Право собственности есть право исключительного, полного господства лица над вещью (Pobedonostsev, 1884:91).

Таким образом, Закон от 9 ноября 1906 г. идет дальше отмененной в 1893 г. статьи 165 Положения о выкупе. Закон признал за каждым крестьянином право приобрести земельный участок в частную собственность. Документ регулировал разверстку полевых наделов в один отрубной участок как переходную ступень к окончательному образованию хуторских хозяйств.

Разрушение общины и распространение частной собственности стало главным содержанием Столыпинской земельной реформы, начатой Указом 1906 г.²¹ Правительство разрешило куплю-продажу земельных наделов, что облегчило концентрацию земли в руках наиболее предприимчивых собственников. Крестьянский банк выдавал банковские ссуды на покупку земли самостоятельным домохозяевам.

Реформа П.А. Столыпина имела не только экономическое значение, но и социально-политическое. Ее потенциальную важность для капиталистической трансформации российского сельского хозяйства признавал, в частности, В.И. Ленин, писавший в апреле 1908 г. о вполне возможном успехе такой политической власти (Lenin, 1976:27)²².

Но для проведения аграрной реформы, трудной и продолжительной, требовалось время – десять – двадцать лет, как планировал П.А. Столыпин. К 1 января 1916 г. из общин вышло 2,5 млн домохозяев, 26 % общинных дворов и около 15 % земель

²⁰ См.: Решение 2 Департамента Правового сената от 20 апреля 1909 г. № 3052 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. № 28528.

²¹ См.: Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. № 28528.

²² «Что, если, несмотря на борьбу масс, столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха «прусского» пути? Тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни нерадикальное «решение» аграрного вопроса при капитализме станет невозможным. Но в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки».

крестьянских общин. Из них 53 % продали свои наделы, став наемными работниками в городах (Yakovlev, 2020:258).

П.А. Столыпин, будучи истинным патриотом и прагматичным идеологом скорейшего экономического и политического процветания России, считал главной опорой государства прежде всего трудолюбивых зажиточных крестьян – фермеров и квалифицированных рабочих (базу для будущего массового среднего класса) (Kirin, 2021:133). Профессор А.В. Киринов отмечает, что все реформы П.А. Столыпина, рекомендуемые для России, в XX в. были реализованы в Соединенных Штатах (государствах) Америки.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что общинное землевладение в Российской империи во второй половине XIX – начала XX в. регулируется противоречивым законодательством и подразделяется на три периода.

Первый период (1861–1881 гг.) – политика царизма в отношении крестьянской общины была непоследовательной: соглашение помещиками и крестьянами, которым был обусловлен выкуп крестьянских наделов достигался успешно. Целый ряд причин способствовал тому, что помещики охотно шли навстречу выкупу – выкупные цены были достаточно высоки. Казна получала доход, а крестьяне разорялись от обременительных платежей.

Данное обстоятельство послужило поводом для принятия законоположения 1881 г. о понижении выкупных платежей. На основании статьи 165 Положения о выкупе крестьянин, внесший всю выкупную сумму, получал право выделиться из общины.

Второй период (1881–1895 гг.) – сторонники неприкосновенности крестьянской общины (правительство императора Александра III) с начала 1880-х гг. проводят политику защиты и охраны общинного землевладения. Закон 14 декабря 1893 г. отменяет право крестьян на досрочный выкуп наделных земель без согласия общины, залог наделных земель запрещается.

Научные взгляды ученых показывают противоречивость понимания процессов крестьянской реформы самодержавием, несправедливое и непоследовательное законодательное регулирование правительством крестьянского общинного землевладения. В результате неудачной аграрной политики экономическое благосостояние российских крестьян на рубеже XIX – начала XX в. стало снижаться.

До 1905 г. царское правительство искусственно поддерживает общинное крестьянское землевладение, но после революционных событий января 1905 г. государственная политика изменила свой вектор. Проявлением нового течения правовой политики самодержавия в вопросе крестьянского общинного землевладения стал Закон от 9 ноября 1906 г. Этот документ положил начало разрушению общинного землевладения и уничтожил преграды развития крестьянского землевладения в Российской империи. Начался третий этап правового регулирования общинного землевладения, который продлился до 1917 г.

Крестьянское землевладение стало более свободным и дало толчок дальнейшему развитию в Российском государстве частной земельной собственности. Крестьяне стали активными участниками гражданских правоотношений. Произошел рост крестьянского землевладения за счет приобретения земель в частную

собственность, заключения сделок с землей – недвижимым имуществом. Право совершенствовалось, законодательство расширила круг гражданской правоспособности крестьян. В этом нельзя не видеть полной аналогии с другими европейскими странами с точки зрения развития крестьянского землевладения, то есть общности российского опыта с международной практикой.

Таким образом, спецификой правового регулирования общинного землевладения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. стало совмещение обычного права, нормы которого действовали в рамках крестьянской общины, и официального нормативного регулирования. Правовая жизнь российских крестьян опиралась в значительной степени на обычаи, обычное право применялось вплоть до середины XIX – начала XX в. В этой связи, обычное право рассматривается как неотъемлемый компонент крестьянской системы ценностей.

References / Список литературы

- Belyaev, I.D. (1860) *Peasants in Rus'*. Moscow, University Printing House. (in Russian).
Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М.: Университетская типография, 1860. 306 с.
- Chernyshevsky, N.G. (1950) Articles 1858–1859. In: *Complete works in fifteen volumes*. Vol. V. Moscow, GИHL Publ. (in Russian).
Чернышевский Н.Г. Статьи 1858–1859 // Полное собрание сочинений: в 15 томах. М.: ГИХЛ, 1950. Т. V. 1008 с.
- Chicherin, B.N. (1858) Experiments on the history of Russian law. Moscow (in Russian).
Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М.: Изд. Солдатенкова и Щепкина, 1858. 389 с.
- Druzhinin, N.M. (1963) A. Haxthausen and Russian revolutionary democrats. *History of the USSR*. (3), 76–85. (in Russian).
Дружинин Н.М. А. Гакстгаузен и русские революционные демократы // История СССР. 1963. № 3. С. 76–85.
- Dyusyupova, A.D. (2022) Agrarian relations in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: law and politics: monograph. Vlasenko, N.A. (ed.). Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Дюсюпова А.Д. Аграрные отношения в России второй половины XIX – начала XX века: право и политика: монография / под ред. Н.А. Власенко. М.: Юрлитинформ, 2022. 216 с.
- Hauke, O.A. (1914) *Peasant land law*. Moscow, Warehouse of the publication of I.K. Golubev. In the bookstore "Jurisprudence" Publ. (in Russian).
Хауке О.А. Крестьянское земельное право. М.: Склад издания И.К. Голубева в книжном магазине «Правоведение», 1914. 372 с.
- Haxthausen von August (1847) *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*. Hanover, Hahn.
- Herzen, A.I. (1871) *Lettres de France et d'Italie (1847-1852)*. New York, New York Public Library.
- Kachorovsky, K.R. (1906) *Russian community: Is it possible, desirable to preserve and develop it?* Moscow, Type-lithography of the Russian Association of Printing and Publishing (in Russian).
Качоровский К.Р. Русская община: Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? М.: Типолиитография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1906. 362 с.
- Kaufman, A.A. (1908) *The Russian community in the process of its origin and growth*. Moscow, Printing house of the Partnership Sytin I.D. (in Russian).
Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1908. 455 с.
- Kavelin, K.D. (1859) *Works of K. Kavelin*. Parts 1–4. Moscow, K. Soldatenkov and N. Shchepkin (in Russian).

- Кавелин К.Д.* Сочинения К. Кавелина. Ч. 1–4. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1859. 376 с.
- Kirin, A.V. (2021) *State reforms in Russia: from Peter to Putin*. Moscow, Ed. home of the Higher School of Economics. (in Russian).
- Кирип А.В.* Государственные реформы в России: от Петра до Путина. М.: ИД ВШЭ, 2021. 408 с.
- Lenin, V.I. (1976) On the trail! In: *Complete edition*. V. 17. Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
- Ленин В.И.* По торной дорожке! // Полное собрание сочинений. Т. 17. М.: Политиздат, 1976. 650 с.
- Lenin, V.I. (1979) *Complete edition*. V. 13. Politizdat Publ. (in Russian).
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: Политиздат, 1979. 774 с.
- Mayer, D.I. (2003) *Russian civil law (in two parts). Corrected and supplemented 8th ed.* Ed. 3rd, rev. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Майер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. (по испр. и доп. 8-му изд., 1902). Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. 831 с.
- Nemytina, M.V. (1999) *Court in Russia: second half of the 19th – early 20th centuries*: Diss. of Doctor of Legal Sciences. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
- Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 1999. 403 с.
- Pakhman, S.V. (1877) *Customary civil law in Russia*. V. I. Property, obligations and means of judicial protection. Saint Petersburg, Printing house of the 2nd department. (in Russian).
- Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Т. I. СПб.: Тип. 2-го отд. Собственной е. и. в. канцелярии, 1877. 447 с.
- Plekhanov, G.V. (1956) Our disagreements. In: *Selected philosophical works*. In 5 vols. V. I. Moscow, Gospolitizdat Publ. (in Russian).
- Плеханов Г.В.* Наши разногласия // Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. I. 848 с.
- Pobedonostsev, K.P. (1884) *Course of civil law*. In 3 vols. V. 1. Saint Petersburg, Printing house of A. A. Kraevsky. (in Russian).
- Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1884. 793 с.
- Semevsky, M.I. (1870) Historical and legal acts of the 17th and 18th centuries, collected by Mikhail Semevsky. In: *Readings at the Society of Russian History and Antiquities at the Imperial Moscow University*. Moscow, Publishing house University Printing House of Katkov and K. pp. 1–88. (in Russian).
- Семевский М.И.* Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий, собранные Михаилом Семевским // Чтения в Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете. М.: Университетская типография Катков и К, 1870. С. 1–88.
- Soloviev, S.M. (1866) The origin of the community. *Russian Bulletin*. (6), 286–304. (in Russian).
- Соловьев С.М.* Происхождение общины // Русский вестник. 1866. Т. 6. С. 286–304.
- Tengoborsky, L.V. (1852) *Études sur les forces productives de la Russie*. Paris, J. Renouard et cie.
- Vasilchikov, A.I. (1881) *Land ownership and agriculture in Russia and other European countries*. V. 2 Second edition. Saint Petersburg. Stasyukevich M.M. Publishing House (in Russian).
- Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. Издание второе. Санкт-Петербург. Тип. М.М. Стасюкевича. 1881. 395 с.
- Vlasenko, N.A. (2015) *Introduction to the theory of the rule of law. Selected*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А.* Введение в теорию правового государства. Избранное. М.: Норма. 2015. 672 с.

Vorontsov, V.P. (1902) *On the history of the community in Russia (materials on the history of communal land tenure)*. Moscow, Partnerships I.N. Kushnerev and Co. Publishing House. (in Russian).

Воронцов В.П. К истории общины в России (материалы по истории общинного землевладения). М.: Тип. Товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1902. 160 с.

Yakovlev, A.I. (2020) *Three centuries of reforms and revolutions in Russia*. Moscow, Veche Publ. (in Russian).

Яковлев А.И. Три столетия реформ и революций в России. М.: Вече. 2020. 448 с.

Сведения об авторе:

Дюсюпова Алмагуль Дауткановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, трудового и социального права, декан юридического факультета, Московский гуманитарный университет; 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, д. 5

ORCID ID: 0000-0002-6528-7829; SPIN-код: 8566-8667

e-mail: adusupova@mosgu.ru, alma_23@mail.ru

About the author:

Almagul D. Dyusyupova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Labor and Social Law, Dean of the Faculty of Law, Moscow University for the Humanities; 5 Youth str., Moscow, 111395, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-6528-7829; SPIN-code: 8566-8667

e-mail: adusupova@mosgu.ru, alma_23@mail.ru

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-95-118>

EDN: POQAAA

Research Article / Научная статья

Units of time used in calculating administrative and procedural time limits

Elena V. Beliakovich

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

 beliakovich_ev@mail.ru

Trans. into Engl. by A.D. Shapovalova

Abstract. Temporal-legal regulation of administrative-procedural legal relations is directly related to the rules of calculating time limits, the uniformity of which determines the effectiveness of administrative process as a whole. The article is devoted to the study of time units used in calculating administrative-procedural time limits. It proposes the definition of the category *calculation of administrative-procedural time limit* and highlights the principles of its calculating including uniformity, clarity, and reasonableness. Temporal regulation of administrative process by means of such units of time as *day*, *sutki* (*day and night*), *week*, *decade*, *month*, *quarter*, and *year* is also in the focus. The units of time used in calculating the time limits in administrative procedural law are divided into micro- and macro-units. The existing range of problems in legal regulation of administrative procedural legal relations through the *day* category is outlined. The article also looks at specificity of the legal nature of non-working days established in the pandemic period and highlights chaotic and discordant use of temporal units *sutki* and *day* in the administrative process. The author proposes to refrain from calculating administrative-procedural time limits by calendar values of *sutki*, *week*, *month* and *a half*.

© Beliakovich E.V., 2024

© Shapovalova A.D., Transl., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Key words: administrative and procedural law, temporality in law, 24 hours, working day, calendar day, month, hour

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21st March 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Beliakovich, E.V. (2023) Units of time used in calculating administrative and procedural time limits. *Trans. into Engl. by A.D. Shapovalova. RUDN Journal of Law.* 28 (1), 95–118. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-95-118>

Единицы времени в исчислении административно-процессуальных сроков

Е.В. Белякович

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

beliakovich_ev@mail.ru

Пер. на англ. А.Д. Шаповаловой

Аннотация. Темпорально-правовое регулирование административно-процессуальных правоотношений непосредственным образом связано с правилами исчисления сроков, единообразие которых обуславливает эффективность административного процесса в целом. Вопрос о правилах исчисления исследуемых сроков раскрыт через призму интегративной концепции административного процесса. Исследованы вопросы об единицах времени, используемых при исчислении административно-процессуальных сроков. Предложена дефиниция категории «исчисление административно-процессуального срока». Выделены принципы исчисления административно-процессуальных сроков: единообразие, ясность, разумность. Проанализированы темпоральная регламентация административного процесса посредством таких единиц времени, как день, сутки, неделя, декада, месяц, квартал, год, а также многочисленная правоприменительная практика. Используемые при исчислении срока в административном процессуальном праве единицы времени разделены на микро- и макроединицы. Обращено внимание, что использованию микроединиц времени в административном процессе способствует развитие концепции «электронного правосудия». Раскрыта существующая проблематика правового регулирования административно-процессуальных правоотношений через единицу времени «день», проявляющуюся в следующих вариантах: день, календарный день, рабочий день, нерабочий день, праздничный день, выходной нерабочий день, а также определенный календарный день. Выявлена специфичность правовой природы нерабочих дней, установленных в пандемийный период. Констатировано хаотичное и рассогласованное использование темпоральных единиц «сутки» и «день» в административном процессе. Предложено отказаться от исчисления административно-процессуальных сроков календарными величинами «неделя», «полтора месяца». Отмечен устойчивый вектор сокращения темпоральной продолжительности и детальной временной регламентации осуществления административно-процессуальных действий.

Ключевые слова: административное процессуальное право, темпоральность в праве, сутки, рабочий день, календарный день, месяц, час

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 21 марта 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Белякович Е.В. Единицы времени в исчислении административно-процессуальных сроков / пер. на англ. А.Д. Шаповаловой // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 95–118. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-95-118>

Introduction

“Not without reason did Pythagoras represent the world as ruled by number. Into almost all our acts of thought number enters, and in proportion as we can define numerically, we enjoy exact and useful knowledge of the Universe” (Jevons, 1881:150). Time is an independent variable in a continuous and independent flow. Change in the movement of time is beyond the control of the physical world, but time calculation in accepted temporal units allows, with a certain degree of conventionality, to control it and structure social life.

Among legal formalities “a special place must be recognized to the event calculus both for its representative power (which makes it intuitively suitable for many legal contexts) and for its simplicity (which makes it easily accessible also to an audience having a limited formal training)” (Hernández Marín & Sartor, 1999:90). Temporal support of administrative procedural activities is directly related to the rules of calculating time limits in administrative procedural law. Correct and uniform calculation of administrative procedural time limits determines the effectiveness of administrative process as a whole.

We consider the administrative process from the standpoint of the integrative concept, as a system comprising three types of process: management (administrative procedure), administrative jurisdiction and administrative litigation. Accordingly, administrative cases resolved by authorized bodies as part of the administrative process, constitute the following triad: 1) uncontested administrative cases within the purview of public administration authorities, 2) administrative disputes settled by public administration authorities and courts, 3) cases on administrative offenses also resolved by public administration authorities and courts.

Supporting the integrative approach to understanding of administrative process, we agree with the scholars (Zelentsov, Kononov & Stakhov, 2018:509) who propose distinguishing between two types of such process, depending on its venue, purpose in the regulation and protection mechanism under administrative law, as well as subjects organizing and implementing it, i.e. executive administrative process and judicial administrative process.

The rules for calculating the time limits under study are explained in the light of the above structure of integrative vision of administrative process.

The concept of calculating the administrative procedural time limit

The calculation process is largely a mathematical category in its nature, allowing to find the desired (unknown) value by applying the rules of operating with the initially known metrics.

In respect to the administrative procedural law, we suggest that calculation of administrative procedural time limits should be understood as a mental process that results in fixing of the desired start and end of the time limit in the temporal flow of administrative process, by means of arithmetic calculations using the known data of the time limit duration and the time units subject to the established legal rules.

It should be noted that the process of calculating the administrative procedural time limit is the result of correlation of both mathematical and legal ways of time limit calculation ensuring the establishment of administrative procedural temporal boundaries.

Numerous law enforcement practice¹ reveals the existing difficulties in calculating the administrative procedural time limits that entails recognition of non-regulatory acts, decisions, actions, inaction of administrative authorities as illegal, and results in cancelling the adopted judicial acts as part of judicial administrative process.

The efficiency of temporal legal regulation of administrative procedure is directly related to the correct calculation of administrative procedural time limits. The rules of calculating the administrative procedural time limit regularize the administrative procedural activities through the impact of temporal legal means on the relevant legal relations.

In the latest normative innovations, we can see the legislator's desire to establish a detailed temporal regulation of administrative procedural actions. But at the same time, there is a *bias* in temporal legal regulation: certain administrative procedural actions are regulated in maximum detail (up to the establishment of waiting time, for example, not more than ten minutes, when submitting an appeal through the mailbox located at the entrance to the customs office²), while in other cases no required time regulation is in place, which leads to disputes³.

¹ For example, paragraph 6 of the Review of judicial practice of disputes resolution by courts, related to the enforcement of writs of execution by the banks and other credit organizations, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.06.2021, resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 71-AD22-4-K3 dated 13.12.2022, ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES22-1663 dated 01.07.2022 in case No. A60-20360/2021, ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES19-23186 dated 21.05.2020 in case No. A12-961/2018, resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 303-ES19-15753 dated 20.12.2019 in case No. A73-209/2019, appellate ruling of the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33-APG17-5 dated 21.06.2017, ruling of the Judicial Chamber on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-AD16-16921 dated 04.04.2017 in case No. A40-93186/2016, award of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 21.10.2022 in case No. A27-7361/2022, cassation ruling of the First Cassation Court of general jurisdiction No. 88a-10460/2022 dated 12.04.2022 // LRS Consultant Plus (access date: 20.04.2023).

² Paragraph 19 of the Administrative Regulations on provision by the Federal Customs Service of information on the release of goods, approved by Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 176n dated 26.08.2020 // LRS Consultant Plus (accessed: 20.11.2022).

³ For example, Article 45 of Federal Law on Enforcement Proceedings No. 229-FZ dated 02.10.2007 does not establish any time limit for resuming suspended enforcement proceedings upon elimination of the circumstances that constituted a ground for their suspension, which is resolved in court practice by applying the reasonable time limit rules.

Time limits in the administrative procedural law are calculated according to special statutory rules which in certain cases differ from the rules of calendar time calculation⁴. The statutory order of calculating the administrative procedural time limits is required both to ensure the protection of rights of interested persons, and to simplify calculation of the time limits under study, which provides uniformity and legal certainty of administrative procedural activities.

Principles and structure of administrative procedural time limits calculation

The essence of calculating the administrative procedural time limits is expressed and specified through the principles on which the temporal component of administrative process is based. We believe that the following principles of calculating the administrative procedural time limits may be identified.

1) Principle of uniformity

Despite the versatility of administrative procedural time limits, approaches to their calculation should be generally uniform. For example, with regard to such categories as *working day* or *calendar day*, a common understanding of the specific time unit used for calculating the time limit should be maintained.

There should be no difference in the rules of temporal calculation for executive or judicial administrative procedural law, nor in the triad of administrative cases (uncontested cases, administrative disputes, administrative offenses).

The opposite method, namely the calculation of time limits in administrative procedural law applying different approaches leads to legal uncertainty and loss of stability of administrative procedural activities.

Despite high temporal concentration of administrative procedural law, the numerous and varied time limits should be based on uniform rules of calculation.

2) Principle of clarity

Administrative procedural law should contain clear regulations regarding the rules of calculating the administrative procedural time limit and its legally significant properties. These rules should be clear, understandable, and unambiguous in terms of applicable time units, duration of time limit and temporal boundaries (time limit start and end). Administrative procedural activities have a clear internal structure based, among other things, on the temporal component; thus, for administrative process to be sustainable and stable, the certainty and clarity of the time limit duration are of paramount importance. Temporal start and end points of interaction of the administrative process actors should be established as clearly as possible for all participants of administrative procedural legal relations.

⁴ For example, paragraph 2 of part 1 of Article 200 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation establishes a ten-day period for considering cases with bailiffs participation, but practically, with due account for the rules of calculating the procedural time limit in case of postponement of the judicial session and involvement of new participants in the case, the actual calendar time for case processing may make several months, with no violation of the established (ten-day) period.

3) *Principle of reasonability*

The rules for calculating the time limit should be reasonable and objective both in relation to a specific (separate) administrative procedural action, and in general, as part of an administrative case. It should be taken into account that the criteria of reasonability as an evaluation category, are different in executive and judicial administrative processes as well as in the triad of administrative cases, depending on relevant specifics.

The rules of calculating administrative procedural time limits should ensure a reasonable and adequate temporal duration of a separate administrative procedural action and administrative process as part of a specific administrative case as a whole, correlating with the pace of public life.

Professor A. Zuckerman speaks about the compromise between the duration of litigation as a justice measurement factor, along with the search for the right decision (truth) and the cost of litigation that is established in any judicial system (Zuckerman, 1999:41–42). We believe that the above approach is also true for the administrative process in general. It is rightly noted that the optimality of the time limit is ensured by such a pace at which speed is gained without compromising the process quality, and quality is achieved without compromising speed (Yakupov, 1972:6).

The study of the rules of calculating administrative procedural time limits comprises the following aspects:

- temporal units for measuring the administrative procedural time limits (specific time units, indefinite categories),
- duration of the time limit itself (quantitative time and event categories),
- fixation of the start and end of the time limit (including the rules on interruption, extension, suspension, and restoration of the time limit).

Concerning the established rules of administrative procedural time limits calculation, it should be noted that despite rather extensive scope of legal regulation of administrative procedural law, the legislator only in rare cases stipulates statutory formalization of time limits calculation.

Thus, the relevant norms are available in the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation⁵ (Chapter 8, *Procedural Periods*), the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation⁶ (Chapter 10, *Procedural Deadlines*), the Code on Administrative Offenses of the Russian Federation⁷ (Article 4. 8, *Calculation of Periods of Time*), the Tax Code of the Russian Federation⁸ (Article 6.1, *Procedure for Calculation of Time Limits Established by the Legislation on Taxes and Fees*), the Customs Code of the Eurasian Economic Union⁹ (Article 4, *Procedure for Calculation of the Time Periods Established by International Treaties and Acts in the Field of Customs Regulation*), as well as Federal Law No. 289-FZ dated 03. 08.08.2018, *On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain*

⁵ Hereinafter referred to as RF CAP.

⁶ Hereinafter referred to as RF APC.

⁷ Hereinafter referred to as RF CAO.

⁸ Hereinafter referred to as RF TC.

⁹ Hereinafter referred to as EEU CC.

*Legislative Acts of the Russian Federation*¹⁰ (Article 7.1, *Procedure for Calculating the Time Limits Established by the Legislation of the Russian Federation on Customs Regulation and Other Legal Acts of the Russian Federation in the Field of Customs Regulation*), Federal Law No. 248-FZ dated 31. 07.07.2020, *On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation*¹¹ (Article 86, *Calculation of Time Limits*), Federal Law No. 229-FZ dated 02.10.2007 *On Enforcement Proceedings*¹² (Chapter 3, *Time Limits in Enforcement Proceedings*). At the same time, we can see that some normative legal acts formalize the rules of time limits calculation in a separate chapter, others only have a relevant article.

Calendar day, working day, non-working day

Such temporal unit as *day* is most applicable in law for temporal regulation of administrative and procedural legal relations. The analysis of administrative procedural legislation shows that the *day* category is used in the following variants: *day*, *calendar day*, *working day*, *non-working day*, *holiday*, *day off*, and also, a certain *calendar day*.

Problems in the area of enforcement of administrative procedural law arise in cases of normative – temporal regulation of legal relations using the unspecified (*working* or *calendar*) *day* category, thus entailing ambiguity and uncertainty in calculating the relevant procedural time limit.

Thus, by virtue of part 3 Article 113 of the RF APC, non-working days shall not be included in the time limits calculated by days. A similar provision is contained in part 2 Article 15 of the Federal Law on Enforcement Proceedings.

RF CAO, though using the categories of *day*, *non-working day*, *working day*, does not disclose whether the category *day* only covers working days.

According to part 2 Article 92 of the RF CAO, as a general rule, the time limits calculated by days include working days only.

The opposite approach is stipulated by part 12 Article 7.1 of the Law on Customs Regulation: if the time limit is calculated by days, then those are calendar days.

The same approach is set out in part 5 Article 86 of the Law on State Control: as a general rule, calendar days are used to calculate the time limit by days. The legislator mainly uses the *working day* unit, but in two cases (part 2 Article 94 and part 11 Article 96) it speaks about ten days, i.e., calendar days are meant. At the same time, part 5 Article 40 of the Law on State Control expressly establishes the time limit for filing a complaint against a decision of a control (supervisory) body (within thirty calendar days) while in part 6 of the above legal rule the time limit for filing a complaint against an instruction of the supervisory authority is calculated in working days (ten working days). Apparently, there is no uniformity in the use of time units for determining the time limits in this case despite Chapter 15, *Time Limits*, although consisting of one article only.

The definition of a working day is contained in the Tax Code of the Russian Federation: by virtue of part 6 Article 6.1, a working day is a day that is not recognized

¹⁰ Hereinafter referred to as Law on Customs Regulation.

¹¹ Hereinafter referred to as Law on State Control.

¹² Hereinafter referred to as Law on Enforcement Proceedings.

as a day off, a non-working holiday and (or) a non-working day in accordance with the current legislation. A similar wording is contained in part 9 Article 7.1 of the Law on Customs Regulation.

The broadest definition of a working day in the administrative procedural law is provided for by the Customs Code of the EAEU (part 8 of Article 4): days of the week from Monday to Friday, excluding the days declared as non-working days in accordance with the legislation of the Member States; week-end days on which business days are carried over in accordance with the legislation of the Member States.

The Labor legislation (Article 111 of the Russian Labor Code) establishes Sunday as a general day off for both the five-day and six-day workweeks; for the five-day workweek, the second day off to be established by internal labor regulations.

Most public administration bodies and courts work a five-day working week, with Saturday and Sunday off. However certain administrative bodies (e.g., the Federal Service for State Registration, Road Traffic Police) either work on Saturdays (six-day working week), or, working on Saturday, establish a second day off on Monday. Moreover, due account should be given to days-off transfer to working days in connection with public holidays (e.g., the New Year Eve and May vacations).

Thus, when calculating the time limits by working days, it is essential to take into account both the work schedule of a particular public administration body and the legislative shift of days-off to working days, in order to avoid missing the deadline for a legally significant administrative procedural action.

Let us remember that the Law on Time Calculation only speaks about a calendar day as a 24-hour period of time (part 7 Article 2 of the Federal Time Calculation Law No. 107-FZ dated 03.06.2011¹³).

At the same time, there are numerous normative legal acts that do not disclose the *day* category, though using both terms *a working day* and just *a day*. For example, Federal Law No. 218-FZ dated 13.07.2015 *On State Registration of Real Estate*,¹⁴ mainly uses the concept of *working day*, but the *day* category also occurs, allowing to understand it as calendar day. A similar situation is observed in the Law on Protection of Competition: the categories of *calendar days*, *working days* and *days* are used. The issue of their correlation in each normative legal act should be resolved through the rules of legal interpretation.

It seems that if various temporal categories are enshrined in the same normative legal act and their meaning is not disclosed, *days* should be equated to *calendar days*.

The legislator's inconsistency in using specific time units is also manifested in the following. The Law on Enforcement Proceedings uses the *day* temporal unit of measure. According to part 2 Article 15 of the Law, non-working days shall not be included in the time limits calculated by days. Nevertheless, this Law operates with the categories of *working days*, *calendar days*, *sutki (day and night)*, so the consistency between part 2 Article 15 of the Law and temporal regulation by means of the *day* time unit is lost.

¹³ Hereinafter referred to as Law on Time Calculation.

¹⁴ Hereinafter referred to as Law on State Registration.

In judicial practice, the concept of *procedural days* may also be encountered, which, we believe, are essentially *working days*¹⁵.

Thus, the norms of administrative procedural legislation actually generate three approaches to understanding the *day* time unit:

- *day* does not comprise non-working days, i.e., the *day* category is equivalent to the *working day* category,
- as a general rule, *day* does not comprise a *non-working day*, but there are exceptions,
- *day* is equivalent to a *calendar day*, including a *non-working day*.

It should be noted that in the administrative procedural law and even in individual normative legal acts understanding of the time units used, the *day* category in particular, is inconsistent, which entails uncertainty of legal regulation and errors in calculation of administrative procedural time limits. Thus, quite extensive is the judicial practice on disputes related to calculation of administrative procedural time limits by days in terms of using *calendar* or *working day* time units for calculations¹⁶. It seems that unified and clear rules regarding the *day* time unit are required, and clear categories of *calendar day*, *working day*, *non-working day* should be worked out.

In addition to the categories of *working day*, *non-working day*, *calendar day*, the RF CAP uses the concept of *day off or non-working holiday* (part 7 Article 241; part 4 Article 226), while Article 93 of the RF CAP, establishing the rules for calculating time limits by days, uses the category of *working day*.

The use in the administrative procedural law of the *day off or non-working holiday* category seems unnecessary as this category is more applicable to labor relations, while for regulation of administrative procedural relations this temporal concept corresponds to the *non-working day* category, therefore the categories of *day*, *calendar day*, *working day*, *non-working day* are sufficient.

The pandemic also made adjustments to calculating the administrative process time limits. Decrees of the President of the Russian Federation No. 206 dated 25.03.2020, No. 239 dated 02.04.2020, No. 294 dated 28.04.2020, aiming at ensuring the sanitary and epidemiological safety of the population of the Russian Federation in connection with the spread of the novel coronavirus infection (COVID-19), established non-working days which do not apply to federal public authorities that were instructed only to determine the number of federal government employees to enable the operation of those public bodies¹⁷.

¹⁵ The Urals Okrug Arbitral award dated 22.04.2021 in case No. A07-15508/2020 // LRS Consultant Plus (access date: 20.07.2023).

¹⁶ For example, the Central Okrug Arbitral award dated 02.09.2020 in case No. A64-404/2020, the Volgo-Vyatsky Okrug Arbitral Award dated 22.02.2018 in case No. A11-904/2017, the North Caucasus Okrug Arbitral award dated 03.09. 2015 in case No. A63-13134/2014, the award of the Fourth Arbitration Appeal Court dated 27.01.2010 in case No. A58-7863/2009, the award of the Eighth Arbitration Appeal Court dated 05.09.2008 in case No. A70-2057/2008 // LRS Consultant Plus (access date: 20.07.2023).

¹⁷ Decree of the President of the Russian Federation No. 206 dated 25.03.2020, On the Announcement of Non-Working Days in the Russian Federation, Decree of the President of the Russian Federation No. 239 dated 02.04.2020, On Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Wellbeing of the Population in the Territory of the Russian Federation in Connection with the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19), Decree of the President of the Russian Federation No. 294 dated 28. 04.2020, On Extending Measures to

Moreover, Review No. 1 of Certain Issues of Judicial Practice Pertaining to Application of Legislation and Measures Aimed at Preventing the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19) in the Russian Federation, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 21.04.2020, clarifies that non-working days established by the above Decrees shall be included into the procedural time limits and shall not be the reason for shifting the expiration dates to the next working day following them.

The foregoing demonstrates that the legal nature of those non-working days is quite specific: although the days were non-working, procedural time limits in administrative proceedings and in executive administrative process flowed in the usual way.

Based on the foregoing, it appears that in relation to the *day* time unit, administrative procedural law at the temporal level applies the following categories: *day*, *calendar day*, *working day*, *non-working day* (meaning *weekends* and *non-working holidays*) and contingent *non-working day* (in the pandemic period). Legal regulation of administrative procedure should distinguish between the above temporal categories as definitively and clearly as possible, thus preventing the use of different *day* categories for calculating the same administrative procedural time limits in different legal and actual situations as this certainly affects the actual duration of astronomical (calendar) time period.

Day and sutki

The relationship between such time units as *day* and *sutki* (day and night) in the current law has long been discussed in the doctrine. Nevertheless, hermeneutical uncertainty of the correlation between those temporal categories still remains in the legislation, including in administrative procedural law.

According to defining dictionaries of the Russian language, *sutki* is a period of time from one midnight to another, 1/7th of a week, a period of 24 hours¹⁸, a unit of time equal to 24 hours, the duration of day and night¹⁹, day and night together, divided into 24 hours²⁰. According to the etymological dictionary, the twenty-four-hour period (from *сътъкъ* – collision), means the junction of day and night²¹.

The Law on Time Calculation does not contain a definitive norm regarding *sutki*. The *sutki* category is only used once in that document: 365.2425 days – one cycle of the Earth's revolution around the Sun according to the Gregorian calendar (paragraph 2 Article 1 of the Law on Time Calculation).

Ensure Sanitary and Epidemiological Wellbeing of the Population in the Russian Federation in Connection with the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19) // LRS Consultant Plus (access date: 13.11.2023).

¹⁸ Ozhegov, S.I. (1990) Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkii yazyk Publ. (in Russian).

¹⁹ Ushakov, D.N. (2014) Explanatory Dictionary of the Modern Russian language. Moscow, Adelant Publ. Available at: <https://profspo.ru/books/44160> [Accessed 01st October 2023]. (in Russian).

²⁰ Dal', V.I. (2010) Explanatory Dictionary of Russian Language. Vol. 4. Moscow, Slavyanskii Dom Knigi Publ. (in Russian).

²¹ Krylov, G.A. (ed.) (2005) Etymological Dictionary of the Russian Language. Saint Petersburg, Poligrafuslugi Ltd Publ. (in Russian).

It follows from the above that there exist two semantic meanings of the *sutki* time unit, differing in the moment of the start and end of such period: in the first case, *sutki* period is an interval of time from one midnight to another, in the other case, *sutki* is a time interval of 24 hours beginning at any moment of time (for example, at 3:20 pm).

No cases using the *sutki* category solely as a time interval of 24 hours starting at a certain time (for example, at 3:20 pm) have been identified in law enforcement practices. Moreover, by virtue of part 2 Article 4.8 of the RF CAO, the time limit calculated in *sutki* expires at midnight of the twenty-four-hour period, therefore a 24-hour time interval with variable commencement time is inadmissible in the context of the RF CAO. If it is necessary to calculate the administrative procedural time limit down to a specific hour, the appropriate time unit (*hour*) shall be applied (part 2 Article 27.5 of the RF CAO).

On the other hand, according to the defining dictionaries of the Russian language, *day* has the same meaning as *sutki*, a period of 24 hours²². You may remember that the Law on Time Calculation (paragraph 7 Article 2) speaks only of a calendar day by which a time period of twenty-four hours is understood.

Thus, it should be recognized that both in terms of semantic meaning in the Russian language, and in the legal sense, *sutki* and *day* time units (in the context of calendar day) are equivalent.

The analysis of administrative procedural legislation and relevant judicial practice allows to acknowledge that *sutki* and *day* time units are used chaotically and inconsistently, the same referring to calculation of administrative procedural time limits by *sutki* and *day* without disclosing the difference between them, which entails problems of law enforcement, controversial issues and uncertainty in interpreting legal norms of temporal content.

The following example has already become classical and illustrative to demonstrate the lack of a clear distinction between *day* and *sutki*. The RF CAO establishes the time limits for the same kind of procedural actions using different time units of their measurement. Part 1 Article 30.3 of the RF CAO reads: an appeal against a decision on an administrative offense may be filed within *ten sutki*; while part 3 of the same Article establishes that an appeal against a decision on administrative offenses of certain corpus delicti may be filed within *five days*.

The doctrine suggests a non-random difference in the terms used by the legislator for establishing, inter alia, the time limits for an appeal: when *sutki* term is used, it refers to the calendar period, while the term *days* is only used in relation to working days (Lavrent'ev, 2008:476; Moskalenko & Golovko, 2006:240). But we find such approach unreasonable as it is refuted by Article 4.8 of the RF CAO: Part 1 of this norm specifies that time limits may be calculated both by *sutki* and *day* periods. At the same time, the norm does not distinguish between those concepts. Moreover, part 3 Article 4.8 of the RF CAO establishes the rule for calculating the end of the time limit set in days: if such time limit ends on a non-working day, the last day of such time limit shall be the first working day following it. If by the *day* time unit the legislator understood

²² Ozhegov, S.I. (1990) Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkii yazyk Publ. (in Russian); Ushakov, D.N. (2014) Explanatory Dictionary of the Modern Russian language. Moscow, Adelant Publ. Available at: <https://profspo.ru/books/44160> [Accessed 01st October 2023]. (in Russian).

exclusively working days, the end of time limit could not objectively coincide with a non-working day. Consequently, in relation to the time limit calculated by days, the legislator's idea was that the *day* temporal category meant a calendar day (including both working and non-working days). Moreover, in the RF CAO, the legislator also uses the *working day* time unit.

The only thing to note is a peculiarity in determining the end of the time limit calculated by days under the RF CAO: if it falls on a non-working day, the time limit expires on the nearest working day. There is no reason to identify this unit of time with working days because non-working days are also included in such time limit but only when its end falls on a non-working day; in such case the time limit expires on the nearest working day. For example, a five-day time limit starting on Tuesday expires on Monday, as it falls on Saturday (a non-working day). However, a seven-day time limit starting on Tuesday also expires on Monday because non-working days are included in the time limit.

On the one hand, establishing different time limits for appeal as provided by Article 30.3 of the RF CAO, is understandable: a shorter time limit is provided for cases on administrative offenses infringing on the rights of citizens. But, on the other hand, it does not seem expedient to use different time units in this case, because, if those time limits are aligned with the unified temporal calculation, in the first case, the time limit makes ten calendar days, and in the second case – five calendar days. Although the only difference is the time limit expiration date: if the time limit is calculated by *sutki* and its termination falls on a non-working day, such time limit legally expires on that day; while the time limit calculated by days, in case of its termination on a non-working day, expires on the nearest working day, according to the rules.

We believe that objectively, it is not expedient to differentiate between those methods of calculation. It seems that the time limits in this case should be set using unified time units.

Let us also pay attention to other cases of establishing a procedural time limit using different temporal units for similar administrative procedural actions:

– a copy of the decision on instituting proceedings on an administrative offense and on an administrative investigation shall be served *within sutki* (part 3.1 Article 28.7 of the RF CAO); *within three days*, a copy of the administrative offense protocol shall be sent to the person in respect of whom it is drawn up (part 4.1 Article 28.2 of the RF CAO); *within three sutki*, an administrative offense protocol shall be sent to the authorized body (part 1 Article 28.8 of the RF CAO);

– *within three sutki*, an official shall submit to the court a petition for application of bail for the arrested vessel if additional clarification of circumstances is necessary (part 4 Article 27.18 of the RF CAO); a period not exceeding *ten days* shall be granted to the court to decide on the application of bail for the arrested vessel and the amount of the bail (part 5 Article 27.18 of the RF CAO);

– a case on an administrative offense for which an administrative penalty may be imposed in the form of administrative suspension of activities or temporary prohibition of activities shall be considered *within seven sutki* (part 5 of Article 29.6 of the RF CAO); *a five-day period* is provided for considering individual cases on administrative offenses in the sphere of electoral law (part 3 Article 29.6 of the RF CAO); within a

five-day period, a court shall consider a petition to cancel an arrest imposed on property (part 13 Article 27.2 of the RF CAO); *sutki* is provided for consideration of an appeal against a ruling on administrative arrest or administrative expulsion (part 3 Article 30.5 of the RF CAO).

The above examples demonstrate the lack of a uniform approach to the choice of the time unit for the purposes of calculating the administrative procedural time limit.

The analysis of legislation shows that when calculating time limits in the proceedings on administrative offenses the most common time unit is *day*, not *sutki*.

Thus, the RF CAO uses the following day-related time units when calculating procedural time limits:

- *sutki* (counted as a calendar day, includes working and non-working days; the relevant time limit may expire on a non-working day; it is equivalent to the *day* category but with different rules determining the end of the time limit),
- *day* (equal in duration to *sutki*, includes non-working days, but with different rules determining the end of the time limit: if it falls on a non-working day, the time limit expires on the nearest working day),
- *working days*.

The legislator, using both *day* and *sutki* as a normative-temporal tool, does not conceptually distinguish between these categories. As those concepts are more or less equivalent, it is not quite clear whether the purpose was to make a normative distinction between them, or such formulations result from imperfection of legal technicalities.

We believe it is possible to assume that the only difference between *sutki* and *days* (calendar days) lies in the expiration date of the time limit; when it is calculated by *sutki*, it can expire on a non-working day, when it is calculated by *days*, the expiration date is carried over to the nearest working day.

At the same time, the general norm concerning calculation of time limits in the RF CAO speaks about *sutki* and *days*, while apart from those, the legislator actually uses such categories as *calendar day*, *working day*, thus testifying legal inconsistency of temporal units.

Taking into account the conceptual content of the *day* and *sutki* categories, simultaneous use in temporal administrative procedural regulation of *days* (meaning calendar days) and *sutki* does not seem appropriate.

Judicial and administrative legislation (RF CAP, RF APC) does not contain such temporal unit as *sutki*. This temporal category is only applied in the sphere of executive administrative legislation.

The following examples clearly demonstrate the existing problems in the issue under consideration:

– *within sutki*, a license shall be suspended if the licensee is held administratively liable for failure to implement, within the established time limit, the order to eliminate a gross violation of license requirements (part 2 Article 20 of Federal Law No. 99-FZ dated 04.05.2011 On Licensing Certain Types of Activity). The above Law also uses the categories of *working days* and *calendar days*, so the question arises about the correlation of *sutki* and *calendar day*, and also, about the need to introduce such categories. It should be noted that no general legal norms on time limits are available in this Law,

– *within 60 sutki* the authorized body shall issue a temporary residence permit or a notification of refusal to issue it to a foreign citizen (part 8 Article 6.1 of the Federal Law No. 115-FZ dated 25.07.2002 On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation). The above Law also uses the categories of *working days* and *calendar days*. No general legal norms on time limits are established in that Law.

We believe that when setting a time limit, it is necessary to take into account the duration and proportionality of the time units used: when setting a time limit equal to a month or several months, it seems more convenient to use the appropriate temporal units. For example, two months instead of 60 days, six months instead of 180 days. Apparently, when the time limit is long, larger temporal units are more convenient for calculations in law enforcement.

– Federal Law No. 229-FZ dated 02.10.2007 On Enforcement Proceedings contains a chapter on procedural time limits. Pursuant to part 2 Article 15, time limits shall be calculated by years, months and days. There is no indication that time limits should be calculated by *sutki*. Nevertheless, the legislator uses it: within *one sutki* upon the receipt of the enforcement document subject to immediate execution, the bailiff shall make a decision to initiate or refuse to initiate enforcement proceedings (part 10 Article 30);

– The civil registry office shall be notified by the control and supervisory authority of a scheduled inspection no later than *three working days* prior, and of an unscheduled audit, at least one *sutki* before the beginning of the inspection (paragraph 45 of the Administrative Regulations On the Execution of the State Function of Control and Supervision in the Field of State Registration of Acts of Civil Status, approved by Order of the Ministry of Justice of Russia No. 212 dated 20.11.2012). The use of different temporal units in this case does not seem logical. Moreover, the above regulation only uses the categories of *working days* and *calendar days*.

It is apparent that those examples demonstrate inconsistency in the use of different time units and inappropriateness of using the *sutki* category given the availability of *calendar day* category that entails legal uncertainty of temporal calculation of procedural time limits under administrative procedural law.

We believe that in order to ensure certainty of temporal legal regulation of administrative procedural relations at the legislative level it is essential to clearly and transparently define applicable time units. There seems to be no need for simultaneous application of the *sutki* and *calendar day* categories, their only difference being the rules of termination of the time limit when such time limit expires on a non-working day. In this regard, it is proposed to exclude the *sutki* category leaving only such categories as *working day* and *calendar day* for calculating administrative procedural time limits, and simultaneously change the rule of calculating the end of the time limit in calendar days by excluding its postponement to the nearest working day (that is, leaving the calendar day and the calculation rule applicable to *sutki*).

Temporal regulation through the *working day* category is certainly appropriate, since the administrative procedural actions are mostly subject to implementation on working days, with due account for the five-day working week. But the *working day* time unit should be enshrined in the general rule of time limits calculation. Thus, the

calendar day, *working day* time categories seem more appropriate as they allow specific and clear calculation of time limits avoiding double interpretation.

Week

Such temporal unit as *week* is used quite often for calculating administrative procedural time limits. Some examples are as follows:

– as part of processing an application for granting a land plot for farming without an auction, the authorized body shall, within *a week*, make a decision on refusing to grant it if other citizens submitted applications intending to participate in an auction for granting land for similar activities (part 7 Article 39.18 of the Land Code of the Russian Federation),

– *within one week*, the decision to transfer state-owned religious property to a religious organization shall be posted on the official website of the authorized body (Article 11 Federal Law No. 327-FZ dated 30 November 2010 On the Transfer of Religious Property Owned by the State or Municipality to Religious Organizations),

– the applicant engaged in the production of alcoholic beverages shall, *within two weeks* upon the receipt of federal special stamps for labeling alcoholic beverages and identifying their shortage, send a written notice to the authorized body (paragraph 106 of the Administrative Regulations On the Provision by the Federal Service for the Alcohol Market Regulation of the State Service for the Issuance of Federal Special Stamps for Marking Alcohol Products, approved by Order of Rosalkogolregulirovanie No. 155 dated 12.05.2021),

– within *two weeks* after the date of approval of the plans of resource studies and state monitoring of aquatic bioresources, Rosrybolovstvo shall make a decision on granting aquatic bioresources for use in fishery for research and control purposes (paragraph 14 of the Administrative Regulations of the Federal Agency for Fisheries for Rendering State Services of Drafting and Approval of the Decisions on Granting Aquatic Biological Resources for Use, approved by Order of Rosrybolovstvo No. 596 dated 10.11.2020),

– the decision on the terms of a river port facility privatization shall be made within *two weeks* after the date of acceptance of its valuation report (part 6 Article 30.3 of Federal Law No. 178-FZ dated 21.12.2001 On Privatization of State and Municipal Property),

– within *two weeks*, purchased weapons shall be registered (paragraph 2 Article 12 of the Federal Law on Weapons No. 150-FZ dated 13.12.1996),

– the acceptance certificate of the transfer into municipal ownership of the property owned by the federal government shall be signed and submitted to the Federal Property Agency for approval within *three weeks*, (paragraph 3.7 of the Administrative Regulations of the Federal Agency for State Property Management for the execution of the state function, *Transfer of Federally Owned Property to the State Ownership of Constituent Entities of the Russian Federation and into Municipal Ownership, Acceptance of Property from the Ownership of a Constituent Entity of the Russian Federation or Municipal Property into Federal Ownership*, approved by Order of the

Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 270 dated 13.07.2009).

According to the Law on Time Calculation, a calendar week is defined as a period of seven calendar days from Monday to Sunday (paragraph 4 Article 2).

However, literal interpretation of those legal norms does not provide confirmation that the legislator in this case means a week in the sense of the period from Monday to Sunday. In our opinion, in this case, it only means a period of seven calendar days without regard to specific days of the week.

In order to avoid uncertainty in calculating administrative procedural time limits, it is proposed to exclude the use of the *week* time unit if the time limit is defined solely as an arbitrary period of seven calendar days (not as a time interval from Monday to Sunday).

It seems that taking into account the area of administrative procedural relations regulation, there is no need to use such temporal category as *week*. In this regard, it is proposed to apply the *calendar day* time unit: *seven calendar days* instead of *week*, *14 calendar days* instead of two weeks, *21 calendar days* instead of three weeks.

Decade

A decade is another rather rare temporal unit used for calculation of administrative procedural time limit.

According to paragraph 3.4.14 of the Administrative Regulations on the execution by the Moscow Oblast Ministry of Health of the state function of control over the conformity of medical care quality to the established federal healthcare standards (except for quality control of high-tech medical care, and medical care provided in federal healthcare organizations), approved by Order of the Moscow Oblast Ministry of Health No. 14-R dated 14.09.2010, orders for planned control measures shall be drafted monthly, in *the third decade of the month* preceding the first month of the next stage of the control action plan.

In relation to time, *decade* (from Greek *dekas* – ten) means a ten-day interval, a third part of the month²³. At the same time, the days of a decade are tied to specific dates (the first decade – from the 1st to the 10th day of the month, the second decade – from the 11th to the 20th day of the month, the third decade – from the 21st to the 30th day of the month). The characteristic feature of this temporal category is its association with specific days of the month.

With a strictly formal use of the *decade* time interval, uncertainty arises from different number of days in a month: there are only four months in a year consisting of 30 days, i.e., exactly of three decades, and the remaining months have 28 (29) or 31 days, with *insufficient* or *extra* days in a decade. But when it is objectively reasonable to apply the *decade* category for calculating the administrative procedural time limit, it seems obvious that in case of a month of 31 days, the third decade will

²³ Ozhegov, S.I. (1990) Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkii yazyk Publ. (in Russian); Ushakov, D.N. (2014) Explanatory Dictionary of the Modern Russian language. Moscow, Adelant Publ. Available at: <https://profspo.ru/books/44160> [Accessed: 01st October 2023]. (in Russian).

include 11 days, and in case of a month of 29 or 28 days (February), the third decade will be shorter than 10 days.

We believe that for the purpose of efficient legal regulation of administrative procedural relations it is acceptable to use the *decade* time unit, but only in connection with specific days of the month (the first decade – from the 1st to the 10th day of the month, the second – from the 11th to the 20th day of the month, the third – from the 21st to the 30th day of the month). If a period of 10 calendar days is implied, with no close connection to the days of the month, this category should not be used to avoid legal uncertainty.

Month

A common time unit for calculating administrative procedural time limits is a month. Administrative procedural law is replete with relevant examples. Thus, according to part 1 Article 141 of the RF CAP, administrative cases shall be resolved within the following timeframe: within *three months*, by the Supreme Court of the Russian Federation; within *two months* – by other courts. Statement in respect of the elimination of reasons and conditions conducive to the commission of an administrative offense shall be reviewed by agencies and officials within *one month* upon its receipt (part 2 Article 29.13 of the RF CAO). The period of suspension of the state cadastral registration and (or) declarative state registration of rights shall not exceed *six months* (part 1 Article 30 of Federal Law No. 218-FZ dated 13.07.2015 On State Registration of Real Estate).

The Law on Time Calculation contains a definitional norm concerning the concept of calendar month as a time interval lasting from twenty-eight to thirty-one calendar days; a calendar month has a name and an ordinal number in the calendar year (paragraph 6 Article 2).

As far as regulatory control of administrative procedural activities is concerned, in most cases of using the *month* time category it is not a calendar month in the sense given by the above Law but any period lasting from twenty-eight to thirty-one calendar days or a multiple of the relevant number of months.

A month and a half time unit is also common. For example, within *a month and a half*, responses to inquiries regarding certain foreign nationals shall be provided to the migration department (paragraph 133.1.2 of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on Provision of the State Service of Issuing a Residence Permit to Foreign Citizens and Stateless Persons for Residence in the Russian Federation, approved by Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 417 dated 11.06.2020).

In our opinion, the use of the above time unit (a month and a half) in temporal regulation of administrative procedural relations is very unsuitable as it entails uncertainty to calculations, and thus, it seems more preferable to apply alternative time categories of similar duration, for example, *30 working days* or *45 calendar days*.

The relationship of similar time intervals defined through different time units is also important: *one month* and *30 calendar days*, *two months* and *60 days*, etc. The following is an example: as a general rule, the time limit for making a decision on

granting aquatic bioresources for use in fisheries for research purposes shall not exceed 180 days upon the receipt by Rosrybolovstvo of the relevant application²⁴.

As it was pointed out earlier, it seems more appropriate and convenient to use larger time units in law enforcement for calculating longer administrative procedural time limits: for example, *three months* instead of *90 calendar days*, *six months* instead of *180 days*.

Quarter

Rare temporal units should also include the quarter. Examples are as follows:

– declarations shall be submitted *quarterly* no later than on the 20th day of the month following the reporting quarter (paragraph 8 of the Administrative Regulations for the Federal Service for Regulation of the Alcohol Market Regulation of the state function of control and supervision over the submission of declarations on the volumes of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing food products, alcohol-containing non-food products with the ethyl alcohol content exceeding 25 percent of the finished products volume and on the volumes of ethyl alcohol used for production of alcoholic and alcohol-containing products, approved by Order of the Federal Service for Alcohol Regulation No. 84 dated 03.04.2014).

– scheduled inspections of the completeness and quality of providing the state service of introducing amendments to the state registers of trademarks shall be conducted *quarterly* (paragraph 110 of the Administrative Regulations on the provision by the Federal Service for Intellectual Property of public service of amending the state registers of trademarks and service marks, geographical indications and names of origin of goods of the Russian Federation in the List of well-known trademarks as well as certificates of trademarks, service marks, collective marks and well-known trademark, approved by Order of Rospatent No. 119 dated 31.08.2020).

A quarter (from Latin *quarta*) means one-fourth (three months) of the reporting year²⁵. There are four quarters in a year that are counted from the beginning of the calendar year: quarter I – January, February, March, quarter II – April, May, June, quarter III – July, August, September, quarter IV – October, November, December).

Thus, for the purposes of legal regulation, a quarter as three calendar months counted from the beginning of the calendar year and corresponding to QI, QII, QIII or QIV, should be distinguished from a quarter as three calendar months counted randomly.

We believe that in administrative procedural regulation a quarter should be understood exclusively as three calendar months counted from the beginning of the calendar year, a specific time period, clearly marked on the temporal axis (quarter I –

²⁴ Item 14 of the Administrative Regulations of the Federal Agency for Fisheries on the Provision of Public Services for Drafting and Adoption of Decisions on Granting Aquatic Biological Resources for Use, approved by Order of Rosrybolovstvo No. 596 dated 10.11.2020 // LRS Consultant Plus (accessed: 28.11.2023).

²⁵ Ozhegov, S.I. (1990) Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkii yazyk Publ. (in Russian); Ushakov, D.N. (2014) Explanatory Dictionary of the Modern Russian language. Moscow, Adelant Publ. Available at: <https://profspo.ru/books/44160> [Accessed 01st October 2023]. (in Russian).

from January to March, quarter II – from April to June, quarter III – from July to September, quarter IV – from October to December). In other cases, with no reference to a specific quarter (for example, if arbitrary three months are taken), the administrative procedural time limit should be calculated using the month category (three months) instead of quarter.

Year

The largest time unit used by the legislator to regulate the administrative procedural relations is year. Examples include the following:

– a decision on admission to citizenship of the Russian Federation shall be taken within a period of up to *one year* (part 2 Article 35 of the Federal Law on Citizenship No. 62-FZ dated 31.05.2002),

– writs of execution may be presented for execution within *three years* from the day the judicial act enters into legal force (paragraph 1 Article 21 of the Federal Law on Enforcement Proceedings No. 229-FZ dated 02 October 2007),

– administrative action to challenge the results of cadastral value determination may be filed no later than *five years* from the date of entering such results into the state real estate cadastre (Article 245(3) of the RF CAS).

The Law on Time Calculation defines the *calendar year* category as a period of three hundred and sixty-five or three hundred and sixty-six (leap year) calendar days, from January 1 to December 31; calendar years are numbered in accordance with the Gregorian calendar (paragraph 5 Article 2). However, it should be noted that in most cases in administrative procedural law the *year* time category is used in the sense of the current year, not the calendar year.

Given the focus on efficiency and acceleration of the administrative process in the field of public law, a year (years) as a sufficiently long-time unit is not so much used to set the rhythm for a public administration body, but rather serves as a kind of time lag for exercising administrative and procedure rights by the parties concerned (for example, enforcement of a writ of execution).

Administrative procedural relations in some cases are characterized by temporal concentration, consisting in using a combination of various time units when establishing an administrative procedural time limit. For example, *annually*, before April 1 of the relevant calendar year, information on ensuring industrial control over compliance with industrial safety requirements shall be submitted to the executive authorities²⁶. In this case, the administrative procedural time limit is determined using two temporal categories simultaneously – year (annually) and calendar day (April 1). Thus, a rhythm is set to a certain administrative procedural action (annually) fixing a certain moment on the time scale (April 1).

²⁶ Part 2 Article 11 of Federal Law No. 116-FZ dated 21.07.1997 On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities // LRS Consultant Plus (access date: 23.11.2023).

Temporal microunits

The doctrine proposes that the time units should be divided into two broad categories: micro and macro units; millisecond, second, minute, hour, day, and week can be classified as micro units and those defining month, year, and century as macro units (Liaquat, 2009:59). However, in relation to administrative procedural law, with due account for the temporal calculation using smaller time units, we find it relevant to categorize the *day* and *week* time units as macrounits.

Thus, we refer the above units of time, used in the calculation of administrative procedural time limits, to temporal macrounits. In view of the general trend of increasing intensity and acceleration of social life, which is reflected, inter alia, in the legal sphere, administrative procedural regulation operates with such temporal microunits as *hour*, *minute* and even *second*, with increasing frequency, in order to ensure high speed of movement in administrative procedural relations. As the world absorbs the precision of technology, the micro units of time (hours, minutes, seconds, and milliseconds) will become more pertinent (Liaquat, 2009:62).

As an example, let us cite the following micro temporal legal regulation of the administrative process:

– *four hours* is the maximum time limit for the administrative procedure on approval of the draft layout of seasonal (summer) cafes with stationary public catering enterprise²⁷,

– *ten minutes* is the time of counseling, on a personal visit, as a preventive measure in the implementation of federal state forest control (supervision)²⁸,

– after *30 seconds*, the examination shall be terminated, and a statement of failure shall be given unless the driver candidate taking the examination started the test exercise²⁹.

Moreover, arguments supporting micro-temporal duration of a separate procedural stage have already been voiced in law enforcement jurisprudence. For example, in a case on contesting the decision of the antimonopoly authority by the cassator, the cassation court stated that the panel of judges only stayed in the deliberation room for 47 seconds. However, the court of cassation instance did not consider this to be a violation, since, as it was established, the panel of judges considering the appeal case thoroughly studied the case file, fully and comprehensively examined the presented evidence, took into account the arguments of the parties involved in the case and,

²⁷ Item 3.4.3.5 of the Administrative Regulations for the provision of public service of the city of Moscow, including a seasonal (summer) café with a stationary public catering enterprise in the layout of seasonal (summer) cafes with stationary public catering enterprises (making changes to the layout), approved by Resolution of the Moscow Government No. 102-PP dated 06.03.2015 // LRS Consultant Plus (access date: 11.12.2023).

²⁸ Item 30 of the Regulations on Federal State Forest Control (Supervision), approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1098 dated 30.06.2021 // LRS Consultant Plus (access date: 11.12.2023).

²⁹ Item 162.1 of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the provision of public services of conducting examinations for the right to drive vehicles and issuance of driving licenses, approved by Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 80 dated 20.02.2021 (access date: 11.12.2022)

having heard the representatives of the parties in a court session that lasted over an hour, adopted a ruling. In this case, the rules on the secrecy of the meeting of judges were not violated³⁰. Thus, when considering a case, it is not the time spent in the deliberation room that is important, but the adoption of a judicial act that meets the requirements of legality and validity, and respect for the fundamental principles concerning the deliberation of judges.

More frequent use of micro units of time in administrative process is also promoted by the development of arbitration proceedings in the digital space and by evolving of *e-justice* concept. Currently, the digitalization of arbitration proceedings is ensured through the use of the automated information system *Judicial Proceedings*, the software complex *Judicial and Arbitration Proceedings*, information systems *My Arbitrator*, *Arbitration Case Files*, *Bank of Arbitration Awards*. Of particular importance in terms of acceleration of the administrative process is the online service *My Arbitrator* for electronic filing of procedural documents to the commercial court. It is due to this system that in order to accelerate the dispute resolution in the administrative arbitration process the court may establish a short time limit of several hours within one working day for submission of additional evidence and clarifications by public administration authorities and business entities. Given the opportunity of online familiarization with the case materials and online court session, a public dispute can be resolved quite quickly.

Conclusion

High concentration in administrative procedural law of numerous and versatile time limits regulating the temporal aspect of the resolution of administrative cases by a public administration body and court, objectively requires a doctrinal formulation of a unified approach to calculation of administrative procedural time limits. The dynamics of administrative procedural activities is set by micro and macro units of time: from a few seconds to several years.

The fundamental basis for the calculation of time limits in administrative procedural law are the principles of uniformity, clarity and reasonableness.

The normative inconsistency in understanding of time units (including *day*, *calendar day*, *working day*, *sutki*) should be balanced at the legislative level; in this regard it is proposed to abandon the calculation of administrative procedural time limits through the use of such temporal units as *a month and a half*, *week*, and *sutki*, simultaneously changing the rule of calculating the end of the time limit for a calendar day.

A stable vector of reducing the length of time for the implementation of administrative procedural actions is evidenced, and an increasing role of such temporal microunits as *hour*, *minute* and even *second* is noted in administrative procedural regulation. The aim is to ensure the high speed of *movement* in administrative procedural relations.

³⁰ Award of the Commercial Court of the North Caucasus Okrug dated 26.11.2018 in case No. A61-6329/2017 // LRS Consultant Plus (access date: 15.10.2023).

References / Список литературы

- Anashkin, O.A. (2004) *Improvement of procedural terms on the pre-trial proceeding*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Saratov, Saratov law institute of the Ministry of the Interior of Russia. (in Russian).
Анашкин О.А. Совершенствование процессуальных сроков в досудебном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовский юридический институт Министерства внутренних дел России, 2004. 234 с.
- Arhipov, A.A. (2010) *Terms in the tax law*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Russian Academy of Justice (in Russian).
Архинов А.А. Сроки в налоговом праве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская академия правосудия, 2010. 212 с.
- Druzhkova, E.V. (2015) *Procedural terms in the legal regulation of proceedings in cases of administrative offenses*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Russian Interior Ministry. (in Russian).
Дружкова Е.В. Процессуальные сроки в правовом регулировании производства по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ, 2015. 236 с.
- Hernández Marín, R. & Sartor, G. (1999) Time and norms: a formalisation in the event-calculus. In: *Proceedings of the 7th international conference on Artificial intelligence and law (ICAIL '99)*. Association for Computing Machinery, New York, NY, USA. pp. 90–99. <https://doi.org/10.1145/323706.323719>
- Jevons, S. (1881) *Foundations of science: a treatise on logic and scientific method*. Saint Petersburg, Publ. L.V. Panteleev. (in Russian).
Джевонс С. Основы науки: трактат о логике и научном методе. СПб.: Изд-во Л.В. Пантелеева, 1881. 713 с.
- Kartashov, A.A. (2008) *Terms in the constitutional law of the Russian Federation*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Russian Academy of Public Service under President of the Russian Federation. (in Russian).
Карташов А.А. Сроки в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2008.
- Kashanina, T.V. (2011) *Legal technique*: textbook. 2nd ed., rev. Moscow, Norma Publ. INFRA-M Publ. (in Russian).
Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересм. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 495 с.
- Kosareva, N.V. (2013) *Terms in the proceedings on cases of administrative offences*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. (in Russian).
Косарева Н.В. Сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления Министерства внутренних дел России, 2013. 195 с.
- Krasnova, N.V. (2017) *Terms in the budget law*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Russian State University of Justice. (in Russian).
Краснова Н.В. Сроки в бюджетном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. 208 с.
- Lavrent'ev, A.R. (2008) On appealing to the court decisions and decisions in cases of administrative offenses. In: Ershov, V.V. & Tuzov, N.A. (eds.). *Anthology of scientific thought: To the 10th anniversary of the Russian Academy of Justice: Collection of articles*. Moscow, Statut Publ. pp. 473-493. (in Russian).

- Лавернтьев А.Р.* Об обжаловании в суд постановлений и решений по делам об административных правонарушениях // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: сб. ст. / отв. ред. В.В. Ершов, Н.А. Тузов. М.: Статут, 2008. С. 473–493.
- Liaquat, A.K. (2009) Temporality of Law. *McGeorge L. Rev.* 40(1), 56–106. Available at: <https://scholarlycommons.pacific.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1207&context=mlr> [Accessed 18th October 2023].
- Meshcheryakova, T.R. (2011) *Terms in the legislation on administrative offences*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Ekaterinburg, Ural Institute of Economics, Administration and Law. (in Russian).
- Мещерякова Т.Р.* Сроки в законодательстве об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральский институт экономики, управления и права, 2011. 210 с.
- Moskalenko, S.S. & Golovko, V.V. (2006) To the question of improving the application of procedural time limits in cases of administrative offenses in the field of traffic. *Bulletin of South Ural State University. Series Law.* (5), 236–241. (in Russian).
- Москаленко С.С., Головки В.В.* К вопросу о совершенствовании применения процессуальных сроков по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5. С. 236–241.
- Petrova, G.B. (2004) *Terms as an element of legal regulation in criminal proceedings*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Saratov, Saratov State Academy of Law. (in Russian).
- Петрова Г.Б.* Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2004.
- Treushnikov, M.K. (eds.) (2014) *Civil proceedings*. 5 ed., rev. and enl. Moscow: Statut Publ. (in Russian).
- Гражданский процесс / под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., переаб. и доп. М.: Статут, 2014. 615 с.
- Vlasenko, N.A. & Nazarenko, T.N. (2007) Uncertainty in the law: concept and form. *State and Law.* (6), 5–12. (in Russian).
- Власенко Н.А., Назаренко Т.Н.* Неопределенность в праве: понятия и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 5–12.
- Yakupov, R.Kh. (1972) Procedural terms in Soviet criminal proceedings: Abstract of Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs. (in Russian).
- Якупов Р.Х.* Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве (в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Высш. школа МВД СССР, 1972. 14 с.
- Zelentsov, A.B., Kononov, P.I. & Stakhov, A.I. (2018) Administrative process as a kind of legal process: modern problems of understanding and normative-legal regulation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* 9(4), 501–521. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.404> (in Russian).
- Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И.* Административный процесс как вид юридического процесса: современные проблемы понимания и нормативно-правовой регламентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. Вып. 4. С. 501–521. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.404>
- Zuckerman, A. (1999) Assessment of Cost and Delay – a Multinational Perspective. In: *Procedural Law on the Threshold of the New Millennium: XI World Congress on Procedural Law*. Wien. Universitat. pp. 41–42.

Zueva, L.Yu. (2014) *Procedural terms in the proceedings on cases of administrative offences*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation. (in Russian).

Зуева Л.Ю. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2014. 176 с.

About the author

Elena V. Belyakovich – Judge of the Commercial Court of Central District, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Sciences Degree-Seeking Scholar, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-6285-3709

e-mail: belyakovich_ev@mail.ru

Об авторе:

Белякович Елена Васильевна – судья Арбитражного суда Центрального округа, соискатель, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-6285-3709

e-mail: belyakovich_ev@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-119-144>

EDN: RXPCDI

Научная статья / Research Article

Об односторонних принудительных мерах в отношении Кубы, вторичных санкциях и «ползущей» экстерриториальной юрисдикции

Т.Н. Михалева^{1,2} , Е.Е. Фролова^{2,3}

¹Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

²Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

³Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

 frolova-ee@rudn.ru

Аннотация. О ретроспективном обзоре регуляторной политики США и налагаемых ими санкций на Кубу, граждан и юридических лиц этой страны, а также в отношении третьих стран и лиц, связанных с данным государством, с целью комплексного понимания объема таких ограничительных мер. Представлен краткий анализ влияния таких мер на гражданско-правовые и предпринимательские отношения, а также приведены примеры вторичных санкций и применения экстерриториальной юрисдикции, которые негативно и долгосрочно влияют на поведение бизнес-контрагентов в части чрезмерного следования ограничениям (оверкомплаенса). Предложена оценка концепций экономического принуждения, экстерриториальной юрисдикции, а также пределов ответственности частных и публичных акторов за нарушение юридических обязательств ввиду следования санкционным ограничениям. Продолжая исследование тематики, связанной с последствиями неправомерного одностороннего применения ограничительных экономических мер в отношении ряда государств со стороны США, ЕС, а также навязывания странами сторонам спора, в том числе осложненного иностранным элементом, своей юрисдикции в процессе их разрешения, поднятой (тематики) коллегами авторов по научно-исследовательской работе в опубликованных ими научных статьях (Цепова Е.А. Беспрецедентное право: защита российской финансовой системы от влияния санкций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 655–677; Ермакова Е.П. Когда «проарбитражная» практика США становится агрессивной // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5 (180). С. 77–80; Rusakova E.P., Frolova E.E. Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law.

© Михалева Т.Н., Фролова Е.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

2022. Vol. 26, No. 3. P. 695–704), авторы приходят к выводу о необходимости формирования обязательств непосредственно со стороны бизнеса соблюдать общепризнанные нормы в отношении собственности, недискриминации, правовой определенности даже в условиях давления вторичных санкций и неправомерно расширяющейся экстерриториальной юрисдикции отдельных стран, налагающих санкции, а также понимания комплексного негативного влияния на структуру всех уровней экономики и устойчивых социальных связей, а также наличия де-юре уже обозначенных правовых позиций о необходимости обретения консолидированной поддержки у всех акторов международного общения для преодоления пока существующего разрыва: осуждения и фиксации неправомерности в публично-правовом поле и вынужденного следовании таким неправомерным требованиям отдельных юрисдикций в домене частно-правовых отношений.

Ключевые слова: односторонние экономические меры, экономические санкции, оверкомплаенс, санкционная политика, предпринимательские отношения, трансграничные связи, споры, осложненные иностранным элементом

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Михалева Т.Н., Фролова Е.Е. – нераздельное соавторство.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Поступила в редакцию: 15 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Михалева Т.Н., Фролова Е.Е. Об односторонних принудительных мерах в отношении Кубы, вторичных санкциях и «ползущей» экстерриториальной юрисдикции // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 119–144. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-119-144>

Unilateral coercive measures against Cuba, secondary sanctions and “crawling” extraterritorial jurisdiction

Tatsiana N. Mikhailiova^{1,2} , Evgenia E. Frolova^{2,3}

¹Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

³Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

 frolova-ee@rudn.ru

Abstract. Is a retrospective review of the U.S. regulatory policy and sanctions imposed on Cuba, citizens and legal entities of this country, as well as against third countries and persons related to this state. The aim is to comprehensively understand the scope of such restrictive measures. The research provides a brief analysis of the impact of such measures on civil and business relations along with examples of secondary sanctions and the use of extraterritorial jurisdiction, which have a negative and long-term impact on the business partners in terms of excessive compliance with restrictions (overcompliance). The authors offer assessment of concepts of economic coercion, extraterritorial jurisdiction, as well as limits of responsibility of private and public actors for breach of legal obligations due to compliance with sanctions restrictions. Continuing the study of issues related to consequences of unlawful unilateral application of restrictive economic measures against a number of states by the U.S., the EU and *imposition by countries of their jurisdiction on the parties of a dispute, including those complicated by a foreign element, in the process of dispute resolution*, raised by authors' colleagues on scientific research in their published scientific articles (Tsepova E.A. Unprecedented law: Protecting the Russian financial system against the impact of sanctions. *RUDN Journal of Law*. 2022. Vol. 26. No. 3, 655–677; Ermakova E.P. *When the “pro-arbitration” policy of the United States becomes aggressive*. *Eurasian Law Journal*. 2023. No. 5 (180), 77–80; Rusakova E.P., Frolova E.E. Digital disputes in the

new legal reality. *RUDN Journal of Law*. 2022. Vol. 26, No. 3, 695–704), the authors come to the conclusion that it is necessary to develop obligations directly as the duty of businesses to comply with universally recognized norms regarding property, non-discrimination, legal certainty even under the pressure of secondary sanctions and unlawfully expanding extraterritorial jurisdiction of certain countries imposing sanctions, as well as understanding the complex negative impact on the structure of all levels of the economy and sustainable social relations, as well as de jure existence of already designated legal positions on the need to gain consolidated support from all the actors of international communication to overcome the existing rupture: condemnation and recording of illegality in the public law field and forced compliance with such non-legal requirements of certain jurisdictions in the domain of private law relations.

Key words: unilateral economic measures, economic sanctions, overcompliance, sanctions policy, business relations, cross-border relations, disputes complicated by a foreign element

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Mikhailiova T.N., Frolova E.E. – undivided co-authorship.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Received: 15th November 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Mikhailiova, T.N., Frolova, E.E. (2024) Unilateral coercive measures against Cuba, secondary sanctions and “crawling” extraterritorial jurisdiction. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 119–144. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-119-144>

Введение

Согласно п. 30 Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», «государствам настоятельно рекомендуется воздерживаться от принятия и применения любых односторонних экономических, финансовых или торговых мер, не соответствующих международному праву и Уставу ООН, которые препятствуют полному достижению экономического и социального развития, особенно в развивающихся странах». Меж тем санкции не только стали экономическим способом давления на отдельные страны, но и попыткой перестроить региональные и трансрегиональные связи, влияя на обычных граждан, уязвимые категории лиц, бизнес. Резолюция ГА ООН «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной Соединенными Штатами Америки против Кубы» была поддержана 185 голосами (2 государства воздержались и 2 государства выступили против)¹. Практически все государства, а также Европейский Союз, высказали осуждение и прямо указали на неправомерность таких мер со стороны США. Однако это не привело к каким-либо позитивным сдвигам в кубинском вопросе: многосторонний ответ в отношении односторонних ограничительных мер не был услышан. Впрочем, следует отметить, что наблюдаемая последовательность во введении ограничительных мер прогнозируема и являет собой очередной

¹ Adopting Annual Resolution, Delegates in General Assembly Urge Immediate Repeal of Embargo on Cuba, Especially amid Mounting Global Food, Fuel Crises. Режим доступа: <https://press.un.org/en/2022/ga12465.doc.htm> (дата обращения: 15.11.2023).

виток, шаг в неправомерном недружественном применении инструментов продвижения национальных интересов США и попытки экономического ослабления политических соперников (Ermakova, 2023; Tserova, 2022; Rusakova & Frolova, 2022).

В данном исследовании представлен ретроспективный обзор регуляторной политики США и налагаемых ими санкций на Кубу, граждан и юридических лиц этой страны, а также в отношении третьих стран и лиц, связанных с данным государством, с целью комплексного понимания объема таких ограничительных мер. Представлен краткий анализ влияния таких мер на гражданско-правовые и предпринимательские отношения, а также приведены примеры вторичных санкций и применения экстерриториальной юрисдикции, которые негативно и долгосрочно влияют на поведение бизнес-контрагентов в части чрезмерного следования ограничениям (оверкомплаенса). Предложена оценка концепций экономического принуждения, экстерриториальной юрисдикции, а также пределов ответственности частных и публичных акторов за нарушение юридических обязательств ввиду следования санкционным ограничениям.

Авторы приходят к выводу, что до тех пор, пока не будет согласованных действий государств, в том числе в рамках региональных объединений, обеспечивающих законность, правовую определенность, доступ к правосудию и гарантирующих права и законные интересы, вытекающие из общеобязательных норм, в отношении каждого лица, затрагиваемого санкционными режимами, любые попытки прекратить экономическое давление, грозящее изоляцией, будут тщетны. Важнейшим аспектом восстановления нормального экономического сотрудничества, которое может быть активным, преференциальным или сдержанным и минимальным, однако которое находится в рамках правомерного поведения сторон, является обращение к истинным смыслам понятий «экономическое принуждение», «принудительные меры», др. В статье на примере ситуации с санкциями против Кубы приводится критический анализ реализации ряда публично-правовых институтов, таких как экстерриториальная юрисдикция, негативно влияющих на поведение в том числе частноправовых субъектов, и предложено установление определенных правовых рамок их реализации во избежание необратимых экономико-правовых последствий.

К истории кубинского вопроса

1960-е годы: введение санкций

Комплекс санкций, известный как экономическая блокада США против Кубы, был введен в 1961 г. после кубинской революции 1959 г. Запрет на торговлю между США и Кубой был объявлен в феврале 1962 г. на основании статьи 620 (а) Закона об иностранной помощи 1961 г., которая разрешала «установить и поддерживать полное эмбарго на всю торговлю между Соединенными Штатами и Кубой». В то же время Министерство финансов США издало Постановление об импорте кубинских товаров, запрещающее ввоз в США всех товаров, импортируемых с Кубы или через нее. В 1962 г. в соответствии с Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях (англ. – IEERA, далее – Закон о МЧЭП) на Кубу начал распространяться раздел 5(b) Закона о торговле с врагом (1917 г. (англ. – TWEA), который установил запрет на все финансовые операции, если они не были разрешены министром финансов США.

В июле 1963 г. Министерство финансов отменило Положение о кубинском импорте и заменило его более всеобъемлющим Положением о контроле над кубинскими активами (англ. – SACR, далее – Положение о ККА). Положение о ККА остается основным документом, регулирующим эмбарго в отношении Кубы, и за прошедшие годы в него неоднократно вносились поправки, отражающие изменения в политике США². Эти вопросы находятся в ведении Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (англ. – OFAC, далее – Управление КИА). Положение о ККА запрещают большинство финансовых операций с Кубой, если они не разрешены Управлением КИА, включая операции, связанные с торговлей, путешествиями или семейными переводами, а также блокируют активы кубинского правительства в США.

В 1964 г. был сделан акцент на придании эмбарго многостороннего характера. США обратились к членам Организации американских государств (далее – ОАГ) с просьбой присоединиться к эмбарго, разорвав дипломатические и экономические отношения с Кубой³. Европейские страны сократили торговлю с Кубой. Также США запретили продажу на Кубу продовольствия, которое ранее было выведено из-под действия эмбарго. Только спустя почти десять лет большинство европейских и латиноамериканских государств, входящих в ОАГ, частично восстановили свои отношения с Кубой.

1970-е годы: ослабление некоторых мер

Столкнувшись с растущим сопротивлением в ОАГ, США отказались от требования обязательных санкций со стороны этой организации против Кубы. В 1975 г. США также отменили эмбарго на торговлю между Кубой и дочерними предприятиями американских компаний, работающими в третьих странах, и сняли запрет на заход в США судов, торгующих с Кубой. В 1977 г. был снят запрет на поездки, а американцам кубинского происхождения было разрешено отправлять денежные переводы родственникам на острове.

Закон об управлении экспортом 1979 г. в разделе 2401 (b) (1) «Контроль национальной безопасности» – «Политика в отношении отдельных стран», установил т.н. «список торгового контроля», в котором президент США указывает ряд стран, в отношении которых по соображениям национальной безопасности может быть установлен особый экспортный контроль. В этот список была включена и Куба.

1980-е годы: новая эскалация

В 1982 г. вновь был введен запрет на поездки для большинства жителей США на Кубу, а большинству кубинцев – посещать США, запрет на ввоз из третьих стран любой продукции, содержащей кубинский никель. Куба была внесена в список Госдепартамента США «государств-спонсоров международного терроризма», в котором она оставалась до 2015 г.

Примечательно, что в 1988 г. в соответствии с поправками к Закону о МЧЭП и Закону о торговле с врагом США освободили от санкций против любой страны импорт или экспорт публикаций, фильмов, плакатов, фонограмм, фотографий, микрофильмов, кассет и других информационных материалов.

1990-е годы: продолжение эскалации

² Cuba: U.S. Policy in the 117th Congress Updated December 28, 2022. Режим доступа: <https://sgp.fas.org/crs/row/R47246.pdf> С. 12–14. (дата обращения: 20.11.2023).

³ Cuba Embargoed: U.S. Trade Sanctions Turn Sixty. Режим доступа: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/cuba/2022-02-02/cuba-embargoed-us-trade-sanctions-turn-sixty> (дата обращения: 20.11.2023).

Конгресс усилил санкции в отношении Кубы, приняв Закон о кубинской демократии 1992 г., Закон о кубинской свободе и демократической солидарности 1996 г. (англ. – LIBERTAD или Helms-Burton Act, далее – Закон Хелмса-Бертон)⁴.

Среди положений Закона о кубинской демократии – повторное введение запрета на участие в торговле с Кубой иностранных дочерних компаний США, а также запрет на въезд в США любого морского судна для погрузки или разгрузки груза, если оно участвовало в торговле с Кубой в течение предыдущих 180 дней («правило 180 дней»), если на это не было получено разрешение Министерства финансов США. Закон о кубинской демократии также разрешает пожертвования продовольствия, продажу телекоммуникационных услуг и оборудования, а также продажу медицинских товаров, но с такими жесткими нормативными требованиями, что торговля осуществлялась в очень незначительных объемах. Собственно, именно по этой причине Куба сегодня де-факто не может получать из США медицинские товары и лекарства. В 1994 г., во время миграционного кризиса, семейные денежные переводы вновь попали под запрет, а авиасообщение между США и Кубой было приостановлено.

В 1996 г. закон Хелмса-Бертон зафиксировал различные меры по усилению давления на Кубу. Наиболее важной мерой стало то, что данный закон запрещает исполнительной власти отменять экономическое эмбарго без согласия конгресса в законодательном порядке, хотя президент сохраняет за собой право вносить изменения в содержащиеся в нем положения, включая все ограничения, введенные исполнительной властью в соответствии с ПККА.

Раздел III данного закона разрешает любому лицу, утратившему собственность на Кубе, подавать иск в федеральный суд США против любого лица, осуществляющего использование этой собственности, тем самым подвергая иностранных инвесторов на Кубе риску судебных разбирательств. В самом законе была предусмотрена возможность приостанавливать вступление в силу раздела III, и в течение некоторого продолжительного периода времени эта возможность использовалась. Данный раздел начал применяться много позже, в 2019 г.

2000-е годы: диверсификация санкционной политики

Начиная с 1999 г. со стороны США было решено расширить авиасообщение, а также позволить отправлять некоторые денежные переводы из США на Кубу. Была открыта программа «people-to-people», позволяющая жителям США, не являющимся кубинцами, посещать Кубу с различными культурными и образовательными целями. Поездки на этом основании быстро стали основным направлением поездок американцев, не являющихся гражданами Кубы.

Принятый в 2000 г. Закон о реформе торговых санкций и расширении экспорта 2000 г. (англ. – TSREEA, далее – Закон о реформе) разрешал экспорт американской сельскохозяйственной продукции на Кубу, хотя и с жесткими ограничениями по финансированию: например, устанавливалась обязательная предварительная оплата наличными или финансирование экспорта третьей страной. Этот аспект требует дополнительного пояснения. Требования Закона о реформе о внесении аванса наличными изначально не создавали непреодолимых препятствий для экспорта американской сельскохозяйственной продукции на Кубу. С момента введения в действие и до конца 2004 г. американский экспорт на Кубу осуществлялся в порядке, когда оплата наличными и передача прав собственности на товар осуществлялись в

⁴ Cuba: U.S. Policy in the 117th Congress. Updated December 28, 2022. Режим доступа: <https://sgp.fas.org/crs/row/R47246.pdf> С. 9. (дата обращения: 20.11.2023).

то время, когда товар уже находился в пути. Однако в конце 2004 г. действие этих механизмов было приостановлено на время проверки Управлением по КИА. В 2005 г. Управление по КИА изменило толкование термина «наличные деньги вперед»: оплата должна быть осуществлена до того, как товар покинет порт США. Однако такое изменение трактовки привело к задержкам в отгрузке и логистике, в результате чего законтрактованные товары не были отгружены в запланированные сроки и увеличили транзакционные расходы. Сами экспортеры ряда продуктов из США, таких как рис, пшеница, связывают снижение продаж на Кубу с изменением в 2005 г. определения данного правила⁵.

В Закон о реформе не были включены товары медицинского назначения, которые остались под регулированием Закона о кубинской демократии. Запрещалось финансирование таких закупок со стороны правительства или частного сектора США. Также было решено запретить «туризм», под которым понимались любые поездки на Кубу, не включенные в 12 ранее разрешенных категорий легальных поездок. В дальнейшем были ужесточены меры ответственности для лиц, нарушающих правила поездок. Введены жесткие ограничения на академические обмены и практически прекращены поездки кубинцев в США. Поездки кубинских американцев на остров были ограничены одной поездкой в три года, а лимиты на семейные денежные переводы были значительно снижены.

2010-е годы: попытки перехода от «изоляции» к «взаимодействию».

В 2009 г. были сняты ограничения на поездки кубинских американцев, а также на семейные и благотворительные денежные переводы – переводы, поддерживающие гуманитарные проекты и развивающийся кубинский частный сектор. Далее был восстановлен режим поездок между людьми и отменен запрет на академический обмен. В июле 2015 г. состоялось восстановление дипломатических отношений, разорванных в 1961 г. Изменения в законодательстве ускорили процесс поездок, отменив необходимость предварительного получения «специальной» лицензии на поездки в Министерстве финансов, а также предоставив индивидуальным путешественникам возможность самостоятельно планировать образовательный туризм. Было восстановлено почтовое и коммерческое авиасообщение с пунктами назначения по всему острову. Было разрешено заключать с кубинским правительством деловые контракты на предоставление телекоммуникационных услуг, посещение круизных линий, управление гостиницами и др. Разрешена двусторонняя торговля с кубинскими частными предприятиями и американские инвестиции в телекоммуникационную и фармацевтическую отрасли, экспорт из США товаров для защиты окружающей среды, поддержки научного и культурного сотрудничества, помощи частным фермерам и предприятиям, а также для повышения безопасности гражданской авиации.

В 2015 г. состоялось краткосрочное снятие запрета на международные финансовые операции – ключевой элемент экстерриториального действия санкций, ведь банки, нарушавшие это ограничение, подвергались многомиллионным штрафам со стороны Министерства финансов США, что делало практически невозможным для Кубы осуществление международных операций с долларами США. В мае 2015 г. Куба была исключена из списка государств-спонсоров международного терроризма (ненадолго).

⁵ Overview of Cuban Imports of Goods and Services and Effects of U.S. Restrictions. Режим доступа: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub4597.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

С 2015 г. толкование термина «наличные деньги авансом» было вновь изменено на подход, действовавший до 2005 г. Тем не менее, возврат к первоначальному определению уже не сказался на эффективности торговли, поскольку товары могли прибывать на Кубу до завершения финансовой операции, что приводило к плате за простой, более медленному обороту судов, сокращению количества рейсов туда и обратно и, следовательно, к потере доходов. Кроме того, это не устранило негативных последствий, связанных с неспособностью американских экспортеров предложить конкурентоспособные варианты оплаты и финансирования, а также с другими транзакционными издержками и требованиями. В итоге значительно поменялись подходы к структуре региональной торговли⁶.

2017–2022 годы: возвращение к жестким мерам эмбарго

Вновь изменяется политика эмбарго в сторону ужесточения и усиления мер ответственности за его соблюдение⁷. Вводится ограничение на семейные денежные переводы в размере 1000 долл. в квартал, полностью отменяются «благотворительные» переводы, отменены индивидуальные поездки между людьми, они могут быть только в рамках туров, проводимых лицензированными американскими турфирмами, отменены общие лицензии на поездки на профессиональные встречи, культурные и художественные представления на Кубе, тем самым ликвидировано большинство культурных и научных обменов. Введен запрет на операции с целым списком организаций, включая кубинские компании, осуществляющие обработку и доставку денежных переводов (FINCIMEX). Это, например, послужило причиной решения Western Union приостановить денежные переводы на Кубу. Новые правила запретили американским круизным судам посещать Кубу. Расширяя экстерриториальное действие эмбарго, вновь введен запрет на международные финансовые операции. Прервано предоставление консульских услуг и значительно сокращен штат сотрудников посольства США в Гаване.

Как упоминалось, Раздел III закона Хелмса-Бертонa, от применения которого после его принятия в 1996 г. последовательно отказывались, был все же «разморожен» в отношении Кубы в 2019 г.: «Закон призван расширить правовые последствия санкций в отношении третьих стран за счет экстерриториального применения».⁸ Раздел III позволяет бывшим владельцам национализированной на Кубе собственности, в том числе кубинским гражданам, ставшим впоследствии гражданами США, подавать иски в американские суды против физических и юридических лиц, имевших какой-либо контакт с этой собственностью. Это вызвало волну судебных исков против американских и международных компаний, ведущих бизнес с Кубой. 2 апреля 2019 г. впервые за 23 года было возбуждено судебное разбирательство по закону Хелмса-Бертонa. По состоянию на апрель 2023 г. было подано 44 иска, в том числе 15 с участием истцов, сертифицированных Комиссией по урегулированию иностранных претензий и 29 несертифицированных исков против американских и иностранных компаний⁹. Несколько исков были отклонены.

⁶ Annual Report - Initiation. Overview of Cuban Imports of Goods and Services and Effects of U.S. Restrictions. Режим доступа: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub4597.pdf> (дата обращения: 23.11.2023).

⁷ Strengthening the Policy of the United States Toward Cuba. A Notice by the State Department on 10.20.2017. Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/10/20/2017-22928/strengthening-the-policy-of-the-united-states-toward-cuba> (дата обращения: 23.11.2023).

⁸ <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ114/html/PLAW-104publ114.htm>

⁹ Statistics on Libertad Act at. Режим доступа: <https://static1.squarespace.com/static/563a4585e4b00d0211e8dd7e/t/628632e9fc89e900969c8389/1652962025667/Libertad+Act+Filing+Statistics.pdf> С. 12. (дата обращения: 23.11.2023).

Сфера применения раздела III Закона Хелмса-Бертонса чрезвычайно широка. Во-первых, иски в соответствии с разделом III могут быть поданы против лица любой гражданской принадлежности. Во-вторых, он/она может быть признан ответственным за широкий круг действий, связанных с конфискованным имуществом, которые на практике, как мы ниже покажем, толкуется неопределенно широко. Речь идет (и не ограничивается) использованием, продажей, арендой, передачей, контролем и управлением имуществом. К незаконному обороту относятся как прямые, так и косвенные экономические операции, затрагивающие экспроприированные имущественные интересы.

Также 12 января 2021 г. правительство Кубы вновь включено в список государств-спонсоров международного терроризма, в котором Куба остается до сих пор. Куба была вновь включена в список LOSSOT за отказ выдать Колумбии членов Армии национального освобождения (АНО) на основании статуса Кубы как гаранта мирных переговоров между ELN и колумбийским правительством. Однако после вступления в должность президента Колумбии Г. Петро в 2022 г. он объявил, что запрос на экстрадицию должен быть отозван в рамках его инициативы «полного мира»¹⁰. Таким образом, упомянутых оснований, заявляемых США, для включения Кубы в список больше не существует, однако этот статус не изменен.

В совокупности четыре основные категории санкций, налагаемых в результате включения в перечень LOSSOT, включают: (i) ограничение внешней помощи США, (ii) запрет на экспорт и продажу оборонной продукции, (iii) определенные меры контроля за экспортом товаров двойного назначения и (iv) различные финансовые и другие ограничения. Обозначение также включает в себя широкий спектр санкций, предусматривающих наказание лиц и стран, осуществляющих торговлю с государствами, включенными США в этот «список». Если быть точным, то в соответствии с разделом 6(j) Закона об управлении экспортом для экспорта практически всех товаров в страны, включенные в «список», требуются соответствующие лицензии, за исключением специально разрешенных категорий товаров, таких как информационные материалы, гуманитарная помощь, продовольствие и медикаменты. Включение в список LOSSOT также ограничивает двустороннюю помощь, запрещает экспорт или иное предоставление боеприпасов.

Статус LOSSOT для Кубы привел, в частности, к следующим правовым последствиям. Кубинцы с испанским гражданством лишились возможности путешествовать без оформления визы, поскольку, как установило Управление таможенной и пограничной охраны США, путешественники, находившиеся на Кубе с 12 января 2021 г., не могли подать заявку на получение ESTA (программа отмены визового режима – Electronic System for Travel Authorization).

Включение в «список» оказало серьезное влияние на финансовые и банковские операции, практически препятствуя переводам из-за пределов страны в международные банки. Так, кубинцы, проживающие в ЕС, находятся под ограничениями в использовании своих банковских счетов, поскольку ряд банков имеет «правила для клиентов кубинского происхождения», чтобы соответствовать «международным

¹⁰ The Human Cost of Cuba's Inclusion on the State Sponsor of Terrorism List by Mariakarla Nodarse Venancio and Alex Vare. Режим доступа: <https://www.wola.org/analysis/human-cost-cuba-state-sponsor-of-terrorism-list/> (дата обращения: 21.11.2023).

правилам сектора»¹¹, но даже если лицу кубинского происхождения удастся открыть счет, он/она автоматически получает отказ при попытке использовать Wise или PayPal для отправки денег семье на Кубу, а термин «Куба» может вообще стать причиной замораживания счета¹². То же самое касается и гуманитарной помощи: опасаясь обвинений и штрафов, большинство банков отказываются обрабатывать кубинские платежи и замораживают средства даже на разрешенную религиозную и гуманитарную деятельность.

Таким образом, после включения в список LOSSOT практика оверкомплаенса стала еще более распространенной. Статус LOSSOT является правовой основой внутри США для введения ограничений на уровне штатов, которые могут быть еще более жесткими, например, во Флориде блокируются деньги на поездки в страны, включенные в такой список¹³.

В конце 2020 г. Управление по КИА внесла поправки в Закон о ККА, ограничивающие доступ к счетам в связи с денежными переводами на Кубу¹⁴, а с 8 января 2021 г. список ограничений расширился на международные финансовые инструменты. 14 января 2021 г. Куба была включена в список Министерства торговли в соответствии с исполнительным указом № 13873. В результате в Закон об управлении экспортом были внесены поправки, запрещающие сделки, представляющие «неоправданный или неприемлемый риск» для национальной безопасности США в сфере информационных технологий и коммуникаций. Количество расследований растет с тех пор с каждым годом и распространенным является применение высоких штрафов в качестве мер гражданско-правовой ответственности на стадии урегулирования с органом исполнительной власти. Так, 18 февраля 2021 г. Управление по КИА объявило об урегулировании во избежание гражданского иска с компанией BitPay, Inc. (Атланта, Джорджия), предоставляющей цифровые финансовые услуги. Урегулирование включало выплату компанией штрафа в размере 507 375 долл. Данная мера была принята в связи с более чем 2000 предполагаемых нарушений различных «санкционных программ», в том числе введенных против Кубы, Северной Кореи, Ирана, Судана, Сирии и Крыма.

В 2022 г. были приняты некоторые «смягчающие» меры, связанные со следующими сферами: содействие воссоединению семей, расширение разрешенных поездок, ослабление ограничений на денежные переводы. Так, Управление по КИА внесло поправки в Положение о ККА, например, отменив ограничения на 3600 ежегодных рейсов в Гавану и разрешение частных чартерных рейсов по всей стране; разрешение на поездки на Кубу для участия или организации профессиональных встреч или конференций на Кубе, групповые образовательные поездки между людьми и другие академические образовательные мероприятия под эгидой

¹¹ Otra española de origen cubano se planta ante el Deutsche Bank: «Nadie puede ser obligado a declarar sobre su ideología». Режим доступа: https://www.infolibre.es/economia/espanola-origen-cubanos-deutsche-bank-nadie-obligado-declarar-ideologia_1_1410362.html (дата обращения: 21.11.2023).

¹² María Carla Gárciga. Como afecta a los cubanos la inclusión de Cuba en lista de países patrocinadores del terrorismo? Режим доступа: <https://eltoque.com/como-afecta-a-los-cubanos-la-inclusion-de-cuba-en-lista-de-paises-patrocinadores-del-terrorismo> (дата обращения: 21.11.2023).

¹³ New Trump Plan Could Impede FIU Cuba Research. Режим доступа: https://www.miaminewtimes.com/news/potential-trump-cuba-policy-could-negatively-impact-fiu-11790578?mc_cid=3dd248251e&mc_eid=b2977ecf7c (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁴ Federal Register. Режим доступа: <https://ofac.treasury.gov/media/48896/download?inline> (дата обращения: 21.11.2023).

организации, находящейся под юрисдикцией США в сопровождении сотрудника организации-спонсора. Управление по КИА внесло изменения в § 515.570(a), отменив ежеквартальное ограничение в 1000 долл. на денежные переводы близким родственникам. Также, были дополнены § 515.570(b), чтобы разрешить безвозмездные (несемейные) денежные переводы отдельным группам граждан Кубы; § 515.570(h), разрешающий разблокировать и возвращать заблокированные денежные переводы, если они были бы разрешены в соответствии с § 515.570(a) или (b)¹⁵.

Однако де-факто реализация денежных переводов сопряжена с трудностями даже на сбор лекарств нуждающимся в срочном лечении детям¹⁶, и с точки зрения бизнеса все так же отсутствует возможность совершать сделки в долларах США из-за опасений быть преследуемыми в рамках вторичных санкций США: например, в 2022 г. из-за таких ограничений только 9 из 518 заявок сельхозпредприятий Кубы на поставку необходимого сельхозоборудования были удовлетворены зарубежными партнерами¹⁷.

Таким образом, мы наблюдаем всесторонние формы трансграничного экономического давления с вовлечением третьих стран и бизнеса с целью коренного изменения гражданско-политической ситуации в стране, говоря юридическим языком – с целью вмешательства во внутренние дела государства. Еще в 1985 г. ряд американских авторов охарактеризовал предпринимаемые действия как экономическую блокаду, поскольку и эмбарго, и бойкот – слишком узкие понятия для описания происходящего: «Бойкот в международном праве рассматривается как современная форма репрессалий, при которой государство прерывает и/или прекращает свои коммерческие и финансовые отношения с другим государством. Исторически слово «эмбарго» означало насильственное задержание судов государства-объекта, которые стояли в порту этого государства. В настоящее время слово «эмбарго» более корректно использовать для обозначения запретов на экспорт между одной страной с другой». Действия США против Кубы, хотя в официальных американских публикациях они и называются «эмбарго», правильнее было бы назвать экономической блокадой: нечто большее, чем эмбарго, поскольку оно распространяется на импорт, и большее, чем бойкот, поскольку Соединенные Штаты пытаются контролировать действия третьих государств» (Shneyer & Varta, 1981:452). За почти 40 лет с момента публикации этих выводов ситуация лишь усугубилась, превращаясь в «экономическую войну» и разрушение социально-экономической, социально-политической структуры, региональных и трансрегиональных связей.

Экономические оценки

По официальным данным страны, блокада является главным препятствием на пути развития Кубы, поскольку она мешает реализации Национального плана экономического и социального развития Кубы до 2030 г. и усилиям Кубы по выполнению целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период

¹⁵ Department of the treasury office of Foreign Assets Control 31 CFR Part 515 Cuban Assets Control Regulations. Режим доступа: <https://ofac.treasury.gov/media/923666/download?inline> (дата обращения: 22.11.2023).

¹⁶ Интервью кубинского журналиста телеканалу Франции. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=voeSKQH67rg> (дата обращения: 12.11.2023).

¹⁷ Интервью кубинского журналиста телеканалу Франции. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=voeSKQH67rg> (дата обращения: 12.11.2023).

до 2030 г. По информации МИД Кубы, в середине 2021 г. в текущих ценах накопленный ущерб за почти шесть десятилетий применения США политики блокады составил более 150,41 млрд долл. США¹⁸. Согласно информации, представленной в ноябре 2022 г. на заседании ГА ООН, совокупный экономический ущерб составил 154,22 млрд долл. США в текущих ценах¹⁹.

По альтернативным оценкам, ущерб от блокады составляет более 130 млрд долл. США, что усугубляется штрафными санкциями, наложенными Управлением по КИА на инвесторов, торговых партнеров. В период с апреля 2019 г. по март 2020 г. сумма штрафов со стороны только Управления по КИА составила более 2,4 млрд. долл. США, направленных против банков, страховых компаний, энергетических компаний, туристических агентств²⁰.

Согласно исследованию П.В. Алехандро, который проанализировал связь между ростом или падением ВВП Кубы и ослаблением или ужесточением санкций США за последние три десятилетия на основе анализа данных о торговых потоках, туристах, денежных переводах и других финансовых показателях, ужесточение санкций привело к снижению роста ВВП Кубы, причем это влияние сказалось в основном на потреблении домохозяйств, динамике продаж и занятости в частном секторе (Alejandro, 2022). Негативное влияние экономические санкции на качество жизни населения провоцирует, в свою очередь, не только локальные изменения, но и иные деструктивные социально-экономические последствия более широкого масштаба (Dudin, Frolova, Kovalev, Ermakova & Kirsanov, 2017).

Приобретение любого оборудования, материалов или услуг обходится гораздо дороже, поскольку иностранные компании, осуществляющие операции с Кубой, компенсируют риск обхода американских санкций гораздо более высокими ценами. Из-за правила «180 дней»кратно вырастают расходы на транспортировку и страхование грузов. Многие материалы и услуги, включая запасные части и послепродажное обслуживание, зачастую стали вовсе недоступны: например, «первоначальные европейские поставщики критически важного оборудования для электростанций разорвали свои контракты с Кубой, чтобы соблюсти ограничения, введенные США в связи с повторным включением Кубы в список спонсоров терроризма».²¹

Аналогичные факты и экономические оценки приводятся международными межправительственными организациями. Так, в отчете в рамках ГА ООН в 2022 г. Продовольственная и сельскохозяйственная организация (далее – ФАО) указывала: реализация проектов ФАО затруднена из-за роста транспортных расходов на импорт и расторжения транспортными компаниями контрактов на морские перевозки, в условиях эмбарго затруднены процессы платежей и банковских операций в адрес поставщиков, оказывающих услуги по проектам сотрудничества, банки отказывают

¹⁸ Cuba's report on Resolution 75/289 of the United Nations General Assembly entitled «Necessity of ending the economic, commercial and financial blockade imposed by the United States of America against Cuba». Режим доступа: <https://cubaminrex.cu/en/cubas-report-resolution-75289-united-nations-general-assembly-entitled-necessity-ending-economic> (дата обращения: 15.11.2023).

¹⁹ Adopting Annual Resolution, Delegates in General Assembly Urge Immediate Repeal of Embargo on Cuba, Especially amid Mounting Global Food, Fuel Crises. Режим доступа: <https://press.un.org/en/2022/ga12465.doc.htm> (дата обращения: 12.11.2023).

²⁰ Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/03/cuba-us-embargo-must-end> (дата обращения: 22.11.2023).

²¹ Hurricane Ian Highlights the Devastating Effects of the U.S. Blockade on Cuba. Режим доступа: <https://nacla.org/Hurricane-Ian-Highlights-Devastating-Effects-US-Blockade-Cuba>

в переводе средств данной международной организации на Кубу; поставщики ограничены в реэкспорте, оплате услуг; банки отказывают кубинским предприятиям в проведении коммерческих и финансовых операций в долларах США и других валютах, что препятствует оплате сертификации кубинской продукции, имеющей высокий потенциал для коммерциализации в Европе и т.д.²²

Правовая оценка со стороны государств и международных организаций

С точки зрения международного права такие и аналогичные факты свидетельствуют о нарушении права на развитие, основополагающих прав человека таких как право на здоровье, право на жизнь и т.д. Аргументация гуманитарно-ориентированного характера тщательно исследована в публикациях и докладах Специального докладчика ООН о негативном влиянии санкций на права человека (Douhan, 2020).

С точки зрения затрагиваемых общепризнанных принципов международного права распространенными стали ситуации, свидетельствующие о нарушении суверенного равенства государства, принципа сотрудничества. Так, Организация стран Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона (далее – ОАКПГ) проводила заседание по поводу ситуации вокруг пандемии COVID-19. Куба является членом ОАКПГ, но не смогла принять участие в форуме в режиме видеоконференции из-за закрытия доступа к американской платформе zoom, использовавшейся для проведения дебатов на саммите. Совершенно обоснованно, что в своем заключительном заявлении данная организация потребовала «прекратить санкции против своих членов, поскольку они еще больше затрудняют защиту их стран и населения от пандемии»²³.

Такая и аналогичная правовая аргументация лежат в основании позиций государств и организаций, выступающих в рамках ООН за снятие санкций с Кубы. В целом, результаты голосования в ООН по Резолюции «О необходимости прекращения экономического, торгового и финансового эмбарго, наложенного Соединенными Штатами Америки против Кубы» (документ A/77/L.5) следующие: 185 голосов за отмену эмбарго, 2 против (США и Израиль) и 2 воздержались (Бразилия и Украина).

Как отмечал ЕС в пояснении к голосованию по данной резолюции ГА ООН, «помимо пагубного воздействия блокады на простых кубинцев, санкции США и другие административные и судебные меры также негативно сказываются на экономических интересах ЕС. Мы решительно и постоянно выступаем против любых подобных мер в связи с их экстерриториальным применением и воздействием на Европейский Союз в нарушение общепринятых правил международной торговли. Мы не можем согласиться с тем, что подобные меры препятствуют нашим экономическим и торговым отношениям с Кубой. ЕС решительно отвергает активизацию США в апреле 2019 г. разделов III и IV закона Хелмса-Бертон. Это нарушает обязательства, взятые на себя США в соответствии с соглашениями с ЕС в 1997 и 1998 гг. Мы будем использовать все необходимые меры для преодоления последствий закона Хелмса-Бертон, в том числе в отношении наших прав в рамках ВТО и посредством использования Блокирующего статута ЕС, который защищает от

²² FAO report within A/75/81, p. 128.

²³ US blockade prevents Cuba from participating in a multilateral forum. June 5, 2020. Режим доступа: <https://www.granma.cu/hilo-directo/2020-06-05/hilo-05-06-2020-00-06-14> (дата обращения: 21.11.2023).

экстерриториального применения этих санкций США в отношении граждан, предприятий и неправительственных организаций ЕС, работающих на Кубе»²⁴.

Аргентина в своем докладе в рамках документа А/75/81 поддержала Декларацию министров, принятую на сорок третьей ежегодной встрече министров иностранных дел государств – членов Группы 77, состоявшейся в Нью-Йорке 27 сентября 2019 г. В пункте 230 подтверждается призыв к правительству США прекратить экономическую, торговую и финансовую блокаду Кубы и выражается обеспокоенность расширением экстерриториального характера блокады, включая полное выполнение раздела III закона Хелмса-Бертон.

В рамках обсуждения резолюции высказалась Канада: «Канада считает экстерриториальное применение односторонних мер, связанных с Кубой, противоречащим международному праву. Канада глубоко разочарована решением США применять Раздел III Закона о свободе и демократической солидарности Кубы (Libertad), широко известного как Закон Хелмса-Бертон. Блокада негативно сказывается на условиях жизни кубинского народа, а также на канадцах, ведущих законную торговлю с Кубой и осуществляющих инвестиции в нее»²⁵.

Ссылаясь на резолюцию ГА ООН от 3 ноября 2022 г. о необходимости прекращения экономической, торговой и финансовой блокады Кубы, совместная Декларация ЕС и СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна), принятая в рамках бирегионального саммита в июле 2023 г., провозгласила: «в очередной напоминаем о своем несогласии с законами и постановлениями, имеющими экстерриториальное действие. Повторное включение Кубы в список государств-спонсоров терроризма и сохранение ее в этом списке создало препятствия для международных финансовых операций с островом»²⁶.

Односторонние принудительные меры в контексте международного экономического права

Экономические ограничения и ответные меры известны еще со времен Древней Греции (Kern, 2009:9–10). Государства применяют санкции как инструмент продвижения интересов на внешнем рынке, вновь и вновь прибегая к ним, несмотря на печальные уроки. Вместе с тем как определение, так и правомерность экономических санкций с точки зрения международного права до сих пор оцениваются в различном ключе (в отличие от вопроса их эффективности, о чем рассуждают весьма критично все, в том числе исследователи из самих стран-«спонсоров санкций» (Bergeijk van, 1994; Smeets, 2018). Правомерность такого инструмента следует оценивать исходя из действующих норм международного права и, в частности, международного экономического права.

Если санкции, вводимые в рамках мандата и по решению Совета Безопасности ООН, являются правомерными и обязательными для всех субъектов, в том числе в рамках иных публично-правовых институтов (например, в праве и практике ВТО),

²⁴ EU Explanation of Vote: UN General Assembly Resolution on the embargo imposed by the USA against Cuba. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/delegations/un-new-york/eu-explanation-vote-un-general-assembly-resolution-embargo-imposed-usa_en?s=63 (дата обращения: 21.11.2023).

²⁵ Доклад Канады в рамках А/75/81, стр. 17.

²⁶ Declaration of the EU-CELAC Summit 2023. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_3924 (дата обращения: 22.11.2023).

то односторонние принудительные меры не обладают важной характеристикой общей легитимности, и их легитимация в рамках отдельных правовых режимов носит весьма узкий характер. Недаром в п. 7(iii) Министерской декларации ВТО, принятой 29 ноября 1982 г., указано, что «договаривающиеся стороны обязуются по отдельности и совместно... воздерживаться от принятия ограничительных торговых мер по причинам неэкономического характера, не соответствующих Генеральному соглашению».

Действительно, санкции очевидно противоречат обязательствам ВТО в отношении принципа наибольшего благоприятствования, который распространяется на 164 государства-члена этой международной организации. Ряд исключений из этого правила ВТО, позволяющих применять односторонние ограничения (пп. i), ii), iii) п. b) ст. XXI ГАТТ), исследованы подробно в публикации 2022 года (Mikhaliyova, 2022).

Как многие положения права ВТО, эти исключения требуют толкования, соответственно, они могут быть истолкованы субъектами широко. Однако де-юре позиция о неприменении мер, выходящих за пределы обеспечения таких основополагающих интересов безопасности²⁷ и соблюдения резолюций Совета Безопасности²⁸, закреплена (см. аналитический индекс к ст. XXI ГАТТ), в российской доктрине эти вопросы находили отражение и обсуждение (Boklan, Absaliyev & Kurnosov, 2018; Gudkov & Mizulin, 2014; Travina & Katushenko, 2016).

Орган по разрешению споров ВТО недвусмысленно высказывался о несоответствии санкций основным принципам функционирования ВТО: «эмбарго, подобное тому, которое было введено Соединенными Штатами, независимо от того, оправдано ли оно в соответствии со статьей XXI, противоречит основным целям ГАТТ, а именно: содействовать недискриминационной и открытой торговой политике, способствовать развитию менее развитых договаривающихся сторон и снижать неопределенность в торговых отношениях»²⁹.

В поддержку подхода о том, что односторонние принудительные меры создают серьезные угрозы для свободы торговли, нарушают правила международного права и ВТО, выступают и в рамках других организаций и их рабочих органов³⁰.

Таким образом, в основе санкций лежит экономическое принуждение, характерной чертой которого является выход за рамки правомерных изъятий, допустимых в международном экономическом праве – «родовой» отрасли для торговых, финансовых и иных ограничений. Очевидно, этот тезис весьма показательно разворачивается в описании экономической блокады против Кубы. Логично задаться вопросом, правомерно ли экономическое принуждение *per se*, и каковы в таком случае легитимные средства такого принуждения.

²⁷ Essential security interests ... may generally be understood to refer to those interests relating to the quintessential functions of the state, namely, the protection of its territory and its population from external threats, and the maintenance of law and public order internally // Article XXI. Security exceptions. General Agreement on Tariffs and Trade 1994. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gatt_ai_e/art21_e.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

²⁸ Article XXI. Security exceptions. General Agreement on Tariffs and Trade 1994. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gatt_ai_e/art21_e.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

²⁹ United States – Trade Measures Affecting Nicaragua: Report by the Panel. Режим доступа: https://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/91240197.pdf (дата обращения: 12.11.2023).

³⁰ Official Documents System of the United Nations. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/635/36/PDF/N1163536.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

Тем более это необходимо сделать на фоне весьма специфического толкования данного явления в западном правовом дискурсе, перетекающем в нормативную среду. Важность этого анализа (которому в данном исследовании могут быть даны только робкие контуры) подтверждается и тем, что в текущем моменте принимается новый правовой акт ЕС по внешней торговле и экономическому принуждению, основной целью которого является «удержать иностранные государства от агрессии в отношении ЕС или его стран-членов», а «среди возможных контрмер – ограничение торговли, прямых инвестиций и доступа к рынку закупок ЕС», при этом «новый инструмент должен служить щитом, защищающим суверенитет ЕС»³¹.

Об экономическом принуждении

В оксфордском издании мы находим следующее определение экономическому принуждению: «угроза или фактическое навязывание экономических издержек одному государству со стороны другого с целью получения политических уступок» (McLean, 2021). В публикации по результатам брифинга в Европарламенте за ноябрь 2022 года определение этого явления еще короче и яснее: «невоенное принуждение, которое означает использование экономических средств для достижения политических целей»³².

В одном из последних обсуждений институт прямой демократии ЕС – Европарламент – высказывает экспертную и политическую озабоченность эффектом мер экономического принуждения на экономику Союза и в целом мира, возражает против их использования. И если не знать страну-дестинатора таких возражений по указанному документу, то можно было бы подумать, что речь идет в точности о ситуации с санкциями США против Кубы: указаны такие виды экономического принуждения, как торговые ограничения, инфобойкоты, ограничения туризма, регуляторная дискриминация (запреты, штрафы), угрозы³³, инвестиционные ограничения. В действительности документ описывает опасения ЕС по отношению к экономическому «давлению» со стороны Китая, при этом по тексту отмечается, что ни одной законодательной или регуляторной меры Китаем не введено, все описываемые опасения касаются мер, которые не облечены никакой регуляторной формой.

В документе, принятом Европарламентом (578 голосов «за», 24 «против» и 19 «воздержалось») и ожидающем одобрения со стороны Совета ЕС в октябре-ноябре 2023 г., фигурирует та же позиция.

³¹ MEPs adopt new trade tool to defend EU from economic blackmail. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230929IPR06122/meps-adopt-new-trade-tool-to-defend-eu-from-economic-blackmail> (дата обращения: 12.11.2023).

³² China's economic coercion Evolution, characteristics and countermeasures. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf) (дата обращения: 15.11.2023).

³³ Правда, в качестве «угроз» квалифицирована не реальная угроза применения мер гражданско-правовой, административной и иной ответственности путем введения законодательных мер, как происходит со стороны США в отношении любых контрагентов Кубы, а следующее: «Австралийский институт стратегической политики зарегистрировал использование таких терминов, как «контрмеры», «ответные меры», «причинить боль», «право на дальнейшую реакцию». Это может происходить через официальные каналы связи, такие как дипломаты, посольства и правительственные министерства, а также через контролируемые государством СМИ, и призваны использовать *чувство тревоги и нерешительности* (выдел. авт. – ТМ) среди иностранных акторов как способ давления».

Фактически речь идет о легитимизации широкого спектра действий ЕС как ответных мер на действия других государств, которые не носят противоправный характер и являются мерами экономической политики таких государств. ЕС называет такие действия мерами превентивного характера.

Квалифицировать их как реторсии (ответное ограничение) нет никаких предпосылок и оснований: в свое время термин «реторсия» использовался в широком смысле, включая все формы ответных действий одного государства против другого на всевозможные нежелательные действия последнего. Сегодня под реторсией понимаются только те ответные действия, которые не нарушают прав соответствующего государства в соответствии с международным правом. Ущемляющие же права ответные действия сегодня называются репрессалиями или, по терминологии Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния Комиссии международного права 2001 г., контрмерами.³⁴ В свою очередь, «контрмеры – это принудительные меры, принимаемые индивидуально потерпевшим государством к государству-делинквенту в ответ на нарушение международного обязательства» (Keshner, 2015:36).

Важно проводить различие именно с точки зрения, рассматриваются ли те или иные действия в рамках института ответственности государств или это иная принудительная мера экономического характера. В первом случае изначальной правовой базой для каких-либо действий будет являться наличие установленного в соответствии со всеми процедурными требованиями современного международного права, соответствующим образом атрибутируемого противоправного деяния. Без этого никакие меры в рамках института ответственности, ни коллективные, ни односторонние, не могут быть признаны правомерными. Различные принудительные меры, сама концепция принуждения и категория «экономические санкции» исследованы в русскоязычной доктрине обстоятельно и в советский период, и в постсоветских исследованиях (Tunkin, 1970; Marinich, 1989; Neshataeva, 1992; Zhdanov, 1999; Dovgan, 2009).

Сущностно, как концепт сосуществования государств, разграничение между санкциями и невыгодными для контрагента экономическими мерами основывается на общепризнанных принципах суверенного равенства государств и невмешательства. Кратко приведем выдержки из Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г., раскрывающие суть экономической характеристики суверенного равенства: «напоминая об обязанности государств воздерживаться в своих международных отношениях от военной, политической, экономической или какой-либо другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной целостности любого государства», «каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы». Еще более четко выявляется такое разграничение при системном подходе к принципам и тексту Декларации и прочтении содержания принципа невмешательства: «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических

³⁴ Giegerich T. Retorsion. Max Planck Encyclopedia of International Law. Режим доступа: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e983> (дата обращения: 22.11.2023).

...мер... с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ».

Разграничение, соответственно, выявляется через анализ правомерности самих мер (методов воздействия), обоснования их введения, а также конечной цели. Санкции как действующие односторонние принудительные меры в ответ на международное правонарушение должны, но зачастую не обладают необходимой степенью реализации формальных требований в рамках института ответственности (установление противоправности деяния, присвоение такого поведения актору). В то же время в рамках реализации дискреции государства на реализацию внешнеэкономической политики оно связано правомерностью и целей, и средств такой политики.

Однако на сегодняшний день имеет место юридический сюрреализм: санкции, который носят неправомерный характер, – ни обойти, ни проигнорировать нельзя, так как будут введены вторичные санкции и предприняты вторичные меры ответственности. В свою очередь, суверенную экономическую политику, называемую «принуждением» ввиду нежелательных эффектов для ряда контрагентов, но тем не менее не связанную с правонарушением самого актора, можно предотвращать жесткими мерами.

Вся эта какофония юридических аргументов сопровождается развитием и иных правовых институтов и категорий, распространяющихся на ранее не характерные для них пределы, в том числе расширением экстерриториальной юрисдикции со стороны государств, вводящих санкции.

Объяснение важности активного формирования позиции о непризнании такого поведения в качестве правомерного кроется в подходах к созданию международно-правовых обязательств. В 2001 г. в детальной публикации, посвященной санкциям и интернационализации норм, С. Кливлэнд обосновывала следующее: «Создание и существование международной нормы можно определить по реакции различных субъектов международного сообщества на предполагаемое нарушение, а введение государствами односторонних санкций способствует разработке и выявлению международных норм» (Cleveland, 2001:7) Однако даже юристы, обосновывавшие санкции как инструмент переформатирования международной политики и международного права, признавали: «экономические санкции должны соответствовать более общим принципам международного сообщества, таким как принципы международной юрисдикции, невмешательства и свободной торговли» (Cleveland, 2001:7).

Вторичные санкции и применение экстерриториальной юрисдикции

Вторичные санкции нацелены на предотвращение торговли третьих сторон со странами, в отношении которых другой страной введены санкции. Вторичные санкции предусматривают наказание лиц и организаций, не подпадающих под юрисдикцию страны, в отношении которой введены санкции, и применяются к субъектам, осуществляющим те же операции, которые запрещены первичными санкциями. «После введения вторичных санкций американские лица могут запретить ведение бизнеса с данным иностранным финансовым учреждением или потребовать от американских банков ограничить корреспондентские счета данного иностранного финансового учреждения в США»³⁵.

³⁵ OFAC economic sanctions programs. Режим доступа: <https://ofaclawyer.net/economic-sanctions-programs/> (дата обращения: 18.11.2023).

В сферу применения санкций таким образом попадают не только непосредственные владельцы активов, инвесторы, но и аффилированные лица, лица, в сделках которых может проследиваться имущественный интерес со страной под санкциями, в том числе связанный с Кубой, кубинскими предприятиями и т.п. Это означает выход за пределы территориальной юрисдикции. В практике Управления по КИА концепция экстерриториальной юрисдикции стала неопределенно широкой, мы называем этот подход «ползущей» экстерриториальной юрисдикцией, так как можно наблюдать, как ее применение расширяется от дела к делу. Такая же оценка дана в докладе Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека (см. раздел V)³⁶.

Ситуация такова, что основания для экстерриториального применения чрезмерно растянуты, лишь косвенно связаны с объектом или лицом и интерпретируются с целью расширить сферу действия норм права США и заставить систему комплаенса быть проактивной. Расширение экстерриториальной юрисдикции вынуждает иностранные компании, имеющие незначительную финансовую или операционную связь с государствами или организациями, против которых направлены санкции, прекращать любые отношения, чтобы избежать обвинений в обходе санкций.

«Экстерриториальность» — это принятие, применение и исполнение законов, нормативных актов, т.е. юрисдикция одного государства в отношении лиц, имущества или деятельности за пределами его территории. Экстерриториальная юрисдикция при отсутствии легитимирующей связи с территорией (отсутствие территориальной юрисдикции) или гражданами (отсутствие персональной юрисдикции) или если речь не идет об универсальной юрисдикции, противоречит обычным нормам международного права, нарушает принципы невмешательства во внутренние дела других государств (Herdegg, 2013) и суверенного равенства государств (Oxman, 2007), поскольку «принципы международного права в отношении юрисдикции государств отражают как суверенную независимость... так и суверенное равенство государств».

Экстерриториальное применение санкций вызывает серьезные сомнения в соответствии праву ВТО. Оправдать такое расширительное толкование юрисдикции еще сложнее, нежели обосновать санкции исходя из ст. XXI ГАТТ, что описано выше. Двусторонние договоры, другие международные обязательства также находятся под угрозой нарушения³⁷.

Низкий порог определения «существенной» связи с территорией (substantial territorial nexus approach) вызывает серьезные сомнения. ЕС считает, что практика экстерриториальности нарушает международное право, и концепция экстерриториальности применительно к санкциям не должна быть принята³⁸. Количество государств, высказывающихся в рамках ООН и на других площадках о недопустимости экстерриториальных мер в ходе применения односторонних санкций, что было

³⁶ Official Documents System of the United Nations. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/260/46/PDF/N2326046.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.11.2023).

³⁷ Mathias Audit, Sanctions contre BNP Paribas: l'extraterritorialité du droit américain est-elle conforme au droit international?, LES ECHOS. June 25, 2014. Режим доступа: http://archives.lesechos.fr/archives/cercle/2014/06/25/cercle_101744.htm (дата обращения: 17.11.2023).

³⁸ EU Explanation of Vote: UN General Assembly Resolution on the embargo imposed by the USA against Cuba. Режим доступа: https://www.ceas.europa.eu/delegations/un-new-york/eu-explanation-vote-un-general-assembly-resolution-embargo-imposed-usa_en?s=63; Extraterritoriality of Sanctions. Режим доступа: <https://financialcrimeacademy.org/extraterritoriality-of-sanctions/> (дата обращения: 17.11.2023).

упомянуто выше, указывает на формирование *opinio juris* в части непризнания расширительного толкования этого института. Вопрос об устойчивости и единообразии практики непризнания чрезмерно широкой экстерриториальной юрисдикции требует детального исследования, однако уже сейчас можно твердо сказать о том, что в отдельных регионах такая практика закрепилась.

Несмотря на неприятие такого подхода со стороны многих партнеров, а не только стран, находящихся под санкциями, в США используют широкую стратегию экстерриториального применения своего права, включая связь через иностранный филиал американского банка, валюту транзакций, инфраструктуру IT-технологий, определение связи с производителем товара и проч³⁹. Так, в разбирательстве с банком British Arab Commercial Bank, расположенным в Лондоне (Великобритания) и не имеющем коммерческого присутствия в рамках юрисдикции США, американское уполномоченное ведомство потребовало соблюдать требования американского законодательства в отношении своих соглашений о финансировании в долларах США, в том числе через других неамериканских банковских партнеров, если они осуществляют операции с финансовой системой США. Несмотря на то, что у банка нет офисов, бизнеса или присутствия под юрисдикцией США, а касаемые операции не проходили через США и использовался счет в другом неамериканском банке, косвенно связанные с операциями неамериканские банки сами осуществляли операции с американскими банками или американскими филиалами неамериканских банков, обрабатывая переводы средств в неамериканский банк ВАСВ, который, в свою очередь, обрабатывал операции, связанные с Суданом, находящимся под санкциями⁴⁰.

Еще более отдаленная связь была принята за основу для применения экстерриториальной юрисдикции в деле SITA (глобальный поставщик ИТ-услуг со штаб-квартирой в Швейцарии, обслуживающий индустрию коммерческих авиаперевозок): маршрутизация через американские серверы, хостинг и т.п.

Таким образом, применяемая США концепция экстерриториальной юрисдикции выходит далеко за пределы традиционных положений и практики и не находит поддержки среди других государств, в т.ч. государств-членов ЕС и самого ЕС. Однако это не идет далее «неподдерживания» такой практики на уровне международных конференций и сессий организаций, несмотря на то, что есть все основания оспаривать конкретные факты применения экстерриториальной юрисдикции к компаниям третьих государств, в т.ч. опосредуя институт дипломатической защиты, в рамках международных органов по разрешению споров и проч. Также показательным примером официального заявления позиции о неприятии экстерриториальной юрисдикции, как и санкционной политики в целом, может служить ст. 20 Устава ОАГ (членом которой является и США): «ни одно государство не может применять или поощрять применение принудительных мер экономического или политического характера для того, чтобы понудить суверенную волю другого государства и получить от этого преимущества любого рода». Нарушение данного положения – это нарушение основных прав и обязанностей государств-членов данной организации.

³⁹ Office of Foreign Assets Control. Режим доступа: https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20200716_33, Режим доступа: https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20201228_33 (дата обращения: 17.11.2023).

⁴⁰ Meredith Rathbone, Peter Jeydel. OFAC's Case Against British Arab Commercial Bank and Offshore Use of the US Dollar. Режим доступа: <https://www.steptoe.com/en/news-publications/ofacs-case-against-british-arab-commercial-bank-and-offshore-use-of-the-us-dollar.html> (дата обращения: 19.11.2023).

Оверкомплаенс v. обязательства компаний по национальному и международному праву

Политика санкционного давления оказывает непосредственное влияние на поведение частных субъектов. Оверкомплаенс как стратегия связан и с репутационными рисками, и с реальной невозможностью обжаловать ряд действий, как, например, замораживание счетов в иной юрисдикции, где лицо не имеет коммерческого присутствия или представителя, и даже с введением санкций в отношении легальных представителей или прямого запрета на представление интересов лиц, связанных с санкционными программами. И с такими рисками нельзя не согласиться. Однако широко используемый тезис «частный бизнес имеет право выбирать, с кем работать» в современном правовом контексте имеет свои нюансы.

В рамках уже упомянутого доклада 2023 г. Спецдокладчика ООН выделены следующие формы оверкомплаенса: а) решения компаний прекратить все деловые отношения с находящимися под санкциями странами, юридическими лицами или физическими лицами определенного гражданства или происхождения; б) чрезмерное снижение рисков банками и другими финансовыми субъектами; в) чрезмерное соблюдение в транспортном и страховом секторах и в других смежных отраслях сферы услуг; г) отказ от проведения разрешенных операций; д) сдерживание разрешенных операций путем требования обременительной документации или сертификации, взимания более высоких ставок или дополнительных сборов либо создания задержек; е) замораживание активов, на которые санкции не распространяются; ж) отказ физическим лицам в возможности открывать или вести банковские счета либо проводить операции на том основании, что страна, против которой введены санкции, является единственной или одной из стран их гражданства или страной их рождения; з) закрытие доступа к важнейшим рынкам или финансовым системам; и) репутационный ущерб, расторжение контрактов, упущенные деловые возможности и другие меры⁴¹.

Компании занимают позицию нулевых рисков, ограничивая любые, даже косвенные связи с юрисдикцией под санкциями, вне зависимости от устойчивости коммерческих связей. Можно сделать вывод, что в таких условиях усиливается правовая неопределенность для всех затрагиваемых лиц.

Во-первых, речь идет о стандарте ограничения прав на основе закона как общем принципе проявления верховенства права и правовой определенности. Зачастую конкретные требования к компаниям чрезвычайно подвижны и обусловлены не нормативными правовыми актами, а «разъяснениями», «практическими рекомендациями» и т.п. Так, 2 мая 2019 г. Управление по КИА опубликовало Рамочную программу по соблюдению санкций, призванную ознакомить с точкой зрения данного управления на основные компоненты программы соблюдения санкций. Одновременно с Рамочной программой Управление по КИА выпустило документ *Compliance Communiqués*, который носит рекомендательный характер. Однако в документе содержится указание на то, что предприятиям необходимо, чтобы их политика соблюдения санкций соответствовала «базовым ожиданиям» Управления по контролю

⁴¹ Official Documents System of the United Nations. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/260/46/PDF/N2326046.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.11.2023).

за иностранными активами» (курсивом выделено авт.)⁴². Требование применять необязательные акты ставит вопрос о верховенстве права и законности мер, особенно в случае, когда такие меры ограничивают права физических и юридических лиц.

Во-вторых, общие меры по изменению политики компании не могут быть исполнены вопреки требованиям законодательства государства, подлежащего применению. Соглашения о непривлечении к ответственности или признании вины в рамках юрисдикции США зачастую содержат общие меры по изменению комплаенс-политики компаний в режиме, предписанном американскими властями (дело ABN AMRO, Lloyds TSP Bank PLC, Barclays Bank PLC и др.). Меры о принятии «общих» мер в отношении деловой политики на уровне всех подразделений (и даже аффилированных лиц) компаний, например, путем изменения внутренних правил и практики компании независимо от места и режима ее коммерческого присутствия, а также расширения ответственности управляющих лиц способны привести к конфликту применимых правил, что не должно «вытеснять» регулирования, предписываемого законодательством страны надлежащей юрисдикции компании, так как такого рода «общие меры» не относятся к нормативному регулированию – нормам о публичном порядке или иным аналогичным нормам.

В-третьих, совершенно очевидно, что автоматическое или выборочное закрытие счетов, или отказ в каких-либо операциях на основании гражданства, конфискация активов (без должным образом доказанного их незаконного происхождения или целей использования), которые являются достаточно распространенными методами в рамках политики соблюдения санкционных режимов, нарушают право собственности, принцип недискриминации, которые установлены не только как обязательства государств в международном праве, но и в конституциях государств, в пределах юрисдикции которых действуют компании, учредительных актах региональных интеграционных объединений. Так п. 2 ст. 21 Хартии ЕС об основных правах человека запрещается «любая дискриминация по национальному признаку», и эта норма прямого действия имеет приоритетный характер для применения любыми физическими и юридическими лицами в пределах юрисдикции государств-членов ЕС, как и самими государствами-членами, и ЕС.

В-четвертых, отсутствие ясных, определенных *законом* пределов введения и имплементации санкционных ограничений в отношении компаний (банков) не означает для них возможность ретранслировать такую правовую неопределенность и невозможность надлежащего обжалования в отношении своих контрагентов (клиентов). В этом отношении внутри компании, вынужденной следовать тем или иным предписаниям в рамках санкционного режима в любом случае следует иметь своеобразный внутренний тест для введения мер по имплементации санкций. 1. Применимое право: проверка, основаны ли требования к компании на надлежаще применимом законе. 2. Пропорциональность: является ли мера, применяемая компанией к контрагенту (клиенту) сама по себе необходимой, законной и не превышающей нужные пределы (в целом – пропорциональной). Дополнительно, но не в последнюю очередь, в качестве гарантии права на справедливое разбирательство у

⁴² OFAC Settles with Uphold HQ Inc. for \$72,230.32 Related to Apparent Violations of Multiple Sanctions Programs. Режим доступа: <https://ofac.treasury.gov/media/931556/download?inline> (дата обращения: 28.11.2023). Sanctions Compliance Guidance for Instant Payment Systems. Режим доступа: <https://ofac.treasury.gov/media/928316/download?inline> (дата обращения: 28.11.2023).

лица, затронутого реализацией санкционных режимов, всегда должна быть возможность обжалования и восстановления нарушенных прав.

Отметим, что и тест пропорциональности, и гарантии защиты прав и законных интересов, как и правовая определенность, давно, широко и устойчиво применимы в различных национальных правовых системах, региональных системах защиты прав и основных свобод. К ним можно обращаться как к регионально сформированным общим принципам и обычным нормам, помимо наличия в большинстве национальных систем соответствующих правовых норм.

Наконец, компании, несмотря на то, что не несут обязательств в соответствии с международными договорами в области прав человека, *bona fide* должны принимать во внимание Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН (A/HRC/17/31), подчеркивающие ответственность государств и предприятий за соблюдение прав человека, как минимум тех, которые изложены в Декларации ООН о правах человека и двух Международных пактах 1966 г., и устанавливающие стандарты в отношении ожидаемого поведения всех предприятий, которое не должно приводить к нарушениям прав человека⁴³.

Заключение

В связи с изложенным мы бы хотели обратить внимание на негативный деформирующий характер санкций как применительно к региональным связям, так и стабильным коммерческим отношениям. Очевидно, недостаточно не только отдельных позиций государств и даже практически единогласного решения государств с осуждением односторонних мер экономического принуждения, выходящих за пределы правомерного выбора мер экономического взаимодействия, как это происходит в отношении Кубы. Важными становятся принимаемые решения в рамках региональных объединений и межрегионального взаимодействия. Совместно вырабатываемый ответ, консолидация правовой позиции свидетельствуют о непризнании практики не основанных на международном праве санкций, неприятия расширенных подходов к экстерриториальности.

При этом оверкомплаенс представляет собой прямые последствия такого поведения, помимо публичных субъектов права акторами санкционной политики становятся частные субъекты. Соответственно, позиция о неприемлемости оверкомплаенса должна быть зафиксирована в качестве общей нормы, общего принципа и также требует согласованных действий в рамках региона. Не меньшую важность приобретает формирование обязательств непосредственно со стороны бизнеса соблюдать общепризнанные нормы в отношении собственности, недискриминации, правовой определенности даже в условиях давления вторичных санкций и неправомерно расширяющейся экстерриториальной юрисдикции отдельных стран, налагающих санкции.

Понимание комплексного негативного влияния на структуру всех уровней экономики и устойчивых социальных связей, а также наличие де-юре уже обозначенных правовых позиций и в рамках региональных объединений, и в универсальных

⁴³ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Осуществление рамок Организации Объединенных Наций в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_ru.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

организациях при голосовании, должно обрести консолидированную поддержку у всех акторов международного общения для преодоления пока существующего разрыва: осуждение и фиксация неправомерности в публично-правовом поле и вынужденное следование таким неправовым требованиям отдельных юрисдикций в домене частно-правовых отношений.

References / Список литературы

- Alejandro, P.V. (2022) The Economic Impacts of the U.S. Sanctions on Cuba, 1994-2020. *Real Instituto Elcano*. Режим доступа: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2022/02/dt-2022-pavel-el-impacto-economico-de-las-sanciones-estadounidense-a-cuba-1994-2020.pdf>
- Bergeijk van, P. (1994) Economic Sanctions: A Hidden Cost of the New World Order. In: Chatterji, M., Jager, H. & Rima, A. (eds.). *The Economics of International Security*. London, Palgrave Macmillan, 168–182. https://doi.org/10.1007/978-1-349-23695-4_16
- Boklan, D.S., Absaliamov, V.V. & Kurnosov, Yu.S. (2018) Are restrictive measures and countermeasures justifiable by WTO security exceptions: objective or subjective approach? Responsibility in international law. *Moscow Journal of International Law*. (3), 18–29. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-3-18-29> (in Russian).
Боклан Д.С. Абсалимов В.В., Курновосов Ю.С. Могут ли антироссийские «санкции» и российские ответные меры быть оправданы в рамках ВТО соображениями безопасности: объективный или субъективный подход? // Московский журнал международного права. 2018. № 3. С. 18–29. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-3-18-29>
- Cleveland, S.H. (2001) Norm Internalization and U.S. Economic Sanctions. *The Yale Journal of International Law*. 26(1). Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/84123266.pdf>
- Douhan, A.F. (2020) Negative impact of unilateral sanctions on the enjoyment of human rights in the COVID-19 pandemic. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. (2), 78–85.
- Dovgan, E.F. (2009) *The principle of non-interference in the internal affairs of states: Modern trends*. Minsk, Law and Economics Publ. (in Russian).
Довгань Е.Ф. Принцип невмешательства во внутренние дела государств: современные тенденции. Минск, Право и экономика, 2009. 359с.
- Dudin, M.N., Frolova, E.E., Kovalev, S.I., Ermakova, E.P. & Kirsanov, A.N. (2017) Migration processes in the context of political collisions: factors and social and economic consequences. *Journal of Applied Economic Sciences*. Vol. XII, 1(47), 85–94.
- Ermakova, E.P. (2023) When the “pro-arbitration” policy of the United States becomes aggressive. *Eurasian Law Journal*. 5(180), 77–80. (in Russian).
Ермакова Е.П. Когда «проарбитражная» практика США становится агрессивной // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5(180). С. 77–80.
- Gudkov, I. & Mizulin, N. (2014) “Sanctions war” of the EU and Russia in the light of the WTO law. *WTO law*. (2), 46–52. (in Russian).
Гудков И., Мизулин Н. «Санкционная война» ЕС и России в свете права ВТО // Право ВТО. 2014. № 2. С. 46–52.
- Herdegen, M. (2013) *Principles of International Economic Law*. Oxford, Oxford University Press.
- Kern, A. (2009) *Economic Sanctions: Law and Public Policy*. London, Palgrave Macmillan.
- Keshner, M.V. (2015) *Economic sanctions in modern international law: Monograph*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. 179 с.
- Marinich, S.V. (1989) *Economic sanctions in international law*: Diss. of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Lomonosov Moscow State University. (in Russian).

- Маринич С.В.* Экономические санкции в международном праве: диссертация ... кандидата юрид. наук. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1989. 227 с.
- McLean, E.V. (2021) Economic Coercion. In: Pevehouse, Jon C.W. & Seabrooke, L. (eds.). *The Oxford Handbook of International Political Economy*. Oxford, Oxford University Press.
- Mikhailiova, T.N. (2022). Sanctions, the World Trade Organisation and the Eurasian Economic Union: examining the legal interrelationships. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. (2), 23–30. <https://doi.org/10.33581/2521-6848-2022-2-23-30>
- Neshataeva, T.N. (1992) *Sanctions of the UN system. International legal aspect*. Irkutsk, Irkutsk University Publishing House. (in Russian).
- Нешатаева Т.Н.* Санкции системы ООН. Международно-правовой аспект. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1992. 107 с.
- Oxman, B. (2007) Jurisdiction of States. In: Wolfrum, R. (ed.). *The Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford University Press. pp. 546–556.
- Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Digital disputes in the new legal reality. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 695–704. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>
- Travina, L.A. & Katushenko, S.A. (2016) Legitimacy of anti-Russia sanctions and response measures within the membership in the WTO. *Actual Problems of Economics and Law*. 10(4), 166–175. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.4.166-175> (in Russian).
- Травина Л.А., Камушенко С.А.* Правомерность антироссийских санкций и ответных мер в рамках членства во Всемирной торговой организации // Актуальные проблемы экономики и права 2016. Т.10. № 4. С. 166–175. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.4.166-175>
- Tunkin, G.I. (1970) *Theory of International Law*. Moscow, International Relations Publ. (in Russian).
- Тункин Г.И.* Теория международного права. М.: Межд. отн., 1970. 511 с.
- Tserova, E.A. (2022) Unprecedented law: protecting the Russian financial system against the impact of sanctions. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 655–677. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677> (in Russian).
- Церова Е.А.* Беспрецедентное право: защита российской финансовой системы от влияния санкций // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 655–677. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677>
- Shneyer, P.A. & Barta, V. (1981) The Legality of the U.S. Economic Blockade of Cuba under International Law. *Case Western Reserve Journal of International Law*. 13(3), 452–482.
- Smeets, M. (2018) Can economic sanctions be effective? World Trade Organization (WTO), Geneva. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201803_e.pdf (дата обращения: 12.11.2023).
- Zhdanov, Yu.N. (1999) Coercive measures in international law: Diss. of Doctor of Legal Sciences. Moscow. (in Russian).
- Жданов Ю.Н.* Принудительные меры в международном праве: диссертация доктора юрид. наук. Москва, 1999. 258 с.

Сведения об авторах:

Михалёва Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры евразийских исследований, Белорусский государственный университет (БГУ); 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 20; доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-3729-7624

e-mail: MikhailiovaT@bsu.by; mikhaleva-tn@rudn.ru

Фролова Евгения Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор кафедры международного публичного и частного права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет; 690922, Российская Федерация, г. Владивосток, о-в Русский, п-ов Аякс, д. 10

ORCID ID: 0000-0002-1852-0085, Scopus Author ID: 56439998700, SPIN-код: 5471-0740, Researcher ID C-8278-2015

e-mail: frolova-ee@rudn.ru

About the authors:

Tatsiana N. Mikhailiova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Eurasian Studies, Belarusian State University (BSU); 20 Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus; Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-3729-7624

e-mail: MikhailiovaT@bsu.by; mikhaleva-tn@rudn.ru

Evgenia E. Frolova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Full Professor of the Department of International Public and Private Law, Far Eastern Federal University; 10, Ajax Bay, Vladivostok, Russky Island, 690922, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-1852-0085, Scopus Author ID: 56439998700, SPIN-code: 5471-0740, Researcher ID C-8278-2015

e-mail: frolova-ee@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-145-162>
EDN: RGPPNF

Научная статья / Research Article

Правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенной супругами в период брака, при жизни супругов и после смерти одного из супругов

Н.В. Козлова , С.Ю. Филиппова

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
 filippovasy@yandex.ru

Аннотация. Авторы анализируют правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенной в период брака, а также юридическую судьбу этой доли в случае смерти одного из супругов. Приобретение доли является основанием приобретения корпоративных прав участия в данном обществе. Поскольку правовой режим совместной собственности предполагает обладание имуществом без определения долей каждого сособственника, вне зависимости от того, кто из супругов зарегистрирован в ЕГРЮЛ, участниками общества являются оба супруга, рассматриваемые как один субъект (правоотношение со множественностью лиц). Любой из собственников имеет право действовать при реализации общих корпоративных прав как управомоченное лицо, формируя единую волю. Приращения, полученные от обладания долей (доходы), поступают в общую собственность. После смерти супруга происходит трансформация общей совместной собственности в индивидуальную собственность пережившего супруга, в которую поступает $\frac{1}{2}$ часть общего имущества супругов. Вторая половина общего имущества считается принадлежавшей умершему супругу, а потому включается в наследственную массу и переходит в порядке наследственного правопреемства. Трансформация общей совместной собственности в индивидуальную собственность пережившего супруга не является переходом, поскольку в данном случае не происходит прекращение права собственности пережившего супруга. К такой трансформации не подлежат применению правила, регулирующие переход доли в уставном капитале общества к третьим лицам. Доля в уставном капитале представляет собой неделимое имущество, а потому юридическая судьба доли едина.

Ключевые слова: доля в уставном капитале, общество с ограниченной ответственностью, общая собственность, общая совместная собственность супругов, переживший супруг, наследование доли, участник общества с ограниченной ответственностью, приобретение корпоративных прав

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство (каждый из автор внес вклад в размере 50 %).

Благодарности. Статья подготовлена с использованием СПС «Консультант Плюс» и «Гарант». Нормативные правовые акты приводятся по состоянию на 01 апреля 2023 г.

© Козлова Н.В., Филиппова С.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 10 апреля 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенной супругами в период брака, при жизни супругов и после смерти одного из супругов // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 145–162. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-145-162>

The legal regime of the share in the authorized capital of a limited liability company acquired by spouses during marriage, during the life of the spouses and after the death of one of the spouses

Natalia V. Kozlova , Sophia Yu. Filippova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 filippovasy@yandex.ru

Abstract. The authors analyze the legal regime of a share in the authorized capital of a limited liability company acquired during marriage, as well as the legal fate of this share in the event of death of one of the spouses. Acquisition of a share is basic for acquisition of corporate rights to participate in the company. Since the legal regime of joint ownership presupposes the ownership of property without determining the shares of each co-owner, regardless of which spouse is registered in the Unified State Register of Legal Entities, both spouses are members of the company and considered as one subject (legal relationship with multiple persons). Any of the co-owners has the right to act in exercising general corporate rights as an authorized person, forming a single will. Increments received from owning shares (income) go into the common property. After the death of a spouse, the common joint property is transformed into the individual property of the surviving spouse, who receives ½ of the common property of the spouses. The second half of the common property is considered to belong to the deceased spouse, and therefore is included in the inheritance mass and undergoes through the procedure of hereditary succession. The transformation of common joint property into the individual property of the surviving spouse is not a transfer, since in this case there is no termination of the surviving spouse's property rights. The rules governing the transfer of a share in the authorized capital of the company to third parties are not applicable to such transformation. A share in the authorized capital is an indivisible property, and therefore the legal fate of the share is the same.

Key words: share in the authorized capital, limited liability company, common property, common joint property of spouses, surviving spouse, inheritance of a share, participant in a limited liability company, acquisition of corporate rights

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: undivided co-authorship (each author contributed 50%).

Gratitude. The article was prepared using the ATP “Consultant Plus” and “Garant”. Regulatory legal acts are given as of 1st April 2023.

Received: 10th April 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Kozlova, N.V., Filippova, S.Yu. (2024) The legal regime of the share in the authorized capital of a limited liability company acquired by spouses during marriage, during the life of the spouses and after the death of one of the spouses. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 145–162. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-145-162>

Введение

Согласно п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ¹ к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. *В силу буквального толкования приведенного положения закона это значит, что если в период брака за счет общих доходов приобретена доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, то она включается в состав общего имущества супругов.*

Согласно п. 1 ст. 87 Гражданского кодекса РФ² обществом с ограниченной ответственностью признается хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли. Согласно п. 1 ст. 66 ГК РФ 1994 г. хозяйственными обществами признаются корпоративные коммерческие организации с разделенным на доли учредителей (участников) уставным капиталом. В соответствии с п. 1 ст. 65.1 ГК РФ хозяйственное общество является корпоративным юридическим лицом (корпорацией). О природе юридического лица существует длительная научная дискуссия³, в ходе которой к консенсусу юридическая наука не пришла, что, однако, не мешает участию юридических лиц в гражданском обороте, приобретению долей участия в уставном капитале корпоративных юридических лиц супругами.

Согласно п. 2 ст. 65.1 ГК РФ в связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ.

В юридической литературе под участием предлагают понимать комплекс связей участников корпорации с самой корпорацией, что проявляется в наличии у них субъективных прав и обязанностей, являющихся элементами содержания правоотношения участия (Lomakin, 2008).

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16. Далее – СК РФ.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Далее – ГК РФ.

³ См. об этой дискуссии см.: (Elyashevich, 2000).

Встает вопрос о том, как соотносятся между собой доля в уставном капитале, с одной стороны, и участие в корпоративном юридическом лице – с другой. О природе доли в уставном капитале авторы настоящей работы написали монографию и несколько статей, поэтому детальное обоснование природы доли в рамках настоящей статьи не входит в задачи автором, между тем в дискуссии о природе доли высказан ряд точек зрения о том, что доля – это имущество, имущественный комплекс, бестелесная вещь и пр⁴.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества.

Участником общества с ограниченной ответственностью является лицо, обладающее долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Таким образом, обладание долей является основанием приобретения правомочий участника общества с ограниченной ответственностью.

Как указал Конституционный суд РФ, правовое положение общества с ограниченной ответственностью, порядок создания, реорганизации и ликвидации, а также права и обязанности его участников урегулированы в соответствии с ГК РФ (ст. 87–94), Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁵. Так, обществом с ограниченной ответственностью признается созданное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале общества (п. 1 ст. 2 Закона об ООО). Объем прав, принадлежащих конкретному участнику общества с ограниченной ответственностью, определяется размером его доли в уставном капитале данного общества. В силу ст. 8 Закона об ООО участники общества вправе участвовать в управлении делами общества, получать информацию о деятельности общества, принимать участие в распределении прибыли; продать или осуществить отчуждение иным образом своей доли или части доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам данного общества либо другому лицу, выйти из общества путем отчуждения своей доли обществу, если такая возможность предусмотрена уставом общества, получить в случае ликвидации общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость; участники общества имеют также другие права, предусмотренные Законом об ООО и уставом общества⁶.

В юридической литературе отмечается, что статус участника общества с ограниченной ответственностью приобретает с момента подписания договора о создании общества или с момента правопреемства и *получает силу для третьих лиц* с момента государственной регистрации изменений, внесенных в учредительные документы (Sukhanov, 2017; Pakhman, 2003; Gribanov, 2000). Иначе говоря,

⁴ Подробнее об этой дискуссии см.: (Wolf, 1923; Rosenberg, 1912; Gongalo, 2011; Lomakin, 2008; Pobedonostsev, 2003).

⁵ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785. Далее – Закон об ООО.

⁶ См.: п. 2.1 Определения Конституционного Суда РФ от 6 июня 2019 г. № 1505-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Иванова Андрея Александровича и Николаева Егора Александровича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «Консультант Плюс».

предлагается разграничивать момент приобретения корпоративных прав в правоотношениях между участником корпорации и самой корпорацией, с одной стороны, и момент, с которого об этих отношениях узнают третьи лица. В силу публичности Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ)⁷ именно для третьих лиц запись в реестре имеет значение⁸.

Возникает вопрос о значении регистрации в ЕГРЮЛ для *приобретения прав* участия в обществе с ограниченной ответственностью.

В соответствии с п. 2 ст. 8.1 ГК РФ права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Как указано в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁹, ст. 8.1 ГК РФ содержит основополагающие правила государственной регистрации прав на имущество, подлежащие применению независимо от того, что является объектом регистрации (права на недвижимое имущество, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и др.). Данная норма распространяется на регистрацию в различных реестрах: в Едином государственном реестре недвижимости¹⁰, в Едином государственном реестре юридических лиц и др. Таким образом, суды исходят из распространения положений ст. 8.1 ГК РФ также на отношения по регистрации прав на доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Согласно подп. д) п. 1 ст. 5 Закона о государственной регистрации юридических лиц в ЕГРЮЛ содержатся следующие сведения о юридическом лице, в частности, сведения об учредителях или участниках юридического лица в соответствии со ст. 65.1 ГК РФ, в том числе в отношении общества с ограниченной ответственностью сведения: о размерах и номинальной стоимости доли в уставном капитале общества, принадлежащей каждому участнику и обществу; о передаче доли или ее части в залог или об ином их обременении; о передаче доли или ее части (в том числе доли, переходящей в порядке наследования) в доверительное управление и о доверительном управляющем долей или ее частью; в отношении акционерного общества – сведения о том, что общество состоит из единственного участника (акционера); сведения о таком участнике; сведения о держателе реестра акционеров общества.

Цель ведения государственного реестра указана в п. 2 ст. 51 ГК РФ: данные государственной регистрации включаются в единый государственный реестр юридических лиц, открытый для *всеобщего ознакомления*. Лицо, добросовестно полагающееся на данные единого государственного реестра юридических лиц, вправе исходить из того, что эти данные соответствуют действительным обстоятельствам. Юридическое лицо не вправе в отношениях с лицом, полагавшимся на данные единого государственного реестра юридических лиц, ссылаться на данные, не включенные в

⁷ См.: ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33. Ч. I. Ст. 3431. Далее – Закон о государственной регистрации юридических лиц.

⁸ См. об этом напр.: (Pahomova, 2005:104).

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29. Ч. I. Ст. 4344.

указанный реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем, за исключением случаев, если соответствующие данные включены в указанный реестр в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица.

Таким образом, внесенные в ЕГРЮЛ сведения об участнике общества с ограниченной ответственностью представляют собой часть сведений о юридическом лице, призванные информировать третьих лиц о статусе данного юридического лица.

Исходя из правовой позиции Верховного Суда РФ, по смыслу статьи 8.1 ГК РФ, п. 12 ст. 21 Закона об ООО, ст. 17 Закона о государственной регистрации юридических лиц, *переход доли в уставном капитале общества подлежит государственной регистрации.*

Как видим, в едином государственном реестре юридических лиц регистрируется принадлежность доли в уставном капитале определенному лицу. Для третьих лиц включение соответствующей записи в ЕГРЮЛ является надлежащим подтверждением принадлежности доли данному лицу. Лицо, включенное в ЕГРЮЛ в качестве участника общества с ограниченной ответственностью, имеет полномочия участника, установленные законом и уставом общества, в объеме, соразмерном величине доли данного участника в уставном капитале общества.

Возникает вопрос, можно ли однозначно применять указанные нормы к отношениям, когда доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью была приобретена супругами в период брака и находится в их общей совместной собственности.

Специфика режима общей совместной собственности супругов

Если участником общества является гражданин, состоящий в браке, необходимо учитывать специфику режима общей совместной собственности супругов. Как следует из п. 2 ст. 34 СК РФ, правовой режим имущества супругов не зависит от того, на имя кого из супругов приобретено имущество, на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. Это находит подтверждение в судебной практике. Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»¹¹ общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу, является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое может быть объектом права собственности граждан, *независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено* или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Супруг приобретает право на имущество, подлежащее государственной регистрации, с момента, когда такое право будет зарегистрировано на любого из супругов. Это значит, что с момента, когда право на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью зарегистрировано в ЕГРЮЛ как принадлежащее одному из супругов, *доля, приобретенная за счет общих доходов супругов, становится принадлежащей на праве общей совместной собственности обоим супругам, если иной режим не установлен брачным договором между ними.*

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

В литературе иногда отмечают, что правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объекта прав определяется *корпоративным законодательством*, наделяющим исключительно участника общества с ограниченной ответственностью «правом участия», независимо от его семейного положения (Chashkova, 2018). Представляется, что такой вывод является теоретически необоснованным.

Принадлежность супругам доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью на праве общей совместной собственности означает, что владение, пользование и распоряжение этой долей супруги осуществляют сообща, причем действия любого из супругов по осуществлению совместного права рассматриваются как действия уполномоченного лица. В этом состоит сущность права совместной собственности как абсолютного вещного права, принадлежащего обоим супругам одновременно на одно и то же имущество, в равной мере, без определения долей (Genkin, 1961; Sklovsky, 2008; Sinaisky, 1917; Reichel, 1940). Реализуя права участия в обществе с ограниченной ответственностью, супруг действует, надлежаще реализуя общее правомочие пользования, то есть извлечения полезных свойств из доли. Все доходы, полученные от участия в обществе, являются *общими доходами*. Все долги, в том числе обязанность внесения вкладов в имущество общества в порядке, установленном ст. 27 Закона об ООО, являются *общими долгами*.

Как отмечается в литературе, «участники общества в принципе не могут воспротивиться приобретению бывшим супругом доли участия. Логика данного подхода такова: раз доля в уставном капитале общества ранее находилась в совместной собственности, то независимо от того, что такая доля формально была записана за одним из бывших супругов, другой также обладал правом на нее (п. 2 ст. 34, п. 1 ст. 35 СК РФ); значит, поскольку такой супруг ранее обладал правом на долю (в составе общей совместной собственности), участники не могут отказать ему во вступлении в общество, ведь он и прежде как бы являлся его участником. При таком подходе требование согласия в отношении вступления бывших супругов в общество в принципе не может быть предусмотрено уставом» (Bershitskiy, 2021).

Это находит подтверждение и в правовых позициях Верховного Суда РФ. Так, при рассмотрении вопроса о включении в состав участников общества бывшего супруга после раздела имущества супругов Верховный Суд РФ указал, что ст. 21 Закона об ООО регулирует отношения, возникающие в связи с совершением участником общества гражданско-правовых сделок (покупка или продажа доли, уступка доли или части доли участникам общества или третьим лицам), и они не могут быть применены к отношениям, возникающим по поводу перехода доли к супругу, не являющемуся членом общества, в случае раздела общего имущества супругов. Эти отношения, в свою очередь, прямо не урегулированы данным Федеральным законом. Исходя из правовой позиции Верховного Суда РФ, из содержания ст. 21 Закона об ООО следует, что возможность перехода права на долю в уставном капитале от участников общества к третьим лицам в порядке правопреемства или на законном основании не предполагает получения согласия других участников общества или общества¹². Несмотря на то, что трансформация права совместной собственности в индивидуальную собственность супруга не является переходом, и в этой части позиция Верховного Суда РФ не вполне корректно отражает структуру правоотношения, Верховным судом РФ совершенно справедливо отмечена иная, по отношению

¹² См.: Определение Верховного Суда РФ от 03.06.2014 № 5-КГ14-9 // СПС «КонсультантПлюс».

к переходу по сделке, в смысле ст. 21 Закона об ООО, природа раздела совместной собственности супругов.

Указанная природа трансформации права общей совместной собственности супругов в индивидуальное право собственности пережившего супруга, а также понимание существа правоотношений совместной собственности супругов, в которых происходила реализация одним из супругов общих прав на участие в обществе не позволяет согласиться с иногда высказываемой в литературе позицией о том, что переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью к одному из супругов в результате выдела доли из совместно нажитого имущества не влечет автоматически приобретение статуса участника общества»¹³.

Отметим, что такой подход иногда находит отражение и в судебной практике. Так, при рассмотрении одного из споров Верховный Суд РФ указал, что в случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества, отчуждение долей которого третьим лицам ограничено, такой супруг (бывший супруг) получает право обратиться к обществу с требованием о вхождении в состав участников общества¹⁴.

В литературе требование получения согласия пытаются обосновывать политико-правовыми причинами. Во-первых, участникам корпорации безразлично, кто является их партнером по бизнесу. Бывшего супруга прежнего участника они могут не знать, это может быть лицо, враждебно настроенное по отношению к другим участникам или совершенно не смыслящее в предпринимательстве. Во-вторых, в паспорте может отсутствовать отметка о заключении брака, а справка об отсутствии брака не отражает семейное положение заявителя со стопроцентной достоверностью. Выяснить наверняка, состоит ли лицо в браке, невозможно. В-третьих, интересы бывшего супруга могут быть сбалансированы правом на получение действительной стоимости доли (Bershitskiy, 2021).

Главная ошибка приведенных рассуждений состоит в том, что трансформация общей совместной собственности супругов в индивидуальную собственность одного супруга квалифицирована как переход. Между тем, как следует из буквального толкования закона и природы отношений совместной собственности супругов, такая трансформация не является переходом. Если доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью приобретена в период брака за счет общих доходов (общего имущества) супругов, эта доля принадлежит обоим супругам на праве общей совместной собственности. При этом регистрация одного из супругов в качестве участника общества не влияет на правовой режим имущества супругов и принадлежность доли обоим супругам на праве общей совместной собственности.

В связи с этим нет оснований для запроса согласия участников общества. Что касается приведенных политико-правовых обоснований, риск того, что один из участников общества состоит в браке или вступит в брак в период участия в обществе, расторгнет такой брак, является нормальным риском, обычным для гражданского оборота. Вступая в любые правоотношения с дееспособным физическим лицом, необходимо учитывать потенциальную возможность наличия у этого лица

¹³ См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2022 № 12АП-8970/21 по делу № А06-15095/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2021 N 305-ЭС20-22249 по делу № А40-324092/2019 // СПС «Консультант Плюс».

брачного правоотношения в настоящем или будущем. Если субъекта смущает возможность существования у его потенциального контрагента супруга, ему вообще не следует вступать в правовые отношения с физическими лицами, а выбирать в качестве партнеров иных субъектов гражданского оборота. Например, Российская Федерация, которая также может быть участником общества с ограниченной ответственностью, никогда не вступит в брак, не будет реорганизована либо ликвидирована, после нее не откроется наследство, ее не признают недееспособной либо безвестно отсутствующей. Между тем большинство граждан вступают в брак, любое физическое лицо смертно.

Реализация прав участника одним из супругов-сособственников осуществляется в рамках нормальной реализации их права общей совместной собственности на имущество. Согласно п. 1 ст. 35 СК РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов. В соответствии с п. 2 ст. 35 СК РФ при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Таким образом, реализация корпоративных прав одним из супругов представляет собой осуществление правомочий собственника (прежде всего пользования, то есть извлечения полезных свойств) в отношении совместного имущества в рамках презумпции согласия второго супруга.

Находясь на стороне управомоченного лица в общей совместной собственности, супруги представляют собой фикцию единого субъекта, который должен выражать одну волю.

Поэтому одновременная реализация обоими супругами права на участие в управлении обществом невозможна. В отличие от общей долевой собственности, где каждый сособственник имеет право на идеальную долю в праве собственности, которой соответствует определенный объем правомочий, пропорциональный размеру доли, в общей совместной собственности нет подобного определения идеальных долей. Поэтому невозможно допустить одновременное выражение воли двумя лицами. Реализовывать правомочия участия, следующие за принадлежностью доли супругам, одновременно может только одно лицо.

Исходя из обозначенной функции информирования третьих лиц, которую выполняет ЕГРЮЛ, включение в ЕГРЮЛ одного из супругов в качестве лица, на имя которого зарегистрирована принадлежность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, означает, что супруги пришли к соглашению, что в правоотношениях по поводу реализации прав в отношении конкретного общества с ограниченной ответственностью для третьих лиц правомочия реализует лицо, включенное в ЕГРЮЛ.

Таким образом, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенная в период брака за счет общих доходов (общего имущества) супругов, принадлежит супругам на праве общей совместной собственности, если иной правовой режим этой доли в уставном капитале общества не определен брачным договором, независимо от того, кто из супругов указан в ЕГРЮЛ как обладатель доли. В отношении такой доли в уставном капитале общества каждый из супругов имеет полное господство, без определения их долей в праве на эту долю в уставном капитале. Полезные свойства, приращения, извлекаемые из обладания такой долей в уставном капитале общества, являются общими доходами супругов. Долги,

связанные с обладанием долей в уставном капитале общества, являются общими долгами супругов.

Поскольку одновременная реализация права на участие в управление и других неимущественных прав участника общества с ограниченной ответственностью невозможна, их реализует только один из супругов, действия которого рассматриваются как действия обоих супругов. Для информирования общества и третьих лиц о том, кто из супругов имеет право реализовывать общие неделимые правомочия участника, в ЕГРЮЛ включается один из супругов-сособственников, который уполномочен на реализацию неделимых неимущественных прав участника общества.

К сожалению, любой, даже самый крепкий брак, неизбежно прекратится со смертью одного из супругов. Возникает вопрос о судьбе доли в уставном капитале общества после смерти одного из супругов.

Согласно Методическим рекомендациям по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью»¹⁵, различается порядок оформления наследственных прав и прав пережившего супруга на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Как указано в п. 2.9 Методических рекомендаций, в соответствии с п. 2 ст. 34 СК РФ доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, если она внесена в период брака, является по общему правилу совместной собственностью супругов. Принадлежащее пережившему супругу право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого в браке с наследодателем и являющегося их совместной собственностью (ст. 1150 ГК РФ). Выдача пережившему супругу свидетельства о праве собственности на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью производится на основании ст. 75 Основ законодательства РФ о нотариате¹⁶ с соблюдением норм ст. 34 – 37 СК РФ. При этом необходимо истребовать от пережившего супруга заявление о том, что документы, подтверждающие принадлежность доли одному из супругов и приобретение доли в период брака по возмездному основанию, и заявление о том, что режим совместной собственности супругов на долю в уставном капитале общества не был изменен брачным договором.

Переживший супруг (супруга) участника общества с ограниченной ответственностью, получивший свидетельство о праве собственности на (одну вторую) долю нажитого в браке имущества, состоящего из доли в уставном капитале общества, имеет обязательственные права по отношению к обществу с ограниченной ответственностью, но не приобретает права участника общества в полном объеме (включая организационные). Решение вопроса о возможности перехода к нему доли в уставном капитале общества, как совокупности имущественных (обязательственных) и неимущественных (организационных) прав, зависит от получения согласия на такой переход от остальных участников и/или самого общества, если необходимость такого согласия предусмотрена уставом общества.

¹⁵ См.: Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утверждены на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28–29.05.2010) // Нотариальный вестник. 2011. № 2. Далее – Методические рекомендации.

¹⁶ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утверждены ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357. Далее – Основы законодательства о нотариате.

В случае отказа участника (участников) в выдаче согласия на переход доли в уставном капитале общества к пережившему супругу последнему должна быть выплачена действительная стоимость половины доли в уставном капитале, принадлежавшей умершему супругу.

Не вполне ясно, о чем конкретно идет речь в приведенных положениях Методических рекомендаций. Складывается впечатление, что смешиваются два разнородных явления: 1) трансформация общей собственности в индивидуальную собственность в связи с выбытием одного из собственников; 2) переход доли по наследству.

Между тем буквальное толкование закона позволяет сделать иной вывод. Согласно ст. 75 Основ законодательства о нотариате в случае смерти одного из супругов свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов выдается нотариусом по месту открытия наследства по письменному заявлению пережившего супруга с извещением наследников, принявших наследство. Свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов может быть выдано пережившему супругу на половину общего имущества, нажитого во время брака.

Смерть супруга, включенного в ЕГРЮЛ, не может лишать другого собственника права на их общее имущество. Как следует из ст. 1150 ГК РФ, принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона *право наследования не уменьшает его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью*. Доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со статьей 256 ГК РФ, входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными ГК РФ.

Таким образом, после смерти супруга *право общей совместной собственности прекращается*. Согласно п. 4 ст. 256 ГК РФ в случае смерти одного из супругов пережившему супругу *принадлежит доля* в праве на общее имущество супругов, равная одной второй, если иной размер доли не был определен брачным договором, совместным завещанием супругов, наследственным договором или решением суда.

Из буквального толкования этих положений следует, что принадлежность пережившему супругу части (1/2) имущества, принадлежавшего супругам при жизни умершего супруга на праве общей совместной собственности, является законным правовым последствием смерти супруга, которое не является переходом имущества к новому собственнику. *В данном случае имеет место трансформация общей совместной собственности супругов в индивидуальную собственность пережившего супруга. Моментом такой трансформации является момент смерти супруга-сособственника.*

Вторая половина имущества поступает в наследственную массу, ее режим определяется на основании положений ГК РФ о наследовании. Если в эту наследственную массу входит доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, наследование указанной доли в уставном капитале общества осуществляется с учетом ст. 1176 ГК РФ, ст. 21 Закона об ООО, а также положений устава данного хозяйственного общества.

В литературе высказана обоснованная позиция, что доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью для целей их раздела должны признаваться *едиными неделимыми объектами* (Egorov, 2020:281–284).

Это объясняется следующим образом: если у супруга есть доля в 51 % в обществе с ограниченной ответственностью, то при разделе его имущества она должна входить в (расчетное) общее имущество. Делить ее на две доли по 25,5 % было бы категорически неверно. В случае продажи доля должна продаваться целиком, а вырученные за нее деньги должны делиться пропорционально размеру долей супругов.

Эта идея особенно актуальна для общей долевой собственности. Однако в России раздел совместной собственности протекает в два этапа: на первом этапе определяются доли супругов, их совместная собственность трансформируется в долевую. На втором этапе происходит раздел имущества по правилам о долевой собственности. Поэтому проблемы режима общей долевой собственности проявляются применительно к режиму общей совместной собственности.

А.В. Егоров полагает, что правильный механизм раздела должен быть таким. Если речь идет о режиме отложенной общности, пакет акций (долей) остается у того супруга, на которого он оформлен. Если совокупное сальдо долгов и пассивов показывает, что прирост этого супруга больше прироста имущества второго супруга, этот супруг уплачивает второму соответствующую денежную компенсацию. Если он откажется производить такую выплату, взыскание может быть обращено на принадлежащий ему пакет акций. В модели совместной собственности при разделе имущества верным будет либо продавать пакет акций (причем покупателем может выступить супруг-акционер, и тогда второму супругу достанется половина стоимости акций), либо сохранять его за тем же супругом с выплатой другому супругу компенсации. Главное, чтобы выплата была гарантированной. С экономической точки зрения оба варианта должны приводить к близким результатам. Если у супругов несколько пакетов корпоративных прав в разных юридических лицах, раздел может проходить по описанной выше модели или с распределением названных пакетов между супругами (без разбиения пакетов на части) с соответствующей доплатой, определяемой расчетным путем (Egorov, 2020:282).

По смыслу ст. 133 ГК РФ, исходя из теории гражданского права, неделимый объект представляют собой объект, раздел которого в натуре невозможен без его разрушения, повреждения или изменения его назначения. Такие объекты в обороте выступают как единый объект прав.

Именно по такому пути часто идет судебная практика, *не дробя доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью на части при разделе общего имущества супругов, а передавая их одному из супругов, который должен выплатить другому супругу половину стоимости полученной в натуре доли в уставном капитале общества.*

Аналогичных правил следует придерживаться в случае смерти лица, состоящего в браке.

При трансформации общей совместной собственности супругов в долевую собственность с определением доли пережившего супруга в виде 1/2 общего имущества супругов речь идет об идеальных долях. Какое именно имущество будет включено в ту или другую половину имущества, должно определяться по основаниям и в порядке, установленном ст. 75 Основ законодательства о нотариате, согласно которой в случае смерти одного из супругов свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов выдается нотариусом по месту открытия наследства по письменному заявлению пережившего супруга с извещением наследников, принявших наследство.

Свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов может быть выдано пережившему супругу на половину общего имущества, нажитого во время брака.

Дальнейшая судьба доли зависит от того, отнесена ли она к супружеской доле (то есть включена либо в половину общего имущества супругов, которая остается принадлежащей пережившему супругу) либо в наследственную массу (то есть включена в половину общего имущества супругов, которая принадлежала умершему супругу).

Если доля в уставном капитале признана принадлежащей пережившему супругу, *он продолжает оставаться обладателем права на долю*. Его право совместной собственности трансформируется в право индивидуальной собственности (Zimeleva, 2009). Никакого перехода права при этом не происходит. Чтобы уведомить третьих лиц и общество о том, что права участия отныне будет реализовывать переживший супруг, в ЕГРЮЛ должна быть внесена соответствующая информация. Такое изменение в ЕГРЮЛ вносится на основании заявления в порядке, установленном ст. 18 Закона о государственной регистрации юридических лиц.

Положения п. 1 ст. 21 Закона об ООО регулируют *переход* доли или части доли в уставном капитале общества к одному или нескольким участникам данного общества либо к третьим лицам, который осуществляется на основании сделки, в порядке правопреемства или на ином законном основании. Поскольку при трансформации права общей совместной собственности супругов в право личной собственности в случае смерти супруга *не происходит перехода доли или части доли к другому лицу*, то положения ст. 21 Закона об ООО к данным отношениям не применяются. При этом согласно п. 2 ст. 31.1 Закона об ООО лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа общества, если иной орган не предусмотрен уставом общества, обеспечивает соответствие сведений об участниках общества и о принадлежащих им долях (частях долей) в уставном капитале общества, о долях (частях долей), принадлежащих обществу, сведениям, содержащимся в ЕГРЮЛ, и нотариально удостоверенным сделкам по переходу долей в уставном капитале общества, о которых стало известно обществу. Обнаружив в ЕГРЮЛ сведения о принадлежности доли супругу умершего участника, единоличный исполнительный орган обязан в установленном порядке внести соответствующие сведения в список участников общества, который он ведет, а также обеспечить условия для реализации корпоративных прав лицом, включенным в ЕГРЮЛ (супругом умершего участника).

Таким образом, трансформация общей совместной собственности супругов на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в индивидуальное право собственности на указанную долю в уставном капитале в связи с включением доли в уставном капитале в супружескую долю пережившего супруга не является переходом права на долю к другому лицу. Поэтому порядок, установленный ст. 21 Закона об ООО о переходе прав на долю к другим лицам, к такой трансформации не применяется. Включение в ЕГРЮЛ сведений о супруге как участнике происходит на основании нотариального свидетельства о праве собственности пережившего супруга, включающего указание на данную долю в уставном капитале. Согласие участников общества, указанное в уставе общества для перехода доли в уставном капитале общества к третьим лицам, в данном случае не требуется.

Если доля в уставном капитале общества отнесена к половине общего имущества супругов, которая принадлежала умершему участнику и была включена в наследственную массу, то порядок вступления в состав участников общества наследников умершего участника регулируется по правилам о наследовании долей в уставном капитале общества. Согласно п. 1 ст. 1176 ГК РФ в состав наследства участника общества с ограниченной ответственностью входит доля этого участника в уставном капитале соответствующего общества.

Если в соответствии с ГК РФ, другими законами или учредительными документами хозяйственного общества для перехода к наследнику доли в уставном капитале хозяйственного общества требуется согласие остальных участников общества и в таком согласии наследнику отказано, он вправе получить от хозяйственного общества действительную стоимость унаследованной доли в уставном капитале общества в порядке, предусмотренном применительно к указанному случаю правилами ГК РФ, других законов или учредительными документами соответствующего юридического лица.

Согласно п. 8 ст. 21 Закона об ООО доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью. Уставом общества может быть предусмотрено, что переход доли в уставном капитале общества к наследникам и правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, передача доли, принадлежавшей ликвидированному юридическому лицу, его учредителям (участникам), имеющим вещные права на его имущество или обязательственные права в отношении этого юридического лица, допускаются только с согласия остальных участников общества. Уставом общества может быть предусмотрен различный порядок получения согласия участников общества на переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьим лицам в зависимости от оснований такого перехода.

Согласно п. 66 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹⁷ в состав наследства участника общества с ограниченной ответственностью входит доля этого участника в уставном капитале соответствующего общества. Для получения свидетельства о праве на наследство, в состав которого входит доля этого участника в уставном капитале общества, согласие участников соответствующего общества не требуется.

Свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля в уставном капитале общества, является основанием для постановки вопроса об участии наследника в соответствующем обществе или о получении наследником от соответствующего общества действительной стоимости унаследованной доли в уставном капитале общества либо соответствующей ей части имущества, который разрешается в соответствии с ГК РФ, другими законами или учредительными документами хозяйственного общества.

Таким образом, если доля в уставном капитале (как неделимый объект) включена в наследственную массу, то она переходит по наследству к наследникам умершего, и далее это является основанием для решения вопроса о приобретении корпоративных прав наследниками в соответствии с законом и положениями устава общества с ограниченной ответственностью.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

Заключение

Являясь развитием института подворной (семейной) собственности крестьянского двора, который рассматривался как часть института личной собственности, право совместной собственности супругов основывается на единстве (неделимости) права собственности, принадлежности имущества одновременно обоим супругам, когда каждый из них обладает всей полнотой права собственности, может распоряжаться общим имуществом. Для внешнего мира супруги рассматриваются как единый собственник. Структура этого правоотношения представляет собой абсолютное право собственности, где управомоченное лицо образовано множественностью лиц (супругами).

Трансформация права совместной собственности супругов в право долевой собственности, где $\frac{1}{2}$ доли в праве на имущество принадлежит пережившему супругу и $\frac{1}{2}$ доли в праве на имущество поступает в наследственную массу, не является переходом права на имущество.

Поскольку право общей совместной собственности основано на личной связи между супругами, смерть супруга прекращает право общей совместной собственности на имущество, нажитое в период брака, право пережившего супруга в случае смерти супруга на $\frac{1}{2}$ долю в общем имуществе супругов представляет собой трансформацию в силу закона права общей совместной собственности в право общей долевой собственности. Такая трансформация не является переходом права на имущество, а представляет собой изменение содержания права собственности.

Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенная в период брака за счет общих доходов (общего имущества) супругов, принадлежит супругам на праве общей совместной собственности, если иной правовой режим не определен брачным договором, независимо от того, кто из супругов указан в ЕГРЮЛ как обладатель доли. В отношении такой доли каждый из супругов имеет полное господство, без определения долей в праве на эту долю в уставном капитале. Полезные свойства, приращения, извлекаемые из обладания такой долей, являются общими доходами супругов. Долги, связанные с обладанием долей, являются общими долгами супругов.

Поскольку одновременная реализация права на участие в управлении и других неимущественных прав участника общества с ограниченной ответственностью невозможна, их реализует только один из супругов, действия которого рассматриваются как действия обоих супругов. Для информирования общества и третьих лиц о том, кто из супругов имеет право реализовывать общие неделимые правомочия участника, в ЕГРЮЛ включается один из супругов-сособственников, который управомочен на реализацию неделимых неимущественных прав участника.

Трансформация общей совместной собственности на долю в индивидуальное право на долю в связи с включением доли в уставном капитале в супружескую долю пережившего супруга не является переходом права на долю к другому лицу, поэтому порядок, установленный ст. 21 Закона об ООО о переходе прав на долю к другим лицам, к такой трансформации не применяется. Включение в ЕГРЮЛ сведений о супруге как участнике происходит на основании нотариального свидетельства о праве собственности пережившего супруга, включающего указание на данную долю, согласие участников, общества, указанное в уставе общества для перехода доли к третьим лицам в данном случае не требуется.

Если доля в уставном капитале, будучи неделимым объектом, включена в наследственную массу, она переходит по наследству к наследникам умершего. В дальнейшем это является основанием для решения вопроса о приобретении корпоративных прав наследниками в соответствии с законом и положениями устава общества с ограниченной ответственностью.

Правила о принятии в состав участников наследника умершего участника по аналогии закона не подлежат применению к отношениям по трансформации права общей совместной собственности в личную собственность пережившего супруга.

References / Список литературы

- Bershitskiy, E.E. (2021) A Showdown from «Ada»: Judicial Division of marital property as a bargain? Case comment on the Judgment of the Chamber for Economic Disputes of the RF SC No. 305-ЭС20-22249, 6 April 2021. *Herald of economic justice*. (11), 5–31. (in Russian).
Бершицкий Э.Е. Разборки из «Ада»: судебный раздел имущества супругов как сделка? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 5–31.
- Chashkova, S.Yu. (2018) Transfer of a share in the LLC's share capital being a spouses' common property to a surviving spouse. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. (4), 30–36. (in Russian).
Чашкова С.Ю. Переход к пережившему супругу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как общего имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 30–36.
- Egorov, A.V. (2020) Joint property of spouses: at a crossroads. In: ed. Vitryansky, V.V. & Sukhanov, E.A. (eds.). *Civil law of the social state: Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A.L. Makovsky (1930–2020)*. Moscow, Statut Publ. pp. 281–284. (in Russian).
Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 281–284.
- Elyashevich, V.B. (2007) *Selected works on legal entities, objects of civil relations and the organization of their turnover*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Ельяшевич В.Б. Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2007. 490 с.
- Genkin, D.M. (1961) The right of ownership in the USSR. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 221 с.
- Gongalo, B.M. (2011) Share in the authorized capital of a limited liability company as an object of civil turnover. In: *Problems of development of private law: collection of articles for the anniversary of Ema V.S. E.A. Sukhanov, N.V. Kozlova* (eds.). Moscow, Statute Publ. pp. 226–230. (in Russian).
Гонгало Б.М. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права: сборник статей к юбилею В.С. Ема / отв. ред. Е.А. Суханов, Н. В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 226–230.
- Gribanov, V.P. (2000) *Principles of civil rights implementation. Implementation and protection of civil rights*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.
- Lomakin, D. (2008) Shares of participation in the authorized capitals of business companies as special objects of civil turnover. *Economy and law*. (2), 44–57. (in Russian).

- Ломакин Д. Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота // *Хозяйство и право*. 2008. № 2. С. 44–57.
- Pakhman, S.V. (2003) *Customary civil law in Russia*. Tomsinov, V.A. (ed.). Moscow, Zertsalo Publ. (in Russian).
- Пахман С.В. Обычное гражданское право в России / под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 700 с.
- Pahomova, N.N. (2005) Civilistic theory of corporate relations. *Taxes and financial law*. (1), 104. (in Russian).
- Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений // *Налоги и финансовое право*. 2005. № 1. С. 104.
- Pobedonostsev, K.P. (2003) *Course of civil law*. In 3 parts. Part 2. Family, hereditary and testamentary rights. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 частях. Ч. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. М.: Статут, 2003. 637 с.
- Reichel, M.O. (1940) Common property relations of spouses in Soviet law. *The Soviet State and Law*. (8–9), 65–82. (in Russian).
- Рейхель М.О. Общеимущественные отношения супругов в советском праве // *Советское государство и право*. 1940. № 8–9. С. 65–82.
- Rosenberg, V.V. (1912) *Limited Liability Partnership (on the need to introduce this form in Russia)*. Saint Petersburg, Printing house of the periodical publishing house of the Ministry of Finance. (in Russian).
- Розенберг В.В. Товарищество с ограниченной ответственностью (о необходимости введения этой формы в России). СПб.: тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1912. 211 с.
- Sinaisky, V.I. (1917) *Russian civil law*. Issue I. General part. Property law. 2nd ed., amended and expanded. Kiev, typo-lithography Progress Publ. (in Russian).
- Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. I. Общая часть. Вещное право. Авторское право. 2-е изд., испр. и доп. Киев: типо-литография Прогресс, 1917. 258 с.
- Sklovsky, K.I. (2008) *Property in civil law*. 4th ed., reprint, add. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
- Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб., доп. М.: Статут, 2008. 891 с.
- Sukhanov, E.A. (2017) *Property law: Scientific and educational essay*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
- Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
- Wolf, V.Y. (1923) *Preface*. In: Joseph Braude. *Joint-stock companies and partnerships in trade and industry: (a collection of current legislation with a brief commentary and an appendix of a sample charter of a joint-stock company and a general partnership agreement)*. Introduction by V.Yu. Wolf; Supreme Council of National Economy, Petrograd. (in Russian).
- Вольф В.Ю. Предисловие // *Акционерные общества и товарищества в торговле и промышленности: (сборник действующих узаконений с кратким комментарием и приложением примерного устава акц. общества и договора полного товарищества)* / сост. Иосиф Брауде; со вступ. ст. В.Ю. Вольфа; Высш. совет нар. хоз-ва, Отд. ред.-изд. Петроград, 1923. 95 с.
- Zimeleva, M.V. (2009) Common property in Soviet civil law. Part one. *Civil law review*. 9(4), 198–234. (in Russian).
- Зимелева М.В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть первая // *Вестник гражданского права*. 2009. Т. 9. № 4. С. 198–234.

Сведения об авторах:

Козлова Наталья Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

ORCID ID: 0000-0003-3671-6871

e-mail: kozlovanv@mail.ru

Филиппова Софья Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры коммерческого права и основ правоповедения юридического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

ORCID ID: 0000-0001-6377-2137

e-mail: filippovasy@yandex.ru

About the authors:

Natalia V. Kozlova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-3671-6871

e-mail: kozlovanv@mail.ru

Sophia Yu. Filippova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Commercial Law and Fundamentals of Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6377-2137

e-mail: filippovasy@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-163-177>
EDN: RFIZPK

Научная статья / Research Article

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества

В.А. Лаптев

Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
laptev.va@gmail.com

Аннотация. Исследуются вопросы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества. Определяется судебный порядок привлечения к ответственности контролирующих лиц по искам кредиторов общества. Анализируются положения российского законодательства и судебной практики в части оснований привлечения к ответственности по пункту 3.1 статьи 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью. Раскрываются действие данной нормы права во времени и ее сущность, исключая применение конструкции «ограниченной ответственности» участников хозяйственного общества. Приводится обзор правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по рассматриваемой проблематике, в том числе по вопросам круга обязанных (ответственных) лиц и распределения бремени и обстоятельств доказывания. Разделяются отличительные характеристики добросовестного и разумного поведения кредиторов и контролирующих общество лиц, а также соответствующие обстоятельства дела юридические презумпции. Формулируется вывод о признании рассматриваемой субсидиарной ответственности наследованием долгов корпоративной организации. В работе исследуется компетенция суда, рассматривающего споры о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих корпорацию лиц, разделяются корпоративный (по общим правилам искового производства) и банкротный (по правилам группового иска) порядок рассмотрения дела. Дается характеристика правомочий кредиторов, действующих в интересах своего гражданско-правового сообщества. Исследование позволяет обеспечить единообразие судебной практики при толковании применяемых норм права.

Ключевые слова: корпоративная ответственность, субсидиарная ответственность, наследование долгов, общество с ограниченной ответственностью, контролирующие лица, добросовестное поведение, ликвидация общества, исключение общества из реестра

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 30 апреля 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

© Лаптев В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Лантеев В.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 163–177. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-163-177>

Subsidiary liability of controlling persons for obligations of a company excluded from the Unified State Register of Legal Entities

Vasily A. Laptev

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*
laptev.va@gmail.com

Abstract. The paper examines the issues of bringing controlling persons to subsidiary liability for the obligations of a company excluded from the Unified State Register of Legal Entities. The article determines the judicial procedure for holding controlling persons accountable for claims of creditors. It analyzes the provisions of Russian legislation and judicial practice regarding the grounds for prosecution under paragraph 3.1 Article 3 of the Law on Limited Liability Companies. The research reveals the effect of this rule of law over time and its essence, which excludes the use of the construction of limited liability of participants in a business company. An overview of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issues under consideration including the circle of responsible persons, distribution of burden and circumstances of evidence is provided. The paper distinguishes characteristics of good faith and reasonable behavior of creditors and controlling persons as well as legal presumptions corresponding to the circumstance of the case. The conclusion is formulated on the recognition of subsidiary liability by inheritance of debts of a corporate organization. The paper investigates the competence of the court considering disputes on bringing to subsidiary liability of persons controlling a corporation and distinguishes between the corporate (under the general rules of litigation) and bankruptcy (under the rules of class action) proceedings. The characteristics of the powers of creditors acting in the interests of their civil law community are given. The research allows to ensure uniformity of judicial practice at interpreting the applicable rules of law.

Key words: corporate liability, subsidiary liability, debt inheritance, limited liability company, controlling persons, good faith behavior, liquidation of the company, exclusion of the company from the register

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 30th April 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Laptev, V.A. (2024) Subsidiary liability of controlling persons for obligations of a company excluded from the Unified State Register of Legal Entities. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 163–177. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-163-177>

Введение

Наиболее распространенной организационно-правовой формой корпоративной организации является общество с ограниченной ответственностью. Такое положение дел обусловлено простотой и сроками его учреждения (регистрации), включая возможность применения типовых уставов¹.

¹ Приказ Минэкономразвития России от 01.08.2018 № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью». Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.04.2023).

В конце 2016 г. статья 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) была дополнена новым положением – пунктом 3.1, вступившим в силу в июле 2017 г., закрепляющим ответственность контролирующих общество лиц перед кредиторами². Любопытным фактом является то обстоятельство, что внесенный Правительством РФ законопроект № 1001592-6 (впоследствии – Закон № 488-ФЗ) изначально касался вопроса приведения законодательства в соответствие с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 18 мая 2015 г. № 10-П³, а именно положений ст. 21.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о государственной регистрации юридических лиц), на что прямо указывалось в пояснительной записке⁴. На стадии второго чтения в законопроект были включены положения о субсидиарной ответственности контролирующих общество лиц и о предельном сроке ликвидации общества. При этом рассматриваемые положения не коснулись Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

В последние годы возможность привлечения к ответственности лиц, управляющих бизнесом, перечисленных в ст. 53.1 ГК РФ, двойко оценивалась правоведами. С одной стороны, специалисты в области банкротного права могут позитивно оценить данную норму права, позволяющую кредиторам, минуя долгие банкротные процедуры, удовлетворить свои денежные требования путем привлечения контролирующих общество лиц к субсидиарной ответственности. По сути, п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО рассматривается в связке с общим механизмом привлечения к ответственности обязанных лиц, в составе которого и ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Причем данное положение непосредственно коррелируется с нормой абз. 2 п. 1 ст. 399 ГК РФ, указывающий на тех субсидиарно обязанных лиц, которые поименованы в законе.

С другой стороны, «ортодоксальные» подходы правоведов, изучающих проблемы корпоративного права, могут расценить данные нормы как разрушение конструкции «ограниченной ответственности» (Gabov, 2016; Lotfullin, 2018; Laptev, 2020; Lomakin, et al., 2021; Belyaeva, et al., 2021). Самое интересное заключается в том, что обе точки зрения небесспорные и имеют право на жизнь.

Следует также учитывать, положением п. 3 ст. 64.2 ГК РФ определено, что само по себе исключение из ЕГРЮЛ хозяйственного общества, в основе деятельности которого заложена конструкция «ограниченной ответственности», не освобождает от ответственности контролирующих ее лиц. При этом данная норма права имеет абстрактное содержание и не содержит указание на конкретное лицо, в интересах которого допускается ее применение, по сути, расширяя ее сферу возможными интересами любых заинтересованных лиц.

² Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 29 (далее – Закон № 488-ФЗ).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2015 № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис»» // СЗ РФ. 2015. № 22. Ст. 3304.

⁴ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1001592-6> (дата обращения: 17.04.2023).

Противоречия, встречающиеся в правоприменительной практике судов при толковании норм по рассматриваемой проблематике, потребовали формулирования Конституционным Судом РФ соответствующих подходов⁵.

При проведении настоящего исследования использовались эмпирические методы наблюдения (включая развитие отечественного законодательства во взаимосвязи с судебной практикой), сравнения (различных позиций судебной практики) и описания (отдельных элементов, характеризующих поведение контролирующих корпоративную организацию лиц и кредиторов); теоретические методы анализа (отдельных элементов недобросовестного и неразумного поведения), синтеза, классификации (действий контролирующих лиц, предмета и распределения бремени доказывания) и моделирования (при определении предмета доказывания по судебному делу); частнонаучный формально-логический метод (включая развитие отечественного законодательства во взаимосвязи с судебной практикой).

Действие нормы права о субсидиарной ответственности

Рассматриваемая юридическая ответственность наступает в случаях, когда контролирующие корпорацию лица действуют недобросовестно или неразумно. Таким образом, законодатель предусмотрел вариативную возможность квалификации действий указанных лиц:

- недобросовестное (очевидные, в том числе умышленные, негативные действия либо бездействия),
- неразумные (некомпетентное управление бизнесом).

При этом указанные действия оцениваются применительно к негативным последствиям для кредиторов, выраженных в невозможности погасить долги общества.

Следует отметить, что норма права о субсидиарной ответственности руководителей и основных (мажоритарных) участников применяется исключительно к тем обязательствам, которые возникли после вступления в силу Закона № 488-ФЗ, то есть после 30 июля 2017 г. Отчасти поспешными для судебной практики стали комментарии ФНС России в письме от 16 августа 2017 № СА-4-18/16148@ (п. 12.3) о том, что введение положений п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО сформулировало «новые процессуальные механизмы» привлечения к ответственности, а не материально-правовые основания иска, что позволяет привлекать к субсидиарной ответственности лиц, неправомерные действия которых совершены до 28 июля 2017 г.⁶ Следует учитывать, что данные разъяснения налоговый орган был вынужден сформулировать в целях эффективной работы по взысканию долгов с организаций-банкротов.

Впоследствии в судебной практике была поставлена точка в данном вопросе и указано на недопустимость придания обратной силы Закона № 488-ФЗ и его

⁵ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414; от 21.05.2021 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.

⁶ Указанная дата обусловлена первоначальной редакцией Закона № 488-ФЗ, до внесения в него изменений Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.

применение исключительно к тем отношениям, которые сложились после вступления в силу нормы права⁷.

Дискуссионным является вопрос о том, что следует брать за точку отсчета, идет ли речь о дате заключения договора либо о дате исполнения обязательств по ранее заключенному договору, поскольку они не всегда совпадают по времени. Кроме того, обязательство может возникнуть не только из договора (например, поставки, комиссии или займа), но и после его исполнения (выявленные убытки) либо из внедоговорного обязательства (неосновательное обогащение, причинение вреда). В случаях, когда договор, на основе которого сложились спорные отношения, заключен после указанной выше даты, то различные толкования практически исключены.

Сложность в юридической оценке может возникнуть, в частности, при заключении договора до 30 июля 2017 г., а его исполнение, в том числе по частям, будет совершаться после указанной даты. Видится, в таком случае определяющим будет дата исполнения каждого отдельно взятого обязательства (например, передачи партии поставленного товара или встречного исполнения по ее оплате). Такой подход также обусловлен, в частности, возможностью общества отказаться от исполнения договора перед контрагентом в порядке ст. 450.1 ГК РФ. Однако если данным правом общество в преддверии его исключения из ЕГРЮЛ не воспользуется, то его менеджмент должен быть готов нести ответственность в порядке п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО либо аргументированно доказывать свою добросовестность.

После введения в действие рассматриваемой нормы о субсидиарной ответственности немаловажным вопросом видится определение случаев прекращения правоспособности, к которым возможно применить положения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Так, для законодателя целью принятия Закона № 488-ФЗ было урегулировать последствия *административного исключения* из реестра общества в порядке ст. 21.1 Закона о государственной регистрации юридических лиц (в связи с непредставлением документов отчетности, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, и несуществлением операций по банковским счетам). Принятие данного закона позволило налоговым органам «почистить» ЕГРЮЛ от фирм-однодневок, «брошенных» и иных юридических лиц. Вместе с тем рассматриваемый порядок исключения из реестра применяется и в случаях наличия записи о недостоверности сведений в ЕГРЮЛ о юридическом лице, а также при невозможности ликвидировать общество ввиду отсутствия средств на его ликвидацию. Ведь не случайно в юридической литературе ЕГРЮЛ обозначают «фотографией» общества (Gabov, 2022:209). В этой связи следует различать рассматриваемый случай привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих общество лиц с привлечением к ответственности в деле о банкротстве должника, к которому применяются положения отдельного законодательства (например, ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Подсудность и порядок рассмотрения дел

Субъектный состав участников спора может включать в себя физических и юридических лиц, а также крестьянские (фермерские) хозяйства. На практике зачастую участниками спора выступают исключительно физические лица, одни из которых – кредиторы (контрагенты общества), другие – контролирующие общества лица. Еще в 2017–2020 гг. можно было встретить акты, в которых компетенция суда по

⁷ Напр., см.: определения Верховного Суда РФ от 27.07.2022 № 310-ЭС22-11804; от 20.12.2021 № 301-ЭС21-23669; от 02.08.2021 № 305-ЭС21-11796 и др.

рассматриваемым спорам определялась субъектным составом, например, в случае, когда сторонами по делу выступали юридические лица – арбитражные суды, физические лица – суды общей юрисдикции⁸.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» поставлена точка в вопросе компетенции арбитражного суда по рассмотрению споров о привлечении к субсидиарной ответственности (п. 4)⁹. Вместе с тем рассматриваемые споры не поименованы в ст. 225.1 АПК РФ как корпоративные споры, исключительная подсудность которых определяется местом нахождения корпорации несмотря на то, что в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО содержится прямая отсылка к ст. 53.1 ГК РФ. В то же время ответчиками по данному делу выступают лица, непосредственно либо опосредованно осуществляющие управление корпоративной организацией (единоличный исполнительный орган, мажоритарные участники, члены совета директоров, иные лица). Таким образом, состав ответчиков, юридическая оценка их поведения и влияния на процессы корпоративного управления обществом все равно определяются нормами корпоративного законодательства.

В этой связи, несмотря на установление арбитражной компетенции по рассматриваемой категории споров, возникает резонный вопрос о подсудности: по месту нахождения исключенного из ЕГРЮЛ общества (по правилам рассмотрения корпоративных споров) либо по месту нахождения ответчика (общий подход).

Судебная практика свидетельствует о применении положений ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ при определении компетенции арбитражного суда по месту нахождения корпорации, даже при том, что данные споры не перечислены в ст. 225.1 АПК РФ¹⁰. Вместе с тем в целях единообразия судебной практики хотелось бы отдельно закрепить данный подход в тематических обзорах либо соответствующих Пленумах Верховного Суда РФ.

При рассмотрении иска о привлечении к субсидиарной ответственности заявитель, как правило, основывает свои требования не только на положениях п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, но и ст.ст. 15, 53.1, 399 и 1064 ГК РФ, а также ст. 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве. Кроме того, Верховный Суд РФ неоднократно упоминал подход об активной роли суда и о самостоятельном определении применимых к спорным отношениям норм права (например, абз. 3 п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, абз. 2 п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 23 декабря 2021 г. № 46).

Относительно порядка привлечения к субсидиарной ответственности по банкротным основаниям вне рамок дела о банкротстве, к которому также в соответствующей части применяются положения гл. 25 и 59 ГК РФ, в п. 51-54 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 дано разъяснение о том, что такое

⁸ Напр., см.: определение Верховного Суда РФ от 07.02.2020 по делу 48-КФ19-1712-К7 об отказе в передаче кассационной жалобы Г.В. Карпук для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ. Режим доступа: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 01.04.2023).

⁹ Напр., см.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 18-КГ22-22-К4. Режим доступа: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁰ Напр., см.: определение Верховного Суда РФ от 09.11.2020 № 304-ЭС20-17004; постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.05.2020 № Ф05-4849/2020; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2023 № 09АП-88475/2022 и др. (в рамках данных споров дела передавались по компетенции в другой арбитражный суд по месту нахождения исключенного из ЕГРЮЛ общества со ссылкой на нормы гл. 28.1 АПК РФ).

заявление рассматривается судом по правилам гл. 28.2 АПК РФ (о групповых исках). Такое заявление рассматривается как поданное в интересах гражданско-правового сообщества¹¹ – всех кредиторов хозяйственного общества. Существенной особенностью рассмотрения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности является право остальных кредиторов присоединиться к рассматриваемому спору, о чем заявитель извещает их посредством публикации в ЕФРСБ (ч. 2 и 4 ст. 225.14 АПК РФ). В случаях, когда данным правом присоединения к иску кредиторы своевременно не воспользовались, то производство по таким «последующим» заявлениям прекращается (ч. 7 ст. 225.16 АПК РФ), за исключением единственного случая – признания уважительными причины неприсоединения к иску при рассмотрении первоначального заявления.

Рассмотренные положения норм права позволяют предположить о существовании двух вариативных режимов рассмотрения дела:

- в порядке искового производства в интересах одного либо нескольких кредиторов-заявителей (заявление основано исключительно на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО);
- в порядке группового иска в интересах всех кредиторов общества (заявление основано на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, ст. ст. 15, 53.1, 399 и 1064 ГК РФ, ст. 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве).

Для корпоративной практики такое двоякое толкование не является верным и требует правовой определенности. С учетом ранее сказанного, сама по себе ссылка заявителя исключительно на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, не препятствует суду применить нормы ГК РФ и Закона о банкротстве, последние из которых даже имеют приоритет перед другими нормами права (п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53), в связи с чем в целях процессуальной экономии и исключения риска принятия судами противоречивых решений предлагается установить единый подход при рассмотрении всех заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности (независимо от ссылок на нормы права): данные заявления должны рассматриваться по правилам групповых исков в интересах всех потенциальных кредиторов с применением положений ст. 225.14 АПК РФ. При этом данный подход будет соответствовать положению о применении судами аналогии закона (ч. 5 ст. 3 АПК РФ), поскольку всем кредиторам исключенного из ЕГРЮЛ общества будет предоставлено равное право на защиту нарушенного права, а индивидуальные иски отдельных кредиторов по денежным требованиям (фрагментарный подход) в ряде случаев позволяют им получить необоснованное преимущество перед остальными кредиторами.

Обязанные лица (ответчики по делу)

Известно, что перечень контролирующих лиц, перечисленных в ст. 53.1 ГК РФ, открыт и может определяться судом с учетом конкретных обстоятельств дела. Методологически, с точки зрения сбора доказательств и распределения бремени доказывания для юридической практики, целесообразно разделить указанные лица на следующие группы:

- единоличный исполнительный орган (руководитель);
- члены коллегиального исполнительного органа или совета директоров;
- мажоритарные и миноритарные участники;

¹¹ Подробнее о гражданско-правовом сообществе см.: (Laptev, 2022).

– иные лица, обладающие фактической возможностью управлять действиями общества.

Возможность привлечения упомянутых лиц к ответственности основана на том факте, что они обладали фактической возможностью определять действия корпоративной организации (Egorov, 2022; Biryulin, 2022; Tuzhilova-Ordanskaya, 2022).

Предмет доказывания

На практике возникают вопросы о предмете доказывания, в том числе с учетом двух обстоятельств: общество уже исключено из ЕГРЮЛ и отсутствует возможность запросить у него либо предложить представить суду какие-либо документы о производственно-хозяйственной деятельности; истец ограничен в процессуальной возможности самостоятельно собирать информацию, позволяющую доказать недобросовестность либо неразумность контролирующих лиц. Видится целесообразным доказывать следующие обстоятельства:

- безусловные доказательства недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) контролирующих лиц;
- умысел либо грубую неосторожность руководителя, непосредственно повлекших невозможность исполнения в будущем обязательств перед контрагентом;
- факт не обращения ответчика с заявлением о признании общества банкротом;
- вывод контролирующим лицом ликвидных активов общества;
- степень влияния на корпоративное управление обществом;
- пределы обычных предпринимательских рисков;
- аффилиацию кредитора и контролирующего лица;
- действия, предпринятые для ликвидации общества в установленном порядке и закрытия долгов, возникших в его предпринимательской деятельности.

В целях объективного рассмотрения дела по существу спора суду необходимо оценивать все упомянутые обстоятельства.

Несмотря на особенности реализации процессуальных прав по данной категории споров истец не освобождается от обязанности доказывать «триаду» обстоятельств: противоправное поведение, вред, причинная связь между ними (в том числе вина правонарушителя) (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П). Такой подход объясняется целью правового регулирования – обеспечение баланса интересов всех участников общественных отношений (гражданского и торгового оборота).

Компетенция в сфере управления корпоративной организацией содержит не только установленные законом права, но и обязанности, на что периодически указывается в юридической литературе (Bainbridge, 2017; Beveridge, 1996; Black, et al., 2006; Core, Holthausen & Larcker, 1999; Doralt, Nowotny & Kalss, 2003; Koehnen, 2004; McGuinness, 1999; Sukhanov, 2014; Andreev & Laptev, 2018) и в судебной практике¹². Исключение общества из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица, равно как и его ликвидация, является следствием определенных действий либо бездействий его текущего руководства и иных контролирующих лиц (мажоритарных участников, председателя и членов совета директоров, бенефициаров, «кукловодов» и др.).

¹² Напр., см.: определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О // СПС Консультант Плюс.

Конструкция «ограниченной ответственности» не должна способствовать уклонению от обязанности совершить обществом встречное исполнение (в договорных обязательствах), компенсировать причиненный вред (в том числе возникший из внедоговорных обязательств) либо возвратить неосновательное обогащение.

Кредитор должен обосновать размер причиненного ему вреда, что, как правило, не представляет особой сложности, поскольку требования о привлечении к субсидиарной ответственности обычно основаны на вступившем в законную силу судебном акте о взыскании денежных средств с исключенного из ЕГРЮЛ общества. Необходимо также обосновать противоправное поведение ответчиков (в данном случае неразумное либо недобросовестное), а также причинную связь между данным поведением и неисполнением обществом обязательств (утратой возможности исполнить) перед кредитором – истцом по делу.

Разумеется, само по себе исключение общества из ЕГРЮЛ не свидетельствует о наличии «полного» состава убытков в его взаимосвязи с положениями ст. 53, 53.1, 401 и 1064 ГК РФ. В данном случае суду следует оценить поведение контролирующих общество лиц, предшествующее его исключению из ЕГРЮЛ.

Заявителю-кредитору исключенного из реестра общества предоставлена возможность доказывать обстоятельство того, в частности, что процедура банкротства либо иные несовершенные ответчиком юридически значимые действия могли бы способствовать погашению задолженности. Кроме того, в большинстве случаев общество могло бы и далее осуществлять предпринимательскую деятельность, если бы не ее исключение из ЕГРЮЛ. На практике может заявляться довод о том, что перед исключением из ЕГРЮЛ общества была создана компания-клон (с одноименным либо созвучным прежнему наименованию) или ключевые производственные (бизнес) активы были переведены в «дружественную» компанию, которая работает в той же сфере экономической деятельности. Все приведенные обстоятельства в их взаимосвязи с экономическим эффектом (их последствиями) должны учитываться судом.

В данном вопросе следует оценить возможность толкования на современном этапе нормы ст. 2 ГК РФ, в том числе непосредственно применяемой к таким коммерческим организациям, как общества с ограниченной ответственностью. Право на осуществление предпринимательской деятельности на свой страх и риск корреспондирует не только с рисками утраты уставного капитала – базового или стартового актива, необходимого для начала ведения бизнеса, но и с риском несения субсидиарной ответственности в порядке ст. 399 ГК РФ, п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО или ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Следует учитывать, что нормы о субсидиарной ответственности по долгам юридического лица не являются новыми для российского права. В частности, субсидиарную ответственность несет общество, действие которого довели до банкротства дочернее общество (ст. 67.3 ГК РФ); участники полного товарищества (ст. 75 ГК РФ); члены КФХ, созданного в качестве юридического лица (ст. 86.1 ГК РФ); члены производственного кооператива (п. 1 ст. 106.1 ГК РФ); собственники имущества казенного предприятия (абз. 3 п. 6 ст. 113 ГК РФ); члены потребительского кооператива (п. 2 ст. 123.3 ГК РФ) и другие. Между прочим, в перечисленных случаях не требуется доказывать вину обязанного лица и причинную связь между ними, а ответственность наступает в силу закона.

Совместно причиненный вред субсидиарно ответственными лицами компенсируется солидарно (п. 4 ст. 53.1 ГК РФ), на что необходимо указывать в судебном

акте. В положении п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО солидарный характер ответственности предполагается исходя из того, что в круг ответственных лиц законодатель включил исключительно тех лиц, которые определяют решения общества, включая единоличного исполнительного органа, мажоритарного участника, председателя совета директоров и иных контролирурующих корпоративную организацию лиц.

Бремя доказывания недобросовестного и (или) неразумного поведения

Степень недобросовестности или неразумности поведения ответчиков – контролирующих общество лиц, подлежит оценке в каждом конкретном случае отдельно. Во всех случаях необходимо доказать факт наличия недобросовестности либо неразумности.

С точки зрения юридической практики, было бы полезным ответить на вопрос: существует ли *презумпция недобросовестного* поведения контролирующих общество лиц? И если да, есть ли возможность ее опровержения?

О существовании презумпции виновного поведения, в частности, указано в абз. 1 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П, в силу которого предполагается ответственность контролирующих общество лиц ввиду их бездействия, выраженного в уклонении от должного управления корпорацией, добросовестного и осмотрительного ведения бизнеса и т.д. На формирование данной презумпции во многом повлияло близкое к рассматриваемой норме положение ст. 61.11 Закона о банкротстве (об ответственности контролирующих должника лиц). Такой подход обусловлен в том числе сложностью доказывания обстоятельств по делу, который все же не освобождает истца (кредитора) от несения бремени доказывания.

На практике в большинстве случаев административного исключения из ЕРГЮЛ недействующего общества предшествует запись о недостоверности его адреса, что впоследствии повлекло утрату обществом правоспособности (ст. 21.1 Закона о государственной регистрации юридических лиц) (Gavrilina, 2022; Cherepanova, 2021). Даже наличие задолженности перед бюджетом не является безусловным препятствием административному исключению общества из ЕРГЮЛ (п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 67 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц»¹³). Следовательно, при активных действиях контролирующих общество лиц исключения общества из реестра можно было бы избежать. В свою очередь, ответчики не лишены права доказать в суде свою заботливость и осмотрительность, а также совершение им всевозможных действий, направленных на погашение задолженности общества перед его кредитором. Суд также оценивает условия делового оборота в соответствующей сфере экономической деятельности, а также заведенный порядок между сторонами договора (ст. 431 ГК РФ).

Вопрос о распределении бремени доказывания в делах, в которых судом применяются положения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО или п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве (невозможность погашения требований кредиторов наступила вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица), был предметом конституционного судопроизводства (Постановление Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П).

¹³ Вестник ВАС РФ. 2007. № 2.

Выбор учредителями модели ведения своей экономической деятельности посредством образования корпоративной организации в форме общества с ограниченной ответственностью не предполагает применение «неразрушимой» конструкции «ограниченной ответственности». Данный выбор учредителей должен рассматриваться как использование удобной, по их мнению, формы управления корпоративной организацией и распределения правомочий между ее органами. Административное исключение из ЕГРЮЛ общества по инициативе налогового органа никогда не является внезапным для контролирующих корпорацию лиц, о чем мы выше указывали. Следовательно, в большинстве случаев, при добросовестном и с необходимой степенью разумном поведении такое исключение из ЕГРЮЛ не может состояться. К слову, даже в случае принятия решения о добровольной ликвидации своего общества (например, ввиду объективной нецелесообразности ведения убыточного бизнеса), закреплена обязанность участников активно содействовать данной процедуре и за свой счет солидарно нести траты, необходимые для завершения ликвидации (п. 2 ст. 62 ГК РФ). Кроме того, добровольная ликвидация позволяет упорядочить отношения с кредиторами общества и учесть их интересы (Vaupan, et al., 2021:73).

Появление в 2005 г. в российском законодательстве нормы об административном исключении из ЕГРЮЛ организации¹⁴ способствовало недобросовестным участникам гражданского оборота обходить установленные законом должные процедуры прекращения деятельности, в частности, ликвидации либо при недостаточности имущества для расчетов с кредиторами – банкротства. Лишь в 2016 г. положения Закона № 488-ФЗ уравнивали баланс интересов всех участников соответствующих общественных отношений, закрепив субсидиарную ответственность контролирующих лиц.

Кроме того, с июля 2023 г. законодатель принял норму об упрощенной процедуре исключения из ЕРГЮЛ обществ, являющихся субъектами малого и среднего бизнеса, по решению участников (ст. 21.3 Закона о государственной регистрации юридических лиц)¹⁵. Данное правомочие, с одной стороны, позволяет владельцам малых и средних предприятий не проходить длительные процедуры ликвидации и прекращать правосубъектность общества у упрощенном порядке, а, с другой стороны, будет способствовать недобросовестным владельцам данных предприятий оперативно завершать ведение бизнеса (ст. 10 ГК РФ), в том числе по причине пропуска кредиторами трехмесячного срока на подачу возражений на предстоящее исключение из ЕГРЮЛ общества.

При рассмотрении данной категории дел допускается оценка недобросовестного поведения контролирующих корпорацию лиц не только по заявлению истца, но и по инициативе суда (п. 2.1 постановления Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П). Вместе с тем данный подход не является новым для отечественного правосудия (см.: абз. 4 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») (Gribov, 2020: 128–135; Yudin, 2022:30–38). В основу данного подхода заложен принцип «ожидаемого результата» от участников общественных отношений и стандарт добросовестного поведения.

¹⁴ Федеральный закон от 02.07.2005 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” и в статью 49 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 27. Ст. 2722.

¹⁵ Федеральный закон от 13.06.2023 № 249-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” и статью 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4438.

Участники (стороны) договорных отношений изначально рассчитывают на добросовестное выполнение контрагентами основных, встречных, производных и иных обязательств. На практике в каждом конкретном случае судом дается самостоятельная оценка обстоятельствам дела и какие-либо шаблонные подходы выработать сложно. Все доказательства должны оцениваться в единой связи с видом осуществляемой обществом экономической деятельности, производственно-хозяйственным операциям и юридически значимым действиям, предшествующим исключению общества из ЕГРЮЛ.

Презумпция виновности контролирующего общества лица опровержима. Выше нами уже отмечалось, что требования истца о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, как правило, основаны на вступившем в силу решении суда о взыскании денежных средств с общества, впоследствии исключенного из ЕГРЮЛ¹⁶. В данном случае ответчик должен доказать отсутствие своей вины в невозможности полного погашения требований кредиторов. В частности, доказыва-ется соблюдение обычной хозяйственной практики и совершение действий, направленных на предотвращение больших негативных последствий (например, обращение генерального директора к участникам общества с просьбой о дофинансирования деятельности общества либо закрытие убыточного направления бизнеса и т.д.).

Немаловажным вопросом является степень заботливости и осмотрительности самого кредитора. Не случайно в силу ст. 1083 ГК РФ суды обязаны оценивать поведение и самого кредитора на предмет наличия его умысла в создании данной задолженности; содействию возникновения большей задолженности (либо иного вреда) и иных обстоятельств, не свидетельствующих о добросовестном поведении кредитора (например, обращение в суд с денежными требованиями к обществу накануне его исключения из ЕГРЮЛ и за пределами срока исковой давности, понимая, что участвовать в традиционном состязательном судебном процессе общество уже не будет). Вместе с тем в данном случае судам следует оценивать ту тонкую грань, которая находится между законными правами кредитора, которыми он может воспользоваться (даже и несвоевременно) и его умышленными неразумными действиями (Aliev & Charykova, 2021; Avdeeva, Agafonova & Belyaev, et al., 2020). Можно также учитывать степень аффилированности кредитора с исключенным из ЕГРЮЛ обществом или ответчиками (контролирующими лицами), а также ранее существующие деловые и хозяйственные связи между ними, включая их зависимость в производственно-хозяйственном цикле.

Приведенный анализ позволяет определить субсидиарную ответственность как продолжение идеи наследования юридического лица (Laptev, 2020), а именно, – *наследование долгов корпоративной организации*.

Заключение

Рассмотренные выше вопросы свидетельствуют о постоянном развитии законодательства и о гибкости судебной практики по вопросу привлечения к субсидиарной ответственности руководителей и участников общества, во многом зависящие от судейского усмотрения и о которых еще не раз выскажется Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ, поскольку основу данного рода ответственности

¹⁶ Кроме того, в силу п. 3.2 постановления Конституционного Суда РФ от 25.12.2023 № 60-П преюдициальное значение судебных решений предполагает истинность установленных фактов лишь до тех пор, пока она не будут опровергнута.

составляет фундаментальный общетраслевой принцип добросовестного поведения участников общественных отношений.

Субсидиарная ответственность контролирующих корпорацию лиц солидарна, наступает не в силу закона и при наличии неисполненного обязательства исключенного из ЕГРЮЛ общества, а на основе судебного акта, вынесенного по итогам состязательного гражданского процесса.

Предлагается в процессуальном законодательстве закрепить положение о подсудности дел арбитражному суду по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по месту нахождения исключенной из ЕГРЮЛ корпоративной организации.

В ходе рассмотрения дела подлежит доказыванию совокупность обстоятельств, позволяющих суду дать оценку добросовестности и разумности действий (бездействия) контролирующих лиц, а также их взаимосвязь с невозможностью исполнения обязательств перед контрагентами общества. При этом в юридической доктрине необходимо переосмыслить критерии определения предпринимательского риска и обычного делового оборота.

Предлагается наделить арбитражные суды возможностью самостоятельно распределять бремя доказывания между участниками дела с учетом фактических обстоятельств дела и реальной процессуальной возможности стороны по доказыванию.

References / Список литературы

- Aliev, T.T. & Charykova, A.I. (2021) Some problems of applying judicial discretion in the arbitration process. *Sovremennoe pravo*. (9), 59–62. <https://doi.org/10.25799/NI.2021.80.71.009> (in Russian).
- Алиев Т.Т., Чарыкова А.И. Некоторые проблемы применения судебного усмотрения в арбитражном процессе // Современное право. 2021. № 9. С. 59–62. <https://doi.org/10.25799/NI.2021.80.71.009>
- Andreev, V.K. & Laptev, V.A. (2018) *Corporate law of modern Russia*. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
- Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. 2-е изд., перер. и доп. М.: Проспект, 2018. 352 с.
- Avdeeva, E.V., Agafonova, G.A. & Belyaev, M.D. et al. (2020) *Judicial discretion: collection of articles*. Egorova, O.A., Vaypan, V.A. & Fomin, D.A. (eds.). Moscow, Yustitsinform Publ. (in Russian).
- Судейское усмотрение: сборник статей / Е.В. Авдеева, Г.А. Агафонова, М.Д. Беляев и др.; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин. М.: Юстицинформ, 2020. 176 с.
- Bainbridge, S.M. (2017) Corporate Directors in the United Kingdom. *William & Mary Law Review Online*. (59). Article 3. Режим доступа: <https://scholarship.law.wm.edu/wmlronline/vol59/iss1/3> (accessed: 25.03.2023).
- Belyaeva, O.A., Burlakov, S.A. & Vildanova, M.M. et al. (2021) *Modern corporate law: The relevant issues of theory and practice: Monograph*. Gutnikov O.V. (ed.). Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Беляева О.А., Бурлаков С.А., Вильданова М.М. и др. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / отв. ред. О.В. Гутников. М.: Статут, 2021. 528 с.
- Beveridge, N.P. (1996) Does the Corporate Director Have a Duty Always to Obey the Law? *DePaul Law Review*. 45(3), 729–780. Режим доступа: <https://via.library.depaul.edu/law-review/vol45/iss3/6> (дата обращения: 25.03.2023).
- Biryulin, D.A. (2022) Influence of relatives of the controlling person upon the corporation. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. (6), 60–70. (in Russian).

- Бирюлин Д.А. Влияние родственников контролирующего лица на корпорацию // Вестник арбитражной практики. 2022. № 6. С. 60–70.
- Black, B.S., Cheffins, B.R., Gelter, M., Kim, H. & Nolan, R.C. et al. (2006) Analysis on Legal Regulation of the Liability of Members of the Board of Directors and Executive Organs of Companies (as of December 2006). University of Texas Law School, Law and Econ Research Paper. Issue 110. Doi: 10.2139/ssrn.1001990.
- Cherepanova, Yu.P. (2021) Exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. (4), 46–51. (in Russian).
- Черепанова Ю.П. Исключение юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4. С. 46–51.
- Core, J.E., Holthausen, R.W. & Larcker, D.F. (1999) Corporate Governance, Chief Executive Officer Compensation, and Firm Performance. *Journal of Financial Economics*. 51(3), 371–406. [https://doi.org/10.1016/S0304-405X\(98\)00058-0](https://doi.org/10.1016/S0304-405X(98)00058-0)
- Doralt, P., Nowotny, C. & Kalss, S. (2003) *Kommentar zum Aktiengesetz*. Linde Verlag, Wien.
- Egorov, A.V. (2022) Director of a legal entity: The nexus of civil and employment law. *Zakon*. (10), 51–64. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-10-51-64> (in Russian).
- Егоров А.В. Директор юридического лица: на стыке гражданского и трудового права // Закон. 2022. № 10. С. 51–64. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-10-51-64>
- Gabov, A.V. (2016) Responsibility of the parent company for transactions concluded by the subsidiary pursuant to orders or with the consent of the parent company. *State and Law*. (4), 81–94. (in Russian).
- Габов А.В. Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. 2016. № 4. С. 81–94.
- Gabov, A.V. (2022) Exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities: Cases of Use, Procedure and Consequences. *Law enforcement review*. 6(2), 204–230. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).204-230](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).204-230) (in Russian).
- Габов А.В. Исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: случаи использования, порядок и последствия // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 204–230. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).204-230](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).204-230)
- Gavrilina, M.Yu. (2022) Inactive legal entity: the concept and procedure for exclusion from the Unified State Register of Legal Entities. *Law and Business*. (3), 29–33. (in Russian).
- Гаврилина М.Ю. Недействующее юридическое лицо: понятие и порядок исключения из ЕГРЮЛ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 29–33.
- Gribov, N.D. (2020) The Doctrine of the Conflicting Behavior Prohibition. *Actual Problems of Russian Law*. 15(3(112)), 128–135. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135> (in Russian).
- Грибов Н.Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3(112). С. 128–135. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135>
- Koehnen, M. (2004) *Oppression and Related Remedies*. Thomson Carswell.
- Lomakin, D.V., Aitkulov, T.D. & Belyaeva, O.A. et al. (2021) *Twenty-five years of the Russian joint-stock law: problems, tasks, development prospects*. Moscow: Statut. (in Russian).
- Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / Д.В. Ломакин, Т.Д. Аиткулов, О.А. Беляева и др. М.: Статут, 2021. 414 с.
- LapteV, V.A. (2023) Responsibility of the sole executive body of a corporation and its manager. *Journal of Russian law*. 27(3), 31–42. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.027> (in Russian).
- Лантеев В.А. Ответственность единоличного исполнительного органа корпорации и ее управляющего // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 31–42. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.027>
- LapteV, V.A. (2022) Civil law community in the corporation management system: The tasks of the legislator and the realities of judicial practice. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*. (4), 46–57. <https://doi.org/10.46279/ASMO.2022.68.94.002> (in Russian).

- Лантев В.А.* Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 46–57. <https://doi.org/10.46279/ASMO.2022.68.94.002>
- Laptev, V.A. (2020) The procedure for distribution of discovered property of a liquidated legal entity (legal aspects). *Jurist*. (12), 34–39. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-12-34-39> (in Russian).
- Лантев В.А.* Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты) // Юрист. 2020. № 12. С. 34–39. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-12-34-39>
- Lotfullin, R.K. (2021) *Subsidiary and other liability of persons controlling debtors in case of bankruptcy*. Moscow, SB&P Publ. (in Russian).
- Лотфуллин Р.К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: SB&P, 2021. 860 с.
- McGuinness, K.P. (1999) *The Law and Practice of Canadian Business Corporations*. Butterworths. Toronto.
- Sukhanov, E.A. (2014) *Comparative corporate law*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
- Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
- Tuzhilova-Ordanskaya, E.M. (2022) Corporate control: Main theoretical approaches. *Grazhdanskoye pravo*. (5), 19–25. <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2022-5-19-25> (in Russian).
- Тужилова-Орданская Е.М.* Корпоративный контроль: основные теоретические подходы // Гражданское право. 2022. № 5. С. 19–25. <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2022-5-19-25>
- Vayran, V.A., Gabov, A.V. & Gubin, E.P., et al. (2021) *Scientific and practical commentary on the Federal Law “On Limited Liability Companies”*: in 2 vols. Vol. 1. Shitkina, I.S. (ed.). Moscow, Statut Publ. (in Russian).
- Вайран В.А., Габов А.В., Губин Е.П. и др.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / под ред. И.С. Шиткиной М.: Статут, 2021. Т. 1. 622 с.
- Yudin, A.V. (2022) Delineation of abuses of procedural rights in the civil process from related legal phenomena. *Zakon*. (7), 30–38. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-7-30-38> (in Russian).
- Юдин А.В.* Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями // Закон. 2022. № 7. С. 30–38. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-7-30-38>

Сведения об авторе:

Лантев Василий Андреевич – доктор юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Российская Федерация, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID ID: 0000-0002-6495-1599; Researcher ID: A-7888-2019; SPIN-код: 5776-0978
e-mail: laptev.va@gmail.com

About the author:

Vasily A. Laptev – Doctor of Legal Sciences, Judge of the Moscow Arbitration Court, Chief Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation; Full Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-6495-1599; Researcher ID: A-7888-2019; SPIN-code: 5776-0978
e-mail: laptev.va@gmail.com

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-178-195>
EDN: QVAPEZ

Научная статья / Research Article

Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания

О.Н. Шерстобоев¹, И.В. Михеева²

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
 imikheeva@hse.ru

Аннотация. О неоднозначном вопросе использования искусственного интеллекта (ИИ) в судебном процессе. Цель исследования – представить зарубежный опыт использования информационных технологий в судопроизводстве на примере наиболее спорных и обсуждаемых в научной литературе и практике идей о ресурсах искусственного интеллекта в системе доказывания. Особое внимание уделено успешно действующим механизмам использования ИИ в зарубежной судебной практике на этапе оценки доказательств. Приводятся решения зарубежных судов, вынесенные с использованием ИИ. Высказывается суждение о допустимости оценки доказательств с использованием ИИ. В ходе исследования применены методы общенаучного познания и специальные методы (сравнительно-правовой). Диалектический метод сделал возможным проследить генезис и прогрессирующее развитие технологизации судебного процесса. Приемы анализа и синтеза, индукции и дедукции позволили показать минусы предиктивного кодирования на стадии доказывания и плюсы электронного исследования доказательств, варианты одновременного раскрытия доказательств с использованием разных методов на примере вынесенных конкретных судебных решений. С помощью сравнительно-правового метода выявлены наиболее успешные практики использования искусственного интеллекта в системе доказывания в зарубежных странах, показаны не только инструменты предсказанного правосудия в европейской судебной практике, но и проблемы китайского «инструментального правосудия», которые могут возникать в любой стране. Делается вывод о возможности использования предиктивного кодирования как инструмента предсказанного правосудия при условии выработки общих правил раскрытия информации и учета специфики машинного обучения для конкретного дела. Отмечается, что

© Шерстобоев О.Н., Михеева И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

искусственный интеллект пока не стал преобладающим методом ни в одном из видов судопроизводства. Это может объясняться недостаточным уровнем доверия к нему у юридической общест-венности и говорит о необходимости времени для формирования успешной истории его использования для решения юридически значимых задач в разных сферах человеческой жизни.

Ключевые слова: искусственный интеллект, раскрытие доказательств, судебный процесс, предикативное кодирование, предсказанное правосудие, система доказывания, судопроизводство

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Шерстобоев О.Н.* – концепция исследования; сбор и анализ материалов; написание текста. *Михеева И.В.* – сбор и анализ материалов; написание текста.

Поступила в редакцию: 25 апреля 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Шерстобоев О.Н., Михеева И.В. Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 178–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-178-195>

Information technologies in judicial process: opportunities of artificial intelligence in evidence system

Oleg N. Sherstoboev¹, Irina V. Mikheeva²

¹Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation

²HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
imikheeva@hse.ru

Abstract. The study is devoted to ambiguous issues of using artificial intelligence (AI) in judicial process. The purpose of the study is to present foreign experience of using information technologies in court proceedings based on the example of the most controversial and debated ideas concerning resources of artificial intelligence in the system of evidence. Special attention is paid to successful mechanisms of using AI in foreign judicial practice at the stage of evidence assessment. The study presents several decisions of foreign courts, formed with the help of AI. The findings allow to express opinion about admissibility of evidence evaluated by AI. The study employs methods of general scientific cognition and special methods including comparative legal. The dialectical method allows to investigate genesis and progressive development of judicial process technologization. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction contribute to highlighting disadvantages of predictive coding at the proving stage and advantages of electronic research of evidence, options for simultaneous disclosure of evidence using different methods on the example of specific court decisions. The comparative legal method helps to identify best practices of using artificial intelligence in the system of evidence in foreign countries. The study not only describes the tools of predicting justice in European judicial practice, but also examines the problems of Chinese "instrumental justice" that can arise in any country. Conclusion justifies predictive coding as a tool of predictive justice, provided that general rules for information disclosure are developed and specifics of machine learning for a particular case are considered. It is noted that artificial intelligence has not yet become the predominant method in any types of legal proceedings. This may be explained by insufficient confidence in it across legal communities and time needed to form a successful history of its use for solving legally significant tasks in various spheres of human life.

Key words: artificial intelligence, disclosure of evidence, trial, predictive processing (coding), predicting justice, system of evidence, legal proceedings

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Sherstoboev O.N.* – research concept; collection and analysis of materials; writing text. *Mikheeva I.V.* – collection and analysis of materials; writing text.

Received: 25th April 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Sherstoboev, O.N., Mikheeva, I.V. (2024) Information technologies in judicial process: opportunities of artificial intelligence in evidence system. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 178–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-178-195>

Введение

Современность часто характеризуется как эпоха высоких технологий и информации, они царят всюду, заменяют человека даже в сферах, где интеллектуальная деятельность всегда была в приоритете, включая юриспруденцию. Сможет ли человек управлять технологиями или он все больше будет зависеть от них, а затем окажется в положении, когда придется им подчиняться? На ум приходят три известных закона Айзека Азимова. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда они противоречат Первому Закону. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам (Asimov, 1991:30–55). Между тем действительность гораздо сложнее. Новые технологии живут в виртуальном пространстве, которое невозможно осязать. Мы можем думать, что повелеваем ими, но пропустить момент, с которого они перестанут исполнять приказы людей, и люди начнут невольно подчиняться решениям этих неосязаемых существ. В связи с этим судья Верховного Суда Соединенного Королевства, Ф.Д. Сейлз (Philip James Sales), точно подметил, что диджитализация «неосязаема», она «располагается в функциях облака, а не в физических машинах, находящихся на наших столах», она глобальна и экстерриториальна¹. Эта проблема особенно актуальна для юриспруденции, в которую уже проникли такие инструменты, как искусственный интеллект и большие данные. Они не только хорошо себя чувствуют в этой сугубо человеческой области, но и расширяют в ней свое пространство.

Генезис и развитие идей технологизации системы доказывания

Использование в судебном процессе таких инструментов, как искусственный интеллект и большие данные, особенно чувствительно, поскольку судопроизводство всегда рассматривалось как святая комната юриспруденции, в которой вершится справедливость, а решения судов мы часто представляем как эталон поведения для всех участников правоотношений. Применение технологий в системе доказывания – это известная и старая идея. Если имеются средства, позволяющие установить истину, и тем самым обеспечить справедливый суд, то ими нужно пользоваться. В таком утверждении можно усмотреть опорную точку судебной системы.

В целом современные процессуальные законы оперируют теориями доказывания, восходящими к периодам Возрождения и Просвещения и юридически

¹ Algorithms, Artificial Intelligence and the Law. The Sir Henry Brooke Lecture for BAILII Freshfields Bruckhaus Deringer, London, Lord Sales, Justice of the UK Supreme Court 12 November 2019. Available at: <https://www.supremecourt.uk/docs/speech-191112.pdf> (accessed: 20.01.2023).

оформленными в течение XIX–XX вв. (для разных стран время может отличаться). Все эти теории антропоцентричны. Ключевая роль в оценивании доказательств отводится судье, а участники процесса имеют возможность подтвердить или опровергнуть факты, значимые для правильного разрешения дела. Например, это хорошо заметно в теории Р. Дворкина о способах судейского усмотрения (Dworkin, 2004:105–108), а также в работах Г. Харта, где правовая сущность дискреции выводится из «нашей повседневной жизни», представленной «относительно простыми примерами», позволяющими выделить общие черты всех стандартных случаев принятия решений по усмотрению (Hart, 2013: 656). Р. Познер вручает в руки судей экономический метод, отстаивает его универсальность для установления истины. Его критики настаивают на более широком наборе средств доказывания. При этом никем из них роль человека в сборе и анализе судебных доказательств, обобщении их, формулировании общих выводов по существу дела под сомнение не ставится. Перечень знаменитых имен прошлого и настоящего можно продолжить, но вывод в целом окажется неизменным. Ограничимся мнением А. Барака. Он отмечает, что судье следует взвешивать каждое доказательство, определяя его ценность для дела, а высокоубедительное доказательство не стоит исключать лишь только потому, что не хватает одного из тестов его допустимости (Barak, 1999:350).

Представленная аргументация понятна и сводится к нескольким тезисам: 1) решение суда должно быть справедливым; 2) справедливость достигается чрез оценку имеющихся доказательств; 3) доказательства должны быть достаточно весомыми, чтобы исключить несправедливость. В разных теориях имеются разночтения о том, как этой справедливости достигнуть. Генеральная же линия во всех случаях одинакова – человеческий фактор, основанный на человеческом разуме, вооруженном профессиональными юридическими навыками, остается решающим. Истоки таких воззрений восходят к учениям прошлого о человеческом разуме, находятся в теориях прав человека и системы разделения властей, которые заставляют судей искать истину, оценивая всю совокупность обстоятельств дела, в том числе связанных с мотивами конкретных людей, их желаниями, субъективным восприятием действительности. Об этом можно прочесть уже в работах основоположников системы разделения властей. Так, Дж. Локк представляет судей как разумных людей, провозглашающих право и тем самым обеспечивающих права подданных (Locke, 2009:310). Ключевым словом здесь, определенно, выступает человеческий разум.

Ш.-Л. де Монтескье характеризовал судью, как «уста закона, произносящие слова закона, безжизненные существа, не могущие ни умерить его силу, ни смягчить его суровость» (Montesquieu, 1900:164). В такой трактовке судья – это механизм, но ему необходим человеческий разум для отыскания нужного закона, определения предмета доказывания, оценки доказательств. Только после этого ему позволяется стать «бездушным существом», провозглашающим волю законодателя. По мнению Монтескье, дела с участием благородных и просвещенных людей следует рассматривать в особых судах, где судьи будут сравнимы со сторонами по благородству и просвещенности. Таким образом окажется возможным избежать пристрастности (Montesquieu, 1900:163–164). То есть справедливый суд – это инструмент, но им может быть лишь человек, да еще и наделенный определенными качествами, не только интеллектуальными, но и духовными, а также общекультурными.

Неслучайно в тоталитарных режимах не было стремления выстроить независимую судебную власть. В них суд выполнял техническую функцию, отделял

неправильных людей от остальных и официально сообщал об этом. Доказыванию в таком случае могло не придаваться большого значения, поскольку суды оперировали формальными признаками, важными для политического режима (например, принадлежностью к социальной группе и пр.). В таких условиях одни люди выносили решения в отношении других. Они могли быть и несправедливыми, но опирались на какие-то важные для политических режимов факты. Разум здесь использовался не для установления процессуальной истины, а для обслуживания чьей-то политической воли, выполняя ключевую роль в процессе вынесения судебных решений (конечно, могли быть и неполитизированные судебные решения, вполне отвечавшие всем канонам судебного процесса).

Теперь предположим, что появилась техническая возможность заменить человеческий разум компьютерной программой, которая способна объективно, независимо от участников процесса и судьи оценивать доказательства и предлагать решения. Если такие выводы без проверки человеком переместятся в судебное решение, то можно ли считать их справедливыми, а правосудие свершившимся? Сейчас окончательный ответ формулировать преждевременно. В действующих процессуальных рамках он скорее окажется отрицательным.

И все же... Вопросы использования искусственного интеллекта все больше привлекают внимание исследователей и практиков, включая и правовую сферу. Сегодня «концепцию предиктивного кодирования» британского философа Энди Кларка считают, пожалуй, одним из наиболее важных научных открытий². Метод предиктивного кодирования компьютерных технологий и алгоритмов обработки информации позволяет при существенном сокращении временных затрат анализировать большие неструктурированные объемы данных. Все чаще звучат аргументы в пользу предиктивного, «предсказанного» правосудия с участием искусственного интеллекта (*далее – III*).

В мире имеется не так много судебных решений, которые выносились на основании выводов программы с использованием искусственного интеллекта. Дело Да Силва Мур против Publicis Groupe, по-видимому, стало первым случаем использования искусственного интеллекта для оценки доказательств³. Оно разрешалось в США (Нью-Йорк) в феврале 2012 г. Рассматривался спор о дискриминации на работе по признаку пола. Работодатель был обвинен в том, что для работающих у него женщин он выстроил «стеклянный потолок». Чтобы вынести решение, требовалось исследовать более 3 млн электронных документов, хранившихся у ответчика. Ответчик предложил использовать метод предиктивного кодирования⁴. Рассматривавший дело судья Эндрю Пек (Andrew Peck) принял это предложение. Интересно, что истцы, в чьих интересах предполагалось использовать компьютерную программу, выразили несогласие с этим и обжаловали решение, обратившись в окружной суд. Их доводы заключались в следующем: судья излишне положился на внешние

² Пришел, увидел, обучил: предиктивное кодирование на службе у юристов. Режим доступа: <https://blog.pravo.tech/prishel-videl-obuchil-prediktivnoe-kodirovanie-na-sluzhbe-uyuristov/?ysclid=lfqiz6t9d0943787247> (дата обращения: 14.03.2023).

³ Moore v. Publicis Groupe, 287 F.R.D. 182 (2012) Available at: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-da-silva-moore-v-publicis-groupe> (accessed: 18.03.2023).

⁴ В представленной статье предиктивное кодирование (ПК) рассматривается как процесс изучения документов с помощью вычислительной техники, придуманный для облегчения подготовки к сложным судебным процессам, когда необходимо просмотреть до сотен тысяч документов и выделить из них полезные для данного дела. Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/86718/?ysclid=lfcaz5pre685754246> (дата обращения: 18.02.2023).

документы; эксперт ответчика пристрастен, поскольку избранный метод оценки доказательств принесет ему выгоду; судья ненадлежаще провел слушания по доказательствам; судья использовал версию протокола о компьютерном раскрытии информации, предложенную ответчиком. Эти доводы изложены в решении окружного суда⁵.

Пример судьи Э. Пек не стал заразительным. Между тем аналогичные мотивы имеются в другом деле, которое слушалось в Великобритании в 2016 г. (первый британский случай). Это был корпоративный спор *Pyrrho Investments Ltd v MWB Property Ltd*⁶. Судья Пол Мэтьюз (Paul Matthews) обстоятельно проанализировал минусы предиктивного кодирования на стадии доказывания и выделил плюсы электронного исследования доказательств. Пожалуй, его решение может стать знаковым для всех, кто отстаивает использование искусственного интеллекта в судебном процессе. Первоначально в деле требовалось раскрыть 17,6 млн документов, затем их количество было уменьшено до 3,1 млн. Очевидно, что три миллиона – тоже внушительная цифра для ручной проверки, которую характеризует: 1) множество людей, задействованных для поиска, отбора и анализа доказательств; 2) значительное время, затрачиваемое этими людьми; 3) очень большие финансовые затраты участников спора на проведение проверки.

Среди вероятных минусов оба судьи, Э. Пек и П. Мэтьюз, также назвали отсутствие прямого законодательного дозволения на использование искусственного интеллекта в системе доказывания и процессуальные затруднения, связанные с проверкой «программного решения». Возражения против использования судом предиктивного кодирования упираются также в то, что оно ущемляет права стороны, которая не получает доступа к документам. Также сторона лишается возможности проверки результатов раскрытия документов. Иными словами, использующая компьютерную программу сторона – владелец документов оказывается в более выгодном положении, чем ее оппоненты, которым остается только полагаться на честность другой стороны и на надежность программы.

Еще одним мотивом для критики стало то, что судьи увлеклись вопросами стоимости процедуры оценки доказательств, в некотором смысле умалив объективность этой оценки. Тем самым, ими не было задействовано золотое правило доказывания, связанное с человеческой проверкой составляющих доказательственную базу по делу документов. Здесь проявляется критика более высокого уровня, она опирается на представление о судебном процессе как высокоинтеллектуальной деятельности специалистов, в основе которой лежат общеизвестные процессуальные принципы. Так, Т. Мерфи (Tonia Har Murphy) считает использование искусственного интеллекта в судах США делом решенным, но опасается отхода от традиционной роли судей. Это может повлечь увеличение затрат, задержки, а также повысить вероятность вынесения несправедливого и предвзятого решения, соответственно подорвать фундамент судебной системы и в итоге привести к отказу от судебной оценки, что недопустимо. Поэтому, по его мнению, использование предиктивного кодирования не должно стать обязательной процедурой на стадии исследования доказательств (Murphy, 2013:657). По сути, Т. Мерфи обозначает те минусы, которых пытаются избежать сторонники использования искусственного интереса в судебном процессе.

⁵ *Da Silva Moore, et al. v. Publicis Groupe*, No. 11-Civ.-1279 (ALC) (AJP), 2012 WL 607412 (S.D.N.Y. Feb. 24, 2012) Available at: https://jenner.com/system/assets/publications/11045/original/2012_WL_146534.pdf (accessed: 14.03.2023).

⁶ *Pyrrho Investments Limited v MWB Property Limited* [2016] EWHC 256 (Ch) (16 February 2016) Available at: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2016/256.pdf> (accessed: 18.02.2023).

В этой и аналогичной аргументации проявляется недоверие естественного интеллекта к искусственному. Усматривается глубоко укоренившееся в юридическом мышлении наследие Аристотеля, римских юристов, мыслителей эпох Возрождения и Просвещения, а также рационализма XIX столетия. Человек отличается от всего сущего именно своим разумом, он создает технологии и повелевает ими, но никак не наоборот, он представляется носителем тысячелетней культуры, впитавшей идеи справедливости. Разве технология, даже самая совершенная, способна быть судьей в человеческих отношениях? В целом, отвечая на этот вопрос, судьи – сторонники применения искусственного интеллекта в процессе осознавали возможные минусы и старались обеспечить верифицирование выводов, сделанных искусственным интеллектом.

Проверяемость выводов, сделанных искусственным интеллектом

На первое место в делах с использованием искусственного интеллекта выходит протокол, определяющий взаимодействие участников на стадии раскрытия доказательств. В имеющихся случаях судьи исходили из того, что стороны обязаны сотрудничать в раскрытии доказательств. В деле *Да Силва Мур* протокол был довольно подробным и во многом впоследствии рассматривался как образец для иных аналогичных споров. Так, Э. Байрам (*Elle Byram*), анализируя дело, когда суд тоже допустил использование предиктивного кодирования, отмечает, что протокол об использовании программного обеспечения был таким же подробным, как и в деле *Да С. Мур*. В частности, экспертам истца предоставлялась возможность проверять любую информацию, отобранную для машинного обучения, включая привилегированные сведения. Правда, в отличие от дела *Да С. Мур*, протокол не содержал указание на статистическую выборку и пороговое значение для релевантных записей (*Byram*, 2013:692).

Заметим, что проект протокола может предоставляться инициатором проверки доказательств, и это не обязательно судья. Так, в деле *Да С. Мур* против *Publicis Groupe* именно ответчик разработал обстоятельные правила раскрытия информации, представив их суду. Причем истцы возражали против такого решения в целом, а также против отдельных частей протокола. Судья Э. Пек согласился с ответчиком, правда, истцам удалось отыграть некоторые частные моменты, например, снять ограничение на количество записей, которые ответчики обязаны были отобрать для машинного обучения (*Byram*, 2013:686).

Британский вариант, санкционированный судьей П. Мэтьюзом, оказался наиболее близким к идеалу. Обе стороны ходатайствовали об использовании предиктивного кодирования, с чем судья согласился, утвердив протокол раскрытия. При этом судья исполнял свои обязанности обстоятельно, проявил должную эрудицию, обосновав возможность использования искусственного интеллекта в системе процессуального доказывания, а также разработав поэтапную инструкцию.

Встречаются и дела, в которых суд иницирует и настаивает на использовании технологий с искусственным интеллектом вопреки позициям сторон. Так было в деле *EORHB, Inc. v. HOA Holdings, LLC* (США)⁷. Первоначально судья обязал всех

⁷ *EORHB, Inc. v. HOA Holdings, LLC*, No. 7409-VCL, 2013 WL 1960621 (Del. Ch. May 6, 2013) Available at: https://www.wilsonelser.com/writable/files/Legal_Analysis/389292-v1-eorhb-v-hoa-holdings-no-7409-vcl-2013-esi-update.pdf (accessed: 14.03.2023).

участников задействовать компьютерную программу в процессе электронного раскрытия документов, и, прежде всего, договориться о едином поставщике программного обеспечения. Правда, это требование было изменено по ходатайству истцов. В итоге суд скорректировал первоначальное постановление, согласившись с доводами как ответчиков, так и истцов. Первым было позволено обратиться к поставщику программного обеспечения и задействовать предиктивное кодирование, вторым – использовать традиционные методы раскрытия своих документов. Было принято во внимание соотношение небольшого количества документов, которые истцы обязаны были раскрыть, и стоимости программного обеспечения, которая «перевесила бы любую выгоду» от искусственного интеллекта. Данное дело интересно тем, что суд (1) изменил первоначальную позицию, (2) допустил одновременное раскрытие доказательств с использованием разных методов, (3) занял активную позицию, настаивая на применении предиктивного кодирования как основного метода, и (4) смягчил позицию лишь после изучения обоснованных аргументов одной из сторон. Решающим доводом в пользу сохранения для истцов традиционных методов стало соотношение конечного результата и его стоимости. Заметим, что каких-либо вопросов о степени достоверности одного из методов не было. Это еще раз подтверждает, что искусственный интеллект на стадии доказывания в большинстве случаев рассматривается не столько с точки зрения его достоверности, сколько с позиций его финансовой затратности. Очевидно, что предиктивное кодирование в этом деле считалось удобным средством, позволяющим сторонам осуществить затратные по времени и стоимости действия, снизив другие возможные издержки.

Еще более явно эта тенденция озвучена заместителем председателя Верховного Суда Соединенного Королевства лордом Ходжем (Lord Hodge)⁸ в марте 2020 г. Он, в частности, отметил фундаментальную позицию Суда по делам бизнеса и собственности Англии и Уэльса, где от сторон требуется серьезное обоснование невозможности использования предиктивного кодирования в делах, где требуется проанализировать более 50 000 документов (Hodge, 2020:13). Напрашивается еще один вывод – искусственный интеллект оказался наиболее востребованным в судебном процессе, в рамках которого разрешаются коммерческие споры. Именно здесь судьи могут опираться на согласованную позицию сторон, а если она рассогласованная, то аргументируя несостоятельность мнений истцов и ответчиков, выносить приказ с обязанностью применения такого программного обеспечения.

Позволяя сторонам самим определить наилучший для них метод раскрытия электронной информации, в приведенных примерах суды действовали в рамках закона, но одновременно предпочитали подкреплять свои выводы, опираясь на авторитетную доктринальную позицию. Так, в США востребованным является документ, называемый «Принципы Седоны». Он формируется по результатам периодических конференций с участием ведущих американских юристов, объединившихся для решения «некоторых наиболее сложных проблем, с которыми сегодня сталкивается» правовая система⁹. Так, согласно принципу 6 раскрывающая доказательства сторона лучше суда и своего процессуального противника ориентируется в

⁸ Lord Hodge, Deputy President of The Supreme. *Technology and the Law*. (10 March 2020) The Dover House Lecture 2020, London. Available at: <https://www.supremecourt.uk/docs/speech-200310.pdf> (accessed: 01.04.2023).

⁹ The Sedona Conference Working Group Series. Available at: <https://thesedonaconference.org/wgs> (accessed: 14.03.2023).

собственной информации, в том числе знает технологию и иную специфику ее хранения. Нарушение этого принципа может повлечь непропорциональные затраты и обременения для не имеющих отношения к информации участников, особенно при использовании сложных, защищенных патентами программ¹⁰. В этой связи держатель информации имеет приоритет в определении способа раскрытия доказательств, в том числе с использованием искусственного интеллекта. Правда, принципы Седоны могут применяться и как отказ от «услуг» искусственного интеллекта в судебном процессе. На это, в частности, указывает Э. Байрам, применительно к обстоятельствам дела *Global Aerospace v. Landow Aviation*¹¹. В нем суд позволил сторонам самим выбрать метод раскрытия, отметив, что истцы не должны препятствовать ответчику в следовании традиционной схеме на первом этапе разбирательства, но вправе добиваться применения предиктивного кодирования в случае проведения второго этапа. Судья Нолан (Nolan) опиралась на 6-й принцип Седоны (Byram, 2013:692). Разумность такого подхода очевидна, ответчик проводит раскрытие тем методом, который он считает наилучшим, если затем истцы находят, что результат их удовлетворяет, то они соглашаются и с первоначальной процедурой. Если же нет, то им дается возможность аргументированно представить ее недостатки и указать на разумные причины, по которым предиктивное кодирование являлось бы более предпочтительным вариантом.

Российское законодательство, доктрина и практика раскрытия процессуальных доказательств

В российской практике аналогичных дел пока не было, хотя стадия раскрытия доказательств в процессуальном законодательстве присутствует. Правда, в гражданском процессе она появилась только в ноябре 2018 г.¹² В процессе по разрешению экономических споров эта стадия существует с 2002 г.¹³ Тем не менее, для нашей правовой системы данное явление – относительно новое. Часто судьи, как, впрочем, и стороны, не используют возможностей раскрытия доказательств, тем более с применением новых технологий. Видимо, российским юристам еще предстоит прочувствовать специфику исследования электронных документов, как и роль раскрытия доказательств в судебном процессе. Сейчас встречаются мнения о слишком радикальной позиции законодателя, который ввел в гражданский процесс стадию раскрытия информации и неоправданно усилил бремя сторон процесса (Smagina, 2019; Kudryavtseva & Smolnikov, 2019:104-113).

Отметим, что российская практика не выработала унифицированного подхода к вопросам раскрытия электронных доказательств. Думается, это связано с тем, что

¹⁰ The Sedona Conference Working Group Series. Available at: <https://thesedonaconference.org/wgs> (accessed: 14.03.2023).

¹¹ *Global Aerospace Inc. v. Landow Aviation, L.P.*, No. 61040 (Loudon County, Va. Cir. Ct. Apr. 23, 2012) / *Global Aerospace Inc., et al. v. Landow Aviation LP /dba/ Dulles Jet Center, et al.*, Consolidated Case No. CL 00061040-00, (Circuit Court Loudoun Cty., Apr. 23, 2012) (J. Chamblin). Available at: https://www.redgrav-ellp.com/sites/default/files/PredictiveCoding-GlobalAerospace_TamaraKarel.pdf (accessed: 14.03.2023).

¹² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть I), ст. 7523.

¹³ Федеральный закон «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

«модели раскрытия доказательств... либо не сформированы вообще, либо далеки от совершенства» (Fokina, 2019:29-46). Причем ученые интересуются этой проблематикой. В настоящее время идет формирование базовых теоретических начал, на которые могла бы опереться будущая практика. Так, ряд важных выводов сформулировал А.Т. Бонер. Первое: он отметил, что электронные документы пока в большинстве случаев рассматриваются в качестве разновидности письменных доказательств. Второе: он не согласился с этой сложившейся практикой, указав, что оценка судами электронных документов методами, предназначенными для письменных источников, может привести к серьезным ошибкам. Третье: он отметил, что письменный документ исследуется по правилам человеческой логики, а электронный документ рассчитан на «машинную» логику. Четвертое: машинная логика не может быть понята человеком без использования специальной технологии, которая бы преобразовала закодированную информацию в понятную для человека форму. Пятое: исследование электронных документов в суде должно осуществляться в соответствии с особыми, разработанными только для этого методами (Bonner, 2017:413–416).

Другие российские авторы сохраняют и оберегают традиционные подходы, следуют за законодателем и, в лучшем случае, цитируют А.Т. Бонера в тех ситуациях, когда им необходимо описать феномен электронных доказательств. Чаще всего речь ведется о технических средствах – видео- и аудиозаписях, а электронный документооборот воспринимается по аналогии с письменными доказательствами с заявлением о традиционных методах их судебной оценки (Treushnikov, 2016:91, 103).

А.Т. Бонер не пишет об искусственном интеллекте в судебном процессе, но его взгляды вполне соответствуют позиции о возможности введения в процессуальный оборот соответствующего программного обеспечения. Главный вывод состоит в том, что информация, созданная машиной или при помощи машины, может быть оценена только машиной... или человеком, но при помощи машины. С этим сложно не согласиться, поэтому данный тезис может быть рассмотрен как будущий аналог российских «Принципов Седоны». Тем более что в отечественной предпринимательской сфере искусственный интеллект уже имеет определенное положение, которое становится все более устойчивым.

В 2005 г. российский законодатель уточнил способы заключения гражданско-правовых договоров, подчеркнув, что одним из них может быть обмен электронными документами¹⁴. В 2019 г. это положение приобрело окончательную редакцию. Теперь электронный документооборот в коммерческой сфере не только не ставится под сомнение, а приобретает популярность (в том числе и по причинам, вызванным пандемией COVID-19). Еще в 2012 г. Ассоциация российских банков утвердила алгоритм заключения договоров в электронной форме¹⁵. Правда, в п. 2 ст. 434 Гражданского кодекса РФ электронный документ объявляется разновидностью письменной формы договора. С одной стороны, это не будет способствовать развитию самостоятельных инструментов оценки для такого рода доказательств; с другой, – специалисты в этой сфере получили довод законодателя, что для электронных документов приемлемы средства, позволяющие анализировать письменные доказательства.

¹⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1412.

¹⁵ Рекомендации по заключению договоров в электронной форме от 19.12.2012 // Вестник Ассоциации российских банков. 2013. № 1–2.

Поэтому если в сфере материального частного права электронный документ превратился в нормальное и даже в ординарное явление, то в сфере процесса ему еще предстоит отвоевывать место, отделяясь от письменных документов.

По экспертным оценкам в 2018 г. объем рынка искусственного интеллекта в стране за год вырос более чем на 40 %. Было зафиксировано развитие технологий в сфере финансов, аналитики, а также промышленности¹⁶. В августе 2020 г. Правительством РФ утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.¹⁷ В ней предусматривается формирование механизма правового регулирования, который бы являлся комфортным и безопасным, позволил бы развивать технологии, опирался на баланс интересов человека, общества, государства. Внимание уделяется обороту данных, юридической ответственности, страхованию, медицине, промышленности, транспорту, публичному управлению, градостроительству, космической отрасли. Концепция не оговаривает проблему судебной оценки информации с применением искусственного интеллекта, но можно предположить, что с развитием тех отраслей, которым посвящен документ, возникнет необходимость разрешения соответствующих споров.

Развитие электронных сервисов в экономической сфере означает, что рано или поздно российские судьи столкнутся с огромным массивом цифровой информации и предложением использовать для его оценки сервис, оснащенный искусственным интеллектом. Об этом говорил председатель Совета судей России В.В. Момотов (Катар, февраль 2020 г.). Нейтральный по отношению к человеку искусственный интеллект, по его мнению, – это миф, но его вспомогательное значение в судебном процессе бесспорно. В.В. Момотов признал, что в скором времени российским судьям будет доступно программное обеспечение, позволяющее распознавать общий смысл текста с возможностью выделять ключевые тезисы из текста; использовать системы распознавания речи и видеоизображения в целях разметки аудио- и видеопотоков судебных заседаний и даже автоматизированная подготовка проектов судебных актов¹⁸.

Отдельные дела, в которых судьи сталкиваются с непривычными доказательствами, уже встречаются. Например, двое граждан заключили договор возмездного оказания услуг (один обязался другому оказать услуги, связанные с предоставлением визы категории О-1 США, а также обеспечить его работой в США, за что получил вознаграждение – 8 500 долл. США). Обязательства исполнены не были, стороны также не заключали письменных договоров, не составляли актов, расписок. Их отношения подтверждались только перепиской по электронной почте за период с октября 2017 г. по февраль 2019 г., а также сообщениями в Facebook¹⁹. Суд посчитал, что

¹⁶ Искусственный интеллект (рынок России). Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_\(рынок_России\)?ysclid=lgv1vs4wjn645731254](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_(рынок_России)?ysclid=lgv1vs4wjn645731254) (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» от 19 августа 2020 г. № 2129-р. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁸ Момотов В.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.ssrif.ru/news/lienta-novostiei/36912> (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁹ 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

истец не смог в таких условиях подтвердить передачу ответчику 8 500 долл. В то же время суд рассмотрел представленную электронную переписку и дал ей оценку, в том числе указав, что из этой переписки однозначно не следует, на каких условиях стороны вступали в правоотношения²⁰. Здесь важен не столько результат, стороны явно не стремились к надлежащей юридической форме в своих отношениях, и, возможно, этому делу следовало придать вообще уголовно-правовой характер. Главное здесь то, что представитель истца сформировал доказательственную базу из электронных документов, а суд, по крайней мере, дал этим доказательствам оценку. Правда, в суде рассматривались не электронные носители, а их бумажные копии, заверенные нотариусом. То есть стороны и судья оперировали методами оценки доказательств, которые сформировались для бумажных документов. Интересно, какое бы решение было вынесено, если бы доказательства исследовались искусственным интеллектом?

Российские исследователи, с одной стороны, допускают вероятность участия программ с участием ИИ в принятии судьей юридически значимого решения в рамках приказного производства при определенных условиях, с другой стороны, не поддерживают попытки полной замены искусственным интеллектом правосудной деятельности судьи, включая и оценку доказательств (Stepanov, Pechegin & Diakonova, 2021:12).

Искусственный интеллект: опыт китайского правосудия

В этом смысле интерес представляет опыт Китая²¹, где в 2017–2018 гг. начали функционировать цифровые суды в г. Ханчжоу²², Пекине и Гуанчжоу, и где для раскрытия и оценки доказательств как одной из процессуальных стадий используются соответствующие цифровые инструменты. Речь об интеллектуальной системе анализа доказательств в рамках судебного разбирательства онлайн (блокчейн плюс искусственный интеллект, облачные данные и пр.). По представлению сторонами доказательств эта интеллектуальная система проводит их анализ и сопоставление, параллельно формируя и список необходимых доказательств, используемых вообще судебной практикой по аналогичным делам. Соответственно, автоматически могут быть запрошены дополнительные, не представленные стороной (неправильно загруженные или не соответствующие предъявляемым требованиям) доказательства. Особенно это облегчило деятельность судей при рассмотрении споров в финансовой сфере, когда нужно произвести множество сложных расчетов, дать судье основу для рассмотрения дела и принятия итогового решения (Sheremetyeva, Baturu & Y SH, 2020:160). Такая возможность возникла отчасти благодаря использованию технологий распределенного реестра. Загруженные в него документы обезличиваются, маркируются и хранятся в облачном хранилище. Их анализ производится с помощью технологий ИИ и больших данных. Если в начале функционирования интернет-судов в хранилища подгружались только те дела, которые рассматривались именно

²⁰ Решение Головинского районного суда г. Москвы от 11 июня 2019 по Делу № 2-2394/19. Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/civil/details/5eab8c01-6c9a-4989-9006-29ee9521e638?year=2019&actDocStatus=2&formType=fullForm> (дата обращения 10.04.2023).

²¹ Речь идет об опыте Китайской Народной Республики. Практика судопроизводства Китайской Республики, известной как «Тайвань», не рассматривается.

²² Сайт Интернет-суда Ханчжоу. Режим доступа: <https://www.netcourt.gov.cn/?lang=En> (дата обращения 10.04.2023).

интернет-судом, позже к ним присоединись и решения иных судов, чем фактически нивелировалась проблема вариативности решений по идентичным делам.

Внедрение технологии блокчейн в судебную систему проходило поэтапно, сначала в тестовом режиме в отдельных судах, затем была создана единая для всех судов технология. Во всех случаях государство сотрудничало с китайскими технологическими гигантами, прежде всего Alibaba Group Holding Ltd (в том числе через дочерние организации). Так, в 2018 г. запущена программа «Судебный блокчейн» в Ханчжоу. В 2019 г. аналогичные сервисы заработали в Пекине (март) и Гуанчжоу (апрель). В том же году анонсирована национальная «Единая платформа судебного блокчейна народного суда» для подключения всех судов страны. Объявляется, что внедрение платформы позволило сторонам, юридическим лицам, существенно экономить, подтверждая подлинность электронных доказательств, размещение которых в системе обходится им в 1 юань (в отличие от традиционного нотариального удостоверяя с ориентировочной ценой в 4 тыс. юаней). Правда, есть и замечания, связанные с технологией хранения информации и доверия к ней судов. Технологическая проблема связана с привлечением к созданию системы частных компаний, которые потенциально могут действовать в своих интересах; а мышление традиционных судей меняется очень медленно – с июня 2018 г. по декабрь 2019 г. они признали допустимыми электронные доказательства, сохраненные при помощи блокчейн, только в 400 случаях (Wang, 2021).

В онлайн судах КНР рассмотрение дел ограничено предметной сферой – речь о правонарушениях в сети «Интернет» при осуществлении онлайн торговли, ряда финансовых операций, при разрешении споров по авторскому праву, по сути все споры, связанные с взаимодействием в сети Интернет. Подсудность этих судов является исключительной – стороны не могут отказаться от разбирательства в этом суде, если их дело подпадает под подсудность интернет-суда. В отличие, например, от интернет-судов в Южной Корее, где обязательным является согласие обеих спорящих сторон. Судопроизводство идет полностью в цифровом формате, начиная с направления материалов в суд, включает проведение судебного заседания и вынесение решения с участием искусственного интеллекта.

Можно привести пример, когда сетевая компания, обладавшая исключительными правами на интернет-трансляцию финала чемпионата мира по футболу в Катаре, обнаружила, что игры чемпионата нелегально транслируются через мобильное приложение, принадлежавшее одной из столичных компаний. Иск с требованием о запрете был подан в Пекинский интернет-суд накануне финала, в тот же день вынесший положительное решение по делу. Эксперты и сам суд предположили, что проявленная оперативность не только соответствует характеру дела, но позволила эффективно защитить права истца, что, по-видимому, было бы затруднительно в обычном процессе²³. Если бы дело не было рассмотрено до финальной игры, то есть в день подачи заявления в суд, то убытки правообладателя были бы слишком велики, а проблема их компенсации, возможно, неразрешимой.

Стоит заметить, что несмотря на обсуждение перехода Китая на систему «умных судов» в контексте использования новой модели работы суда в рамках интеллектуальной судебной системы все же исследователи обращают внимание, что как такового цифрового судьи, выносящего решения ИИ, не существует. «Умный

²³ Illegal live broadcasting of World Cup prohibited by BIC. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2023-04/03/c_614.htm (accessed: 14.03.2023).

суд» нацелен не столько и даже вообще не на замену судьи на ИИ, а на минимизацию коррупционных рисков и обеспечение обоснованных судебных решений. Сделано это не для замены живого судьи на электронного, а скорее для снижения уровня коррупции и необоснованных решений²⁴. Так, решения Пекинского интернет-суда обеспечиваются двадцати девятью судьями, под председательством Цзян Ин, которые помимо дипломов о юридическом образовании (бакалавриат и магистратура) имеют также инженерное образование (бакалавриат)²⁵.

Если сопоставить первые полноценные онлайн-суды и их предметную подсудность, то окажется, что государство сформировало специализированную юстицию для споров, возникших в связи с использованием Интернета. Отчасти такое решение рассматривается как реакция на новое явление, связанное с появлением электронных доказательств, которые, по мнению Ч. Ван (Zhuhao Wang), традиционными судьями в полной мере не воспринимались в таком качестве. Судьи также не имели достаточных компетенций, чтобы оценить достоверность таких доказательств (Wang, 2021). В то же время А. (Лю) Си отмечает потенциальные проблемы применения онлайн правосудия, связывая их с возможностью принимать решения на основе статистики, например по их ранее отмененным делам, в ущерб тщательному анализу закона (инструментальное правосудие); снижением доступа к правосудию людей, не имеющих «выхода» в Интернет или не часто пользующихся его сервисами (электронное неравенство) и пр. (Alison (Lu) Xu, 2017) Критики также опасаются, что новые технологии могут побудить власти, судей к пренебрежению традиционными процессуальными гарантиями, в результате справедливость будет принесена в жертву эффективности, измеряемой скоростью и снижением расходов. Например, тенденция может затронуть стадии раскрытия и исследования доказательств, стороны и судьи займут более пассивные позиции, доверившись искусственному интеллекту. Имеются и технологические проблемы (Shu Shang & Guo, 2020).

Впрочем, вариант, который в конечном итоге был принят китайскими властями, демонстрирует понимание проблем. Подсудность онлайн судов ограничена определенной категорией дел; решение не принимается в несколько кликов компьютерной мыши, сохраняются традиционные стадии, насколько это возможно в условиях технологизации правосудия. Анализ судебной статистики и ее влияния на правосудие – это вопрос будущего, поскольку для его разрешения требуется релевантная статистика, охватывающая достаточно продолжительный период времени.

Предсказанное правосудие в европейской судебной практике

Хотя и осторожно, но все же предиктивные практики распространяются в европейском судопроизводстве. Есть интересные проекты Евросоюза, связанные с «предсказанным правосудием» (predictive/ predicting justice), когда с помощью искусственного интеллекта (ИИ) используются алгоритмы для анализа множества кейсов в короткие сроки, что позволяет в определенной мере предвосхитить исход спора (Biryukov, 2019). Европейская комиссия по вопросам эффективности правосудия

²⁴ В Китае внедрили судебный ИИ. Или нет? Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/677920/> (дата обращения 20.03.2023).

²⁵ Judges: Beijing Internet Court. Режим доступа: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/judges_3.html (дата обращения: 05.04.2023).

дия (СЕПЕЖ) Совета Европы утвердила «Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении» (4 декабря 2018 г.)²⁶. Из содержания Хартии следует, что судьи в государствах – членах Совета Европы не часто используют предиктивные инструменты для прогнозирования, хотя ряд исследований проводился.

Так, по инициативе Министерства юстиции Франции два апелляционных суда, в Ренне и Дуэ весной 2017 года договорились протестировать программное обеспечение predictive justice на различных судебных апелляциях, используя его в качестве эксперимента при рассмотрении гражданских споров, поскольку уголовное дело было исключено из сферы эксперимента по этическим соображениям: анализировались гражданские, социальные и коммерческие решения всех французских апелляционных судов. Было проведено трехмесячное судебное разбирательство с использованием программного обеспечения, названного коллегией судей «прогнозирующим»²⁷. Предлагалось оценить ценность количественного (инновационного) анализа сумм, выделенных двумя судами, в дополнение к географической классификации расхождений, отмеченных в аналогичных заявках и испытаниях. Цель программного обеспечения состояла в создании инструмента принятия решений, способного уменьшить, при необходимости, их чрезмерную вариативность во имя принципа равенства граждан перед законом. Результат эксперимента противоречиво обсуждался двумя апелляционными судами, Министерством юстиции и компанией LegalTech, разработавшей продукт. Девятого октября 2017 г. Министерство юстиции и первый Президиум апелляционного суда Ренна, подчеркнув современность подхода, не нашли «особой ценности для судей» программного обеспечения, поскольку уже существуют «высококачественные инструменты анализа судебной практики кассационного суда и апелляционных судов». Более того, указывалось на доминирование в программном обеспечении статистического подхода в ущерб качественному анализу и в некоторых случаях фиксации ошибочных результатов. Действительно, в отличие от англосаксонской системы, французская правовая система не построена на системе прецедентного права, а судебные решения принимаются, основываясь «на точном анализе фактов по каждому делу» без связи с предыдущими решениями (Rozec & Thiebaut, 2017).

Заметим, что все же известны примеры программ по использованию искусственного интеллекта, построенного по технологии deep learning (глубокое обучение) с целью предсказать результаты решений Европейского суда по правам человека. Получив доступ к доказательствам в рамках того или иного дела, технологии оценивали их в соответствии с заданными параметрами с точностью вердиктов порядка 79% из 584 рассмотренных дел (Aletras, Tsarapatsanis, Preotjuc-Pietro &

²⁶ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/196205/COUNCIL%20OF%20EUROPE%20-%20European%20Ethical%20Charter%20on%20the%20use%20of%20AI%20in%20judicial%20systems.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁷ CEPEJ, European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial System and their Environment 34 (CEPEJ (2018)14, Dec. 3, 2018). Режим доступа: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>, Режим доступа: <https://perma.cc/7XP4-SWK6> (дата обращения: 01.04.2023); Philippe Rozec & Louise Thiebaut (2017) Intelligence artificielle: les limites de la justice predictive [Artificial Intelligence: The Limits of Predictive Justice], LES ECHOS. 2. Режим доступа: <https://perma.cc/K2WM-3399> (дата обращения: 20.04.2023).

Lampros, 2016:93). На все это указывалось Европейской комиссией по эффективному правосудию²⁸.

Очевидно, что страны – члены Европейского Союза делают попытки внедрить на национальном уровне идеи «предсказанного правосудия» с использованием предикативных *технологий/инструментов*. В этом контексте Европейский Парламент и Совет Европы Регламентами 2018/1724 (2 октября 2018 г.) и 2020/1784 (25 ноября 2020 г.) установили единый цифровой шлюз для трансграничного обмена доказательствами и порядок вручения судебных и внесудебных документов по гражданским или коммерческим делам (запросы, подтверждения, квитанции, сертификаты и сообщения). Считается, что это должно повысить скорость передачи и судебных, и внесудебных документов в трансграничном гражданском процессе²⁹.

Заключение

Итак, при решении вопроса о возможности использования предиктивного кодирования как инструмента предсказанного правосудия судьи придерживаются определенных правил. Они стараются получить согласие сторон в раскрытии доказательств с использованием таких программ, даже если сами являются инициаторами этого процесса. В протоколах, регулирующих процедуру раскрытия информации, сторонам предписывается оказывать содействие друг другу. Большое значение играет проверяемость данных. Поскольку участникам процесса, как и суду, сложно проверить достоверность после того, как программа вынесет вердикт, то большое внимание уделяется стадии, предшествующей началу работы программы, в том числе выработке общих правил раскрытия информации и специфике машинного обучения для конкретного дела. Таким образом обеспечивается доверие к будущему результату. Если стороны сотрудничают друг с другом, если каждая из них получает доступ к информации, если суд разумно реагирует на требования, возражения участников, то в последующем им будет сложно оспорить выведенные искусственным интеллектом результаты раскрытия доказательств, поскольку у каждого в процессе были равные возможности участия и влияния на результат.

Отметим, что в процессе, где сталкиваются публичный и частный интересы данные компьютерные инструменты так широко не применимы нигде, в силу неравенства сторон, когда сложнее договориться о едином методе, предварительно преодолев взаимное недоверие. Хотя и в гражданском процессе, искусственный интеллект пока не стал преобладающим методом. Золотым правилом доказывания по-прежнему остается ручная человеческая проверка документов. Это можно объяснить тем, что данное программное обеспечение пока не завоевало полного доверия среди широкой юридической общественности. Достоверность решений, вынесенных в процессе доказывания – это еще и готовность людей доверять суду. Так, Европейский Суд по правам человека указал на неприемлемость поиска защиты суда, к которому заявитель совсем утратил доверие. Чтобы заслужить сопоставимой

²⁸ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/196205/COUNCIL%20OF%20EUROPE%20-%20European%20Ethical%20Charter%20on%20the%20use%20of%20AI%20in%20judicial%20systems.pdf> (дата обращения: 4rd April 2023).

²⁹ Цифровизация судебного процесса: опыт Евросоюза. Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/digitalrightscenter/blog/696846/> (дата обращения: 04.04.2023).

степени доверия искусственному интеллекту, нужно время и успешная история его использования для решения юридически значимых задач в разных сферах человеческой жизни.

References / Список литературы

- Aletras, N., Tsarapatsanis, D., Preoțiuc-Pietro, D. & Lampos, V. (2016) Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing Perspective. *PeerJ Computer Science*. 2:e93. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>
- Alison (Lu) Xu (2017) Chinese judicial justice on the cloud: a future call or a Pandora's box? An analysis of the 'intelligent court system' of China. *Information & Communications Technology Law*. 26(1), 59–71. <http://dx.doi.org/10.1080/13660834.2017.1269873>
- Asimov, I. (1991) *I Robot*. New York, Bantam Books.
- Barak, A., (1999) *Judicial Discretion*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. 376 с.
- Biryukov, P.N. (2019) Artificial Intelligence and “Predicted Justice”: Foreign Experience. *Lex Russica*. 11(156), 79–87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087> (in Russian).
Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex Russica* (Русский закон). 2019 № 11(156). С. 79–87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087>
- Bonner, A.T. (2017), *Selected Works: in 7 vols. V. Problems of the Theory of Judicial Evidence*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian)
Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств. М.: Проспект, 2017. 560 с.
- Byram, E. (2013) The Collision of the Court and Predictive Coding: Defining Best Practices and Guidelines in Predictive Coding for Electronic Discovery. *Santa Clara High Technology Law Journal*. 29(4), 675–701.
- Dvorkin, R. (2004) *Taking Rights Seriously*. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
- Fokina, M.A. (2019) Law of Evidence in the Civil Procedure: Unrealized opportunities. *Herald of Civil Procedure*. (1), 29–46. (in Russian).
Фокина М.А. Доказательственное право в цивилистическом процессе: нереализованные возможности // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 29–46.
- Hart, H.L.A. (2013) Discretion. *Harvard Law Review*. 127(2), 652–665.
- Kudryavtseva, E.V. & Smolnikov, D.I. (2019) The court's role in the proof of facts in the light of civil justice reform. *Zakon*. (4), 104–113. (in Russian).
Кудрявцева Е.В., Смольников Д.И. Роль суда в процессе доказывания в свете судебной реформы в гражданском судопроизводстве // Закон. 2019. № 4. С. 104–113.
- Locke, J. (2009) *Two Treatises on Governance*. Moscow, “Canon +” ROOI “Rehabilitation” Publ. (in Russian).
Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: «Канон+» ROOI «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Montesquieu, S.-L. (1900) *The Spirit of Laws or on the Relations in which Laws should be to the Government, Morals, Climate, Religion, Trade, etc*. Saint Petersburg, From L.F. Panteleev. (in Russian).
Монтескье Ш.-Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. СПб.: Из-е Л.Ф. Пантелеева, 1900. 800 с.
- Murphy, Tonia Nap (2013) Mandating Use of Predictive Coding in Electronic Discovery: An Ill-Advised Judicial Intrusion. *American Business Law Journal*. 50(3), 609–657.
- Sheremetyeva, N.V., Baturo, I.V. & Y SH (2020) Features of Electronic Justice in China. *Law and practice*. (2), 159–163. (in Russian).
Шереметьева Н.В., Батура И.В., У Шуан. Особенности электронного правосудия в КНР // Право и практика. 2020. № 2. С. 159–163.

- Shu Shang C. & Guo, W. (2020) The Rise of Online Dispute Resolution-Led Justice in China: an Initial Look. *Australian National University Journal of Law and Technology*. 1(2), 35–41.
- Smagina, E.S. (2019) Is the Procedural Revolution Completed? *Bulletin of Civil Procedure*. (4), 119–123. (in Russian).
Смагина Е.С. Завершена ли процессуальная революция? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 119–123.
- Stepanov, O.A., Pechegin, D.A. & Dyakonova, M.O. (2021) Towards the Issue of Digitalization of Judicial Activities. *Law. Right. Journal of the Higher School of Economics*. (5), 4–23. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23> (in Russian).
Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 4–23. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23>
- Treushnikov, M.K. (2016) *Judicial Evidence*. Moscow, Gorodets, Publ. (in Russian).
Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2016. 304 с.
- Wang, Zh. (2021) The Supreme People’s Court of China has Embraced Blockchain, Built online Courthouses, and Moved to Digitalize Court Systems in a Bold Embrace of Technology. Here’s How it’s Going. *Judicature*. 105(1), 38–40.

Сведения об авторах:

Шерстобоев Олег Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Новосибирский государственный университет экономики и управления; 630099, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56

ORCID ID: 0000-0001-6972-8241

e-mail: sherson@yandex.ru

Михеева Ирина Вячеславовна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12

ORCID ID: 0000-0001-9323-6511, SPIN: 3237-4119

e-mail: imikheeva@hse.ru

About the authors:

Oleg N. Sherstoboev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of Law Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management; 56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6972-8241

e-mail: sherson@yandex.ru

Irina V. Mikheeva – Doctor of Legal Sciences, Head of the Constitutional and Administrative Law Department, HSE University, Nizhny Novgorod Campus; 25/12 Bolshaya Pecherskaya str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9323-6511, SPIN: 3237-4119

e-mail: imikheeva@hse.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>
EDN: QXGMAB

Научная статья / Research Article

Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения

Н.Ю. Скрипченко

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация
[✉n.skripchenko@narfu.ru](mailto:n.skripchenko@narfu.ru)

Аннотация. Стремительная цифровая трансформация преступности определяет высокую значимость уголовно-правового регулирования, которое, по мнению отдельных ученых, требует модернизации, обеспечивающей более строгое государственное порицание лиц, посягающих на безопасность в информационно-коммуникационном пространстве. Критически оценивая указанное предложения, реализация которого повлечет увеличение норм, конструктивно не соответствующих требованиям нехарактерности квалифицирующего признака для деяний, зафиксированных в основном составе, что грозит искусственным повышением степени опасности преступности, автор предлагает откорректировать закон, обеспечив унифицированное определение соответствующего объективного признака. Тотальность и мультивариативность использования информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях актуализирует вопрос определения границ, в рамках которых задействованность коммуникационных резервов соответствующих технологий будет образовывать механизм преступного деяния, значимость которого возросла в связи с расширительным толкованием Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака применительно к составу п. «б» ст. 2 ст. 228¹ УК РФ. Системность реализации закона может послужить основой для широкого определения указанного признака и в рамках других составов, тая угрозы судебной пенализации деяний. Репрессивность уголовно-правового регулирования исключает поспешное, лишённое криминологического обоснования реформирование закона. Решение о расширении дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих деяния, представляющие опасность либо для обеспечения унифицированного нормативного определения смежных преступных деяний. Методологическую основу составляют общенаучные (анализ и синтез, диалектика) и частнонаучные методы исследования (уголовно-статистический, системно-структурный, формально-юридический).

Ключевые слова: способ совершения преступления, дифференциация уголовной ответственности, состав преступления, общественная опасность, правила юридической техники, пенализация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Скрипченко Н.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 09 мая 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Скрипченко Н.Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 196–214. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>

The use of information and telecommunication networks for criminal purposes: regulatory accounting and prospects for expanding criminal law authority

Nina Yu. Skripchenko

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation

 n.skripchenko@narfu.ru

Abstract. The rapid digital transformation of crime determines the high importance of criminal law regulation, which, according to some scholars, requires modernization to ensure a stricter state censure of persons encroaching on security in the information and communication space. Critically assessing this proposal, whose implementation will entail numerous norms that are constructively inconsistent with the requirements of non-characteristic property of a qualifying feature for acts, which threatens to artificially increase the danger of crime, the author proposes to amend the law, ensuring a unified definition of the relevant objective feature. The totality and multivariability of the use of information and telecommunication networks for criminal purposes actualizes the issue of determining the boundaries within which the involvement of communication reserves of the relevant technologies will form a mechanism for a criminal act, the significance of which has increased due to the broad interpretation by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the relevant objective feature in relation to the composition paragraph "b" part 2 Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The systematic implementation of the law may serve as a basis for a broad definition of this feature also within the framework of other compositions, posing a threat of judicial penalization of acts. The repressive nature of criminal law regulation precludes hasty reforming of the law, devoid of criminological substantiation. The decision to expand the differentiating meaning of the analyzed objective feature may be dictated by the emergence in society of social relations that are not regulated by law, giving rise to acts that pose danger, or to ensure a unified normative definition of related criminal acts. The methodological basis is made up of general scientific (analysis and synthesis, dialectics) and private scientific research methods (criminal-statistical, systemic structural, formal legal).

Key words: method of committing a crime, differentiation of criminal liability, corpus delicti, public danger, rules of legal drafting technique, penalization

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 09th May 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Skripchenko, N.Yu. (2024) The use of information and telecommunication networks for criminal purposes: regulatory accounting and prospects for expanding criminal law authority. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 196–214. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>

Введение

Стремительно расширяя свое влияние на все социальные сферы (производство, образование, здравоохранение, транспорт, финансы, государственные услуги, торговля, досуг и т.д.), цифровые технологии, трансформируя общественную жизнь из реального в виртуальное пространство, оказывают существенное влияние на развитие как отдельных государств, так и всего мирового сообщества (Bazelon, Choi & Conaty, 2006:4; Hancock, 2001:6; Stephen, 1997:10). Ликвидируя пространственные и языковые барьеры, обеспечивая экономию временных, человеческих, материальных и финансовых ресурсов, оперативно совершенствующиеся ИТ-технологии стимулируют перманентную модернизацию электронных средств связи и коммуникационных устройств, развитие систем искусственного интеллекта, массовой гибридизации и киборгизации. Однако, как и большинство научных достижений, новые технологии нашли широкое применение и в криминальных целях, что потребовало реформирования уголовно-правового механизма противодействия киберпреступлениям. Впервые закрепив применение «информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (включая сеть “Интернет”») в качестве признака, влекущего более строгую санкцию за манипулирование ценами на рынке ценных бумаг (ч. 2 ст. 185³ УК РФ) в 2009 г.¹, отечественный законодатель стал «закладывать» использование соответствующих технологических систем передачи информации в содержание объективной стороны отдельных составов преступлений. Задействованность трансляционного потенциала информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях определила расширение числа составов, охватывающих указанный способ в числе конструктивных или квалифицирующих признаков, и специальный ведомственный статистический учет соответствующих преступлений. Так, по данным Министерства внутренних дел РФ в 2017 г., было зарегистрировано 90,5 тысяч преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, в 2018 г. – 174,6 тысяч, в 2019 г. – 294,4 тысяч, в 2020 г. – 510,4 тысяч, в 2021 г. – 518,1 тысяч, а в 2022 г. – 522,1 тысяч². Приведенные показатели свидетельствуют о том, что киберпреступность стала одним из глобальных вызовов современности, составляя четверть официально учтенных криминальных посягательств в нашей стране. Намечившееся с 2020 года замедление темпов роста анализируемых преступлений, не может не вызывать обоснованного скепсиса, так

¹ Федеральный закон от 30 октября 2009 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 44. Ст. 5170.

²Приводятся сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации, отраженные в сборниках за 2017–2022 годы «Состояние преступности в России за январь – декабрь». Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports>. (дата обращения: 10.03.2023).

как относительная стабильность достигнута за счет сокращения дистанционных мошенничеств и краж (интенсификация виктимологической профилактики позволила добиться в 2022 г. снижения указанных видов хищения на 8,6 %), составляющих почти три четверти (73,0 %) криминальных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Отличающиеся же высоким уровнем латентности преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств демонстрируют значительный прирост (на 20,9 %)³.

Отечественные и зарубежные специалисты отмечают качественные изменения современной преступности, которая, отличаясь технической оснащенностью и интеллектуальностью, становится все более сложной по исполнению (Begishev, 2022:10; Russkevich, 2019:9; Gracheva, Malikov & Chuchayev, 2020:190; Vasyukov, Volevodz, Dolgieva & Chapygina, 2023:7; Gerd, 2018:20; Viano, 2017:5; Fortes & Boff, 2017:8; Wang Guangloon, 2022:590). Новые технологии задействуются не только при совершении корыстных посягательств, преступлений, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, порнографии, призывах к действиям антисоциальной и деструктивной направленности, но и в преступлениях, отличающихся физической контактностью. Выявив в насильственной преступности тенденцию снижения грубой физической силы и распространения более «тонкого» – информационного – воздействия на потерпевшего, криминалисты констатируют не только экскурс физического насилия перед психическим, но и появление новых технологичных способов посягательств на жизни и здоровье (например, убийство посредством дистанционного отключения электрокардиостимулятора) (Artyushina, 2019:78; Efremova & Lopatina, 2021:56; Begishev & Khisamova, 2021:80; Nekrasov, 2019:373).

Стремительно развивающаяся архитектура виртуального пространства, представляющая криминалу неограниченные возможности для оказания негативного воздействия на личность, общество и государство, а также обеспечивающая неуязвимость перед законом, позволяет прогнозировать эскалацию киберпреступности, что актуализирует значимость уголовно-правового регулирования. Содержание же охранительных норм вызывает критические замечания ученых, отмечающих отступление от унифицированного подхода к дефинированию соответствующего признака объективной стороны и избыточную нормативную казуичность, акцентирующих внимание на непоследовательности законодательного определения места соответствующего способа в структуре составов преступлений (Harlamova, 2016:95–96; Shutova, 2015:205–204; Shevko & Chita, 2016:117; Russkevich, 2019:127).

Насыщенное специальной терминологией отраслевое законодательство, к которому отсылают уголовно-правовые запреты, дезориентирует правоприменителя, испытывающего дефицит знаний понятийного аппарата и принципов устройства сферы информационно-телекоммуникационных технологий, что негативно отражается на стабильности и единообразии реализации репрессивного закона (Voronin, 2021:120; Hromov, 2021:34–35; Bykova & Kazakov, 2022:17; Vasyukov,

³ Приводятся сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации, отраженные в сборниках за 2017–2022 годы «Состояние преступности в России за январь – декабрь». Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://xn--blaew.xn--plai/reports>. (дата обращения: 10.03.2023).

Volevodz, Dolgieva & Chapygina, 2023:445). Широкая криминальная востребованность и перманентная модификация форм использования информационных технологий в преступных целях актуализируют потребность как комплексного анализа нормативного учета соответствующего способа, так и выявления необходимости расширения потенциала уголовного закона по противодействию посягательствам, задействующим коммуникационные резервы новых технологий, что и составляет цель настоящего исследования.

Нормативное определение и учет использования информационно-телекоммуникационных сетей в конструкции составов преступлений

Действующая редакция УК РФ⁴ содержит 34 состава преступления, объективная сторона которых охватывает использование информационно-телекоммуникационных систем, из них 8 составов закрепляют рассматриваемый признак в качестве криминообразующего, 23 – квалифицирующего и 4 – особо квалифицирующего (табл.)⁵. А если учесть, что ряд составов, указанных в таблице, содержат квалифицированные и особо квалифицированные признаки, предусматривающие более строгое наказание за деяния, совершенные с использованием высокотехнологичных систем, предназначенных для передачи информации, то можно насчитать более 50 инфотехнологичных составов.

Нормативная конкретизация и учет технологических систем в конструкции составов преступлений

Нормативное определение	Состав преступления		
	Основной	Квалифицированный	Особо квалифицированный
распространение в... информационно-телекоммуникационных сетях / вмешательство в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей	ч. 3 ст. 137, ч. 1 ст. 159 ⁶ УК РФ		
с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"	ч. 1 ст. 171 ² УК РФ	п. «б» ч. 3 ст. 133, п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222 ¹ , п. «в» ч. 3 ст. 222 ² , ч. 1 ¹ ст. 238 ¹ , п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242 ¹ , п. «в» ч. 2 ст. 354 ¹ УК РФ	п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 5 ст. 222 ¹ , п. «в» ч. 5 ст. 222 ² , ч. 4 ст. 354 ¹ УК РФ
распространение через /с использованием/ электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть "Интернет")	ч. 1 ст. 185 ³ УК РФ	п. «б» ч. 2 ст. 228 ¹ , ч. 2 ст. 280 ¹ , п. в ч. 2 ст. 280 ⁴ УК РФ	

⁴ Анализируется УК РФ в редакции Федерального закона от 10 июля 2023 года № 323-ФЗ.

⁵ При подсчете не учитывались составы ст. 274, ч. 3 ст. 274¹, ч. 1 и 2 ст. 274² УК РФ, в которых информационно-телекоммуникационные сети выступают объектом противоправного воздействия.

Окончание табл.

Нормативное определение	Состав преступления		
	Основной	Квалифицированный	Особо квалифицированный
с использованием ... электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"	ч. 1 ¹ ст. 258 ¹ , ч. 2 ст. 260 ¹ УК РФ	ч. 2 ст. 205 ² , ч. 2 ст. 280 УК РФ	
демонстрацией /с использованием/ в...информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")		п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110 ¹ , ч. 2 ст. 110 ² , п. «в» ч. 2 ст. 151 ² , п. «г» ч. 2 ст. 230, п. «г» ч. 2 ст. 242 ² , п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258 ¹ , п. «б» ч. 3 ст. 260 ¹ УК РФ	
с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"	ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 282 УК РФ	ч. 2 ст. 128 ¹ УК РФ	

Legislative definition and accounting of technological systems in the structure of crimes

Legislative definition	Corpus delicti		
	Basic	Skilled	Particularly qualified
distribution in ... information and telecommunication networks / interference in the functioning of information and telecommunication networks	Part 3 Art. 137, Part 1 Art. 159.6 Criminal Code of the Russian Federation		
using information and telecommunication networks, including the "Internet"	Part 1 Art. 171.2 Criminal Code of the Russian Federation	Item "c" Part 3 Art. 222, Item "c" Part 3 Art. 222.1, Item "c" Part 3 Art. 222.2, Part 1.1 Art. 238.1, Item "b" Part 3 Art. 242, Item "d" Part 2 Art. 242.1, Item "c" Part 2 Art. 354.1 Criminal Code of the Russian Federation	Item "b" Part 3 Art. 133, Item "c" Part 5 Art. 222, Item "c" Part 5 Art. 222.1, Item "c" Part 5 Art. 222.2, Part 4 Art. 354.1 Criminal Code of the Russian Federation
distribution via /using/ electronic, information and telecommunication networks (including the "Internet")	Part 1 Art. 185.3 Criminal Code of the Russian Federation	Item "b" Part 2 Art. 228.1, Part 2 Art. 280.1, Item "c" Part 2 Art. 280.4 Criminal Code of the Russian Federation	
using ... electronic or information and telecommunication networks, including the "Internet"	Part 1.1 Art. 258.1, Part 2 Art. 260.1 Criminal Code of the Russian Federation	Part 2 Art. 205.2, Part 2 Art. 280 Criminal Code of the Russian Federation	
demonstration / using / in ... information and telecommunication networks (including the "Internet")		Item "e" Part 2 Art. 110, Item "e" Part 3 Art. 110.1, Part 2 Art. 110.2, Item "c" Part 2 Art. 151.2, Item "d" Part 2 Art. 230	

End of the Table

Legislative definition	Corpus delicti		
	Basic	Skilled	Particularly qualified
		Item “d” Part 2 Art. 242.2, Item “d” Part 2 Art. 245, Item “b” Part 2 Art. 258.1, Item “b” Part 3 Art. 260.1 Criminal Code of the Russian Federation	
using information and telecommunication networks, including the "Internet"	Part 1 Art. 282, Part 2 Art. 282 Criminal Code of the Russian Federation	Part 2 Art. 128.1 Criminal Code of the Russian Federation	

Следует обратить внимание, что ряд статей Особенной части УК РФ содержат скрытую инфотехнологичность. Напрямую не закладывая соответствующий способ в объективную сторону состава, законодатель устанавливает ответственность за деяние, которое может быть совершено исключительно посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Например, кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), может быть совершена путем передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники; неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» (ч. 3 ст. 141 УК РФ) осуществляется посредством противоправного доступа к охраняемой законом компьютерной информации в названной автоматизированной системе; фальсификация реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ч.ч. 2, 3 ст. 170¹ УК РФ) возможна в результате внесения в информационные ресурсы (реестр владельцев ценных бумаг, систему депозитарного учета) заведомо недостоверных сведений путем доступа к ним, через информационно-коммуникационные системы; в случаях, когда предметом неправомерного оборота средств платежей выступают электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, действия предусмотренные ст. 187 УК РФ, совершаются посредством информационно-коммуникационных технологий.

Системный анализ статей УК РФ, конкретизирующий рассматриваемый объективный признак, свидетельствует об отсутствии унифицированного подхода к определению информационных ресурсов, используемых в криминальных целях. Видовое же многообразие доступных для пользователей информационно-телекоммуникационных сетей⁶ актуализирует вопрос обоснованности конкретизации в уголовно-правовых запретах одной из глобальных сетей.

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о широкой терминологической палитре, используемой в нормах УК РФ при конкретизации одного и тот же признака и об отсутствии унифицированного подхода к определению уголовно-правового значения (в одних составах информационно-телекоммуникационный

⁶ Информационно-телекоммуникационные сети могут быть: *локальными*, действующими в рамках одного здания, организации; *ведомственными*, охватывающими пользователей одного ведомства или корпорации; *региональными*, объединяющими пользователей городов, областей и других территориальных единиц; *специального назначения*, например, защищенная сеть государственной автоматизированной системы ГАС «Правосудие», государственная автоматизированная система ГАС «Выборы» и др.; *глобальными*, рассчитанными на неограниченное число абонентов на большой географической территории (Интернет, Фидонет, Фунет, Фарнет и другие).

способ отнесен к числу криминообразующих признаков, в других – усиливает наказание).

Выявленное отступление от понятийного единства обусловлено, на наш взгляд, поэтапным нормативным закреплением соответствующего признака, дефинирование которого оттачивалось с учетом накопления эмпирического материала, отражающего использование коммуникативного потенциала новых технологий в механизме преступления и совершенствования отраслевого законодательства, а также разнообразием форм применения информационных технологий в противоправных целях, зависящих от криминального деяния.

Однако терминологическое многообразие не только актуализирует вопрос о пределах действия норм, закрепляющих рассматриваемый признак, но и о содержательном различии электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. В этой части следует обратить внимание, что в отличие от легально определенного термина «информационно-телекоммуникационные сети»⁷, понятие «электронные сети» не раскрыто на уровне закона; отсутствует констатация указанного понятия и в специальной литературе. Проведя системный анализ понятий «сеть», характеризующего «совокупность путей, каналов, линий связи и т.п.», и «электронный», означающего «связанный с применением свойств электронов», А.А. Харламова отмечает идентичность указанных выше дефиниций, охватывающих телекоммуникацию, осуществляемую посредством информационных технологий, что, по справедливому замечанию ученого, исключает потребность конкретизации «электронных сетей» в статьях УК РФ (Harlamova, 2016:95–96).

Приняв 15 декабря 2022 года постановление № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»⁸ (далее – Постановление № 37), Пленум Верховного Суда РФ не только дефинировал информационно-телекоммуникационные сети для целей уголовного законодательства, ни и снял с правоприменителя бремя дифференциации электронных и информационно-телекоммуникационных сетей⁹, разъяснив в п. 17 Постановления № 37 об едином содержании указанных понятий в уголовных запретах. Учитывая же, что нормативная избыточность подлежит устранению посредством

⁷ В соответствии п. 4 ст. 2 Федерального закона РФ 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» *информационно-телекоммуникационная сеть* есть технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3438.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ При вменении соответствующего признака суды конкретизировали использование электронной и информационно-телекоммуникационной сети в механизме преступного деяния. Например, в одном из решений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отмечается: «Поскольку *организация деятельности осужденных и неустановленных лиц по сбыту наркотических средств происходила посредством сети Интернет, оплата* (курсив наш – авт.) за наркотики *осуществлялась путем совершения электронных платежей*, то их действия судом также правильно квалифицированы по признаку совершения преступлений с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет // Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 января 2018 г. № 48-АПУ17-30 // СПС «КонсультантПлюс».

корректировки закона, а не путем расширительного судебного толкования, представляется необходимым исключить из содержания соответствующих статей УК РФ термин «электронные сети». Требуемая правилами юридической техники универсальное определение содержательно схожих признаков и экономия нормативного материала, может быть обеспечена посредством исключения частного понятия «сеть “Интернет”».

Перспективы расширения дифференцирующего значения использования информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях

Стремительная цифровая трансформация преступности диктует потребность как теоретического переосмысления базовых институтов уголовного права (например, дематериализация предмета криминальных посягательств стирает физические границы одного из ключевых признаков объекта преступления; виртуализация преступного деяния определяет пересмотр содержания объективной стороны состава, а также изменение подходов к определению стадий и момента окончания преступлений, оценку на пригодность норм о соучастии; обеспечение предупредительной задачи уголовного права определяет трансформацию объема репрессивного воздействия уголовных наказаний, позволяющего ограничивать или лишать «цифровых» прав осужденных и т.д. (Russkevich, 2019:333), так и совершенствования уголовного закона, выступающего регулятором общественных отношений, возникающих в связи с нарушением запретов.

Отдельные ученые связывают модернизацию уголовно-правового механизма обеспечения безопасности в информационно-коммуникационном пространстве с расширением квалифицированных составов, содержащих соответствующий объективный признак, предлагая закрепить его в нормах, предусматривающих ответственность за угрозу убийством (ст. 119 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ), призывы к массовым беспорядкам (ст. 212 УК РФ), сбыт прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки, новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. ст. 228⁴, 234, 234¹ УК РФ) (Golovanova, Gravina, Zaycev, Kashepov & Koshaeva, 201:86). На наш взгляд, репрессивность уголовно-правового регулирования исключает поспешное, лишённое криминологического обоснования реформирование закона. Нормативное расширение дифференцирующего значения использования информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях должно быть направлено не на оперативное решение частных задач борьбы с отдельными посягательствами, а должно иметь достаточные социально-правовые основания и соответствовать правилам юридической техники.

Отмечая очевидную необязательность влияния применения информационных технологий на степень общественной опасности значительной части криминальных деяний (например, социальная вредность разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, мошенничества, вымогательства и др., принципиально не меняется в случае отправки «секретных документов» электронным письмом, а не передачи в процессе очного контакта, обмана или угроз высказанных лично потерпевшему, а не переданных через Skype или WhatsApp) (Russkevich, 2017a:76), ряд специалистов справедливо указывают, что появление

нового (информационного) способа совершения преступления априори не свидетельствует о том, что он является более опасным, чем традиционный, а во многом указывает на проблему отставания социального контроля от развития общества и изменения преступности (Russkevich, Dmitrenko & Kadnikov, 2022:590).

В этой части следует обратить внимание на составы, в которых квалифицирующее значение информационно-технологического способа определено без учета требования об обязательности существенного перепада в уровне общественной опасности деяния, отнесенного к квалифицированному составу (Kruglikov & Vasilevsky, 2002:182–184). Так, принимая в 2022 году решение о дифференциации ответственности за понуждение несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, законодатель установил более строгие санкции за понуждение, совершенное с использованием... информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети “Интернет”) (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ)¹⁰. Однако адресность педофильного посягательства исключает существенное повышение уровня общественной опасности понуждения к действиям сексуального характера, совершаемого посредством коммуникационного потенциала соответствующих технологий. Будучи реальными и действительными, угрозы, переданные путем конклюдентных действий, устных высказываний, столь же социально вредны, как и доведенные до потерпевшего через мессенджеры, социальные сети и т.п. (Milyukov & Skripchenko, 2022:584).

В условиях высокой социальной востребованности достижений четвертой промышленной революции расширение дифференцирующего значения рассматриваемого способа может свести на нет реализацию основных составов, предусмотренных статьями УК РФ, в которых данный объективный признак найдет закрепление. Стремительное вытеснение офлайн общения дистанционным переводит личный контакт из правила в исключение, а следовательно, и признак, возведенный в ранг отягчающего, становится нормой для большинства деяний, зафиксированных в основном составе, что нарушает правило конструирования квалифицированных составов – нехарактерность квалифицирующего признака для деяний основного состава (Kruglikov & Vasilevsky, 2002:182–184). Отступление от данного правила очевидно, на наш взгляд, в составах, предусматривающих ответственность за оборот порнографических материалов и предметов, в том числе с порнографическим изображением несовершеннолетних. Обеспечивая конфиденциальность, доступность, оперативность передачи – получения информации, социальные сети, электронные ресурсы, интернет-страницы, выступают на сегодняшний день основной площадкой, через которую осуществляется рекламирование, распространение и публичная демонстрация порнографических материалов. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹¹, 87 % осужденным за оборот порнографических материалов в 2020 г. вменялся признак использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет” (п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ), в 2021 и 2022 г. по указанной норме понесли наказание 88 % осужденных.

¹⁰ Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1395.

¹¹ Использованы данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сводный отчет статистических данных о состоянии судимости за 2021, 2022 годы. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем советам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.04.2023).

Прогрессирующая зависимость социума от информационно-телекоммуникационных технологий определит дальнейшую криминальную экспансию виртуального пространства, что и при неизменном числе инфотехнологичных составов, грозит увеличением норм, конструкция которых не соответствует требованиям нехарактерности квалифицирующего признака для большинства деяний, зафиксированных в основном составе (Kruglikov & Vasilevsky, 2002:183), что в свою очередь повлечет искусственное повышение степени опасности преступности. Накопленный же опыт реализации закона свидетельствует о том, что завышенная легальная оценка общественной опасности деяния компенсируется судебной депенализацией (Babaev, Pudovochkin, 2021:30; Momotov, 2023:124; Guk & Korshunova, 2020:106; Milyukov & Skripchenko, 2022:586). Широкий арсенал средств индивидуализации мер государственного принуждения позволяет органам уголовной юстиции не только назначать наказание в пределах медианы санкций, но и «выйти» за нижние ее границы. Разновекторность же легальной и судебной политики свидетельствует об ослаблении социального предназначения криминальной отрасли (Shulman, 1952:324), сигнализируя о необходимости реверсивной корректировки закона.

Тотальность и мультивариативность использования информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности актуализирует вопрос определения границ, в рамках которых задействованность коммуникационных резервов соответствующих технологий будет образовывать механизм преступного деяния, значимость которого возросла в связи с расширительным толкованием Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака применительно к составу п. «б» ст. 2 ст. 228¹ УК РФ. Ориентируя суды на вменение «использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» в случаях *использования* лицом указанных сетей *для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления* или *входящих в его объективную сторону* (здесь и далее курсив наш – авт.), независимо от стадии совершения преступления (п. 20 Постановления № 37), высший судебный орган, по сути, перевел отдельные виды вспомогательного применения соответствующих технологий в инструментальное. Так, приводимые Пленумом примеры действий, образующих «использование» соответствующих технологических систем при незаконном сбыте наркотических средств: подыскание источника незаконного приобретения наркотических средств с целью сбыта; подыскание соучастников незаконной деятельности по сбыту; размещение информации для приобретателей наркотических средств; поддержание связи между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления, «выходят» за содержание деяния, охватывающего сбыт наркотических средств.

Очевидно, что в основе данного подхода лежит дефиниция «сбыта», содержащаяся в п. 13 постановления от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹² которая в 2015 г.¹³ подверглось

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

существенной корректировке. Отказавшись в новом понятии «сбыта» от *действия* – передача (любым способом) наркотиков, в пользу *деятельности*, направленной на реализацию наркотиков, Пленум Верховного Суда РФ своим толкованием существенно расширил содержание криминального деяния, сдвинув и момент юридического окончания преступления на более раннюю стадию, и момент начала выполнения объективной стороны, фактически пенализировав незаконные сделки с наркотическими средствами.

Широкий временной промежуток и набор действий, охватываемых *деятельностью*, которые образуют сбыт и не находятся в прямой зависимости от фактического получения наркотика приобретателем у сбытчика, определяют расширительное толкование высшим судебным органом «использования» информационно-телекоммуникационных сетей при сбыте в п. 20 Постановлении № 37.

Высокая социальная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, прогрессирующая в случаях задействованности коммуникационного потенциала соответствующих технологий, обеспечивающих неуязвимость виновного и открывающих неограниченные возможности по вовлечению в нелегальную деятельность большого числа лиц, снижает остроту вопроса выдержанности действующего судебного определения «использования» в рамках принципов законности и справедливости. Однако системность реализации закона может послужить основой для расширительного толкования признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей» и в рамках других составов преступлений, в том числе и не связанных со сбытом предметов, изъятых или ограниченных в обороте (разъяснения п. 20 Постановления № 37 не ограничены отдельными видами составов), тая угрозы судебной пенализации деяний, объективная сторона которых охватывает соответствующий способ. В итоге мы вновь рискуем искусственно повысить общественную опасность преступности, что повлечет расширение сферы применения уголовного наказания, увеличение числа лиц, имеющих судимость, обременяющих социум.

Учитывая, что те же самые требования (вероятная распространенность на практике (типичность); нехарактерность для большинства криминальных деяний; безусловность (обязательность) перепада в уровне общественной опасности; строгая направленность влияния), предъявляются и к содержанию обстоятельств, отягчающих наказание, утрачивает свою актуальность и предложение отдельных ученых учитывать использование информационно-коммуникационных технологий в криминальных целях при назначения наказания, что может быть обеспечено посредством внесения соответствующих дополнений в ст. 63 УК РФ (Bukalerova, Utorova & Sizov, 2020:74; Shutova, 2015:206).

Нельзя не отметить, что в отечественной доктрине высказываются и более прогрессивные предложения дифференциации наказания лицам, совершившим преступления с использованием информационных систем. Критически оценивая отнесение к отягчающим обстоятельствам простое криминальное использование новых технологий, исключающее обязательную интенсификацию общественной опасности деяния, Е.А. Русскевич предлагает в числе отягчающих обстоятельств закрепить только такое использование информационных технологий, которое обеспечивает анонимность злоумышленника. Существенные трудности в процессе раскрытия и расследования преступления, возникающие в связи с «неправомерным сокрытием либо изменением идентификаторов информационно-коммуникационных

технологий», обеспечивают требуемый для отягчающего обстоятельства, значимый перепад в уровне общественной опасности деяния (Russkevich, 2019:126–127). Отмечая рациональность указанного предложения, следует обратить внимание, что для преступников свойственны действия, направленные на сокрытие своей причастности к криминальному деянию, а также противодействие правоохранительным органам в раскрытии преступления. Оценивая любое воспрепятствование органам уголовной юстиции со стороны виновного как способ защиты, государство не порицает указанную деятельность. Реализация же предложения Е.А. Русскевич об усилении наказания лицам, использующим информационные технологии в целях избежать уголовного преследования, повлечет отступление от базовых положений равенства граждан перед законом и праве не свидетельствовать против себя самого, определяя уязвимость уголовной репрессии в случаях ревизии на предмет соответствия Конституции РФ.

На наш взгляд, решение о расширении дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих деяния, представляющие опасность либо для обеспечения унифицированного нормативного определения смежных преступных деяний. Ретроспективный характер действия уголовного закона ограничивает регулятивную функцию адекватной оценкой общественной опасности фиксируемых социальных изменений. Прогрессивно развивающаяся сфера информационных технологий¹⁴ интенсифицирует цифровую уязвимость граждан, общество и государство перед новыми угрозами тотальной информатизации, определяя потребность криминализации деяний, социальная опасность которых требует строгих санкций. При этом установление новых запретов, по справедливому замечанию Е.А. Русскевич, должна исключать нормативную избыточность посредством закрепления «цифровых двойников» традиционных преступных деяний (Russkevich, 2017b:75).

Возникшая в результате «точечной» модификации закона нормативная рассогласованность в определении смежных составов исключает реализацию принципов равенства и справедливости, актуализируя потребность дополнения отдельных норм квалифицирующим признаком, охватывающим использование информационно-телекоммуникационных технологий. Например, устанавливая в 2020 г. более строгую санкцию за клевету, совершенную с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ)¹⁵, законодатель оставил без внимания специальный состав, предусматривающий ответственность за посягательство на честь и достоинство судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лицо, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения РФ (ст. 298¹ УК РФ). Отсутствует рассматриваемый признак и в числе квалифицирующих состава вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), в отличие от объективно схожего

¹⁴ Производители электронных средств связи постоянно ведут разработки новых вариантов электронных устройств для осуществления коммуникаций между индивидуумами, например, сейчас выходят на рынок и начинаются продажи в массовом сегменте очков смешанной реальности, так называемых AR-очков, суть работы которых состоит в соединении реальных и виртуальных объектов.

¹⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (часть I). Ст. 77.

состава, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действия, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ). Однако и решения об упорядочении и унификации нормативного материала должны превращать закон в удобный инструмент воздействия на социально неприемлемые формы поведения. Критику в этой части вызывает нормативное определение анализируемого объективного признака в составах, предусматривающих ответственность за распространение деструктивной информации. Например, конструкция п. «д» ч. 2 ст. 3 ст. 110¹ УК РФ дезориентирует правоприменителя при квалификации действий, образующих персонализированное склонение к суицидальному поведению посредством информационных ресурсов, что влечет разную правовую оценку объективного схожих деяний: в одних случаях суды исключают из обвинения указанный признак, ссылаясь на использование индивидуального канала связи между преступником и потерпевшим, что исключает признак публичности, являющийся обязательным для состава п. «д» ч. 2 ст. 3 ст. 110¹ УК РФ¹⁶, в других – не усматривают препятствий для осуждения по указанной норме, не смотря на создание виновным закрытого канала связи с потерпевшим, для склонения к самоубийству¹⁷.

Значимость уголовно-правовых ресурсов в механизме обеспечения безопасности в информационно-коммуникационном пространстве определяет высокие требования к «качеству» охранительных норм, обеспечиваемого криминологической обоснованностью и соответствием правил юридической техники.

Заключение

Задействованность трансляционного потенциала информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях определила расширение числа составов, прямо или косвенно охватывающих указанный способ в числе конструктивных или квалифицирующих признаков.

Поэтапный нормативный учет нового (информационного) способа совершения преступления определил избыточную казуичность и понятийную рассогласованность законодательного определения уголовно-правовых запретов, препятствующих унифицированному правоприменению.

¹⁶ Ленинской районный суд г. Челябинска исключил из обвинения Н. квалифицированный состав, охватываемый п. «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ и указал, что факт использования Н. для общения с потерпевшими мессенджера «Телеграмм» означает, что был создан закрытый индивидуальный канал связи между двумя абонентами, что не соотносится с правовым смыслом вменяемого квалифицирующего признака, поскольку отсутствуют такие основные признаки, как публичность, доступность в любой момент неограниченному кругу людей // Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска от 23 декабря 2019 г. по уголовному делу № 1-45/ 2019. Режим доступа: <http://lench.chel.sudrf.ru>. (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁷ Собинский городской суд Владимирской области не усмотрел препятствий для осуждения Ш. по п. «д» ч. 3. ст. 110¹ УК РФ за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах самоубийства, через созданные личные страницы в социальной сети «Вконтакте», побуждая потерпевших через текстовые сообщения выполнять задания разработанной Ш. игры // Приговор Собинского городского суда Владимирской области от 20 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-12/ 2019. Режим доступа: <http://sobinsky.wld.sudrf.ru>. (дата обращения: 06.05.2023).

Восполнив в 2022 г. дефицит ориентирующих разъяснений по вопросам квалификации деяний в сфере компьютерной информации и преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, Пленум Верховного Суда РФ не только заложил основу для формирования практики в едином ключе, но и снял с правоприменителя бремя дифференциации электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, разъяснив об едином содержании указанных понятий в уголовных запретах. Учитывая же, что нормативная избыточность подлежит устранению посредством реформирования закона, а не путем расширительного судебного толкования, представляется необходимым исключить из содержания соответствующих статей УК РФ термин «электронные сети» и указание на одну из глобальных сетей. Реализация указанных предложений обеспечит требуемое правилами юридической техники универсальное определение соответствующего объективного признака как «использование информационно-телекоммуникационных сетей».

Стремительная цифровая трансформация преступности определяет высокую значимость уголовно-правового регулирования, которое, по мнению отдельных ученых, требует модернизации, обеспечивающей более строгое государственное порицание лиц, задействующих информационные технологии в криминальных целях. Реализация указанного предложения в условиях прогрессирующей зависимости социума от информационно-телекоммуникационных технологий повлечет увеличение норм, конструкция которых не соответствует требованиям нехарактерности квалифицирующего признака для деяний, зафиксированных в основном составе, что грозит искусственным повышением степени опасности преступности. Накопленный опыт реализации закона свидетельствует о компенсации судебной депенализацией завышенной легальной оценки общественной опасности деяний. Разновекторность же легальной и судебной политики потребует реверсивной корректировки закона.

Тотальность и мультивариативность использования информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности актуализирует вопрос определения границ, в рамках которых задействованность коммуникационных резервов соответствующих технологий, будет образовывать механизм преступного деяния, значимость которого возросла в связи с расширительным толкованием Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака применительно к составу п. «б» ст. 2 ст. 228¹ УК РФ. Ориентируя суды на его вменение в случаях использования лицом указанных информационно-телекоммуникационных сетей для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения преступления или входящих в его объективную сторону, Пленум, по сути, перевел отдельные виды вспомогательного применения соответствующих технологий в инструментальное. Высокая социальная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, прогрессирующая в случаях задействованности коммуникационного потенциала соответствующих технологий, снижает остроту вопроса выдержанности судебного толкования в рамках принципов законности и справедливости. Однако системность реализации закона может послужить основой для широкого определения указанного признака и в рамках других составов, тая угрозы судебной пенализации деяний, объективная сторона которых охватывает соответствующий способ, что повлечет увеличение числа лиц, имеющих судимость, обременяющих социум.

Репрессивность уголовно-правового регулирования исключает поспешное, лишенное криминологического обоснования реформирование закона. Исключая на сегодняшний день потребность увеличения квалифицированных составов, охватывающих новый (информационный) способ совершения преступления, следует отметить, что решение о расширении дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих деяния, представляющие опасность либо для обеспечения унифицированного нормативного определения смежных преступных деяний.

References / Список литературы

- Artyushina, O.V. (2019) Violent Crime and IT Technology. *Lex russica*. (9), 77–84. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.077-084> (in Russian).
Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // *Lex russica*. 2019. № 9. С. 77–84. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.077-084> (in Russian).
- Bazelon, D.L., Choi, Y.J. & Conaty, J.F. (2006) Computer Crimes. *The American criminal law review*. 43(2), 259–310.
- Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2021) Criminality and criminal justice policy. *Journal of Russian Law*. 25(12), 26–40. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145> (in Russian).
Бабоев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Преступность и судебно-уголовная политика // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 12. С. 26–40. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145>
- Begishev, I.R. (2022) *Criminal legal protection of public relations related to robotics*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Бегиев И.Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой. М.: Проспект, 2022. 384 с.
- Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) Artificial intelligence and criminal law. Moscow. Prospekt Publ. (in Russian).
Бегиев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М.: Проспект, 2021. 192 с.
- Bukalerova, L.A., Utorova, T.N. & Sizov, D.O. (2020) On the problem of artificial intelligence in criminal law. *Penitentiary Science*. 14(1), 72–80. (in Russian).
Букалерова Л.А., Уторова Т.Н., Сизов Д.О. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве // *Пенитенциарная наука*. 2020. Т. 14. № 1. С. 72–80.
- Bykova, E.G. & Kazakov, A.A. (2022) Features of the imputation of a qualifying sign, provided for in paragraph “b” of Part 2 of Art. 228¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Narkokontrol*. (1), 15–20. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2022-1-15-19> (in Russian).
Быкова Е.Г., Казаков А.А. Особенности вменения квалифицирующего признак, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ // *Наркоконтроль*. 2022. № 1. С. 15–20. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2022-1-15-19>
- Efremova, M.A. & Lopatina, T.M. (2021) Robotics in the criminal legislation of the Russian Federation. *Russian investigator*. (11), 55–58. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-11-55-58> (in Russian).
Ефремова М.А., Лопатина Т.М. Робототехника в уголовном законодательстве Российской Федерации // *Российский следователь*. 2021. № 11. С. 55–58. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-11-55-58>
- Fortes, V.B. & Boff, S.O. (2017) An analysis of cybercrimes from a global perspective on penal law. *Revista Brasileira de Direito*. 13(1), 7–24.
- Golovanova, N.A., Gravina, A.A., Zaycev, O.A., Kashepov, V.P. & Koshaeva, T.O. (2019) Jurisdictional lawful activities within the criminal law sphere frame work in the context of

- digitalization: Monograph. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, CONTRACT Publ. (in Russian).
- Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А., Кашепов В.П., Кошаева Т.О. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 212 с.
- Gerd, L. (2018) *Technology vs humanity*. Transl. from English by Yurkova, A.O., Kilina, M.Yu. & Glazkova, T.Yu. Foreword by Fedorova, M. Moscow, AST Publ. (in Russian).
- Герд Леонгард. Технологии против человека / пер. с англ. А.О. Юркова, М.Ю. Килина, Т.Ю. Глазкова; предисл. М. Федорова. М.: АСТ, 2018. 320 с.
- Gracheva, Yu.V., Malikov, S.V. & Chuchayev, A.I. (2020) Preventing deviations in the digital world by criminal law means. *Law. The Journal of the Higher School of Economics*. (1), 188–210. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.188.210> (in Russian).
- Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев, А.И. 2020. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 188–210. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.188.210>
- Guk, P.A. & Korshunova, P.V. (2020) Unity of judicial practice as the distinctive value of justice. *Journal of Russian Law*. (12), 103–118. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.151> (in Russian).
- Гук П.А., Коришунова П.В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 103–118. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.151>
- Hancock, D.H. (2001) To What Extent Should Computer Related Crimes be the Subject of Specific Legislative Attention? *Albany Law Journal of Science & Technology*. (12), 97–98.
- Harlamova, A.A. (2016) To the question of the use of the term “information and telecommunication networks” in the Russian criminal legislation. *State and law*. (8), 93–98. (in Russian).
- Харламова А.А. К вопросу об употреблении термина «информационно-телекоммуникационные сети» в российском уголовном праве // Государство и право. 2016. № 8. С. 93–98.
- Hromov, E.A. (2021) Problems of qualifying the sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues using the mass media or electronic or information and telecommunication networks (including the Internet). *Criminologist*. (3), 30–37. (in Russian).
- Хромов Е.А. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Криминалист. 2021. № 3. С. 30–37.
- Kruglikov, L.L. & Vasilevsky, A.V. (2002) *Differentiation of responsibility in criminal law*. Saint-Petersburg, Yuridicheskii centr Press Publ. (in Russian).
- Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.
- Momotov, V.V. (2023) The space of law and the power of technology in the mirror of judicial practice: A modern view. *Journal of Russian Law*. (2), 112–123. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.021>. (in Russian).
- Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 112–123. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.021>
- Milyukov, S.F. & Skripchenko, N.Yu. (2022) Strengthening Criminal Repression for Sexual Infringements: Regulatory Vision and Prospective Law Enforcement. *All-Russian criminological journal*. 16(5), 580–589. (in Russian).
- Милюков С.Ф., Скрипченко Н.Ю. Усиление уголовной репрессии за посягательства на половую неприкосновенность: нормативное видение и перспективное правоприменение // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5. С. 580–589.
- Nekrasov, V.N. (2019) Technologies in Russian Criminal Legislation: Problems and Prospects. *Penitentiary Science*. (3), 372–376. (in Russian).

- Некрасов В.Н.* Технологии в уголовном законодательстве России: проблемы и перспективы // *Пенитенциарная наука*. 2019. № 3. С. 372–376.
- Russkevich, E.A. (2017a) *Criminal law counteraction to crimes committed with the use of information and communication technologies: textbook*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Русскевич Е.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 115 с.
- Russkevich, E.A. (2017b) Criminal law and informatization. *Journal of Russian Law*. (8), 73–80. https://doi.org/10.12737/article_597714e7c1b439.5259306 (in Russian).
Русскевич Е.А. Уголовное право и информатизация // *Журнал российского права*. 2017. № 8. С. 73–80. https://doi.org/10.12737/article_597714e7c1b439.52593067
- Russkevich, E.A. (2019) Criminal law and “digital crime”: problems and solutions. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. М.: ИНФРА-М, 2019. 227 с.
- Russkevich, E.A., Dmitrenko, A.P. & Kadnikov, N.G. (2022) Crisis and palingenesis (rebirth) of criminal law in the context of digitalization. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 13(3), 585–598. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.301> (in Russian).
Русскевич Е.А., Дмитренко А.П., Кадников Н.Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2022. Т. 13. № 3. С. 585–598. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.301>
- Shevko, N.R. & Chitai, Z.I. (2016) Problems of determining the objective side of crimes committed using modern information technologies. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3(25), 118–122. (in Russian).
Шевко Н.Р., Читая З.И. Проблемы определения объективной стороны преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 3(25). С. 118–122.
- Shulman, H.M. (1952) Cultural Aspects of Criminal Responsibility. *The Journal of Criminal Law, Criminology, And Police Science*. 43(3), 323–327.
- Shutova, A.A. (2015) Modern trends in the use of information and telecommunications network in the process of committing a crime. *Gaps in Russian legislation*. (4), 205–208. (in Russian).
Шутова А.А. Современные тенденции использования информационно-телекоммуникационной сети в процессе совершения преступления // *Пробелы в российском законодательстве*. 2015. № 4. С. 205–208.
- Stephen P. Heymann (1997) *Legislating Computer Crime*. Harv. J. On Legis.
- Vasyukov, V.F., Volevodz, A.G., Dolgieva, M.M. & Chaplygina, V.N. (2023) *Crimes in the sphere of high technologies and information security*. Textbook. Volevodz, A.G. (ed.). Moscow, Ptometey Publ. (in Russian).
Васюков В.Ф., Волеводз А.Г., Долгиева М.М., Чаплыгина В.Н. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учеб. пособие / под науч. ред. А.Г. Волеводза. М.: Прометей, 2023 1086 с.
- Viano, E.C. (2017) Cybercrime: Definition, Typology, and Criminalization. In: Viano, E. (ed.). *Cybercrime, Organized Crime, and Societal Responses*. Springer, Cham. pp. 3–22. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44501-4_1
- Voronin, M.I. (2021) Features of evaluating electronic (digital) evidence. *Actual problems of Russian law*. (8), 118–128. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128> (in Russian).
Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 8. С. 118–128. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128>

Wang Guanglong. (2022) Criminal law regulation of countering cybercrime in China: State, trends and shortcomings. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* (3), 661–677. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.305> (in Russian).

Ван Гуанлун Уголовно-правовое регулирование противодействия киберпреступности в Китае: состояние, тенденции и недостатки // Вестник Санкт-петербургского университета. Право. 2022. Т. 1. № 3. С. 661–677. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.305>

Сведения об авторе:

Скрипченко Нина Юрьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; 163002, Российская Федерация, г. Архангельске, наб. Северной Двины, д. 17

ORCID ID: 0000-0003-2445-2231; SPIN-код: 9849-8083

e-mail: n.scripchenko@narfu.ru

About the author:

Nina Yu. Skripchenko – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17 nab. Northern Dvina, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-2445-2231; SPIN-code: 9849-8083

e-mail: n.scripchenko@narfu.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230>
EDN: RBDTEL

Научная статья / Research Article

Влияние эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового регулирования деятельности на Луне

И.А. Черных , Д.А. Гугунский , А.М. Солнцев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
[✉chernykh-ia@rudn.ru](mailto:chernykh-ia@rudn.ru)

Аннотация. Каждая человеческая культура отразила влияние Луны в своей космологии, духовности, науке, творческой и социальной жизни. По этим причинам исследование и использование Луны должно происходить продуманно, а возможная добыча ресурсов не должна вредить единственному спутнику Земли и ее окружающей среде в целом. В связи с принятием некоторыми государствами национальных законов, затрагивающих коммерческую добычу космических ресурсов, а также с возобновлениями лунных программ сразу несколькими ведущими космическими державами становится очевидным необходимость универсального международно-правового регулирования данной области. Однако для разработки детализированного международно-правового режима по освоению Луны сегодня недостаточно усилий только основных космических держав, поскольку на практике активными участниками космической деятельности являются и другие субъекты международных отношений, в том числе так называемые эпистемические сообщества, представляющие различного рода и порядка неправительственные организации. Такие сообщества предлагают свое основанное на нормах международного космического права видение вопроса международно-правового регулирования отношений, складывающихся в рамках исследования и использования Луны, предполагающее активное участие неправительственных юридических лиц с учетом интересов нынешних и будущих поколений, а также развивающихся в космической отрасли государств. В настоящем исследовании представлен комплексный анализ влияния эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового режима освоения Луны. Авторами последовательно рассматривается деятельность неправительственных организаций в работе Комитета ООН по космосу с момента его образования. Особое внимание уделяется вкладу таких сообществ в прогрессивное развитие международного космического права и его кодификацию, в том числе рассматривается юридическая природа разрабатываемых такими сообществами документов. В заключительной части исследования дается комплексная международно-правовая оценка деятельности эпистемических сообществ.

© Черных И.А., Гугунский Д.А., Солнцев А.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: международное космическое право, деятельность на Луне, устойчивость, мягкое право, неправительственные организации, эпистемические сообщества

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Черных И.А. – концепция исследования, сбор, обработка материалов, написание введения, вычитка и оформление всего текста; Гугунский Д.А. и Черных И.А. – написание части «Участие эпистемических сообществ в деятельности Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях»; Гугунский Д.А. и Солнцев А.М. – написание части «Юридическая природа документов, разрабатываемых эпистемическими сообществами»; равный вклад всех авторов внесен в написание заключения.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01434, <https://rscf.ru/project/23-28-01434/>

Поступила в редакцию: 20 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Черных И.А., Гугунский Д.А., Солнцев А.М. Влияние эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового регулирования деятельности на Луне // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 215–230. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230>

The Impact of Epistemic Communities on the Development of Future International Legal Regulation of Lunar Activities

Irina A. Chernykh^{ID}✉, Denis A. Gugunskiy^{ID} and Alexander M. Solntsev^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉chernykh-ia@rudn.ru

Abstract. Every human culture has reflected the Moon's influence in its cosmology, spirituality, science, creative and social life. For these reasons, the exploration and use of the Moon should be done thoughtfully and carefully, and possible resource extraction should not harm the Earth's only satellite and its environment as a whole. The adoption by some States of national legislation affecting the commercial exploitation of space resources, as well as the resumption of lunar programs by several leading spacefaring nations at a time, prompt the need for legal regulation in this area. However, to develop a detailed international legal regime for lunar exploration, the efforts of the States parties to the UN COPUOS alone are not sufficient since in practice other actors in international relations, including the so-called epistemic communities representing various types of non-governmental organizations, are also active participants in space activities. Such communities offer their own vision of the international legal regulation of relations arising in the framework of the exploration and use of the Moon basing on the norms of international space law and involving active participation of non-governmental legal entities, considering the interests of present and future generations, as well as of emerging space nations. The study presents a comprehensive analysis of the influence of epistemic communities on the development of the future international legal regime for lunar exploration. The authors consistently review the activities of non-governmental organizations within the UN COPUOS since its formation. Special attention is paid to the contribution of such communities to the progressive development of international space law and its codification, including the legal nature of the documents developed by such communities. The study concludes with a comprehensive international legal assessment of the activities of the epistemic communities.

Key words: international space law, lunar activities, sustainability, soft law, non-governmental organizations, epistemic communities

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Chernykh I.A.* – research concept, materials' collection and procession, writing introduction, editorial preparation of the text; *Gugunskiy D.A.* and *Chernykh I.A.* – writing the part “Participation of epistemic communities in the activities of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space”; *Gugunsky D.A.* and *Solntsev A.M.* – writing the part “Legal nature of documents developed by epistemic communities”; equal contribution of the authors was made in writing conclusion.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation № 23-28-01434, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01434/>.

Received: 20th November 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Chernykh, I.A., Gugunskiy, D.A., Solntsev, A.M. (2024) The Impact of Epistemic Communities on the Development of Future International Legal Regulation of Lunar Activities. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 215–230. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230>

Введение

Изучение небесных тел, помимо нашей планеты Земля, с древности было важной целью для всего человечества. Космос манил мыслителей, философов, астрономов. С появлением практической возможности исследования и использования небесных тел – с началом космической эры¹ – государства стали запускать космические аппараты к близлежащим и иным естественным космическим объектам нашей Солнечной системы, таким как Марс, Венера, или к астероидам. Наиболее популярной среди объектов для освоения при этом всегда была Луна (греч. Селена) – естественный спутник Земли.

Первая лунная гонка, в рамках которой СССР и США соревновались в исследовании Луны и ее окололунного пространства, приходится на конец 50-х – середину 70-х гг. XX в. Именно в этот период времени были осуществлены: облет и фотографирование обратной стороны Луны²; фотографирование лунной поверхности и первая мягкая посадка на ее³; первое перемещение по поверхности Луны; первая пилотируемая на Луне программа⁴; доставка лунного грунта на Землю и многие другие исследования, которые позволили человечеству получить новые колоссальные знания о естественном спутнике Земли.

На этот же период времени приходится становление международного космического права – самостоятельной отрасли международного права. В рамках учрежденного в 1958 г. в качестве специального, а затем – с 1959 г. постоянного Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (далее – Комитет ООН по космосу) государства разработали основные международные договоры, регулирующие космическую деятельность. Первоначальным и основным из них стал Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января

¹ Общеизвестно, что начало космической эры связано с запуском СССР первого искусственного спутника Земли – Спутника-1.

² С помощью советской автоматической межпланетной станции Луна-3 (СССР).

³ Космический аппарат Луна-9 (СССР).

⁴ На основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 2021 г. A/RES/76/76 20 июля было объявлено Международным днем Луны, как день первой высадки людей на Луну в рамках американской программы Аполлон-11.

1967 г. (далее – Договор по космосу)⁵. Последним юридически обязательным документом, вышедшим на данный момент из-под пера Комитета ООН по космосу, стало Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.⁶ Оно детализировало ст. ст. I, IV, V, IX, X, XI, XII Договора по космосу и включило видение государств по регулированию деятельности на Луне и других небесных телах «на будущее».

При этом государства после серии удачных исследовательских миссий к Луне, вплоть до начала 21 столетия, не уделяли столь активного внимания ее изучению и регулированию деятельности на ней. Однако сегодня, с развитием коммерческой космической деятельности и объявлением государствами новых космических программ, Луна вновь стала объектом повышенного внимания. Буквально за 20 с небольшим лет США объявили о лунной программе «Артемиды». КНР совместно с Россией объявили о создании Международной научной лунной станции, при том что у каждого государства есть собственная лунная программа. Индия небезуспешно реализует свою лунную программу «Чандраян». Также исследования Луны с помощью автоматических лунных станций есть в планах у Японии и ОАЭ. Более того, лунные программы США и Китая предполагают привлечение к участию в них других государств, частного сектора и активного использования государственно-частного партнерства, что отличает современные лунные программы от программ XX в.

К сожалению, несмотря на амбициозные планы по исследованию, использованию и освоению Луны и в силу того, что к Соглашению о Луне не присоединились ни Россия, ни США, ни КНР, и сегодня оно насчитывает лишь 17 государств-участников⁷, на данный момент остается очень много нерешенных юридических вопросов по мере приближения к практической деятельности на Луне. Например, сюда относятся вопросы, связанные с порядком размещения лунных космических станций и баз, предотвращением нарушения сформировавшегося равновесия лунной среды, охраной культурного и научного наследия, находящегося на Луне, и другие. В отсутствие универсального детализированного международно-правового режима лунной деятельности некоторые государства (США, Люксембург, ОАЭ, Япония) стали принимать национальное законодательство по освоению космических природных ресурсов (Tolstykh, 2021; Al Ali, 2021; Abashidze & Chernykh, 2022; Yuzbashyan, 2017). США в 2020 г. под свою лунную программу разработали «Соглашение Артемиды в виде принципов сотрудничества и гражданской деятельности по исследованию и использованию Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях»⁸.

В 2016 г. государства-участники Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу предложили для обсуждения отдельный пункт повестки дня «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов». В 2021 г. они учредили специальную Рабочую группу по этому пункту повестки дня. Стоит также отметить, что некоторыми государствами высказывались предложения обсудить и оценить

⁵ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 года // Ведомости ВС СССР. 1 ноября 1967 г. № 44. Ст. 588. По состоянию на 1 ноября 2023 г. 114 государств являются участниками данного Договора.

⁶ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. // Сб. важнейших документов по международному праву. Ч. II. Особенная. М., 1997.

⁷ По состоянию на 1 ноября 2023 г. – это Австралия, Австрия, Армения, Бельгия, Венесуэла, Казахстан, Кувейт, Ливан, Марокко, Мексика, Нидерланды, Пакистан, Перу, Турция, Уругвай, Филиппины, Чили.

⁸ См.: Translations of the Artemis Accords. Режим доступа: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Translated-Versions-of-the-Accords.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

в Комитете механизмы координации на Луне⁹ или включить новый пункт повестки дня Комитета под условным названием «Координация устойчивой деятельности на Луне»¹⁰.

На фоне активизации государств в области космической лунной деятельности активную позицию стали проявлять эпистемические сообщества, к которым относятся различные научно-исследовательские группы¹¹ и неправительственные организации¹², в том числе носящие международный характер и в состав которых в силу специфики отношений в области исследования и использования космического пространства, Луны и других небесных тел могут входить представители академического сообщества, правительственных структур (в первую очередь, от космических агентств и министерств), гражданского сообщества, частного бизнеса. Членами таких организаций являются физические и юридические лица. Такие сообщества разрабатывают как узконаправленные, так и всеобъемлющие проекты по регулированию космической деятельности, в т.ч. на Луне. Если такое сообщество имеет статус наблюдателя Комитета ООН по космосу, то у него есть возможность представить результаты проделанной работы в качестве рабочих документов заседаний Комитета для сведения его государств-членов.

С учетом увеличения числа подобного рода организаций, целями настоящего исследования являются изучение влияния эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового регулирования деятельности на Луне, а также формально-юридическая оценка роли разрабатываемых ими документов в отношении отдельных направлений такой деятельности.

Участие эпистемических сообществ в деятельности Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях

Основными участниками в разработке новых норм международного космического права являются государства и международные межправительственные организации во главе с Организацией Объединенных Наций (далее – ООН), которая занимает центральное место (Hobe, S, 2023). Однако существует ряд неправительственных организаций, в том числе международных, чья деятельность также направлена на развитие международного космического права. Такие организации создаются научными сообществами, учреждениями или физическими лицами, т.е. не государствами. Эти организации могут участвовать в работе международных межправительственных организаций в качестве наблюдателей (Friedl, Johnson, 2023:19–21), создавать альтернативные площадки для обсуждения разнообразных проблем мирного освоения космического пространства¹³.

⁹ Proposal for assessing lunar coordination mechanisms within the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Paper submitted by Romania. A/AC.105/2023/CRP.8.

¹⁰ Proposal for inclusion of a yearly agenda sub-item “Coordination for sustainable lunar activities” under the agenda item “Space exploration and innovation” at the sixty-sixth session of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, in 2023. Conference room paper by Mexico and Romania. A/AC.105/2022/CRP.14.

¹¹ Например, Гагская международная рабочая группа по управлению космическими ресурсами, Проект космического договора под руководством Дениса О’Брайена, Институт космического пространства.

¹² Например, Международный институт космического права, Ассоциация «Лунная Деревня» и ее Глобальная группа экспертов по устойчивости деятельности на Луне, Открытый лунный фонд, организация «Лунное наследие для всего человечества».

¹³ См.: Жуков Г.П., Гугунский Д.А., Конева А.Е., Солнцев А.М., Черных И.А. Международные организации в сфере мирного освоения космоса // Право международных организаций: учебник для вузов / под ред. А.Х. Абашидзе. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. С. 487.

Здесь важно отметить, что международное космическое право не исключает возможность осуществления космической деятельности неправительственными юридическими лицами. Деятельность такого рода организаций должна осуществляться только с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства (Gerhard, 2009). Государства несут международную ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность неправительственных юридических лиц проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в Договоре по космосу¹⁴.

Сегодня можно видеть, что космическая деятельность открыта для сотрудничества всем субъектами – как государственными, так и негосударственными, которые могут и хотят, а также обладают знаниями, необходимыми для успешного осуществления этой деятельности (Lapaš, 2010).

Необходимо отметить, что через 3 года после создания Комитета ООН по космосу, 29 марта 1962 г.¹⁵, был учрежден Юридический подкомитет, который с 28 мая по 20 июня 1962 г. заседал на своей первой сессии¹⁶ под председательством одного из пионеров международного космического права Манфреда Ляхса (Luell, 2013). На первое же заседание Юридического подкомитета в качестве наблюдателей были приглашены четыре международных межправительственных организации: Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международный союз электросвязи (МСЭ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), а также одна неправительственная организация – **Комитет по космическим исследованиям (КОСПАР / COSPAR)** Международного совета научных союзов¹⁷. Таким образом, Юридический подкомитет с самого своего основания заложил фундамент глобальной площадки сотрудничества в области освоения космического пространства не только для государств, но и для международных межправительственных и неправительственных организаций.

По состоянию на 1 сентября 2023 г. 13 международных межправительственных организаций и 37 неправительственных организаций¹⁸ имеют статус наблюдателя

¹⁴ Ст. VI «Государства – участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в настоящем Договоре. <...>».

¹⁵ Резолюцией 1721 А (XVI) Генеральная Ассамблея предложила Комитету по использованию космического пространства в мирных целях изучить правовые проблемы, которые могут возникнуть в связи с исследованием и использованием космического пространства, и представить соответствующий доклад. В конце своей сессии в марте 1962 года Комитет, сообщив, что его членами было высказано много конкретных предложений и пожеланий, касающихся правовых исследований, учредил Юридический подкомитет для детального изучения этих проблем и в соответствии с обязанностями, возложенными на Комитет резолюциями 1472 (XIV) и 1721 (XVI) Генеральной Ассамблеи. В соответствии с этими полномочиями Юридический подкомитет рассмотрел общие принципы и правовые проблемы, возникающие в связи с исследованием и использованием космического пространства.

¹⁶ Report of the Legal Sub-Committee. First session (28 May – 20 June 1962). A/AC.105/6.

¹⁷ International Council of Scientific Unions (ICSU). В 2018 году в результате слияния между Международным советом по науке (ICSU) и Международным советом по социальным наукам (ISSC) организация преобразовалась в Международный научный совет (ISC), который работает на глобальном уровне, катализируя и объединяя научные экспертные знания, советы и влияние по вопросам, представляющим серьезный интерес как для науки, так и для общества. См. подробнее на официальном сайте. Режим доступа: <https://council.science/ru/about-us/> (дата обращения: 13.10.2023).

¹⁸ Committee on the Peaceful Uses of Outer Space: Observer Organizations // Официальный сайт Управления ООН по вопросам космического пространства. Режим доступа: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/members/copuos-observers.html> (дата обращения: 01.09.2023).

при Комитете ООН по космосу. Неправительственные организации могут иметь временный и постоянный статус наблюдателя. Временный статус наблюдателя предоставляется на 3 года. Однако, он может быть продлен еще на год¹⁹. За это время организации необходимо подать заявку на специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) и пройти процедуру получения постоянного статуса наблюдателя. Затем Комитет ООН по космосу может предоставить неправительственной организации статус постоянного наблюдателя при Комитете. Например, на последнем заседании Комитета ООН по космосу в 2023 г. 2 неправительственные организации – Европейское астрономическое общество и «Три страны — доверенный посредник» подали соответствующие заявления в Комитет, получив одобрение на «временный статус при нем на 3 года до поступления информации относительно рассмотрения его заявления о предоставлении консультативного статуса при ЭКОСОС» (пп. 396 – 400)²⁰.

Далее рассмотрим некоторые эпистемические сообщества, являющиеся наблюдателями Комитета ООН по космосу, работа которых затрагивает отдельные направления лунной деятельности.

Характеристика и деятельность некоторых эпистемических сообществ в области исследования, освоения и использования Луны

Ранее упомянутый *КОСПАР* является первым наблюдателем от неправительственных организаций в Комитете ООН по космосу (с 1962 г.) и представляет из себя междисциплинарный научный орган, созданный для развития международного сотрудничества в области космических исследований. Он был учрежден Международным советом научных союзов в 1958 г.²¹

КОСПАР проводит научно-технические собрания, публикует различные материалы о космических исследованиях, развивает крупные международные совместные программы в области научных исследований. В рамках организации функционирует «Научная комиссия В: космические исследования системы Земля–Луна, планет и малых тел Солнечной системы», где создана Подкомиссия В3, которая охватывает все аспекты лунной науки и исследования. Текущие лунные исследования включают дистанционное зондирование и измерения лунной поверхности на месте, лабораторный анализ лунных образцов и теоретическое моделирование внутренней структуры и эволюции Луны. В 2021 г. КОСПАР опубликовал «Политику в области планетарной защиты»²² для космических держав в качестве международного стандарта по процедурам, позволяющим избежать загрязнения органическими компонентами и биологическими веществами при исследовании космоса, так и в качестве общепринятого руководства в этой области для соблюдения положений Договора по космосу и других соответствующих международных соглашений. Документ предлагает государствам предоставлять документацию, касающуюся потенциального загрязнения Луны и лунной среды (пп. 8.1, 8.2).

¹⁹ Начал предоставляться только с 2010 г.

²⁰ Report of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Sixty-sixth session (31 May–9 June 2023). A/78/20.

²¹ См. подробнее на официальном сайте КОСПАР. Режим доступа: <https://cosparhq.cnes.fr/> (дата обращения: 13.10.2023).

²² COSPAR policy on planetary protection. Prepared by the COSPAR Panel on Planetary Protection and approved by the COSPAR Bureau on 3 June 2021. Режим доступа: https://cosparhq.cnes.fr/assets/uploads/2021/07/PPPolicy_2021_3-June.pdf (дата обращения: 13.10.2023).

Другой не менее важной организацией, присоединившейся в 1976 г. в качестве наблюдателя на сессию Юридического подкомитета, стала *Международная астронавтическая федерация (МАФ / IAF)*²³, которая организует крупнейшую в мире дискуссионную площадку по космической деятельности – Международный астронавтический конгресс, на полях которого регулярно обсуждаются различные вопросы освоения Луны и окололунного пространства. На полях данного Конгресса особое значение для обсуждения международно-правовых вопросов занимает Коллоквиум по космическому праву, организуемый Международным институтом космического права (МИКП)²⁴. Например, в 2023 г. в рамках Коллоквиума были проведены совместный с Международной академией астронавтики 37-ой научно-правовой круглый стол на тему «Космический запуск с небесных тел: технология, право и политика» и секция «Правовые вопросы, связанные с развитием космической деятельности на небесных телах», на которых ученые обсуждали в том числе на тематику освоения Луны. Результаты таких дискуссий публикуются в сборниках статей.

Международный институт космического права стал наблюдателем Комитета ООН по космосу в 2008 г. По тематике исследования и использования Луны данная организация опубликовала несколько официальных заявлений: в 2004 г. – связанное с рассмотрением претензий на имущественные права в отношении Луны и других небесных тел²⁵; в 2009 г. – связанное «с анализом международно-правового режима использования космических ресурсов»²⁶ и «в 2015 г. – после принятия США национального законодательства в области космических ресурсов»²⁷.

Ассоциация международного права (АМП / ILA) является еще одним примером неправительственной организации, занимающейся вопросами международного космического права. Она была основана в Брюсселе в 1873 г. Ее целями, согласно Уставу, являются «изучение, разъяснение и развитие международного права, как публичного, так и частного, а также содействие международному взаимопониманию и уважению международного права. взаимопонимания и уважения к международному праву»²⁸. Впервые Ассоциация приняла участие в качестве наблюдателя в работе Комитета в 1991 г.²⁹, хотя статус был получен годом ранее. Важным результатом работы организации является Модельный национальный закон о космической деятельности³⁰, принятый на 75-ой Софийской конференции Ассоциации

²³ Report of the Legal Sub-committee. Fifteenth session (3–28 May 1976) A/AC.105/171.

²⁴ International Institute of Space Law (IISL).

²⁵ Statement by the Board of Directors of the International Institute of Space Law (IISL) On Claims to Property Rights Regarding The Moon and Other Celestial Bodies Режим доступа: https://iislweb.space/wp-content/uploads/2020/01/IISL_Outer_Space_Treaty_Statement.pdf (дата обращения: 13.10.2023).

²⁶ Statement of the Board of Directors of the International Institute of Space Law (IISL) dated March 22, 2009. Режим доступа: <https://iislweb.space/wp-content/uploads/2020/01/Statement-BoD.pdf> (дата обращения: 13.10.2023).

²⁷ Position Paper on Space Resource Mining, Adopted by consensus by the Board of Directors on 20 December 2015. Режим доступа: <https://iislweb.space/wp-content/uploads/2020/01/SpaceResourceMining.pdf> (дата обращения: 13.10.2023).

²⁸ International Law Association. Constitution of the association (adopted at the 77th Conference, 2016). Режим доступа: https://www.ila-hq.org/en_GB/documents/constitution-english-adopted-johannesburg-2016-1 (дата обращения: 13.10.2023).

²⁹ Report of the Committee on the Peaceful Use of Outer Space. Thirty-fourth session (27 May – 6 June). A/46/20.

³⁰ Draft model law on national space legislation and explanatory notes. Information on the activities of international intergovernmental and non-governmental organizations relating to space law. Draft model law on national space legislation and explanatory notes. A/AC.105/C.2/2013/CRP.6. Режим доступа: https://www.unoosa.org/pdf/limited/c2/AC105_C2_2013_CRP06E.pdf (дата обращения: 13.10.2023).

междугородного права в сентябре 2012 г. (ILA Resolution 6/2012), который породил немало споров среди юристов-международников (Hobe, 2013; Bhat & Kurlekar, 2017). Данный модельный закон имеет важное значение для тех государств, которые только начинают свой путь в области развития космической деятельности, в том числе по исследованию и использованию Луны и других небесных тел.

В 1995 г. к работе Комитета в качестве обозревателя присоединилась *Международная академия астронавтики (МАА / IAA)*³¹, к задачам которой относятся изучение и обсуждение передовых вопросов в области космических исследований и технологий, а также обеспечение руководства и управления в области невоенного использования космоса и продолжающегося исследования Солнечной системы. Под эгидой Академии проводятся различные исследования в области освоения космического пространства, среди которых, на наш взгляд, можно особо выделить исследование в области управления космическим движением, которые впервые было опубликовано в 2006 г. под названием «Cosmic Study on Space Traffic Management»³², а затем переиздано в 2018 г.³³ Данное обширное исследование затрагивает один из важнейших вызовов для человечества – регулирование космического движения – с учетом планов по добыче ресурсов на небесных телах включая Луну и организацию т.н. «лунных деревень»³⁴ (Volynskaya, 2022).

В 2001 г. статус наблюдателя получил *Консультативный совет представителей космического поколения*³⁵, целью которого стало объединение и представление на национальном и международном уровнях интересов молодого поколения – студентов и молодых специалистов, работающих в космической сфере – в возрасте от 18 до 35 лет. Данная организация готовит и проводит мероприятия, помогает молодому поколению в получении стипендий и стажировок, создает исследовательские и проектные группы, а также позволяет формировать профессиональные навыки, предлагать свои собственные проекты и повышать свой уровень образования по различным направлениям в области космической деятельности³⁶. Совет активно участвует в работе Комитета ООН по космосу и его подкомитетов. Так, например, в 2020 г. в целях обеспечения вклада молодого поколения в обсуждение вопросов мирного и устойчивого освоения Луны, Советом было принято решение учредить Инициативную группу по эффективному и адаптивному управлению лунной экосистемой (E.A.G.L.E. Team), которая в 2021 г. представила в Рабочую группу по космическим ресурсам Юридического подкомитета документ, содержащий краткое изложение по результатам проведенного исследования³⁷. Подготовленный документ

³¹ Международная академия астронавтики (МАА) была основана в Стокгольме 16 августа 1960 г. Начало академии положил д-р Теодор фон Карман, одна из наиболее значимых фигур в развитии ракетной техники и первый президент МАА.

³² Jorgenson, C., Petr L., Schrogl K.-U. (2006) *Cosmic study on space traffic management*. Paris, International Academy of Astronautics (IAA). 96 p.

³³ Schrogl, K.-U., Jorgenson C., Robinson J., Soucek A. (2018). *Space Traffic Management: Towards a Roadmap for Implementation*. Paris, International Academy of Astronautics. 156 p.

³⁴ Schrogl, K.-U., Jorgenson C., Robinson J., Soucek A. (2018). *Space Traffic Management: Towards a Roadmap for Implementation*. Paris, International Academy of Astronautics. 156 p.

³⁵ Space Generation Advisory Council, SGAC.

³⁶ About SGAC. Режим доступа: <https://spacegeneration.org/about> (дата обращения: 01.11.2023).

³⁷ Effective and Adaptive Governance for a Lunar Ecosystem. Lunar Governance Report. Paper submitted by the Space Generation Advisory Council // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Subcommittee. Sixtieth session (31 May–11 June 2021). Item 14 of the provisional agenda** General exchange of views on potential legal models for activities in exploration, exploitation and utilization of space resources. A/AC.105/C.2/2021/CRP.13*.

содержит идеи и предложения молодого поколения по поводу необходимого режима управления на Луне в рамках деятельности по ее мирному и устойчивому освоению, в т.ч. исследовательская группа приводит анализ исследований на схожую тематику, проведенных в других международных неправительственных организациях; и предлагает принять Устав по управлению Луной³⁸.

Следующей узкоспециализированной международной неправительственной организацией является «*Лунное наследие для всего человечества*» со штаб-квартирой в США³⁹, созданной Мишель и Тимом Хэнлон. Организация получила статус наблюдателя Комитета ООН по космосу в 2018 г. и участвует в его работе⁴⁰. Главной целью данной организации является продвижение идеи охраны человеческого наследия в космосе, а именно на Луне. В рамках деятельности организации был создан каталог результатов различного рода человеческой деятельности на Луне, начиная от следов астронавтов на лунной поверхности и заканчивая космическими аппаратами (например, советская Луна-9 или американский Сервейер-3). При этом критериями отнесения таких результатов к охраняемым являются их культурная, историческая, археологическая или иная научная особая ценность для всего человечества.

Наиболее интересной для предмета нашего исследования неправительственной организацией является Ассоциация «*Лунная деревня*»⁴¹, созданная в 2017 г. со штаб-квартирой в г. Вена (Австрия) и получившая статус наблюдателя в Комитете в 2019 г. Ассоциация действует как постоянный глобальный неформальный форум для заинтересованных сторон, включающих представителей государственных органов, промышленности (частных компаний), научного сообщества (университеты и исследовательские организации) и общественности, заинтересованные в развитии т.н. «лунной деревни». Ассоциация способствует развитию международного сотрудничества в рамках существующих или запланированных космических программ по освоению Луны. Ассоциация для достижения поставленных целей и задач может создавать исследовательские инициативные группы по различным тематикам. Именно на этом основании в 2020 г. Ассоциация выступила с инициативой сформировать Глобальную группу экспертов по устойчивой деятельности на Луне⁴² для поиска решений предполагаемых проблем, которые могут возникнуть в процессе лунной деятельности, с целью снижения риска будущих лунных миссий и расширения глобального сотрудничества в области исследования и использования Луны (Reibaldi, et al., 2023). В состав Группы вошли представители космических агентств, правительств, промышленности, международных организаций, неправительственных организаций, университетов и исследовательских центров. Деятельность Группы началась в феврале 2021 года и была завершена к концу 2022 г. публикацией отчета: «Рекомендуемые рамки и ключевые элементы для мирной и устойчивой деятельности на Луне»⁴³. В настоящий отчет также включено Приложение 1,

³⁸ Effective and Adaptive Governance for a Lunar Ecosystem Lunar Governance Report Approved and adopted by SGAC May 10th, 2021. Режим доступа: <https://spacegeneration.org/wp-content/uploads/2021/05/EAGLE-Report.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).

³⁹ For All Moonkind. Режим доступа: <https://www.forallmoonkind.org/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁴⁰ For All Moonkind – Input to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities. A/AC.105/C.2/2023/CRP.35.

⁴¹ Moon Village Association (MVA). Режим доступа: <https://moonvillageassociation.org/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁴² The Global Expert Group on Sustainable Lunar Activities or (GEGSLA). В состав Группы входили 37 экспертов, в т.ч. от России – И.А. Черных (РУДН) и И.Г. Митрофанов (ИКИ РАН).

⁴³ GEGSLA Recommended Framework and Key Elements for Peaceful and Sustainable Lunar Activities. Режим доступа: <https://moonvillageassociation.org/gegsla/documents/gegsla-recommended-framework/> (дата обращения: 13.10.2023).

касающееся Руководящих принципов по внедрению ключевых элементов и Приложение 2 о будущих вопросах⁴⁴.

Рекомендуемые рамки и ключевые элементы разработаны в качестве руководства для будущих лунных проектов и предлагают рекомендации по реализации безопасной и устойчивой лунной деятельности путем установления норм, координации и управления. Важно отметить, что документ ориентирован не только на государства, но и на участников космической деятельности в лице различных организаций и компаний, которые будут осуществлять практическую деятельность на Луне, таким образом документ является практикоориентированным. В основе документа лежат отраслевые принципы международного космического права, соответствующие положения договоров ООН по космосу и документов «мягкого права»⁴⁵; а также иные документы например, передовая практика ассоциации «Лунная деревня» по устойчивому развитию лунной деятельности 2019 г.⁴⁶, Ванкуверские рекомендации по добыче космических ресурсов 2020 г.⁴⁷ или межведомственные соглашения Артемиды, разработанные под американскую лунную программу, под названием «Принципы сотрудничества в гражданском исследовании и использовании Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях»⁴⁸. В апреле 2023 г. Рекомендуемые рамки и ключевые элементы были представлены в Комитет ООН по космосу⁴⁹. В настоящее время работа Глобальной группы экспертов продолжается в рамках операционной фазы Проекта. В этих целях было создано три рабочие группы для проведения более целенаправленных обсуждений и выработки соответствующих решений по различным вопросам, связанным с лунной деятельностью, а именно: рабочая группа № 1 «Охрана окружающей среды на Луне», рабочая группа № 2 «Техническая координация на Луне» и рабочая группа № 3 «Координация деятельности на Луне с участием многих заинтересованных сторон»⁵⁰.

Открытый лунный фонд также является неправительственной организацией, основанной в 2018 г. со штаб-квартирой в Сан-Франциско и являющийся наблюдателем в Комитете ООН по космосу с 2021 г. Фонд занимается разработкой проектов и публикацией практических исследований, в том числе предоставляет стипендии на проведение научных исследований⁵¹. В 2021 г. в рамках организации был учрежден специальный фонд «На пути к доверию» (Breaking Ground Trust) как независимое юридическое лицо для разработки политики устойчивого, правового

⁴⁴ GEGSLA Annexes. URL: <https://moonvillageassociation.org/gegsla/documents/gegsla-annexes/> (Дата обращения: 13.10.2023).

⁴⁵ See for example: Guidelines for the long-term sustainability of outer space Activities. Report of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Sixty-second session (12–21 June 2019). A/74/20. P. 54-69.

⁴⁶ Best Practices for Sustainable Lunar Activities – Issue 1. Режим доступа: <https://moonvillageassociation.org/download/best-practices-for-sustainable-lunar-activities-issue-1/> (дата обращения 13.10.2023).

⁴⁷ Vancouver Recommendations on Space Mining Outer Space Institute, April 20, 2020. Режим доступа: https://www.outerspaceinstitute.ca/docs/Vancouver_Recommendations_on_Space_Mining.pdf (дата обращения 13.10.2023).

⁴⁸ Principles for a Safe, Peaceful, and Prosperous Future. Режим доступа: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁴⁹ Report of the Moon Village Association on the Global Expert Group on Sustainable Lunar Activities – Status/Deliverables/Plan. Paper submitted by the Moon Village Association. // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space Legal Subcommittee. Sixty-second session (20–31 March 2023). A/AC.105/C.2/2023/CRP.31.

⁵⁰ Project Plan. Global Expert Group on Sustainable Lunar Activities Operational Phase – 2024. October 17, 2023. Режим доступа: <https://moonvillageassociation.org/download/gegla-opereational-phase-project-plan-2024/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁵¹ Active Projects. Режим доступа: <https://www.openlunar.org/work> (дата обращения: 01.11.2023).

и многостороннего управления лунными ресурсами. В 2023 г. были проведены предварительные исследования для создания глобальной многосторонней платформы для разработки лунной политики, которая поможет поддерживать и развивать совместное освоение Луны путем изучения и решения ключевых политических, операционных и координационных вопросов. Соответствующий документ со всеми инициативами Открытого лунного фонда были представлены в Юридический подкомитет Комитета ООН по космосу⁵².

Гаагская международная рабочая группа по управлению космическими ресурсами – следующий пример сотрудничества межправительственных и неправительственных организаций с научным сообществом⁵³.

В ходе своей деятельности Рабочая группа стремилась, прежде всего, оценить в глобальном масштабе необходимость создания системы управления деятельностью в области космических ресурсов и, определившись с этим, подготовить документ, определяющий основные применимые элементы управления. В 2019 г. Гаагская рабочая группа приняла документ под названием «Элементы для разработки международной рамочной основы деятельности, связанной с космическими ресурсами»⁵⁴, который был представлен в Рабочую группу по космическим ресурсам Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу. В 2020 г. в качестве продолжения своей работы Группа опубликовала специальный комментарий к Элементам (de O Bittencourt Neto, Hofmann, Masson-Zwaan & Stefoudi, 2020). Несмотря на то, что Гаагская рабочая группа не является наблюдателем в Комитете ООН по космосу, результаты ее работы неоднократно представлялись совместно от делегаций Люксембурга и Нидерландов в качестве рабочего документа на заседания соответствующих подкомитетов⁵⁵.

Юридическая природа документов, разрабатываемых эпистемическими сообществами

В целом, из-за сокращения темпов кодификации в Комитете ООН по космосу нормотворческий процесс в области космической деятельности по-прежнему несколько ограничен. Последние годы в ООН в области деятельности по мирному

⁵² Open Lunar Foundation – Input to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Subcommittee. Sixty-Second session (20–31 March 2023). A/AC.105/C.2/2023/CRP.25.

⁵³ Прим.: создана в 2016 г. на базе Международного института по воздушному и космическому праву в Лейденском университете для оценки необходимости системы правового регулирования деятельности в области космических ресурсов. См.: The Hague space resources governance working group. Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Subcommittee. Fifty-fifth session (4–15 April 2016). A/AC.105/C.2/2016/CRP.17; The Hague International Space Resources Governance Working Group. Режим доступа: <https://www.universiteitleiden.nl/en/law/institute-of-public-law/institute-of-air-space-law/the-hague-space-resources-governance-working-group> (дата обращения: 13.10.2023).

⁵⁴ Building Blocks for the Development of an International Framework for the Governance of Space Resources Activities (2019). Режим доступа: <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/rechtsgeleerdheid/instituut-voor-publiekrecht/lucht--en-ruimterecht/space-resources/bb-thissrwg--cover.pdf> (дата обращения: 13.10.2023).

⁵⁵ Building Blocks for the Development of an International Framework for the Governance of Space Resource Activities: A Commentary. Conference Room Paper submitted by Luxembourg and the Netherlands // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Subcommittee. Sixty-first session (28 March–8 April 2022). A/AC.105/C.2/2022/CRP.23; Building blocks for the development of an international framework on space resource activities. Working paper submitted by Luxembourg and the Netherlands // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Legal Subcommittee. Fifty-ninth session (23 March–3 April 2020). A/AC.105/C.2/L.315.

использованию космического пространства разрабатываются международные документы, содержащие необязательные принципы, нормы, стандарты или другие заявления ожидаемого поведения в виде рекомендаций, принципов, руководящих принципов.

Обозначенные разнообразные документы необязательного характера квалифицируют как «*мягкое право*», которое можно определить следующим образом: «все те социальные правила, которые были созданы государством или другими субъектами международного права, не имеющие юридической силы, но, тем не менее, обладающие особой юридической значимостью»⁵⁶. Данный термин охватывает чрезвычайно широкий круг международных инструментов⁵⁷. Договоренности, особенно те, которые определяют сотрудничество по научным проектам или в целях общего обмена информацией, порождают все больше и больше практики, благодаря чему приобретают соответствующее политическое и экономическое значение.

Нарушение норм «мягкого права» (определяемых в основном как социальные или политические нормы) не влечет юридических последствий (Tronchetti, 2011). Наиболее эффективное привлечение к ответственности за несоблюдение сторонами согласованных общих намерений и поведения, будет заключаться в перспективе отказа в признании в качестве надежного партнера.

Однако, как видно из ранее проведенного анализа, сегодня появляются новые виды документов, создающихся вне Комитета ООН по космосу инновационным и неформальным образом по инициативе тех субъектов, которые ощущают потребность в каком-то руководстве в своих взаимоотношениях⁵⁸. В нашем случае – это все возрастающее число неправительственных организаций, членами которых являются физические и юридические лица. Разрабатываемые такими организациями документы так же, как и иные документы «мягкого права», не являются юридически обязательными для субъектов международного космического права, но, являясь ориентированными на фактических участников будущей лунной космической деятельности, могут находить применение на практике. Для всеобщего охвата и признания со стороны международного сообщества такие организации стремятся представить итоговые рекомендации в Комитет ООН по космосу в качестве вклада в его работу по разработке международно-правового режима освоения Луны. Для распространения данных документов нужно либо иметь статус наблюдателя в Комитете, либо предоставить по договоренности свои идеи через государства-члены Комитета, делегация которого распространит такой документ между другими государствами-членам как документ зала заседаний. Положения этих документов, созданных профессиональными организациями, найдут отражение в итоговом документе по регулированию деятельности на Луне, который будет принят в рамках Комитета ООН по космосу.

⁵⁶ Thiirer, D. (2009) Soft Law. In: Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Режим доступа: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law/epil/9780199231690/law-9780199231690-e1469?prd=EPIL> (дата обращения: 13.10.2023).

⁵⁷ «В категорию инструментов мягкого права, среди прочих, входят резолюции международных организаций, резолюции или декларации международных конференций, декларации встреч на высшем уровне высокопоставленных политиков, выводы, достигнутые в рамках ОБСЕ, выводы председателей ЕС, результаты совещаний двустороннего характера, односторонние заявления или рекомендации в рамках процедуры урегулирования споров ВТО». (Hafner, 2003: 150).

⁵⁸ «Мягкое право» требует меньше внутреннего процесса, чем договоры, оно обладает большей гибкостью, чем договорное право, его гораздо легче изменить, быстрее прекратить и осуществить» (Welly, 2010:306).

Заключение

В течение десятилетий международные межправительственные и неправительственные организации и ассоциации являлись полноценными участниками работы Комитета ООН по космосу в части регулирования использования космического пространства в мирных целях, результатом чего стало внесение в повестку Подкомитета постоянного пункта «Информация о деятельности международных организаций, имеющих отношение к космическому праву». Данная практика продолжается на регулярной основе и в 2023 г. в рамках своей 62-ой сессии Юридический подкомитет рассматривал вопрос «Информация о деятельности международных межправительственных и неправительственных организаций, имеющей отношение к космическому праву», в работе которой приняли участие представители множества неправительственных организаций, имеющих статус постоянного наблюдателя при Комитете, деятельность некоторых из которых была рассмотрена в настоящем исследовании.

Подобные организации часто являются наблюдателями и участниками на различных глобальных и региональных площадках. Они вовлечены как в правотворческий процесс (например, разработка кодексов поведения, технических документов, участие в научных мероприятиях на международном уровне), так и в процесс реализации норм международного права на национальном уровне (например, мониторинг деятельности государства).

Несмотря на то, что неправительственные организации не являются субъектами международного права, они выступают субъектом международных отношений. Именно поэтому необходимо осуществление международного сотрудничества между всеми заинтересованными участниками космической деятельности.

Разрабатывая инструменты «мягкого права», международное космическое сообщество демонстрирует, что традиционной международно-правовой системы для регулирования лунной космической деятельности недостаточно. Исследования, проводимые эпистемическими сообществами, безусловно могут быть базой для обсуждения в Комитете ООН по космосу всего спектра правовых вопросов, связанных с освоением Луны в ближайшем будущем. Более того, такие организации менее ограничены, чем государства с точки зрения охвата проведения исследований и формулирования рекомендаций, а также членского состава и его квалификации.

Документы таких организаций и неофициальная кодификация, проводимая ими, в последующем могут послужить важным началом для формирования «мягкого права» через такие международные площадки, как Комитет ООН по космосу, а в последствии для их официальной кодификации, прогрессивного развития международного космического права и принятия обязательного международного документа, поскольку решение ряда проблем следует искать исключительно в международно-правовом поле, учитывая, что космическое пространство является международным пространством. При этом важно не допустить, чтобы активная работа эпистемических сообществ не была политизирована и не тормозила работу Комитета и его подкомитетов, перегружая их повторяющимися идеями и многочисленными рабочими документами, требующих взвешенной формально-юридической оценки.

References / Список литературы

Abashidze, A.Kh. & Chernykh, I.A. (2022) United States policy and legislation on the exploration of natural resources of celestial bodies (international legal aspects). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 13 (1), 158–180. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.109> (in Russian).

- Абашидзе А.Х., Черных И.А.* Политика и законодательство США в области освоения природных ресурсов небесных тел (международно-правовые аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 1. С. 158–180. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.109>
- Al Ali, N. (2021) The problem of the use of natural resources of the Moon and other celestial bodies for commercial purposes. *State and Law*. (8), 100–109. <https://doi.org/10.31857/S102694520016442-7> (in Russian).
- Аль Али Н.* Проблема регулирования использования природных ресурсов Луны и других небесных тел в коммерческих целях // Государство и право. 2021. № 8. С. 100–109. <https://doi.org/10.31857/S102694520016442-7>
- Bhat, B.S. & Kurlekar, A. (2017) A Discourse on the Remodeling of ILA Model Law on Nation Space Legislation. *Journal of Space Law*. 41(1). 1–28. Режим доступа: <https://airandspace.law.olemiss.edu/wp-content/uploads/2020/07/JSL-41.1.pdf> (дата обращения: 13.10.2023).
- de O Bittencourt Neto, O. Hofmann, M., Masson-Zwaan, T. & Stefoudi, D. (2020) *Building Blocks for the Development of an International Framework for the Governance of Space Resources Activities: A Commentary*. Hague, Eleven International Publishing. Режим доступа: <https://www.boomportaal.nl/boek/9789462361218> (дата обращения: 13.10.2023).
- Friedl, M. & Johnson, Ch.D. (eds.). (2023) *The COPUOS Briefing Book*. Secure World Foundation.
- Gerhard, M. (2009) Article V. In: Hobe, S., Schmidt-Tedd, B., & Schrogl, K-U. (eds.). *Cologne Commentary on Space Law in three Volumes. Volume I. Outer Space Treaty*. Cologne, Germany, Carl Heymanns-Verlag, 103–125.
- Hafner, G. (2003) The Effect of Soft Law on International Economic Relations. In: Griller, S. (eds.) *International Economic Governance and Non-Economic Concerns: New Challenges for the International Legal Order*. Springer-Verlag, Wien, 149–160. https://doi.org/10.1007/978-3-7091-6036-7_5
- Hobe, S. (2013) The ILA Model Law for National Space Legislation. *Zeitschrift für Luft- und Weltraumrecht*. 62 (1), 81–95. Режим доступа: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ziw62&div=10&id=&page=> (дата обращения: 13.10.2023).
- Hobe, S. (2023) *Space Law*. 2nd ed. Baden-Baden, Nomos/Hart.
- Lapaš, D. (2010) The Role of International Non-Governmental Organisations (INGOs) in Space Activities and Space Law. In: Vukas, B. & Sosic, T. (eds.). *International Law: New Actors, New Concepts-Continuing Dilemmas*. Leiden, the Netherlands, Brill Nijhoff. pp. 125–145. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004181823.i-614.39>
- Lyll, F. (2013) Manfred Lachs (21.4. 1914–4.1. 1993). In: Hobe, S. (ed.). *Pioneers of Space Law*. Leiden, the Netherlands, Brill Nijhoff. pp. 192–210. https://doi.org/10.1163/9789004240285_013
- Reibaldi, G., Prunariu, D.-D., Christensen, I., Xu, Y. & El-Shawa, S. (2023) *The Global Expert Group on Sustainable Lunar Activities: Recommended Framework and Key Elements for Peaceful and Sustainable Lunar Activities*. IAC-23-D4.2.4. 74th International Astronautical Congress (IAC), 2–6 October 2023. Baku, Azerbaijan. Режим доступа: <https://moonvillageassociation.org/download/gegsla-iac-2023-paper/> (дата обращения: 13.10.2023).
- Tolstykh, V.L. (2021) Space Law Reform. *Actual Problems of Russian Law*. 16 (5(126)), 166–182. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182> (in Russian).
- Толстых В.Л.* Реформа космического права // Актуальные проблемы российского права. 2021 Т. 16. № 5 (126). С. 166–182. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182>
- Tronchetti, F. (2011) Soft Law. In: Brunner Ch. & Soucek A. (eds.). *Outer Space in Society, Policy and Law*. Vienna, Austria, Springer-Verlag, 361–386.
- Volynskaya, O.A. (2022) Space and Business: International Legal Issues. *The “Law and State” journal*. 3(96), 33–54. https://doi.org/10.51634/2307-5201_2022_3_33 (in Russian).
- Волынская О.А.* Космос и бизнес: международно-правовые проблемы // Право и государство. 2022. № 3(96). С. 33–54. https://doi.org/10.51634/2307-5201_2022_3_33

Welly, N.D. (2010) Enlightened State-Interest – A Legal Framework for Protecting the ‘Common Interest of All Mankind’ from Hardinian Tragedy. *Journal of Space Law*. (36), 273–313. Режим доступа: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/jrlsl36&div=15&id=&page=> (дата обращения: 13.10.2023).

Yuzbashyan, M.R. (2017) The US space resource exploration and utilization act of 2015 and the international space law. *Moscow Journal of International Law (MJIL)*. 2 (106), 71–86. (in Russian).

Юзбашиян М.Р. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 71–86.

Сведения об авторах:

Черных Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-5369-1736; SPIN-код: 2381-0326

e-mail: chernykh-ia@rudn.ru

Гугунский Денис Андреевич – старший преподаватель кафедры международного права юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-2158-184X; SPIN-код: 7489-4157

e-mail: gugunskiy-da@rudn.ru

Солнцева Александр Михайлович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-9804-8912; SPIN-код: 8289-4948

e-mail: solntsev-am@rudn.ru

About the authors:

Irina A. Chernykh – Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5369-1736; SPIN-код: 2381-0326

e-mail: chernykh-ia@rudn.ru

Denis A. Gugunskiy – Senior Lecturer of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-2158-184X; SPIN-code: 7489-4157

e-mail: gugunskiy-da@rudn.ru

Alexander M. Solntsev – Assistant Professor, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9804-8912; SPIN-code: 8289-4948

e-mail: solntsev-am@rudn.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-231-241>

EDN: RBJZBG

Информационная статья / Information Article

Обзор научно-методологического семинара «Публичная власть и право кочевых цивилизаций»

Ц.Ц. Михеева

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 mikheeva-tsts@rudn.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 01 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Михеева Ц.Ц. Обзор научно-методологического семинара «Публичная власть и право кочевых цивилизаций» // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 231–241.
<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-231-241>

Review of the scientific and methodological seminar Public Authority and the Law of Nomadic Peoples

Tsybik Ts. Mikheeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 mikheeva-tsts@rudn.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

© Михеева Ц.Ц., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Received: 01st September 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Mikheeva, Ts.Ts. (2024) Review of the scientific and methodological seminar Public Authority and the Law of Nomadic Peoples. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 231–241. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-231-241>

В Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы 14 июня 2023 г. прошел научно-методологический семинар «Публичная власть и право кочевых цивилизаций», организованный совместно кафедрой публичной политики и истории государства и права и кафедрой теории права и государства. *Целью семинара* стало рассмотрение современных методологических подходов к кочевым обществам и цивилизациям. В рамках семинара шло рассмотрение историко-правового развития кочевых обществ, выявление существовавших в них форм управления и правовых институтов, установление тенденций вхождения народов кочевых цивилизаций в состав России и других государств, определение цивилизационно-культурных отличий кочевых обществ, идентификация происходивших в них процессов модернизации публичной власти и трансформации правовых институтов, сохранения традиций правовой культур кочевых обществ. В работе семинара приняли участие профессора, научные сотрудники, преподаватели и аспиранты из России и Казахстана.

Открыла методологический семинар профессор кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН, доктор юридических наук *М.В. Немытина*. Обозначив цель и задачи мероприятия, она отметила значимость проведения правовых исследований в цивилизационно-культурном русле, одним из важных направлений которых являются проблемы кочевых цивилизаций. Было подчеркнуто, что обращение в рамках методологического семинара к проблемам организации публичной власти и правовых институтов в кочевых цивилизациях не является случайным. Эта проблематика во всей своей сложности и многоаспектности обнаружилась в связи с исследованиями, проводимыми соискателями кафедры, в которых ставятся проблемы генезиса и эволюции публичного управления и права на степных территориях, вошедших в XVIII–XIX вв. в состав России. Так, остро встали проблемы идентификации черт культуры кочевых цивилизаций применительно к калмыцкому и казахстанскому обществам, определения особенностей организации там публичной власти и поддержания правопорядка, сохранения и трансформации правовых традиций и опыта кочевых цивилизаций при вхождении Калмыцкого ханства и казахстанской степи в состав России, взаимного влияния институтов публичной власти и права кочевых обществ и российского общества имперского государства и права и опосредованно – на отношения в современном обществе у народов Калмыкии и Казахстана, где усиливаются тенденции национальной идентичности, в том числе в государственно-правовой сфере.

С большим вниманием участники семинара заслушали сообщение ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН, доктора исторических наук, профессора *А.Ш. Кадырбаева* «*Кочевники Евразии и их цивилизационно-культурный облик*». Докладчик подчеркнул, что история многотысячелетней человеческой цивилизации является, в определенной степени, историей взаимодействия кочевого образа жизни и оседло-земледельческого уклада, когда возникновение и развитие этих двух видов экономики имели огромные последствия, несравненно расширив область

трудовой деятельности человека и, в то же время, качественно изменив ее характер. Почти два тысячелетия в степях Евразии доминировали империи, созданные кочевыми народами, когда де-факто это было время расцвета степных обществ, «золотой век» номадизма. Их соседи, представлявшие народы оседлой культуры, описывают кочевников как воинственных «варваров», основными занятиями которых были набеги на оседлые государства и войны между собой. Хотя жизнедеятельность кочевых империй была более сложной. Кочевники не только заимствовали изобретения у своих оседлых соседей и активно их распространяли, но и сами внесли важный вклад в историю человечества в связи с появлением колесниц и верховой езды, распространением бронзолитейного производства в Старом Свете, изобретением стремян, созданием тяжелой кавалерии, распространением индоевропейских и тюркских языков¹. Именно кочевникам принадлежит ведущая роль в распространении открытий в Старом Свете: одомашнивание лошади и распространение колесного транспорта, способствовавшие темпам распространения информации и товаров престижного потребления. С подобной точки зрения роль кочевников в мировой истории должна быть переосмыслена. Если в классических работах по истории их считали уничтожителями цивилизаций, то в контексте мир-системных процессов именно кочевники в течение длительного периода времени являлись трансляторами информации между оседлыми цивилизациями. Они способствовали развитию торговых контактов, распространению религий и географических знаний, развитию информационных сетей и технологических обменов между различными цивилизациями. При этом, как правило, хотя и не всегда, кочевники были катализаторами этих процессов. Причем, кочевники часто выступали в роли инициаторов тех или иных заимствований, когда культурный обмен становился возможным не только потому, что с созданием кочевых империй возникали устойчивые и безопасные маршруты международных торговых путей, но и из-за того, что так желали правящие элиты степных империй. Именно благодаря кочевникам в лице монголов Чингисхана в средневековой истории появилось явление, образно названное монгольской глобализацией, когда монгольские завоеватели замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей, и все крупные региональные центры Евразии (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую средневековую мир-систему, когда в Великой степи как мираж возникли города Каракорум, Сарай – центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии². В течение длительного исторического периода кочевые народы преобладали над оседлым миром в военном отношении, начиная с классической древности вплоть до рубежа раннего Нового времени, когда, по образному замечанию Ф. Броделя, «порох и пушки одержали верх над их быстротой»³.

С XVII в. складывается новая, объединившая уже всю планету капиталистическая мир-система, где, казалось бы, уже не было места империям, созданных

¹ Крадин Н.Н., Базаров Б.В. Предисловие // Кочевые империи Евразии = Nomadic empires of Eurasia: особенности исторической динамики: монография / Отв. ред.: акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин. М.: Наука–Восточная лит., 2019. С. 5.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII века. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 440.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII века. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 112.

кочевыми народами⁴. Тем не менее, последним аккордом в их существовании стало созданное калмыками Джунгарское ханство, последняя кочевая империя евразийских степей.

Следует помнить, хотя многие прежде кочевые народы давно уже ведут оседлый образ жизни, тем не менее, истоки их культуры – в кочевом прошлом, наложившем неизгладимый отпечаток на их современную культуру. Вместе с тем, хотя ныне ареал кочующих народов сократился, в современном мире остались кочевники – пуштуны Афганистана, арабы-бедуины Аравии, Синая, берберы Сахары. При преобладании оседлой культуры невозможно представить мировую историю без кочевых народов.

Завершая свое выступление, профессор А.Ш. Кадырбаев отметил научную и политическую актуальность выполненного на кафедре публичной политики и истории государства и права РУДН исследования Е.А. Команджаева, получившего завершённый характер в виде вынесенной на публичное обсуждение докторской диссертации. Кочевой образ жизни определял жизнедеятельность многих народов России, в том числе и калмыков, которым посвящено исследование Е.А. Команджаева, а также придал неповторимое своеобразие их взаимоотношениям с другими народами России, прежде всего с русским народом, с которыми они разделили общую историческую судьбу.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН Е.А. Команджаев выступил с сообщением на тему «*Институты публичной власти калмыцкого кочевого общества в цивилизационной картине дореволюционной России*». После обзора российской и западной историографии по изучению истории кочевых народов, в том числе калмыцкого, с позиций цивилизационного подхода он отметил, что категория «кочевая цивилизация» можно считать вполне устоявшимся в исторической литературе. Однако в историко-правовой науке это понятие только утверждается и требует осмысления с позиций формирования публичной власти в кочевом обществе, сосуществования институтов российского централизованного государства и традиционных институтов власти кочевых обществ.

Сторонники концепции кочевой цивилизации отмечают ее главные структурные составляющие: длительность существования, обширная география ее доминирования, уникальность развития, самобытность и оригинальность традиций, скотоводческое хозяйство и др. Многие авторы обращают внимание на решающие роли климата и природы на кочевое хозяйство, на реализацию завоевательных нашествий кочевников, выделяют характерные черты кочевого хозяйства. Кроме того, констатируется абсолютная роль государства в восточных обществах, в том числе и кочевых. В то же время организация власти в кочевых обществах не подпадает под разработанные в теоретико-правовой науке и устоявшиеся признаки государства.

По признанию дореволюционных исследователей, калмыки являлись самым известным азиатским народом дооктябрьской России. Во-первых, калмыки осуществили последние во всемирной истории трансконтинентальные переходы кочевников в XVII–XVIII вв., существенно изменив этническую карту Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия, Предкавказья. Во-вторых, калмыки сыграли важную роль в

⁴ Крадин Н.Н. Динамика кочевых цивилизаций // Кочевые империи Евразии... С. 441.

расширении границ Российской империи, поскольку являлись одной из важнейших сил, обеспечивших российское преобладание в громадном регионе Юга страны. В-третьих, калмыки являлись особым кочевым народом России со значительной дороссийской законодательной традицией и историей государственности. И эти традиционные черты были основой формирования автономного Калмыцкого ханства на юге России. Калмыки – буддийский народ, что повлияло на формирование у них буддийского мировоззрения и миропонимания. И, наконец, калмыки являются классическими представителями кочевой цивилизации, сохранявшие традиционный уклад жизни до 30-х гг. XX в.

Калмыки в Нижнем Поволжье и Прикаспии существенно отличались от своих соседей, что способствовало консервации традиционных основ калмыцкого общества. В целях сохранения этих основ в новых условиях создавалось Калмыцкое ханство. В этот период Калмыкия являлась самостоятельным цивилизационно-культурным пространством с определенным набором составлявших его структурных элементов: государственность с традиционными институтами публичной власти; право, основанное на традициях и нормах общепринятого в монгольском мире законодательства; кочевая экономика; коллективное и традиционное землепользование; социальные отношения, регулировавшиеся как обычным правом, так и письменными законодательными актами; традиционная система морально-нравственных ценностей.

К числу традиционных институтов публичной власти относились следующие: институт ханской власти с бюрократическим аппаратом, институты нойонов и зайсангов с полагающимся штатом служителей в улусах и аймаках, собрания знати, институт зарго (центральный и улусные). В числе новых институтов с принятием буддизма у калмыков появился институт Ламы калмыцкого народа со штатом духовенства и подведомственными монастырями. В условиях непростых межэтнических и межконфессиональных отношений с соседними народами образовался институт бодокчев. В ханстве самостоятельно решали свои внутренние вопросы и имелись внешние сношения с другими государствами, хотя и под контролем России. Причины создания, как и последующего развития ханства, имели цивилизационно-культурную основу, поскольку именно своя государственность обеспечивала калмыкам защиту и сохранение национальной идентичности в условиях непростого соседства с другими кочевыми и кавказскими народами и казаками.

В XIX в. в условиях интеграции региона в общероссийскую административную систему продолжали действовать некоторые традиционные институты публичной власти. Российскими нормативными правовыми актами были созданы органы местного самоуправления в виде улусных, аймачных и хотонных сходов, вполне созвучных коллективизму и традициям кочевников. «Положением об управлении калмыцким народом» 1847 г. была утверждена система попечительства в виде российских органов публичной власти: Управление калмыцким народом и улусные управления под руководством попечителей. Традиционный уклад жизни калмыков способствовал сохранению привычных нравственных качеств кочевников. В культурном отношении калмыцкое общество представляло собой носителя другой восточной культуры с собственными социальными институтами и ценностями.

С сообщением на тему *«Цивилизационный подход и азиатский способ производства»* выступил профессор кафедры теории права и государства юридического института РУДН, доктор юридических наук *Г.И. Муромцев*. Он отметил, что проблема,

рассматриваемая на семинаре, порождает прежде всего вопрос о месте кочевых цивилизаций в мировой истории. В этой связи чрезвычайно актуальна проблема азиатского способа производства. Дело в том, что советская, или «марксистско-ленинская» теория государства и права, «не заметила» исторической стадии, или формации, названной Марксом «азиатский способ производства». Российские учебники по дисциплине «Теория государства и права» до сих пор излагают вопросы происхождения права и государства в основном согласно концепции Энгельса, отраженной в его работах, речь в которых шла о том, что государство и право складываются в процессе перехода от родового строя к классовому обществу, которое является поначалу рабовладельческим. Концепция кочевых цивилизаций, естественно, не вписывается в такое видение проблемы. Поэтому называть подход к ее исследованию цивилизационным, как это делает Е.А. Команджаев, некорректно. Речь должна идти о некоем гибридном подходе, отражающем переход не к рабовладельческой формации, а к азиатскому способу производства.

Современной наукой доказано, что азиатский способ производства является универсальной стадией истории, или общественной формацией, характерной для раннеклассовых обществ. Через эту стадию проходят все народы на раннеклассовой стадии своего развития. Отечественный историк и этнолог Ю.И. Семёнов определяет ее как феодально-рабовладельческую формацию, в которой слабо развитые феодальные и рабовладельческие отношения переплетены родовыми пережитками.

Возникает вопрос, что же понималось здесь под правом? Ответ на него предполагает учет культурных особенностей той эпохи, отражающих специфику психики, мировосприятия, механизмов регуляции поведения и т. д. Иными словами, мы стоим перед необходимостью расширения рамок исследования, использования наработок смежных дисциплин, при этом не только гуманитарных, но и естественно-научных. Так, в нашей правовой литературе никто не заметил, что в правовых системах, которые мы называем «азиатскими», сочетаются линейное время и его отсутствие, характерное для первобытного общества. Там развитие воспринималось циклически. Оно шло вроде бы вперед, потом возвращалось назад, из реальности могло перекинуться в потусторонний мир и т.д.

Эти особенности недостаточно учтены и при исследовании монономы (термин введен А.И. Першицем). Слитность права, морали и религии — лишь один из ее признаков. Ведь речь идет об эпохе бесписьменной культуры, поэтому слитность норм проявляется на уровне сознания, психики, реального поведения, мировосприятия и т.д. Иными словами, речь идет о слитности «всего со всем». И самое главное в данном случае то, как воспринимается мировой порядок, мироздание, потому что право есть стержень этого порядка. А в условиях слитности сфера действия права неизбежно включает в себя не только реальные отношения, но и отношения сверхъестественные. Поэтому право не нуждается в аппарате, призванном принуждать к соблюдению его норм. Причем ни в одной правовой системе право или то, что мы сегодня называем правом, не определяется термином, адекватным нашему пониманию права. Шариат в исламе, галаха в иудаизме, дхарма в индуизме и так далее, — все они имеют примерно одинаковый смысл — путь, правильный путь в жизни, правильное разумное поведение. Хотя данные примеры не связаны с кочевыми цивилизациями, однако они отражают те же самые закономерности становления и развития права.

Работу семинара продолжил доклад профессора кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессора кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН, доктора юридических наук *К.Е. Сигалова* на тему: «*Кочевые цивилизации*».

Все человеческие сообщества проходили стадию кочевания, но номадами стали не все – для того, чтобы стать таковыми необходимо было приобрести ряд характеристик, важнейшей из которых является технологическая – второе разделение труда. Как правило, сообщества, в основе ведущей производственной экономики которых было скотоводство, стали кочевниками, земледелие – оседлыми. Как правило, но не всегда. Скот был у всех, а кочевали и охотники, и рыбаки, и субкриминальные сообщества. Важной особенностью социального регулирования и нормативности любых номадов всегда была опора на традицию, причем это не всегда был признак отсталости, а, скорее, особый способ легитимации властных отношений.

Не ясно, лежит ли агрессия как фактор отношений с окружающим миром в основе всех номадических сообществах или это феномен пассионарности отдельных номадических цивилизаций – там, где избыток энергии переливается через край. Система властных отношений в номадических цивилизациях принципиально отличалась от оседлых. А) У агрессоров: В производстве занято 20 % населения, остальные силы на войну. Б) Отношения господства-подчинения не носили столь ярко выраженных вертикальных отношений, но горизонтальных отношений в западном смысле слова тоже не было; в) отношения степь–оседлые–город. Степь постоянно нависает над всеми (Ибн Хальдун).

Религия напрямую не соотносится с номадизмом (не все кочевники мусульмане, и не все мусульмане – кочевники). Традиционность вызывает интенцию уважительного отношения к прошлому – отсюда сохранение наследия Античности, с одной стороны, но дикий консерватизм – с другой стороны.

Отношения пространства и времени другое, нежели в оседлых (легкое отношение ко времени и неприятие четких границ). Песок как море. Механические часы и требование к установлению границ. Номады как окружающие оседлых, и номады как внутри оседлых. Номады, ставшие оседлыми (Венгрия).

Закрытость не позволяет понять многих факторов нормативности и правосознания. Знаем о ясе Чингисхана, многое об исламе, но воспринять во всей полноте смыслов смысл кочевой цивилизации не получается. Это очень особое право, очень особые властные отношения, очень особая государственность, очень особая ментальность. А может быть как раз это и есть ведущий способ мироустройства, просто мы об этом не догадываемся. Поднятая тема очень важна именно в силу данных причин.

Далее на семинаре было заслушано сообщение заведующей кафедрой теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидата юридических наук, доцента *Ф.Г. Камкиш* на тему: «*Традиционная правовая культура в контексте современных трансформаций общества*». Существование двух противоборствующих тенденций в современном мире: с одной стороны, рост глобализации, взаимозависимости и целостности человечества, с другой – усиление национального самосознания, стремление сохранить национальную культурную самобытность, формируют два разнонаправленных вектора развития. Движение в направлении универсализации (унификации) разворачивается параллельно со стремлением к уникализации в праве (иными словами, к сохранению своеобразия, самобытности, в конечном счете

всего того, что отличает одну культуру от другой). Современный период ознаменовался активным обращением исследователей в России и других странах постсоветского пространства к цивилизационному подходу. Авторы отмечают, что на рубеже XX–XXI вв. в отечественное правоведение в качестве новой парадигмы внедряется цивилизационный подход, в русле которого развитие стран и населяющих их народов, жизнь людей, эволюцию социальных систем, институтов публичной власти и правовых форм предопределяет принадлежность к цивилизации.

В контексте обсуждаемой проблематики важно подчеркнуть, что именно в рамках цивилизационного подхода проявилась попытка интерпретации прошлого как диалога культур, результатом которого выступает взаимное обогащение культур. Концепция локальных цивилизаций с этой точки зрения – попытка сохранения этнокультурной специфики и обоснования того, что разные культуры могут двигаться по-разному в историческом пространстве, разными путями и с разной динамикой развития. В этом смысле цивилизационный подход в определенном смысле позволяет снимать напряжение, так как унифицирующее влияние интерпретируется с позиций диалога культур, позволяющего обмениваться знаниями и опытом. Следует также подчеркнуть, что, несмотря на выявление в цивилизационном подходе неких «существенных эвристических пределов», он дает положительные результаты, так как в нем есть этическая моральная правота, позволяющая восстановить в праве долгое время пренебрегаемую цивилизационно-культурную специфику, благодаря тезису о том, что каждая культура уникальна и в основе каждой культуры лежит неповторимый образ. С этой точки зрения исследование права кочевых цивилизаций, с позиций взаимодействия и взаимовлияния в цивилизационной картине дореволюционной России, представляет, безусловно, научный интерес, так как позволяет «путем пристального взглядывания» в историю народа понять его культуру и мировоззрение, увидеть специфику развития и устройства обществ евразийского степного коридора.

Особо следует отметить стремление автора представленного исследования – Е.А. Команджаева – рассмотреть сквозь призму современности особенности вхождения (присоединения) народов кочевых цивилизаций в лице калмыков в состав России, придавшее неповторимое своеобразие их взаимоотношениям с другими народами России, прежде всего с русским народом, с которыми они разделили общую историческую судьбу. Внимания заслуживает мнение Е.А. Команджаева о том, что получение подданства Российской империи позволило калмыкам получить новый импульс для развития – наладились торговые отношения и товарооборот, появились государственные органы управления и т.д. Исследование отдельных культур и истории народов позволяет актуализировать вывод о том, что «цивилизации» всегда нуждались друг в друге, подпитке своей парадигмы со стороны других культурных ценностей, и для всех нужна была общая картина «ойкумены», а не только своего «мира»⁵.

Бакирова А.М., старший юрист ТОО «SILA Central Asia» (г. Астана, Республика Казахстан) в своем выступлении на тему: «*Правовая культура казахстанского общества в контексте евразийства и кочевой (степной) цивилизации*» отметила, что кочевничество – это самобытная национальная история казахов.

⁵ *Пиков Г.Г.* О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 4–10.

В работе А. Тойнби «Постижение истории» общества, которые родились, но были остановлены в своем развитии после рождения, так называемые задержанные цивилизации, относились к третьему классу цивилизаций. К ним отнесены полинезийцы, эскимосы и кочевники, являвшиеся заложниками географических, климатических условий. Думается, что одной из причин такого вывода послужил тот факт, что до XV–XVI вв. европейцы знали о кочевниках лишь по их периодическим нашествиям на Европу и воспринимали кочевые народы не иначе как своих врагов. А. Тойнби писал о кочевниках, что «они не в силах создать цивилизованное общество и государство без помощи извне»⁶. По его умозаключению, в этом им должны помочь оседлые народы.

Позицию европоцентризма, не признававшего кочевую цивилизацию и роль тюрков в ее истории, опровергал Л.Н. Гумилев. Проводимые археологические раскопки в Южной Сибири, Средней Азии привели к однозначному выводу о существовании кочевой цивилизации народов Евразии, которая появилась задолго до других цивилизаций, и за 3000 лет прошла все этапы творческой эволюции. Он отмечал: «неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники... изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто само по себе подразумевающееся»⁷. Одновременно с Л.Н. Гумилевым А.П. Окладников открыл по материалам археологических раскопок цивилизацию тюркских народов Сибири. «Древняя тюркская Сибирь, писал А.П. Окладников, оказалась теснее связанной с Западом, чем с Востоком. Ее культура намного богаче и ярче, чем можно было полагать ранее»⁸.

Неугасающий интерес к обществу номадов или к кочевой цивилизации связан с преодолением европоцентризма, дальнейшим активным развитием неевропейской историографии. С 1920–1940-х гг. кочевая цивилизация становится предметом специальных исследований казахстанских ученых. В современной историографии Казахстана проблема изучения цивилизации кочевников является сколь актуальной, столь и сложной. Если с мнением, что кочевая цивилизация – закономерное явление в истории человечества, своеобразный вид хозяйственной деятельности и жизненного уклада, согласно большинство ученых, то, например, в работах С.З. Зиманова, В.Ф. Шахматова, С.Е. Толыбекова, Н.Э. Масанова говорится о том, что кочевники самостоятельно достигают первых ступеней классового общества, а дальнейшее их развитие зависит от влияния оседлых народов, т. е. кочевой социум – это общественно-историческое объединение с ограниченными перспективами развития. Но в последнее время все чаще звучат высказывания, подчеркивающие высокий уровень культуры и социального устройства древних и средневековых кочевых объединений.

Участники научного методического семинара озвучили ряд вопросов, которые встают перед исследователями в ходе изучения проблемы, заявленной в названии семинара. Профессор *К.Е. Сигалов* отметив, что в советской историографии преобладала формационная теория, цивилизационная теория не была особенно разрешена, заинтересовался, каким образом данная тенденция в советской науке сказалась на исследованиях кочевых цивилизаций в целом? *Е.А. Команждаев* согласился, что в советской историографии мало внимания уделялось цивилизационным отличиям

⁶ Тойнби А.Дж. *Постижение истории*. М.: Наука, 1991. С. 77–79.

⁷ Гумилев Л.Н. *Тысячелетие вокруг Каспия*. М.: Изд-во АСТ, 2002. С. 122.

⁸ Цит. по: *Исмаилов Т.* Колыбель тюркского мира. Режим доступа: <https://sovetsvetanov.kz/tpost/e6dt7oi4p1-kolibel-tyurkskogo-mira> (дата обращения 12.07.2023).

у кочевых народов: «В советской исторической науке встречается понятие “кочевой феодализм”. Ряд исследователей, например Б.Я. Владимирцов, заложили основы советского понимания кочевого феодализма, когда отмечали наличие у кочевых народов феодальной собственности на скот. В Казахстане авторы также отмечали, что основой феодализма здесь была собственность на скот и землю». *Сигалов К.Е.* усомнился в обоснованности применения термина «кочевой феодализм». Ведь, если вести речь о феодализме, то прежде всего в рамках формационного подхода рассматривается собственность на землю – К. Маркс писал о том, что феодализм характерен только для Западной Европы. Восточная Европа и Россия не знали феодализма и поэтому нет возможности говорить о феодализме у кочевников, нет технико-юридических оснований для обоснования феодальных отношений в кочевом обществе.

Далее профессор *К.Е. Сигалов* обратился к аудитории с вопросом: «Был ли связан с соотношением феномена агрессия с феноменом кочевая?» Агрессия бывает разной, заметил он, приведя в пример монголо-татарское нашествие на Русь и на другие территории, которое носило иной характер в сравнении с другим примером – завоевание арабами территорий, занятых ими до IX в., *Е.А. Команждаев* предположил: «Вероятно, причина завоеваний кроется в потребности в продуктах оседлого хозяйства, отсюда – нашествия, взимание дани и пр.».

Профессора *Немытину М.В.* в контексте услышанного волновал вопрос о соотношении институтов публичной власти в кочевых цивилизациях с таковыми у оседлых обществ. Есть ли принципиальные различия? *Е.А. Команждаев* обратил внимание на несколько признаков публичной власти у кочевых цивилизаций: замкнутость кочевых обществ, слабые связи, отсутствие разветвленного бюрократического аппарата, мобильность. Есть и схожие черты, в качестве примера можно привести ханскую власть, соотносимую с властью абсолютного монарха.

Доцента кафедры теории права и государства РУДН, кандидата юридических наук *Р.М. Аллалыева* заинтересовало, могут ли быть выявлены в ходе проведения исследований закономерности, которые есть в кочевых правовых институтах и привели ли выявленные закономерности к чему-то, чего достигли оседлые цивилизации, *Е.А. Команждаев* высказал свое отношение к поставленной проблеме: «рассмотрев развитие институтов публичной власти начиная с образования Калмыцкого ханства и до 1917 года, полагаю, что сильного развития не наблюдалось: имеющиеся институты публичной власти не эволюционировали, они оставались традиционными в течение длительного времени, и лишь в XIX веке, когда калмыки попали под российское управление, когда территории были включены в состав Астраханской губернии, появились государственные органы управления, стремление сохранить сложившийся традиционный уклад являлись главной закономерностью, и эта приверженность традициям не позволила эволюционировать публичным институтам во что-то такое более совершенное».

Доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы *И.З. Суханова* определила следующий аспект обсуждаемой проблемы: «Выделяя традиционность калмыцкого общества характерной чертой данной кочевой цивилизации, можно задать вопросом: содержал ли он морально этический комплекс, свойственный всем традиционным обществам, и был ли он схож с монгольским либо он имел свои собственные уникальные особенности? И, если мы выделяем его как отдельную цивилизацию, то какую можно выделить цивилизационную

составляющую именно калмыцкого общества? Сложился ли какой-то свой набор этических, моральных правил, которые сложились в XVI–XVII вв.?». *Е.А. Коман-ждаев* заметил, что калмыцкое общество как часть монгольского общества обладало теми же духовно-нравственными ценностями, что и многие кочевые народы.

В конце семинара были подведены итоги, его участники отметили, что заседание состоялось на интересную тему – в ключе изменений научных и методологических подходов в исторической и юридической науках является значимым обращение к изучению истории становления и развития институтов публичной власти и права у кочевых народов. Научная и методологическая составляющая прозвучавших докладов и их обсуждение позволили участникам семинара обозначить проблематику в изучении кочевых обществ и цивилизаций в контексте проблем организации институтов публичной власти и права.

Сведения об авторе:

Михеева Цыбик Цырендоржиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0003-0057-8673; SPIN-код: 9282-4232

e-mail: mikheeva-tsts@rudn.ru

About the author:

Tsybik Ts. Mikheeva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-0057-8673; SPIN-code: 9282-4232

e-mail: mikheeva-tsts@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-242-249>
EDN: RCJVVJ

Информационная статья / Information Article

Обзор Международного научного юридического форума памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» 13 октября 2023 года

Е.П. Русакова^{1,2}, Е.Е. Фролова^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

²Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация
 rusakova-ep@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Поступила в редакцию: 29 декабря 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Обзор Международного научного юридического форума памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» 13 октября 2023 года // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 242–249. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-242-249>

Review of the International Scientific Legal Forum in memory of V.K. Puchinsky “Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world”, 13th October 2023

Ekaterina P. Rusakova^{1,2}, Evgenia E. Frolova^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation
 rusakova-ep@rudn.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

© Русакова Е.П., Фролова Е.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Received: 29th December 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Rusakova, E.P., Frolova, E.E. (2024) Review of the International Scientific Legal Forum in memory of V.K. Puchinsky “Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world”, 13th October 2023. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 242–249. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-242-249>

13 октября 2023 г. в стенах Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы прошел очередной Международный научный юридический форум памяти проф. В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», организованный кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Университета, в котором приняли участие представители ведущих научных и образовательных организаций страны, а также исследователи из разных стран мира. В рамках форума были рассмотрены отечественная и зарубежная проблематика развития и становления институтов гражданского процесса, включающая вопросы законности и правопорядка, реализации права на судебную защиту, которые также были затронуты в разные годы, и этапы развития и становления нашей страны и мира в трудах российского ученого-процессуалиста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Пучинского Василия Клементьевича, а также были исследованы актуальные проблемы правоприменения, вопросы совершенствования российского материального и процессуального законодательства. Особенность данного форума заключалась в том, что данное мероприятие было проведено в преддверии официального учреждения 14 декабря 2023 г. научной школы Российского университета дружбы народов «Компаративистика частного права и цивилистического процесса», вобравшей в себя традиции основателя кафедры проф. В.К. Пучинского и его учеников и молодого поколения профессорско-преподавательского состава кафедры Гражданского права и процесса и международного частного права, продолжающие развивать основные направления исследований научной школы: частно-правовые (цивилистические) науки; гражданский и арбитражный процесс; международное частное право; информационные (цифровые) технологии, в том числе искусственный интеллект в частном праве и цивилистическом процессе.

В организации и работе форума приняли участие ведущие российские и зарубежные ученые: член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ Клеандров Михаил Иванович; заслуженный юрист Республики Беларусь, д.ю.н., проф., профессор кафедры хозяйственного права Белорусского государственного университета Каменков Виктор Сергеевич; д.ю.н., профессор Кудрявцева Елена Васильевна (профессор кафедры гражданского процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова); д.ю.н., профессор Борисова Елена Александровна (профессор кафедры гражданского процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова); д.ю.н., профессор Сеницын Сергей Андреевич (заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ); д.ю.н. Бегичев Александр Валерьевич (профессор кафедры нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина); д.ю.н. Кожокарь

Игорь Петрович (ведущий научный сотрудник сектора философии и права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН); д.ю.н. Мещанова Мария Валентиновна (заведующая кафедрой гражданского права Белорусского государственного университета); Михалева Татьяна Николаевна (к.ю.н., доцент кафедры евразийских исследований Белорусского государственного университета); д.п.н., к.ю.н. Мамычев Алексей Юрьевич (профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета); к.ю.н. Мирошниченко Ольга Игоревна (заместитель директора юридической школы Дальневосточного федерального университета); к.п.н., Петрук Галина Владимировна (директор департамента научно-исследовательской работы Владивостокского государственного университета). Традиционно научная трибуна предоставляется молодым исследователям: аспирантам кафедры гражданского права и процесса и международного частного права и, в первую очередь гостям форума.

Международный научный юридический форум был открыт заведующей кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН профессором, д.ю.н. Фроловой Евгенией Евгеньевной – организатором Международного научного юридического форума памяти Василия Клементьевича Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», которая подчеркнула важность проведения данного мероприятия, сохраняющего и поддерживающего правовые традиции и преемственность научных взглядов учеников В.К. Пучинского, которые ежегодно принимают участие в научном мероприятии и представляют научной общественности доклады. Эту мысль поддержали д.ю.н., профессор (профессор кафедры гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова) Кудрявцева Елена Васильевна и д.ю.н., профессор (профессор кафедры гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова) Борисова Елена Александровна, обратившие внимание на то, что на протяжении всей своей жизни В.К. Пучинский исследовал основные институты процессуального права: источники, принципы, доказательства, порядок разрешения споров судами и арбитражами, признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в России и за рубежом, научные выводы которого представляют огромную научную ценность и по сей день.

Модераторами форума Фроловой Евгенией Евгеньевной, д.ю.н., профессором, заведующей кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, Русаковой Екатериной Петровной, д.ю.н., профессором кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН была отмечена важность и значение научных работ В.К. Пучинского в области реформирования гражданского процесса, в сфере компаративистики, для развития науки, а также их вклад в становление преподавания этих дисциплин в российских вузах, в частности, в РУДН.

В ходе форума были обсуждены как векторы научных исследований в области зарубежного гражданского и арбитражного процесса, цивилистики, так и перспективы междисциплинарных научных исследований, яркие шаги в направлении которых сделаны учеными кафедры гражданского права и процесса и международного частного права в течение последних нескольких лет. Целью форума традиционно является выявление тенденций развития гражданских правоотношений в России и зарубежных странах, а именно: правового регулирования цифровых прав; развития цифрового правосудия в странах АТР; цифровой трансформации как способа

повышения привлекательности стран-участниц ЕАЭС; эволюции гражданского судопроизводства через призму искусственного интеллекта.

Ведущие российские и зарубежные ученые затронули важные темы на форуме: Кудрявцева Елена Васильевна подчеркнула важность работ В.К. Пучинского, посвященных зарождению советского гражданского процесса; Борисова Елена Александровна затронула важную тему, касающуюся актуальности научных изысканий В.К. Пучинского для современных ученых. Августина Ирина Дмитриевна – к.ю.н., судья Верховного Суда Республики Дагестан в отставке, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского института (филиал) ФГБОУ «ВГУЮ» (РПА Минюста России), выступила с докладом на тему «Проблемы реализации права на судебную защиту», отметив важность обеспечения беспрепятственного доступа к правосудию, подчеркнув, что наличие в отечественном процессуальном законодательстве основания для отказа в принятии административного иска по п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ и аналогичного основания п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ является серьезным препятствием на пути реализации гарантированного статьей 46 Конституции РФ права на судебную защиту. Проблему злоупотребления истцами процессуальными правами через предъявление явно необоснованных исков предложила решить посредством внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство, что позволит при полном соблюдении принципов процессуального законодательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, в предварительном судебном заседании выносить решение об отказе в иске в случае выявления судом случаев предъявления так называемых необоснованных исков, без исследования иных обстоятельств по делу. Продолжая рассуждения о способах защиты прав и законных интересов граждан и хозяйствующих субъектов, д.ю.н. профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН Русакова Екатерина Петровна в своем докладе подчеркнула важность реализации права на защиту в контексте «цифровых» споров, которые возникают зачастую вне территориальных границ и законодательного поля, что не позволяет определить надлежащий механизм их урегулирования. В эпоху цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности общества возникают новые объекты гражданских прав, одними из которых являются цифровые активы, порождающие в геометрической прогрессии правовую неопределенность, это связано с правовыми коллизиями, пробелами в законодательстве, которые позволяют преодолеть именно принципы. Принятие Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА) Проекта принципов в отношении цифровых активов и частного права, направленного на гармонизацию законодательства в области цифровых прав в разных странах мира, позволит выработать единый подход в регулировании общественных отношений, возникающих в процессе реализации цифровых прав, а также решит проблему правовых коллизий. Таким образом, имплементация принципов УНИДРУА в отношении цифровых активов и частного права в национальное законодательство разных стран имеет важное значение для разработки единой стратегии или модели регулирования цифровых прав, направленных на предотвращение рисков, связанных с их реализацией. Кроме того, данные принципы позволят адаптировать традиционные правовые инструменты и национальное законодательство разных стран, принадлежащим к различным правовым системам в области цифровых прав, к единому общепризнанному подходу их регулирования. Ермакова Елена Петровна, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного

права РУДН, в своем докладе «О «Принципах УНИДРУА в отношении цифровых активов и частного права» 2023 года» обратила внимание, что принципы не предусматривают конкретного подхода к осуществлению государствами, а скорее оставляют за соответствующей юрисдикцией право решать, как их осуществлять и инкорпорировать в свое национальное законодательство. Ожидается, что внедренные принципы уменьшат правовую неопределенность и повысят предсказуемость для тех, кто участвует в этих сделках (как внутренних, так и трансграничных), и, в свою очередь, повысят эффективность и сократят издержки. Кроме того, поскольку в этих сделках часто участвуют лица, проживающие в разных государствах, чем больше согласованность между государствами, тем выше предсказуемость трансграничных сделок, что, опять же, вероятно, приведет к снижению затрат на прямые сделки и ценообразование. Еще предстоит выяснить, приведет ли все это к значимым действиям на национальном уровне и к усилению гармонизации, и если да, то каким образом.

Кузнецов Михаил Николаевич, д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, продолжил тему коллизионного регулирования, выступив с докладом «Причина расщепления привязки коллизионной нормы и способы квалификации ее частей», определив правовую природу данного явления, раскрыв причину расщепления привязки коллизионной нормы и способы квалификации ее частей. Бегичев Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор кафедры нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), посвятил свой доклад доказательственному значению нотариального акта как обязательного элемента превентивного правосудия, подтвердив особую важность проведенной судебной реформы относительно повышенной доказательственной силы нотариальных актов, особенно в сделках, направленных на отчуждение недвижимости, сделав вывод о том, что нотариальный акт выступает гарантом правовой определенности и стабильности гражданского оборота. Продолжая выступления, Трезубов Егор Сергеевич, к.ю.н., доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института Кемеровского государственного университета, посвятил свой доклад проблемам производства в суде первой инстанции при рассмотрении группового иска в контексте соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования споров при предъявлении группового иска. Им обоснована целесообразность исключения требования об обязательном досудебном порядке урегулирования споров при подаче группового иска в суды общей юрисдикции таким же образом, как это сформулировано в норме ч. 5 ст. 4 АПК РФ, также обращается внимание на необходимость специального регулирования вопроса определения размера и порядка оплаты государственной пошлины. Сложившиеся подходы об определении размера госпошлины применительно к каждому из требований участников группы воспринимаются как неправильные и нежелательные по своей сути. Им обосновывается необходимость установления фиксированного размера госпошлины вне зависимости от числа присоединившихся к коллективному иску лиц и размера их требований. Крикун Лидия Александровна, к.ю.н., доцент Московского финансово-юридического университета (МФЮА), в своем докладе «Транзакции на децентрализованных блокчейн-платформах» обратила внимание на то, что транзакция — это банковская операция, в процессе осуществления которой происходит перевод определенной суммы денег с одного счета на другой. Транзакции проводят не только с обычными

деньгами, но и с криптовалютами. При этом транзакции следуют определенной процедуре, в зависимости от блокчейна, в котором они происходят. Интерес к блокчейн-платформам как к способу оптимизации цепочек поставок, улучшения прослеживаемости, упрощения торговли и улучшения финансовых транзакций значительно возрос в последние несколько лет. Напр., компания «ConsenSys» (платформа «Quorum») заключила партнерское соглашение с «Visa», чтобы помочь соединить цифровые валюты центральных банков с существующими платежными сетями и упростить создание новых услуг. Подчеркнув, что международные правовые акты и национальное законодательство должны предостерегать от принятия технологии блокчейн в ее нынешнем виде и должны быть направлены на реформирование рыночных взаимодействий, чтобы стороны могли безопасно совершать сделки. Кошелюк Богдан Евгеньевич, к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института Академии ФСИН России, выступил с докладом, посвященным обеспечению авторских прав в сети Интернет, в котором подчеркивалось, что соблюдение авторских прав не только является законным требованием, но и способствует увеличению доходов и улучшению репутации авторов и правообладателей. Продолжая тему цифровизации, Протопопова Ольга Владимировна, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, выступила с докладом, посвященным основным положениям проекта закона США «О защите прав потребителей цифровых товаров» (DCCPA) 2022 г., обратив внимание на то, что законопроект вводит новый термин для криптовалют, называя их «цифровыми товарами», а также предписывает организациям, стремящимся стать платформами цифровых сырьевых товаров, зарегистрироваться в Комиссии по торговле товарными фьючерсами (CFTC) в качестве товарного брокера, депозитария, дилера или торговой площадки. Гроник Ирина, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, посвятила выступление цифровым технологиям и обеспечению доступного судопроизводства для лиц с ограниченными возможностями здоровья в Индии, подчеркнув, что первоочередной целью является принятие всеобъемлющего законодательства о защите прав и законных интересов людей с инвалидностью, уделяя особое внимание социальным и экономическим правам, а также созданию инклюзивности и безбарьерной среды для людей с ограниченными возможностями, особенно в искусственной и цифровой среде, транспортной системе и экосистеме, доступе к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) в судопроизводстве. Наблюдающаяся положительная динамика в 2023 г. связана с рекомендацией Комитета по доступности Верховного суда о создании инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями здоровья в кампусе Верховного суда. Комитет предложил внедрить политику равных возможностей и установить современные технологии, такие как электронные киоски и системы QR-навигации, в дополнение к усовершенствованным процедурам обеспечения безопасности и эвакуации. Пухарт Александр Аскольдович, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, выступил с докладом «Права детей в цифровом мире: новые инициативы ООН и ЕС», обозначив проблему, что страны, в которых отсутствуют адекватные законы и другие нормативные акты для защиты конфиденциальности детей в онлайн-мире, могут подвергать детей жестокому обращению, а также сбору и использованию их личной информации в коммерческих или других целях. Поэтому крайне важно, чтобы международные и национальные законы были обновлены, чтобы отразить

проблемы, связанные с ИИ, и обеспечить защиту права детей на неприкосновенность частной жизни в цифровой сфере. Это включает в себя создание строгих законов о защите данных, разработку продуктов и услуг ИИ, чувствительных к конфиденциальности, а также просвещение детей о важности защиты их конфиденциальности в Интернете. Традиционно в Форуме приняли участие зарубежные ученые – цивилисты и процессуалисты из Китайской Народной Республики и Республики Беларусь, партнерское взаимодействие с которыми за последние годы укреплено в стенах Российского университета дружбы народов и Белорусского государственного университета преподаванием совместного учебного курса в рамках магистерской программы. Максименюк Виталий Витальевич, старший преподаватель кафедры гражданского права Белорусского государственного университета, в своем докладе обратил внимание, что законодательство, регулирующее туризм в Республике Беларусь, в том числе гражданское законодательство, находится в русле последовательного изменения с учетом названных тенденций в области интеграции, с целями обеспечения более качественного и оптимального правового регулирования динамично изменяющихся общественных отношений в столь перспективной области экономики страны; Ху Найсинь, к.ю.н., доцент Шаньдунского университета, Хуан Циньюй, д.ю.н., профессор Шаньдунского университета, Ян Жуйхэ, д.ю.н., профессор Шаньдунского университета, Ли Руюци, к.ю.н., доцент Шаньдунского университета, подготовили совместный доклад, посвященный вопросам интеллектуальной собственности в праве КНР; Михалева Татьяна Николаевна, к.ю.н., доцент кафедры евразийских исследований БГУ, обратила внимание на проблемы интеграционных процессов в рамках ЕАЭС; Мещанова Мария Валентиновна, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета БГУ, д.ю.н., выступила с докладом, посвященным коллизии регулирования смарт-контрактов.

Международный юридический научный форум памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» завершился словами благодарности председателя оргкомитета Евгении Евгеньевны Фроловой и секретаря оргкомитета Екатерины Петровны Русаковой всем участникам и персонально д.ю.н., профессору Кудрявцевой Елене Васильевне и д.ю.н., профессору Борисовой Елене Александровне за их многолетнее участие в мероприятии, а также приглашением принять участие 18 октября 2024 г. в следующем Международном юридическом научном форуме памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире».

Сведения об авторах:

Русакова Екатерина Петровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; ведущий научный сотрудник, Владивостокский государственный университет, 690014, Российская Федерация, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754, Scopus Author ID: 57192093101

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Фролова Евгения Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; главный научный сотрудник, Владивостокский государственный университет, 690014, Российская Федерация, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID ID: 0000-0002-1852-0085, Scopus Author ID: 56439998700

e-mail: frolova-ee@rudn.ru

About the authors:

Ekaterina P. Rusakova – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Full Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation; Leading Researcher, Vladivostok State University; 41 Gogolya str., Vladivostok, Primorsky Territory, Far Eastern Federal District, 690014, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754, Scopus Author ID: 57192093101

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Evgenia E. Frolova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Chief Researcher, Vladivostok State University; 41 Gogolya str., Vladivostok, Primorsky Territory, Far Eastern Federal District, 690014, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-1852-0085, Scopus Author ID: 56439998700

e-mail: frolova-ee@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-250-254>
EDN: SYQTSM

Информационная статья / Information Article

Актуальные вопросы правового регулирования в энергетической сфере в условиях секторальных санкций: обзор Всероссийской научно-практической конференции

Е.Ю. Комлев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Komleve@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Поступила в редакцию: 23 ноября 2023 г.
Принята к печати: 15 января 2024 г.*

Для цитирования:

Комлев Е.Ю. Актуальные вопросы правового регулирования в энергетической сфере в условиях секторальных санкций: обзор Всероссийской научно-практической конференции // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 250–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-250-254>

Current issues of legal regulation in the energy sector under the conditions of sectoral sanctions: review of the All-Russian Scientific and Practical Conference

Evgeny Y. Komlev

RUDN University, Moscow, Russian Federation
Komleve@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

*Received: 23rd November 2023
Accepted: 15th January 2024*

© Комлев Е.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Komlev, E.Y. (2024) Current issues of legal regulation in the energy sector under the conditions of sectoral sanctions: review of the All-Russian Scientific and Practical Conference. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 250–254. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-250-254>

15 ноября 2023 г. на площадке Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы совместно с ООО «Газпром энерго» проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы правового регулирования в энергетической сфере в условиях секторальных санкций». Конференция является логическим продолжением круглого стола, организованного совместно РУДН и ООО «Газпром энерго» в июне 2022 г.¹

Второй год участники мероприятия отмечают актуальность и своевременность обмена мнениями между практикующими юристами и представителями научного сообщества по наиболее актуальным правовым вопросам в области энергетики.

Конференция 2023 года ознаменовалась расширением состава участников, как со стороны «практикующего блока», так и со стороны научного сообщества.

Открыл пленарное заседание конференции с приветственными словами ректор Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, д.ю.н., проф. *О.А. Ястребов*, который пожелал успехов участникам конференции в поиске наиболее эффективных способов разрешения обозначенных вопросов:

«РУДН в партнерстве с ООО «Газпром энерго» стал площадкой, где представители разных направлений могут обмениваться опытом по такому актуальному вопросу, как работа в условиях секторальных санкций. Взаимодействие представителей науки и практиков повышает эффективность решения непростых и нестандартных задач. Такой подход помогает по-новому взглянуть на имеющиеся проблемы и пути их преодоления».

Рассмотрение актуальных вопросов правового регулирования, обобщение мнений теоретиков и практиков — одни из главных задач состоявшегося диспута. Подчеркнув важность проблематики, генеральный директор ООО «Газпром энерго» *Р.Е. Дятлов* отметил: *«Топливо-энергетический комплекс России является системообразующей отраслью экономики страны, развития промышленности, производственного и технологического потенциала, основой благополучия граждан. При этом главная задача в области правового регулирования энергетического сектора – законодательное обеспечение его устойчивого развития».*

Актуальность и востребованность проведения мероприятия в рамках пленарного заседания отметили директор юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, к.ю.н., доц. *С.Б. Зинковский*, заместитель генерального директора ООО «Газпром энерго» *О.А. Тарнавский*, генеральный директор ООО «Юридическая фирма „Надмитов, Иванов и партнеры“» *А.М. Надмитов*, заместитель директора юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы по научной работе, к.ю.н., *Е.Ю. Комлев*.

¹ *Зинковский С.Б.* Актуальные вопросы регулирования земельно-имущественных отношений при осуществлении производственно-хозяйственной деятельности компаний топливно-энергетического комплекса: обзор круглого стола // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 1. С. 240—247. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-240-247>

По окончании пленарного заседания была организована работа секций:

- актуальные вопросы судебной практики в энергетической сфере в условиях секторальных санкций (модератор: заместитель директора юридического института Российского университета дружбы народов по научной работе, к.ю.н. Е.Ю. Комлев);
- особенности договорных отношений в энергетической сфере в условиях секторальных санкций (модератор: доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, к.ю.н. *Б.И. Башилов*);
- земельно-имущественные отношения в энергетической сфере в условиях секторальных санкций (модератор: доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, к.ю.н. *Б.И. Башилов*).

Секция «Актуальные вопросы судебной практики в энергетической сфере в условиях секторальных санкций»

В рамках рассматриваемой секции были представлены доклады практикующих юристов, в том числе федеральных судей, а также представителей научного сообщества.

Судья Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н. *А.П. Морозов* обратил внимание на то, что в настоящее время споры по договору энергоснабжения (в общем его понимании) занимают значительное место в практике арбитражных судов, поскольку в современном мире субъекты предпринимательской деятельности, в условиях жизненной необходимости, нуждаются в получении энергоресурса. При наличии значительного массива нормативных актов в данной сфере, в отношении конкретного вида энергетического ресурса имеется свое отдельное правовое регулирование. Подобная ситуация провоцирует немалое количество споров.

По мнению *А.П. Морозова*, особая роль в правоприменительной практике отведена Верховному Суду Российской Федерации, правовые подходы которого в сфере энергоснабжения имеют определяющее значения, в том числе и для субъектов правотворческой деятельности. Анализируя актуальную судебную практику, докладчик осветил вопросы, касающиеся определения субъектного состава потребителей в области энергоснабжения, механизм оплаты за потребленные энергоресурсы, порядок взаимодействия субъектов в энергетической сфере, вопросы безучетного и бездоговорного потребления энергоресурсов, а также уменьшение ответственности потребителей. Отмечено, что в современных реалиях выработанные Верховным Судом Российской Федерации правовые подходы в энергетической сфере оказывают значительное влияние как на процесс правотворчества, в целях совершенствования законодательной базы, так и на правоотношения субъектов в области энергетики.

Судья Третьего арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета, к.ю.н., доцент *Н.А. Морозова* проанализировала актуальный вопрос о влиянии на освобождение от ответственности за нарушение исполнения обязательств и снижения неустойки. В своем выступлении *Н.А. Морозова* подробно проанализировала положения гражданского законодательства Российской Федерации, актуальной практики арбитражных судов. Санкции рассмотрены с точки зрения определения их как обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), в качестве основания для изменения договора или снижения неустойки. Несмотря на формирующиеся в практике правовые позиции по рассмотренным вопросам, следует

признать индивидуальность обстоятельств каждого спора. Следовательно, различные, даже, на первый взгляд, незначительные факторы могут повлиять на принимаемые судами решения.

Профессор кафедры конституционного и муниципального права МГЮА им. О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор *В.В. Комарова* сделала акцент на конституционно-правовом ракурсе сферы энергетики. Выводы и предложения, сделанные В.В. Комаровой на основе анализа конституционного законодательства в рассматриваемой сфере, способствуют пониманию особенностей природы правоотношений в сфере энергетики. Это, в свою очередь, призвано позитивно сказаться как на правовом регулировании соответствующих правоотношений, так и на развитии правоприменительной практики.

Важнейшей составляющей работы секции стали доклады представителей ООО «Газпром энерго». Среди прочего затронуты вопросы о правовых механизмах обеспечения технологического суверенитета в электроэнергетике в условиях санкционного давления; государственной поддержки в сфере ТЭК в условиях экономических санкций; параллельном импорте для обеспечения устойчивого развития топливно-энергетического комплекса России; особенностях разрешительной деятельности в 2023 г.; влиянии санкций на исполнение договора; санкциях как основания расторжения договора; мерах законодательного регулирования для обеспечения устойчивого развития топливно-энергетического комплекса России в условиях экономических санкций; правовых проблемах перехода на интеллектуальный учет электроэнергии в условиях секторальных санкций; санкциях и ограничительных мерах, как обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор).

Секция «Особенности договорных отношений в энергетической сфере в условиях секторальных санкций»

Рассматриваемая секция началась с выступления партнера и главы практики энергетики и природных ресурсов ООО «ЛЕВЕЛ Лигал Сервисез» *А.Е. Андрияша*. В своем докладе на тему «Сервисные соглашения в нефтегазовом секторе: международный опыт и практика применения в России» А.Е. Андрияш обозначил ряд важнейших исторических аспектов использования сервисных контрактов с риском (СКР) в качестве международных соглашений о добыче нефти; определил природу СКР и представил примеры их современного использования, в том числе подробно проанализировал российскую специфику в рассматриваемой сфере, включая риски толкования СКР в качестве «смешанного» договора в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Отдельное внимание было уделено влиянию санкций соответствующие правоотношений, проанализирована соответствующая правоприменительная практика.

Руководитель направления Центра правового сопровождения цифровизации на финансовом рынке Юридического департамента Банка России *М.А. Ионцев* в своем докладе осветил риски договорных моделей майнинг-пулов. В частности, проанализированы вопросы о соотношении майнинга и выпуска цифровых валют; о понятии майнинг-пула и возможных договорных моделях; о порядке распределения вознаграждения за майнинг; о присоединении к договору майнинг-пула; о расторжении и изменении условий договора майнинг-пула. Проанализированы и риски майнинг-пуловой деятельности.

Большой вклад в понимание специфики соответствующих договорных отношений внесли представители ООО «Газпром энерго», которые в рамках представленных докладов осветили специфику использования смарт-контрактов в электроэнергетике; особенности заключения договоров на электронной торговой площадке ГПБ; тенденции развития цифровизации договорных отношений с потребителями в сфере энергетики; особенности использования электронной подписи в договорном процессе; некоторую специфику «перехода на «цифру» в электроэнергетике Российской Федерации; особенности внедрения автоматизированных систем в деятельности ООО «Газпром энерго».

Секция Земельно-имущественные отношения в энергетической сфере в условиях секторальных санкций

Рассматриваемая секция хотя и получилась самой немногочисленной, в ней были затронуты важнейшие вопросы правового регулирования земельно-имущественных отношений в сфере энергетики. Указанные вопросы были проанализированы с различных точек зрения.

Так, Заслуженный юрист Республики Беларусь, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета *Г.А. Василевич* обратил внимание на важность участия представителей общественности в решении вопроса, связанных с экологической безопасностью. В рамках происходящих на постсоветском пространстве конституционных преобразований все больше внимания уделяется необходимости вовлечения населения в решение вопросов государственного и муниципального управления. Энергетическая сфера в целом и ее «экологический» блок в этом смысле не являются исключением.

В свою очередь, представители ООО «Газпром энерго» обратили внимание на такие важные аспекты, как заключение договоров аренды и установление публичных сервитутов (в частности, сроки, затраты и пр.), а также проанализировали тенденции цифровизации государственных услуг в сфере недвижимого имущества, в том числе земельных участков.

Сведения об авторе:

Комлев Евгений Юрьевич – кандидат юридических наук, заместитель директора юридического института по научной работе, доцент кафедры муниципального права, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-код: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru

About the author:

Evgeny Y. Komlev – Candidate of Legal Sciences, Deputy Director of the Law Institute for Research, Associate Professor of the Department of Municipal Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-code: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-255-256>
EDN: SPEZXX

Информационная статья / Information Article

Рейтинги ученых-правоведов и журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки»

П.Н. Андреева

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 andreeva-pn@rudn.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Поступила в редакцию: 27 декабря 2023 г.
Принята к печати: 15 января 2024 г.*

Для цитирования:

Андреева П.Н. Рейтинги ученых-правоведов и журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 255–256. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-255-256>

Ratings of legal scholars and RUDN Journal of Law

Polina N. Andreeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 andreeva-pn@rudn.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

*Received: 27th December 2023
Accepted: 15th January 2024*

© Андреева П.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Andreeva, P.N. (2024) Ratings of legal scholars and RUDN Journal of Law. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 255–256. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-255-256>

В конце 2023 г. был опубликован рейтинг BRICS Top 100 Law / Law and Legal Studies Scientists 2024¹. Данный рейтинг является межгосударственным и включает в себя такие страны, как Россия, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР. Основной его задачей является оценка высшего образования на территории стран-государств BRICS. В соответствии с последними опубликованными данными 1-е место в рейтинге занял российский ученый-правовед, д.ю.н., профессор Малько Александр Васильевич. 17-ую строчку данного рейтинга занял заместитель главного редактора журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки», д.ю.н., профессор Власенко Николай Александрович. Всего из 100 мест российские ученые заняли 49 позиций, что, несомненно, является хорошим результатом и показателем высокоэффективной работы ученых-юристов.

В рейтинге Europe Top 100 Law / Law and Legal Studies Scientists 2024², в котором опубликованы ученые-юристы по странам Европы, 72-ю строчку занял заместитель главного редактора журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки», д.ю.н., профессор Власенко Николай Александрович. Всего в рейтинге представлено 11 (топ 100) российских правоведов.

В конце декабря 2023 г. были опубликованы результаты итогового распределения журналов в Перечне ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 г. Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» продолжает уверенно удерживать позиции в категории К1 (id 3497).

Сведения об авторе:

Андреева Полина Николаевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0001-9017-0481

e-mail: andreeva-pn@rudn.ru

About the author:

Polina N. Andreeva – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9017-0481

e-mail: andreeva-pn@rudn.ru

¹ Law and Legal Studies Scientists 2024. Режим доступа: https://www.adscientificindex.com/top-100-scientist/?tit_sub=Law+%2F+Law+and+Legal+Studies&con=BRICS&tit=Law

² Law and Legal Studies Scientists 2024. Режим доступа: https://www.adscientificindex.com/top-100-scientist/?tit_sub=Law+%2F+Law+and+Legal+Studies&con=Europe&tit=Law